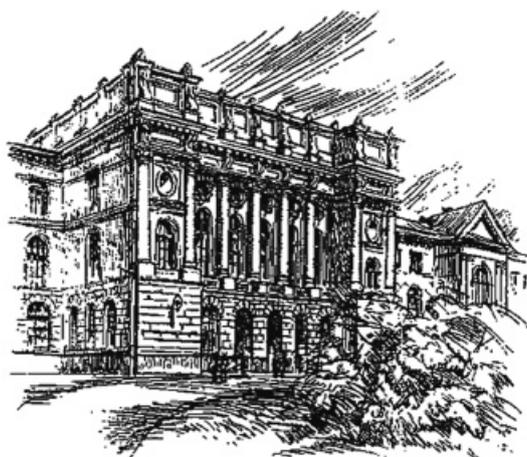

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

---

1 (239) 2016

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2016

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагерьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Примаков Е.М.*, академик РАН;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН; *Тендлер М.Б.*, ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор – главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

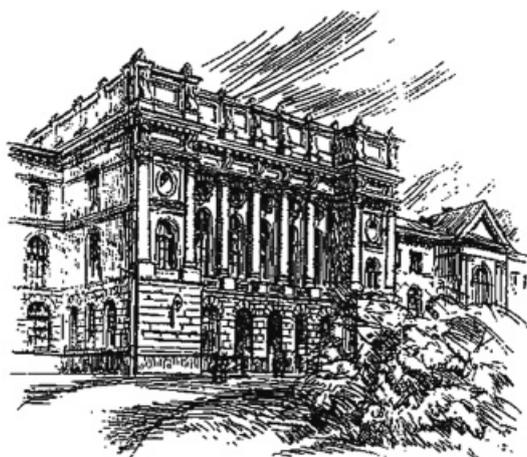
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

---

1 (239) 2016

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2016

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Primakov E.M.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council;
Bordovsky G.A., full member of Russian Academy of Education;
Degtyareva R.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof.;
Kuznetsov D.I., D.Phil., prof.;
Pidzhakov A.Yu., J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.;
Snetkov V.N., Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., D.Phil., prof., editor-in-chief;
Shipunova O.D., D.Phil., prof., deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., D.Ed., prof.;
Kulik S.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Popova N.V., D.Ed., prof.;
Surygin A.I., D.Ed., prof.;
Timermanis I.Ye., Dr.Sc.(sociology), prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Press of Russia" Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2016

Содержание

Политические науки и регионоведение

Мурашов С.Б. Социальные риски российского государства в условиях влияния общемировых кризисных тенденций	9
Лагутина М.Л. Роль дезинтеграционного фактора в современной Евразии	16
Кашеваров А.Н. Русское церковное зарубежье в контексте проблемы восстановления единства «русского мира»	28
Симанова Н.В. Роль евразийства в современных интеграционных процессах	36
Асадов Б.Р. Социально-исторические предпосылки трансформации роли международных молодежных организаций как акторов гуманитарного сотрудничества на рубеже XX–XXI вв.	42
Мисников Ю.Г., Филатова О.Г., Чугунов А.В. Электронное взаимодействие власти и общества: направления и методы исследований.....	52
Гришина Н.Ю. Использование социальных сетей в формировании компетенций межкультурного взаимодействия.....	61

Международные отношения

Адина Мохаммад Абдул Гафар Батур. Политика безопасности ШОС в контексте урегулирования афганской проблемы	70
Цверинаншвили И.А. Шведская Партия охраны окружающей среды – Партия зеленых: особенности создания и развития	77
Ю Хань. Развитие современной внешней политики КНР.....	84
Ван Цзюньтао. Российско-китайские отношения в Арктике: проблемы и перспективы.....	92
Чжоу Цзюнь. Шанхайская организация сотрудничества как региональная организация	98

Исторические науки и археология

Рогов И.М. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич: штрихи к биографии.....	102
Гринёв А.В. Пароходы и пароходостроение в Русской Америке	109
Кузнецова Ю.И. Современный взгляд на раннюю историю консервативной партии Великобритании ...	117

Философские и культурологические исследования

Киселёв А.И. Этнос и нация – основные модусы бытия народа.....	125
Волков С.Ю. Этические аспекты политико-правовой доктрины Гуго Гроция	132

Кузнецов В.В., Климов В.Ю., Панов Р.А. <i>Честь как основание этики достижений или как проявление морали успеха (на примере политехников)</i>	140
Беляков А.П. <i>Духовность, нравственность и духовно-нравственное воспитание в свете святоотеческих традиций</i>	150
Гончарко О.Ю. <i>Семантический анализ временного аспекта византийских и позднеантичных греческих шуток</i>	160

Образование и педагогические науки

Березовская И.П., Шипунова О.Д. <i>Интеллектуальные фильтры как проблема современного образования</i>	166
Баранова И.И., Краснощёков В.В. <i>Проект «Продвижение русского языка и образования на русском языке» как фактор повышения качества обучения иностранных студентов в Политехническом университете</i>	177
Богданова Н.В. <i>Методика обучения иностранному языку в работе над словарным запасом в тандем-группах</i>	186

Хроника

Кулик С.В., Михайлов А.А., Самыловская Е.А. <i>Научные мероприятия, посвященные изучению Арктического региона, в Санкт-Петербурге в 2015 году</i>	196
--	-----

Contents

Political science and area studies

Murashov S.B. <i>Social risks of the Russian state under the influence of global recessionary trends</i>	9
Lagutina M.L. <i>Disintegrational factor in the modern Eurasia</i>	16
Kashevarov A.N. <i>The Russian church foreignness is in the context of problem of renewal of unity of the “Russian world”</i>	28
Simanova N.V. <i>The role of eurasianism in modern integration processes</i>	36
Asadov B.R. <i>Socio-historical background for the transformation of the role international youth organizations as actors of humanitarian cooperation at the turn of XX–XXI centuries</i>	42
Misnikov Yu.G., Filatova O.G., Chugunov A.V. <i>Electronic interaction between the authorities and society: areas and methods of researches</i>	52
Grishina N.Yu. <i>The usage of social network as a tool to develop intercultural competence</i>	61

International relationships

Adina Mokhammad Abdul Gafar Batur. <i>Security policy of the SCO in the context of the settlement of the Afghan problem</i>	70
Tsverianashvili I.A. <i>The Green Environmental Party of Sweden: the aspects of foundation and development</i>	77
You Han. <i>Development of modern China’s foreign policy</i>	84
Wang Juntao. <i>Russian-Chinese relations in the arctic: problems and prospects</i>	92
Zhou Jun. <i>Shanghai cooperation organization as a regional organization</i>	98

Historical science and archaeology

Rogov I.M. <i>Vladimir Dmitrievich Bonch-Bruevich: strokes to biography</i>	102
Grinev A.V. <i>Steamships and steamship construction in Russian America</i>	109
Kuznetsova Yu.I. <i>Contemporary view upon early history of conservative party of Great Britain</i>	117

Philosophical and cultural studies

Kiselev A.I. <i>Ethnos and nation are the basic modes of being of the people</i>	125
Volkov S.Yu. <i>Ethical aspects of political and legal doctrine of Hugo Grotius</i>	132
Kuznetsov V.V., Klimov V.Yu., Panov R.A. <i>Honor as the basis of ethics achievements or as a sign of moral success (the example of polytechnics)</i>	140

Belyakov A.P. <i>Spirituality, morality, spiritual and moral education in the light of the patristic tradition .....</i>	150
Goncharko O.Yu. <i>Temporal aspect analysis of ancient and Byzantine jokes.....</i>	160

Education and pedagogical science

Berezovskaya I.P., Shipunova O.D. <i>Intellectual filters as a problem of modern education .....</i>	166
Baranova I.I., Krasnoshchekov V.V. <i>The project "Promotion of Russian language and education in Russian" as a factor in improving the quality of training of foreign students at the Polytechnic University.....</i>	177
Bogdanova N.V. <i>Method of training in the foreign language in work on the lexicon in tandem-groups.....</i>	186

Chronicle

Kulik S.V., Mikhaylov A.A., Samylovskaya E.A. <i>The scientific events dedicated to the study to studying of the Arctic region in St. Petersburg in 2015 .....</i>	196
---	-----

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ВЛИЯНИЯ ОБЩЕМИРОВЫХ КРИЗИСНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

В статье рассмотрены наиболее важные проблемы государственного управления социальными рисками в современной России, оказавшейся включенной в контекст общемировых кризисных тенденций, обуславливающих ухудшение внутренней социальной ситуации в стране и усугубляющих рискогенность российского общества в целом и его отдельных социальных групп. Представлены классификация социальных рисков, особенности их негативного влияния на отдельные аспекты социальной сферы, определены требования к управленческим решениям, которые необходимо принимать соответствующим властным структурам для смягчения и ограничения влияния факторов нарастания социумной рискогенности.

ОБЩЕСТВО РИСКА; СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ; РИСКОГЕННОСТЬ; ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ; СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ; ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ РИСКАМИ; АНТИКРИЗИСНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА; МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ; ПРОФИЛАКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ.

Современное общество претерпевает в настоящее время тотальные изменения. Эти изменения порождают социально-экономическую и социально-политическую нестабильность, создают трудности в управлении социумом в непредвиденных, экстремальных ситуациях, приводящих к определенным социальным рискам, которые в той или иной мере присутствуют на всех уровнях жизни общества. Проблема управления социальными рисками усложняется тем, что нормативно-законодательные механизмы управления, которые были разработаны с учетом короткого переходного периода, уже не отвечают глобальным социальным изменениям общества в целом. Социальные риски обусловлены многозначностью социальных процессов и чрезвычайно многообразны по своим проявлениям. Их классифицируют, как правило, на социально-экономические, политические и социокультурные. Принадлежность рисков

к определенной социальной сфере оказывает влияние прежде всего на характер последствий, вызванных тем или иным риском, что влечет за собой разработку соответствующих управленческих механизмов, наличие которых может свидетельствовать о существовании реальной социальной политики.

Современное российское общество оказалось в состоянии затяжного кризиса, характеризующегося целым рядом социальных рисков, связанных с дифференциацией населения, расширением социальной эксклюзии, потерей жизненных перспектив, утратой многих социальных благ, обесцениванием духовных и нравственных начал вследствие ухода от существовавшей системы ценностей, обострением межэтнических отношений, несостоятельностью государственных институтов власти решать задачи по устранению конфликтных ситуаций, приводящих к социальным взрывам, расширению зоны кон-

фликта, расколу общества, которое становится всё более неуправляемым. Наличие перечисленных выше признаков социальных рисков в российском обществе позволяет рассматривать его как рискогенное [8] или, в общепринятом понимании, как «общество риска» (по У. Бек) [2]. Ситуацию осложняют не только внутренние социальные противоречия, но и внешняя напряженная обстановка: в последнее время Российское государство позиционируется западной пропагандой как мировой агрессор, что привело к социально-экономической и политической блокаде со стороны США и стран ЕС, представляющей внешнюю угрозу безопасности России.

Чем глубже социальные противоречия, тем более рискогенным ситуациям подвержено общество. Своевременная оценка степени риска за счет социального управления, основанного на изучении факторов возникновения рисков и их развития, снижает возможности деструкции и хаоса в социальных связях, минимизируя степень кризисности социума [1]. При этом важным моментом является не только само состояние кризисной ситуации, но и динамика ее изменения в результате принятых управленческих решений. Большую роль в получении социологической и статистической информации о социально-экономических проблемах, на основе которых вырабатываются эффективные способы управления, играет мониторинг, реально отражающий динамику социальных изменений.

Многочисленные мониторинги, проведенные в России за последний период, показали наиболее деструктивные тенденции в области экономики, которые привели к дифференциации единого экономического пространства, его неоднородности, углублению экономического кризиса и, как следствие, к резкому снижению уровня жизни, социальной дезорганизации, индивидуальной и групповой девиантности и т. д. В то же время дестабилизация системы происходит не только вследствие неравенства, а скорее за счет резких колебаний, выводящих систему из состояния динамического равновесия и приводящих к потере социальных рычагов управления. Исходя из этого, решение проблемы социального управления рисками следует рассматривать как одну из важнейших задач социологии управления [3].

Эффективность управления основывается прежде всего на учете и согласованности интересов населения, государства и общества. Обособленность интересов чиновничества от интересов социума провоцирует взаимное отчуждение органов власти и народа. Социальная дезинтеграция и отрыв населения от власти создает социально-политический разрыв, утрачивается доверие к власти со стороны общества, всё чаще звучат требования обеспечить общественный контроль над органами власти и управления, ограничить чиновничьи злоупотребления на уровне страны и регионов, бороться с коррумпированностью как самым негативным явлением. Только совместными усилиями народа и власти в обстановке взаимопонимания и открытости можно снизить возникающие в результате коррупции социальные риски [5].

Социально-экономическая политика, проводимая в стране в настоящее время, не отвечает ожиданиям большинства граждан, поскольку осуществляемые реформы не обеспечивают качественных изменений жизни народа, приводят к потере социальной мотивации в массовых преобразованиях. Постоянно возникающее отчуждение социума от власти, которая в глазах общества становится неэффективной, бюрократической, часто безнравственно использующей правительственный аппарат для личного контроля над гражданами, что приводит к распространению коррумпированных нелегитимных отношений, повышает степень неудовлетворенности общества. К тому же власть чаще всего далека от нужд простых людей и не защищает их от чиновничьего произвола.

Немаловажным фактором роста социальной напряженности общества является ослабление духовно-нравственных и культурных основ, характеризующееся психологической неустойчивостью, развитием различного рода социальных отклонений, девиации и десоциализации. Недооценка значимости культурных и нравственных ориентиров, разрушение системы культурных ценностей, слабое влияние государства на развитие культурных процессов приводят к засилью низкопробной контркультуры, порождающей бездуховный и нравственный нигилизм, насаждению псевдокультуры, лишению общества потребности в настоящей, высокой культуре, высоких духовно-нравственных ориентирах и, как следствие, к потере

нравственных, идеологических регуляторов, что значительно снижает возможность социального управления обществом [4].

В последнее время отмечают некоторые позитивные изменения в области культуры, но их недостаточно, и эффект от немногих положительных результатов в конечном итоге сводится на нет. По мнению социологов, основными причинами этого являются:

- неэффективная социально-культурная политика и недостаточная согласованность заявленных целей по реорганизации страны;
- недоступность многих культурных благ в силу низкого уровня благосостояния большинства граждан;
- трудно управляемая со стороны государства и проникающая на экраны кино и телевидения, в литературу и СМИ пропаганда низкопробной продукции;
- формирование вкусов молодежи на примерах пошлых и вульгарных образцов лжекультуры.

Социальные риски создают условия для углубления девиантных форм поведения, которые требуют особого внимания, поскольку девиантность становится типичной для общества риска. Она является следствием деструктивности человеческой личности в ответ на негативные факторы, связанные с экономикой, политикой, культурой, отрицательно воздействующие на индивида [7]. К основным причинам девиантности следует отнести:

- значительное ухудшение благосостояния народа вопреки потребности в улучшении уровня жизни;
- нарастание агрессии, нетерпимости, жестокости, порождаемой неблагополучным, болезненным, неустойчивым состоянием общества;
- распространение многочисленных негативных форм воздействия на личность, усиливающих физическое, психологическое, моральное давление, приводящих к социальной деформации человека;
- осуществляющийся переход на коммерческие основы многих социальных структур, имеющих первостепенное значение для общества (медицина, образование, культура и т. д.), что расширяет область социальных рисков;
- значительное увеличение численности социальной группы населения, оказавшейся на самом низком уровне существования (в нее входят не только неквалифицированные кадры,

но и люди с высшим образованием, представители искусства, культуры и т. д., оказавшиеся по разным причинам невостребованными в современном обществе).

Следует отметить еще один фактор, представляющий угрозу стабильности общества, — миграцию. Масштабные миграционные процессы, происходящие в мире в настоящее время, не обошли стороной и Россию. Вплоть до 2014 года Россия ежегодно принимала порядка 15 млн трудовых мигрантов, и, как правило, 1 млн из них оставался в стране, используя для этого разные способы (оформление фиктивного брака, приобретение соответствующих справок и т. п.). В результате число приезжих, проживающих постоянно в Российской Федерации, достигло почти 20 млн человек.

Оценивая сложившуюся ситуацию, нельзя не согласиться с тем, что такие миграционные потоки создают большую напряженность и рискогенную ситуацию для всего общества, что может иметь самые непредсказуемые последствия. К примеру, если в 1990-е годы в Россию ехали люди из республик бывшего СССР, воспитанные на общих советских принципах, принимавшие устои нашей жизни, получившие здесь образование, не имевшие проблем со знанием языка, то теперь в страну приезжают представители уже нового поколения с совершенно другим менталитетом, не знающие русского языка, не понимающие и не принимающие наш уклад жизни, часто зараженные антироссийской идеологией, и вряд ли стоит надеяться на то, что когда-либо они станут служить России, в определенной степени станут членами нашего общества. Большинство из этих людей даже не думает менять свой образ жизни, они живут своим обособленным замкнутым мирком, своей общиной и по своим законам. Угроза состоит в том, что часть мигрантов могут быть потенциально опасны, они могут радикализироваться на почве исламской идеологии и пойти воевать на Восток. Глобальный характер миграционных процессов может стать необратимым. Сейчас в Европе ожидается наплыв до 1 млн беженцев, и это уже воспринимается как катастрофа.

Условно можно выделить основные риски миграции:

- бесконтрольная миграция, способная изменить жизнь всего государства;

- использование иностранных трудовых ресурсов частными предпринимателями, преследующими свои экономические цели и не ставящими в известность об этом государственные службы;

- отсутствие контроля за использованием труда мигрантов в обход миграционного и трудового законодательства;

- отсутствие механизмов социального контроля над деятельностью большей части социальных групп мигрантов, находящихся в сфере нелегального бизнеса;

- отсутствие способов направления миграционных потоков в русло государственных интересов;

- рост и без того уже высокого уровня безработицы за счет использования дешевой рабочей силы мигрантов;

- нарастание межэтнического противостояния;

- изменение в худшую сторону социальной структуры общества, ее этнической и демографической составляющей;

- нарушение духовно-культурного баланса вследствие проникновения другой религии и культуры.

В общественном сознании сложилось устойчивое отрицательное отношение к мигрантам, вызванное не столько экономическими соображениями, сколько социокультурными противоречиями, неприятием их уклада жизни, созданием внутри страны их собственных анклавов, религиозных общин, распространением чуждых нам религиозных убеждений. Социальную опасность представляет ежегодное увеличение миграционных потоков, значительно усложняющее контроль над ними, создающее криминогенную обстановку в стране. С учетом вышеперечисленных факторов перед государством стоит сложнейшая задача по систематизации миграционных процессов, постоянному контролю за исполнением миграционных законов и возможной их корректировке в зависимости от меняющейся ситуации, разработке и обновлению мер по социальной защите общества в сложившейся ситуации.

Решение задач, связанных с эффективным государственным управлением социальными рисками, зависит от того, насколько четко разработана сама система социального управления, требующая формирования определенных

институтов, которые можно подразделить на профильные и непрофильные. Ведомства государственных органов власти, осуществляющих социальную политику, а также органы социального страхования принадлежат профильным институтам. Те же организации, которые обеспечивают условия для управления рисками, являются непрофильными, среди них могут быть как государственные, так и негосударственные.

Основным гарантом социальной защиты населения является государство. В условиях рискогенной обстановки его социальная политика должна обеспечивать защиту прежде всего тех слоев населения, которые более подвержены социальным рискам, оказываются в безвыходном положении, не способны самостоятельно справиться с их негативными последствиями [6]. Развитие рыночной экономики приводит к нарастанию социальной напряженности в обществе, требующей повышения уровня его социальной защищенности, что является главным ориентиром в деятельности самых разных государственных органов управления, как социальных, экономических, так и других. Обеспечение эффективных методов управления социальными рисками возможно только при наличии разработанных механизмов управления, отвечающих потребностям современного рискогенного общества.

Основу деятельности государственных органов социального управления рисками составляет социальная политика, которую можно охарактеризовать как систему мер, способствующих оптимальному социальному развитию населения, улучшающих взаимоотношения отдельных социальных слоев общества, создающих условия для повышения их благосостояния. Одними из основных направлений социальной политики являются политика доходов, социальная защита малообеспеченной части населения, нетрудоспособных граждан, расширение и развитие социальной сферы в области медицины, образования, культуры и т.п., проведение социальной политики в области жилищных реформ, экологии, миграционных процессов.

Следует отметить, что в 1990-х годах система социальной защиты населения носила патерналистский характер, т. е. была основана на попечительских функциях со стороны государства, что связано с высокой зависимостью граждан от его социальной политики. Это принималось

населением как должное, отмечались его низкая активность, отсутствие инициативы, ориентация на уравниловку. Особенно заметно патернализм проявлялся в сферах здравоохранения, образования, жилищно-коммунальной сфере, воспитывая в гражданах иждивенческий настрой.

В условиях рыночной экономики ситуация в корне изменилась. Изменилась и патерналистская составляющая. Теперь она значительно отличается от прежней тем, что стала малодоступной, дифференцированной, направленной на наиболее незащищенные слои населения, и является благом, которое нужно заслужить.

При осуществлении своей социальной политики государство использует различного рода специализированные страховые фонды. В зависимости от формы применения они страхуют граждан от соответствующих рисков, однако некоторые виды социального страхования до сих пор не имеют подкрепления с юридической точки зрения. Система социального страхования отличается рядом общесистемных и институциональных недостатков. В частности, к институциональным недостаткам можно отнести:

- очень низкий уровень социальной страховой защиты, не гарантирующий достойное существование пенсионеров, инвалидов и других категорий граждан, имеющих пенсии и пособия ниже прожиточного минимума;
- нецелевое расходование средств – выделение социальных пособий лицам, не имеющим на это права, в ущерб законным страховым выплатам.

Социальная государственная политика формируется в соответствии с новыми социально-экономическими отношениями и возникающими проблемами, связанными с социальными рисками и защитой той части граждан, которая наиболее подвержена этим рискам.

От государственных органов требуются разработка и принятие социально устойчивых решений, которые будут отвечать целому ряду условий. К таким условиям прежде всего относятся:

- дифференциация и учет групп населения по их социальному положению, степени незащищенности, уровню подверженности социальным рискам;
- учет и исполнение всех экономических, юридических, социальных инициатив, зако-

нодательно закрепленных и обеспечивающих каждому гражданину социальную защиту;

- необходимость согласованных действий во всех структурах власти как на общегосударственном, так и на региональном уровне, выполняющих определенные для них функции и несущих правовую ответственность за их исполнение.

Следует отметить, что политика государства по управлению социальными рисками предусматривает разработку долгосрочной программы социального развития и ее реализацию, гарантирующую социальную защиту определенным группам населения, находящимся в зоне риска. Здесь важным является тесное взаимодействие законодательных и исполнительных органов власти: первые разрабатывают стратегию, предусматривающую целый ряд управленческих решений по социальному развитию, вторые занимаются решением законодательно утвержденных задач.

При переходе к новым условиям рыночной экономики происходит изменение социальной среды, приводящее к росту нестабильности, неопределенности в обществе, осложняется рискогенная обстановка, требующая нового подхода к системе социального управления рисками, отвечающего принципам социальной ориентации государственной политики. Эта политика должна быть направлена не только на обеспечение соответствующих социально-нормативных критериев благосостояния граждан, но и, что не менее важно, на качественное улучшение этих показателей [7]. Разрабатываемая государством стратегия по управлению социальными рисками должна включать в себя:

- определение социальных нормативов, обеспечивающих достойное существование граждан;
- необходимую государственную ответственность за реализацию управления социальными рисками;
- участие коммерческих, негосударственных структур в системе управления социальными рисками, координируемое государством;
- совместное участие государственных и коммерческих структур в разработке и реализации основных направлений социальной политики по управлению рисками, предусматривающее общую социальную ответственность участников программы;

- привлечение населения к участию и обсуждению социальных проблем по управлению рисками с целью учета общественного мнения и получения поддержки социальной политики со стороны общества.

Государственная стратегия по управлению социальными рисками призвана обеспечить достаточный уровень материального благополучия общества, его стабильность и уверенность в завтрашнем дне, способствовать развитию духовно-культурных основ населения нашей страны.

При этом немаловажным моментом в социальной политике государства являются эффективные профилактические меры в системе социальной защиты, которые чрезвычайно актуальны в период перехода к рыночным отношениям и могут рассматриваться как часть государственной стратегии, направленной на оценку последствий и компенсацию социальных рисков.

В результате проведенного нами анализа рискогенности современного российского общества дана характеристика наиболее существенных социальных рисков, проявившихся не только из-за внутренних социальных противоречий, но и в силу нагнетаемой напряженности во внешних отношениях России. Реализация социальных рисков выразилась в их отрицательном воздействии на поведение людей, повышении социальной эксклюзии, девиантности, ощущении опасности, нарастающей внешней угрозы, социальной нестабильности общества. Многоаспектность социальных рисков, сложность их природы требуют от государственных органов управления более глубоких оценок социальных последствий рисков и разработки продуманных стратегий по их локализации и дальнейшей превенции. В связи с этим антикризисная социальная политика как основа национальной безопасности должна стать одним из приоритетных направлений деятельности государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Ю.В. О социальной структуре общества постсоветской России // Социол. исследования. 2002. № 9. С. 29–40.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 384 с.
3. Зубков В.И. Социологическая теория риска: учеб. пособие для вузов. М.: Академ. проект, 2009. 380 с.
4. Радько С.Г. Трудовые риски в системе социально-экономических категорий: моногр. СПб.: Просвещение (филиал), 2012. 183 с.
5. Сильченко С.А. Теоретические аспекты категории «социальный риск» и развитие права соци-

ального обеспечения // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 1.

6. Тавокин Е.П., Турчинов А.И. Основы социологии управления (для государственных служащих): учеб. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2010. 260 с.

7. Тихонов А.В. Социология управления. Стратегии, процедуры и результаты исследований. М.: Канон+, 2010. 608 с.

8. Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 21–44.

МУРАШОВ Сергей Борисович — доктор социологических наук, ректор Северо-Западного института повышения квалификации Федеральной налоговой службы.

Россия, 197342, Санкт-Петербург, Торжковская ул., 10
e-mail: murashov.serzhmu@yandex.ru

S.B. Murashov

SOCIAL RISKS OF THE RUSSIAN STATE UNDER THE INFLUENCE OF GLOBAL RECESSIONARY TRENDS

The article deals with the most important problems of the state of social risk management in modern Russia, has been included in the context of global recessionary trends, causing the deterioration of the domestic social situation in the country and contributing risk-taking Russian society as a whole and its individual social groups. The classification of social risks, especially their negative impact on some aspects of social services, defines the requirements to management decisions to be taken by relevant authorities to mitigate and limit the influence of factors of increase risk-taking sotsiumnoy.

RISK SOCIETY; SOCIAL RISKS AND RISK-TAKING; FACTORS OF SOCIAL TENSION; SOCIAL DEVELOPMENT; PUBLIC ADMINISTRATION; SOCIAL RISKS; CRISIS SOCIAL POLICY; MIGRATION RISK; PREVENTION OF SOCIAL RISKS.

REFERENCES

1. Arutyunyan Yu.V. [About social structure of Post-Soviet Russia society]. *Sociological researches*, 2002, no. 9, pp. 29–40. (In Russ.)
2. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Society of risk. On the way to other modernist style]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2009. 349 p. (In Russ.)
3. Zubkov V.I. *Sotsiologicheskaya teoriya riska* [Sociological theory of risk]. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2009. 380 p. (In Russ.)
4. Radko S.G. *Trudovye riski v sisteme sotsial'no-ekonomicheskikh kategoriy* [Labor risks in system of social and economic categories]. St. Petersburg, branch of publishing house "Prosveshcheniye", 2012. 183 p. (In Russ.)
5. Silchenko S.A. [Theoretical aspects of the category "social risk" and development of the social security right]. *The labor law in Russia and abroad*, 2014, no. 1. (In Russ.)
6. Tavokin E.P., Turchinov A.I. *Osnovy sotsiologii upravleniya (dlya gosudarstvennykh sluzhashchikh)* [Fundamentals of sociology of management (for public servants)]. Moscow, publishing house RAGS, 2010. 260 p. (In Russ.)
7. Tikhonov A.V. *Sotsiologiya upravleniya. Strategii, protsedury i rezultaty issledovaniy* [Sociology of management. Strategy, procedures and results of researches]. Moscow, Kanon+ Publ., 2010. 608 p. (In Russ.)
8. Yanitskiy O.N. [Russia as "society of risk": theory contours]. *Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia is the transforming society]. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., 2001. Pp. 21–44. (In Russ.)

MURASHOV Sergey B. – *North-West Federal Tax Service Training Institute.*

Torzhekovskaya ul., 10, St. Petersburg, 197342, Russia
e-mail: murashov.serzhmu@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.2
УДК 327.7

М.Л. Лагутина

РОЛЬ ДЕЗИНТЕГРАЦИОННОГО ФАКТОРА В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ

Статья посвящена характеристике феномена дезинтеграции. Представлены существующие в российской науке концептуальные подходы к исследованию феномена дезинтеграции. Рассмотрен процесс эволюции феномена постсоветской евразийской дезинтеграции в историческом контексте. Выделены и охарактеризованы два уровня анализа исследуемого феномена: региональный и глобальный. Автор статьи приходит к выводу о диалектической взаимосвязи дезинтеграционных и интеграционных трендов развития постсоветской евразийской интеграции, отмечает субъективные и объективные предпосылки сохранения дезинтеграционных трендов в контексте современного этапа евразийской интеграции.

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ; ИНТЕГРАЦИЯ; БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ; ПОСТСОВЕТСКОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО; РОССИЯ; ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ; ТУРЦИЯ; РЕГИОН.

Характерной чертой развития современного постсоветского евразийского пространства¹ является диалектическое взаимодействие двух противоположных тенденций — интеграционной и дезинтеграционной. Более чем 20-летний опыт взаимодействия бывших советских республик, несмотря на видимую активность и создание ряда региональных структур (СНГ, ОДКБ, ШОС и др.), не увенчался успехом в развитии интеграционных процессов: «подписывались многосторонние соглашения, проводились саммиты, учреждались координационные структуры, формировалась интеграционная бюрократия, но заметного прогресса во взаимовыгодном объединении политических и экономических усилий государств достичь не удалось» [1, с. 16]. В первые годы существования постсоветского евразийского пространства в регионе доминировали скорее дезинтеграционные тенденции,

в то время как практически все попытки усиления интеграционных трендов носили формальный характер «цивилизованного развода» бывших советских республик. Однако уже с середины 1990-х годов стала очевидной необходимость создания качественно новой интеграционной структуры, которая позволила бы странам региона эффективно взаимодействовать между собой и стать полноценной частью системы мировых интеграционных процессов. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), начавший свою работу в январе 2015 года, призван стать такой структурой и укрепить интеграционные тенденции в регионе, выведя их на принципиально новый уровень. Тем не менее дезинтеграционный тренд сохраняет свою актуальность, проявляясь в новых формах и по-прежнему оставаясь характерной чертой исследуемого пространства.

Взаимообусловленность интеграционных и дезинтеграционных тенденций нашла свое отражение в активных экспертных дискуссиях о причинах такой двойственности развития исследуемого пространства и поиске эффективной модели интеграции стран региона. Осмыслению данного феномена посвящено достаточное количество научных работ (исследования российских экономистов Е. Винокурова и А. Либмана [2], Т.В. Ворониной [3] и др., историков и политологов Е.И. Пивовара [4],

¹Под термином «постсоветское евразийское пространство» мы подразумеваем пространство, сформировавшееся в результате распада СССР (за исключением стран Балтии) и являющееся частью Большой Евразии. На наш взгляд, данный подход дает возможность исследователю выходить за узкие рамки этого понятия, включая в предмет исследования страны и регионы за пределами бывших советских республик.

Ю.В. Косова и А.В. Торопыгина [5], К.Е. Мещерякова [6], Е.Ю. Трещенкова и К.Е. Мещерякова [7], А. Загорского [8], антология под редакцией Г.А. Чернейко [9], статья В.А. Бамбетова [10] и др.). Однако в данных трудах внимание уделено преимущественно анализу феномена интеграции, различным его аспектам и формам, процессам создания и развития конкретных интеграционных объединений на постсоветском евразийском пространстве, а феномен дезинтеграции характеризуется лишь как процесс деструктивный и противоположный интеграции. Концептуальных подходов к исследованию именно феномена дезинтеграции в российской политической науке фактически не разработано. Тем не менее представляется важным уделить внимание данной проблеме, так как это, с одной стороны, позволит понять специфику происходящих на постсоветском евразийском пространстве процессов, поможет выявить причины низкой эффективности интеграционных процессов в предыдущие годы, а с другой – даст возможность оценить причины и факторы дезинтеграции с целью дальнейшего их предупреждения в контексте современной евразийской интеграции. На наш взгляд, исследование и концептуализация феномена дезинтеграции применительно к анализу постсоветского евразийского пространства имеет принципиальное значение.

Феномен дезинтеграции в мировой политике

Прежде чем перейти к анализу сути дезинтеграционных процессов на постсоветском евразийском пространстве, необходимо разобраться с терминологией. В широком смысле термин «дезинтеграция» следует определять как тенденцию, процесс, по своему характеру противоположный процессу интеграции. Другими словами, речь идет о расколе, распаде некоего единого целого, единой системы. Так, по мнению исследователя Т.В. Ворониной, «сущность термина „дезинтеграция“... можно сформулировать как распад, разделение на части целостной структуры, ослабление, нарушение связей в единой целостной системе. Следовательно... дезинтеграция ослабляет взаимную зависимость (частей единого целого. – М.Л.)...» [3, с. 120]. Таким образом, в результате дезинтеграция создает угрозу целостности государства или интеграционного объединения.

Попытку концептуального осмысления феномена дезинтеграции предприняли российские экономисты А.М. Либман и Б.А. Хейфец, которые определили дезинтеграцию как феномен, характерный для экономических пространств. Также отмечая ограниченность освещения данной проблематики в научной литературе, исследователи выделяют два направления исследований экономической дезинтеграции: «политическая экономика сецессий и распада государств» и «экономика конфликтов» [11, с. 5]. Что касается самого феномена дезинтеграции, то ученые рассматривают ее как «обратный процесс, крайне важный для понимания как развития мировой экономики, так и эволюции постсоветского пространства. <...> Изучение дезинтеграционных процессов необходимо для оценки движущих сил и определения стратегий интеграционного взаимодействия» [Там же. С. 11]. Исследование дезинтеграции именно как эволюции постсоветского евразийского пространства представляется интересным теоретическим подходом, в рамках которого учеными предлагается типология моделей дезинтеграции, основанная на двух параметрах: сравнительной роли процессов «сверху» и «снизу» в дезинтеграции и скорости протекания этого процесса [Там же]. Так, Либман и Хейфец выделяют четыре типа теоретических моделей дезинтеграции:

- *конфликтная дезинтеграция*, которая «характеризуется сочетанием центростремительных сил преимущественно на уровне взаимодействия стран с крайне высокой скоростью распада» [Там же]. По мнению авторов этой теории, истоки дезинтеграции содержатся в политической системе, которая запускает «цепочку политических конфликтов (отсюда конфликтная модель)», а экономическая система подстраивается под происходящие дезинтеграционные процессы, что приводит к ликвидации формальных интеграционных структур;

- *стагнирующая дезинтеграция*, главной характеристикой которой является «длительный период фрагментации интегрированного „сверху“ пространства, постепенного нарастания противоречий и перехода реально функционировавших группировок в состояние псевдоинтеграции, а затем полного распада, или, возможно, сохранения как каких-то „мягких“ форумов и объединений» [Там же]. По мнению

российского исследователя В. Панькова, примером этой модели дезинтеграции может служить СНГ, где установка на цивилизованный развод де-факто всегда была исходной для всех участников Содружества и с самого начала наложила глубокий отпечаток на его развитие [12, с. 128];

- *шоковая дезинтеграция*, в которой инициатива дезинтеграции идет «снизу», а не «сверху»; при сохранении политического единства экономическое пространство очень быстро начинает фрагментироваться в силу экстраординарных обстоятельств (природные катастрофы, межнациональные конфликты и т. д.). Либман и Хейфец отмечают, что это достаточно редкий тип дезинтеграции;

- *дивергентная дезинтеграция*, определяемая медленным распадом на каком-то этапе единого пространства, содействующим изменению пространственной структуры; в результате происходит формирование новых интегрированных пространств с изменившейся структурой взаимосвязей на месте старых, что фактически означает реструктуризацию интеграционных пространств. Таким образом, этот тип дезинтеграции является своего рода эволюционным процессом в формировании новых регионов.

Предложенная А.М. Либманом и Б.А. Хейфецем типология моделей дезинтеграции экономического постсоветского пространства, на наш взгляд, вполне применима как методологический подход к анализу дезинтеграционных процессов на постсоветском евразийском пространстве в политическом ракурсе.

Основные этапы развития дезинтеграционных трендов на пространстве Евразии

Представляется возможным выделить несколько этапов в развитии дезинтеграционных процессов на постсоветском евразийском пространстве.

1. *Этап «жесткой» дезинтеграции (1991–2000 гг.)*. Распад СССР и образование 15 новых независимых государств – беспрецедентный пример дезинтеграции крупнейшего геополитического пространства XX века: «процесс дезинтеграции „советской Евразии” на первых порах имел „жесткий характер”, поскольку СССР прекратил свое существование, а новые государства находились в процессе формирования» [13, с. 78]. В результате веками единое

евразийское пространство фактически в один момент оказалось расколото на несколько неравнозначных частей, что заложило основы для длительного процесса дезинтеграции; на границах этого расколотого пространства образовался ряд конфликтных очагов (Приднестровский, Карабахский конфликты и т. д.), усиливающих раскол на границах постсоветского пространства с соседними геополитическими пространствами Евразии.

2. *Этап постсоветской дезинтеграции (2000–2010 гг.)*. Именно на этом этапе началось формирование объективного интеграционного тренда, основанного не на стремлении «сохранить то, что осталось от СССР», а скорее на осознании важности включения стран постсоветского пространства в мировые интеграционные процессы, следовательно, можно говорить о стремлении к преодолению дезинтеграционного тренда. В этот период создаются структуры (например, Евразийское экономическое сообщество на базе Таможенного союза), которые оказываются жизнеспособными и перспективными. В то же время дезинтеграционный тренд продолжает свое развитие, но теперь больше под влиянием внешних факторов: наблюдается «переориентация региональных... комплексов на страны, не являющиеся участниками интеграционного объединения» [3, с. 120] (речь идет о создании ГУУАМ-ГУАМ и политике Восточного партнерства Евросоюза, направленной на переориентацию части постсоветских государств в сторону европейской интеграции, усилении влияния Китая в странах Центральной Азии, активной политике США в регионе), а также происходит «выход или приостановка членства отдельных участников в существующем объединении» [Там же] (Грузия вышла из СНГ в 2009 г.).

3. *Этап евразийской дезинтеграции (2010 г. – настоящее время)*. Этот этап ознаменовался завершением процесса поиска эффективной модели интеграции стран региона: летом 2010 года было принято решение о создании ЕАЭС. Мировой финансовый кризис 2008–2009 годов во многом поспособствовал активизации интеграционных процессов на постсоветском евразийском пространстве на данном этапе и подтолкнул к созданию эффективной экономической интеграционной структуры, основанной уже не на фундаменте общего советского прошло-

го, а на базе иных концептуальных подходов, нацеленных на объединение в единое целое современного евразийского пространства, создание эффективных механизмов совместного решения региональных и глобальных проблем, а также поиск новых форм межрегионального сотрудничества в условиях глобальной регионализации мировой системы. Однако дезинтеграционный фактор по-прежнему актуален для исследуемого пространства и, на наш взгляд, находит свое проявление в существующей дифференциации государств – членов созданного в 2015 году ЕАЭС (наряду с экономическими и геополитическими гигантами Россией и Казахстаном в состав ЕАЭС входят экономически уступающие им Армения и Киргизия), сохраняется сильнейшее влияние внешнего фактора (результатом чего стал Украинский кризис 2014 г. с серьезными дезинтеграционными последствиями), наконец, в новых геополитических условиях (ухудшение отношений России с Украиной, Турцией и т. д.) потенциально опасным становится возможное обострение существующих на границах постсоветского евразийского пространства конфликтов (Приднестровье и Карабах).

Постсоветская дезинтеграция: внутрирегиональный раскол

Рассмотрим процессы дезинтеграции на уровне региона постсоветского пространства. Для этого обратимся к результатам экспертного опроса по теме «Восприятие интеграционных процессов на постсоветском пространстве экспертами и лидерами общественного мнения», проведенного в 2005 году некоммерческим фондом «Наследие Евразии» среди политиков, законодателей, менеджеров крупных и средних компаний, политологов, экономистов и обозревателей СМИ в Белоруссии, Казахстане, на Украине и в России. Согласно данным этого опроса, объективными предпосылками для дезинтеграционной тенденции на постсоветском пространстве в первое десятилетие XXI века стали следующие факторы:

- отсутствие у участников ясно сформулированных целей интеграции;
- значительные различия между участниками по уровню и темпам развития;
- отсутствие концептуальных моделей эффективной интеграции;

- отсутствие у каждого участника собственной государственно-образующей идеи;
- несоответствие между существующими организационными формами и стадией развития интеграционного процесса;
- рассогласованность процесса интеграции по направлениям и уровням;
- недостаточная степень организации субъектов интеграции (государственных структур, бизнес-сообществ, экспертной среды, институтов гражданского общества) [14].

К сожалению, отмеченные в 2005 году факторы не потеряли своей актуальности и во многом характерны для современного этапа развития постсоветского евразийского пространства. По-прежнему процессы интеграции в регионе направляются больше «сверху», а не формируются объективно «снизу», что способствует сохранению дуализма интеграционно-дезинтеграционных процессов в регионе на разных уровнях: культурно-исторических связей народов СССР, отношений между бывшими советскими республиками, международных региональных организаций.

Дезинтеграция на уровне культурно-исторических связей народов СССР наиболее трагично отразилась на судьбе простых граждан СССР: «распад Советского Союза стал огромной трагедией XX века. <...> Прежде всего потому, что в одночасье за границами Российской Федерации оказались 25 млн русских людей. Они жили в рамках единого государства, и всегда традиционно Советский Союз назывался Россией, Советской Россией, но это и была большая Россия. Потом неожиданно состоялся развал Советского Союза, за ночь, по сути, и оказалось, что в бывших республиках Советского Союза проживают люди, русские люди, в количестве 25 млн человек. Они жили в единой стране – вдруг оказались за границей» [15]. Данная проблема коснулась, безусловно, не только русских, но и представителей других народов, проживавших в едином Советском государстве, последствия раскола которого до сих пор болезненно отражаются на социально-политическом климате в бывших советских республиках.

Дезинтеграция на уровне отношений между бывшими советскими республиками. Сам факт распада СССР в 1991 году заложил центробежные основы развития постсоветского пространства на ближайшие десятилетия. Прежде

всего это проявилось в образовании 15 новых суверенных государств. Некоторые из них сразу кардинально дистанцировались от общего советского прошлого, взяв курс на европейскую интеграцию. Страны Балтии (Эстония, Латвия, Литва) вышли из состава Советского Союза еще до его распада. Эта группа стран традиционно даже не включается экспертами в систему постсоветских государств по объективным причинам: «это единственные постсоветские государства, не участвовавшие в международных соглашениях по разделу бывшей государственной собственности Советского Союза, а также о погашении долговых обязательств СССР» [16, с. 46]. В результате обозначилась первая линия раскола на территории бывшего СССР – страны Балтии и страны постсоветского пространства. (В дальнейшем, с образованием СНГ и до 2009 г., когда Грузия вышла из состава Содружества, в экспертной среде был распространен термин «СНГ и Прибалтика» [17, с. 12].) Далее постепенно тенденция выхода из системы постсоветского пространства наметилась в странах, где прошли так называемые «цветные революции» (в Грузии «революция роз» в 2003 г. и последовавшие события 2008 г.; на Украине «оранжевая революция» в 2004–2005 гг., Майдан в 2014 г.; в Киргизии «тюльпановая революция» в 2005 г.), в результате которых руководители этих стран стали ориентироваться на евроинтеграцию. Однако, к сожалению, такие кардинальные изменения интеграционных приоритетов ни в одной из указанных стран не привели к положительным результатам, а наоборот – в случае Грузии и Украины – ввели страны в состояние внутривосточного кризиса и гражданских войн. Киргизия же в итоге предпочла евразийский интеграционный вектор развития.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что распад постсоветского пространства на группировки, тяготеющие к ЕС или России, по большому счету имел политическую, а не экономическую мотивацию, и часто этот «выбор» зависел от внешних факторов. Политика однозначного «выбора» в пользу тех или иных региональных блоков привела к серьезным экономическим проблемам, так как существовавшее долгое время единое экономическое пространство оказалось разорванным без учета торговых, транспортных и других кооперационных связей.

На данном этапе можно констатировать, что произошедшие в 1990-е и 2000-е годы «разрывы» единого пространства постсоветских государств привели к необратимым последствиям и способствовали постепенному формированию новых локальных пространств. Поэтому термин «постсоветское пространство» в отношении государств региона в новых геополитических и геоэкономических условиях потерял свою актуальность и вызывает раздражение у правящих элит и населения государств региона.

Еще один важный аспект, присущий этому уровню, связан с появлением на постсоветском пространстве такого феномена, как непризнанные государства [18]. Как уже отмечалось, дезинтеграция СССР спровоцировала ряд локальных конфликтов, которые привели к появлению на территории бывших союзных республик государственных образований, не признанных или частично признанных мировым сообществом (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика и др.). Исследователи чаще называют их непризнанными государствами [19]. Данная проблема имеет тесную связь с дезинтеграционными тенденциями на уровне культурно-исторических связей народов СССР. На смену утраченной гражданской идентичности на пространстве бывшего СССР пришла базовая этническая идентичность, или идентичность, связанная с территориальным аспектом.

Сегодня непризнанные государства являются частью политического бытия на постсоветском евразийском пространстве. То, что их словно не существует для мирового сообщества, не мешает этим государствам в той или иной мере быть участниками «большой игры» на территории бывшего Советского Союза. Несмотря на то что Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье как суверенные государства не получили широкого международного признания, они взаимно признали друг друга. Данная группа непризнанных государств достаточно активно взаимодействует между собой в различных сферах общественной и политической реальности. Например, еще в июне 2006 года лидеры Южной Осетии, Абхазии и Приднестровья подписали Декларацию о создании Сообщества «За демократию и права народов», тем самым продемонстрировав устойчивость

и твердость устремлений по обретению и признанию собственной государственности. Как было объявлено, целью этого союза является завершение политико-правового оформления распада СССР через признание правосубъектности Республики Абхазия, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Южная Осетия. По отношению к данной международной организации стали использоваться такие названия, как Содружество непризнанных государств или СНГ-2. Стало очевидно, что интеграция может принимать иногда весьма неординарные и причудливые формы, так как потребность в ней весьма велика, что, собственно говоря, свидетельствует о расширении адаптационного потенциала в рамках борьбы за выживание. Непризнанные государства также заявили о создании совместных миротворческих сил и о намерении поддерживать друг друга в случае вооруженной агрессии.

Что касается *дезинтеграции на уровне международных региональных организаций*, то и здесь дезинтеграционные тенденции начали проявляться с самого начала формирования постсоветского евразийского пространства. Примерно с середины 1990-х годов «раскол в интеграционных устремлениях оформился организационно» [1, с. 17]. Следует отметить, что интеграционные устремления в первое десятилетие существования постсоветского пространства были полностью сосредоточены вокруг Российской Федерации как крупнейшего государства региона и во многом лидера происходящих на пространстве политических и экономических процессов. Однако постепенно к концу первого этапа (конец 1990-х гг.) у ряда постсоветских республик стала проявляться тенденция к участию в интеграционных проектах без России, что было связано во многом с опасениями восстановления Россией «советской империи» и своей великодержавности. Своего рода символом этого раскола стало появление в 1997 году такой новой структуры, как ГУУАМ (Грузия, Узбекистан, Украина, Азербайджан, Молдавия), позже, в 2006 году, структура трансформировалась в Организацию за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (Узбекистан не вошел в нее). Данная структура, имеющая явный антироссийский характер, стала очередным выражением прозападных устремлений входящих в нее государств. Однако на данном

этапе деятельность этой структуры практически не востребована. Другим примером интеграции без России стало создание в 2002 году организации Центрально-Азиатского сотрудничества (ЦАС), в состав которой вошли четыре постсоветских государства: Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. В отличие от ГУАМ эта структура не носила антироссийской направленности, более того, в 2004 году Россия присоединилась к этой структуре, а в 2005 году было принято решение об объединении ЦАС с ЕврАзЭС.

Евразийская дезинтеграция: глобальное измерение

Отметим, что распространенное в современной научной литературе понятие «постсоветское пространство», на наш взгляд, само по себе содержит «дезинтеграционное начало». Уже более 20 лет не существует СССР, однако терминологически научное сообщество постоянно к нему возвращается, употребляя для определения современного общества такие понятия, как «постсоветское», «постсоциалистическое», «постимперское», «постколониальное», «бывшие советские республики» и пр., что постоянно возвращает нас к событиям и подходам прошлого, утратившего свою актуальность в новых условиях мирового развития. В результате современность не получает своего понятийного образа, прячась за приставкой *пост-*.

Важно понять, что пространство региона, образовавшегося после распада СССР, уже не укладывается в исторические рамки советского прошлого и приобретает под воздействием современных глобальных процессов новые пространственно-временные координаты. В этой связи логично определять исследуемое пространство в соответствии с новыми геополитическими и геоэкономическими реалиями, а следовательно, на наш взгляд, наиболее адекватным представляется использование понятия «евразийское пространство». Данный термин призван подчеркнуть новое содержание происходящих на данном этапе интеграционных процессов (в частности, создание ЕАЭС) и окончательно определить современное состояние данного пространства через соответствующие ему термины. Важно подчеркнуть, что данный термин в наибольшей степени позволяет охарак-

теризовать новые пространственные очертания евразийского интеграционного поля, которое включает в себя и постсоветское пространство, и новые сегменты за его пределами.

Итак, если говорить о пространстве евразийском, то на протяжении всей своей истории территория Евразии была ареной столкновения интересов ведущих игроков мировой истории и политики. Не является исключением и современный этап развития евразийского пространства, где разразилась настоящая геополитическая битва между ведущими мировыми державами (кроме России интерес активно проявляют Китай, страны Евросоюза, США, Турция и др.), претендующими на ресурсы и влияние в регионе и, с одной стороны, предлагающими свои проекты объединения и развития этого огромного пространства, а с другой – способствующими расколу этого пространства на новые геополитические сегменты в соответствии со своими интересами. На данном этапе фактором развития дезинтеграционных процессов в регионе Большой Евразии является политический кризис в отношениях крупнейшей евразийской державы – Российской Федерации со странами Запада и их союзниками, поэтому представляется уместным уделить внимание роли стран Евросоюза и, с учетом последних событий, Турции в процессах, происходящих на геополитическом пространстве современной Евразии.

Для Европейского союза восточный вектор внешней политики всегда был одним из ведущих и приоритетных [20]. В процессе установления и развития отношений ЕС со странами Восточной Европы, постсоветского пространства и Россией была выработана система двусторонних соглашений – так называемых Соглашений о партнерстве и сотрудничестве. Оценивая эту политику, можно отметить, что практически все инициативы и соответствующие документы ЕС, касающиеся постсоветского пространства, имели исключительно декларативный характер и предусматривали «адаптацию восточных соседей Союза» к системе европейских ценностей и приоритетов [21]. Однако начиная с 2000-х годов отношения ЕС со странами постсоветского пространства стали всё заметнее определяться российско-европейскими отношениями.

Наибольший интерес к экономическому сотрудничеству и возможной интеграции между Европейским союзом и Российской Феде-

рацией пришелся на 2003–2004 годы, однако затем тема перешла в разряд периферийных. Важным событием в развитии российско-европейских отношений и эволюции политики ЕС в отношении других стран постсоветского пространства стало крупнейшее расширение Евросоюза в 2004 году, когда в единой Европе оказались страны Восточной Европы и Прибалтики, начавшие активно продвигать антироссийские настроения в Союзе. Границы Евросоюза достигли бывших советских республик.

Россия, выйдя из кризисного состояния 1990-х годов, стала более активно отстаивать свои позиции как в регионе, так и на международной арене [22]. С этого момента начинается постепенное похолодание в отношениях между Россией и ЕС, а в отношениях ЕС со странами постсоветского пространства преобладающей тенденцией становятся установление двусторонних отношений и реализация реформистских и интеграционных программ в рамках этих отношений. На наш взгляд, именно в эти годы было положено начало дезинтеграционному тренду по линии Евросоюз – постсоветское евразийское пространство. Примерно с середины 2000-х годов в европейской политике соседства «главный акцент делается на выстраивании „особых отношений” со странами СНГ и недопущении формирования регионального союза этих независимых государств под эгидой России» [21]. Фактически ЕС целенаправленно и вполне осознанно начинает исключать Россию из участия в политике соседства, несмотря на ее центральную геополитическую роль на постсоветском пространстве: «Заявляя о своей главной цели – создании Европы „без разделительных линий”, – Евросоюз на деле выстраивает новый раздел на европейском и евразийском пространствах между Россией и другими странами СНГ» [Там же]. Россия пыталась сохранить свое влияние в регионе, развивая различные интеграционные инициативы и проекты. Отношения Евросоюза и России постепенно входили в кризисную фазу.

Следующим важным этапом в эволюции взаимоотношений ЕС с Россией и странами постсоветского пространства стал 2008 год, когда Евросоюзом была запущена программа «Восточное партнерство» (ВП). Официальной целью этой программы было объявлено сближение Евросоюза с Азербайджаном, Арменией,

Грузией, Молдавией, Белоруссией и Украиной. При этом программа исключала Россию из политики соседства. Евросоюз начинает полностью концентрироваться на отношениях с постсоветскими республиками, делая ставку на их отрыв от России и двусторонние отношения с каждой из этих республик.

Своего рода «ответом» на череду таких политических «вызовов» России и ее союзникам на постсоветском пространстве стало выдвижение ими проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Далее Украинский кризис 2014 года внес серьезные коррективы в планы сторон, а последовавшая затем санкционная политика Запада против России фактически свела к нулю все достижения предшествующего сотрудничества и завела российско-европейское, а вместе с ним и европейско-евразийское сотрудничество в тупик, лишь усиливая дезинтеграционный тренд на пространстве Большой Евразии.

В Турции в последние годы наблюдается ренессанс евразийских идей, которые влияют на политическую и социально-экономическую жизнь страны. Внешнеполитическая деятельность Турции направлена на реализацию различных интеграционных проектов в регионе Большой Евразии. Тем самым Анкара стремится реализовать свое геополитическое предназначение быть ключевым экономическим и политическим мостом между Западом и Востоком. В основу современной евразийской стратегии Турции легли уходящие корнями в 1880-е годы идеи пантюркизма, суть которых сводится к пониманию возможности и необходимости объединения славянских и тюркских народов. Турция стала проявлять повышенный интерес к странам Центральной Азии, Кавказу, Закавказью и т. д.

Идеи пантюркизма получили новый импульс после вхождения Турции в геополитическую орбиту Запада. Геополитическое поражение в 1991 году России, одного из ее ключевых конкурентов в Евразии, открыло перед Турцией новые перспективы. Так, она стала уделять большое внимание центральноазиатским республикам, народы которых относятся к тюркской языковой группе. Основной инструмент турецкого влияния в этом субрегионе — «мягкая сила»: «основная ставка была сделана на расширение гуманитарного сотрудничества со странами Средней Азии» [23].

Первым важным шагом Турции на пути реализации интеграционной идеи в Новой Евразии стало создание в 1991 году Всемирной ассамблеи тюркских народов, которая должна была заниматься «воссозданием, разработкой и пропагандой тюркского пути общественного развития» [24]. Турция начала активно продвигать в странах Центральной Азии свои образовательные программы (например, в учебных заведениях Казахстана, Киргизии и других государств стали преподавать турецкий язык), в них начали открываться новые университеты, школы и гимназии. В 1993 году в Алматы было подписано соглашение о создании Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства — ТЮРКСОЙ (*тур.* Turk Kultur ve Sanatlari Ortak Yonetimi). Кроме государств Центральной Азии и Турции в этой структуре состоят тюркоязычные субъекты Российской Федерации и некоторые автономные регионы других стран. За год до основания ТЮРКСОЙ была создана Объединенная администрация тюркских искусств и языков, которая также регулирует сотрудничество в гуманитарной сфере. С начала 1990-х годов регулярно организуются саммиты глав тюркоязычных стран. В ноябре 2008 года была учреждена Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА), задачами которой, в частности, являются «формирование механизма межпарламентских отношений между тюркоязычными странами, сближение политических взглядов, обмен информацией, пропаганда тюркской культуры, расширение экономических связей, реализация совместных проектов, нахождение путей решения проблем тюркского мира» [25].

Что касается политического сотрудничества, то здесь в интеграционные процессы включено намного меньше участников — Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизия. Однако, по оценкам экспертов, в этой области пока нет особых конкретных результатов. Узбекистан и Туркмения предпочитают оставаться в стороне. Результатом же деятельности четырех наиболее активных участников интеграции стало учреждение в 2009 году Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ), или Тюркского совета. Эта межправительственная организация была создана на основе Саммита государств тюркских языков. В состав организации вошли ТЮРКСОЙ и ТюркПА. Цель Тюркского совета

состоит в углублении всестороннего сотрудничества между тюркоязычными государствами в таких областях, как экономика, культура, образование и наука. Сотрудничество ограничивается пока этими сферами [26]. Таким образом, Турция на протяжении последних лет активно пыталась расширить сферы сотрудничества тюркских государств. Так, в начале 2013 года по инициативе Турции были созданы вооруженные силы тюркоязычных государств (ТАКМ), которые объединили воинские соединения Турции, Азербайджана, Киргизии и Монголии. Этот факт свидетельствует о том, что амбиции Турции в Центральной Азии растут.

Активная деятельность Турции в последние годы создала на пространстве Евразии определенную конкурентную среду, так как страны Центральной Азии также входят в орбиту российских геополитических интересов и интеграционных проектов. Хотя действия Турции и вызвали настороженность у российских властей, Россия до недавнего времени рассматривала это государство как союзника, активно развивала двусторонние контакты с Турцией и участвовала в ряде ее проектов. В 2013 году по инициативе президента Казахстана Н. Назарбаева даже обсуждался вопрос о возможном вступлении Турции в ЕАЭС. Однако после событий ноября 2015 года и резкого ухудшения отношений между Россией и Турцией очевидно, что действия турецкой стороны в постсоветском евразийском регионе будут восприниматься как действия, представляющие угрозу интересам России и евразийской интеграции. Как известно, президент Казахстана попытался выступить посредником между двумя конфликтующими сторонами, но, по оценкам экспертов, «намерение Нурсултана Назарбаева стать главным миротворцем может разбиться о необходимость выбора одного из лагерей в ближайшем будущем» [27].

Подводя итог, следует отметить, что на протяжении всех этапов развития постсоветского евразийского пространства характерной его чертой было диалектическое взаимодействие интеграционных и дезинтеграционных трендов. Рассмотрев феномен дезинтеграции данного пространства, можно сделать вывод, что

для его анализа следует выделить два уровня проявления дезинтеграционных процессов: региональный и глобальный.

На уровне постсоветского евразийского пространства дезинтеграция носит многоуровневый и многоаспектный (не только негативный, но и позитивный) характер и часто даже приводит к появлению новых форм взаимодействия стран и народов региона (например, ГУАМ). Другими словами, процесс дезинтеграции не следует рассматривать в данном случае как исключительно негативный феномен. Тем не менее важно отметить, что по-прежнему процессы интеграции постсоветского евразийского пространства направляются больше «сверху», а не формируются объективно «снизу», что способствует сохранению дуализма интеграционно-дезинтеграционных процессов в регионе на разных уровнях. Сегодня очевидно, что для успеха и эффективности интеграционных процессов в регионе важно, чтобы активное участие в этих процессах принимали как гражданское, так и бизнес-сообщество (интеграция «снизу»).

Несомненно, ряд характерных для постсоветского евразийского пространства дезинтеграционных факторов преодолеть трудно (например, различие между участниками интеграции по уровню и темпам развития), однако большую часть проблем решить можно и необходимо (например, отсутствие у участников четко сформулированных целей интеграции, отсутствие концептуальных моделей эффективной интеграции). Многое на пути преодоления дезинтеграционного тренда на внутрорегиональном уровне уже делается, результатом чего стало создание ЕАЭС. В то же время на данном этапе серьезным объективным дезинтеграционным фактором развития постсоветского евразийского пространства является внешний фактор, который напрямую обусловлен общей геополитической ситуацией в мире. Политический кризис в отношениях крупнейшей евразийской державы – Российской Федерации со странами Запада и их союзниками (например, Турцией) объективно создает угрозу раскола не только постсоветского евразийского пространства, но и пространства Большой Евразии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Шадурский В.Г.** Интеграционные и дезинтеграционные тенденции на постсоветском пространстве // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Сер. 3: История. Философия. Политология. Психология. Экономика. Право. 2009. № 1.
2. **Винокуров Е., Либман А.** Две евразийские интеграции // Евразийский банк развития. URL: <http://eabr.org/general/upload/СII%20-%20izdania/2013/Вопросы%20экономики%202013%202%20Винокуров%20Либман%20Две%20евразийские%20интеграции.pdf> (дата обращения: 30.10.2015)
3. **Воронина Т.В.** Интеграция и дезинтеграция как проявление внутренних противоречий интеграционной системы // TERRA ECONOMICUS. 2013. № 1–2, т. 11. С. 119–123.
4. **Пивовар Е.И.** Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб.: Алетей, 2008.
5. **Косов Ю.В., Торопыгин А.В.** Содружество независимых государств. Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект-Пресс, 2012.
6. **Мещеряков К.Е.** Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России: моногр. СПб.: Скифия-принт, 2012.
7. **Трещенков Е.Ю., Мещеряков К.Е.** Евразийская интеграция и Россия. СПб.: Скифия-принт, 2014.
8. **Загорский А.** СНГ: от дезинтеграции к реинтеграции. М., 1996.
9. **Современный** российский реализм: теория и практика: антол. В 10 т. Т. 3. Проблемы реинтеграции постсоветского пространства: экономические и политические аспекты / под ред. Г.А. Чернейко. М.: Клуб «Реалисты», 2007.
10. **Баимбетов В.А.** Интеграция и дезинтеграция СНГ в постсоветский период // Вестн. Оренб. гос. ун-та. 2007. № 9. С. 43–46.
11. **Либман А.М., Хейфец Б.А.** Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция // Евразийская эконом. интеграция. 2011. № 2 (11).
12. **Паньков В.** Интеграция и дезинтеграция на постсоветском пространстве // Мир перемен. 2007. № 3.
13. **Евразия** в поисках идентичности / отв. ред. С.П. Глинкина, Л.З. Зевин. М.; СПб.: Нестор-история, 2011.
14. **Экспертный** опрос «Восприятие интеграционных процессов на постсоветском пространстве экспертами и лидерами общественного мнения». М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2005.
15. Интервью Владимира Путина американским СМИ. 20 сентября 2015 г. URL: <https://russian.rt.com/article/119789> (дата обращения: 25.09.2015)
16. **Тофан А.В.** Методологические подходы к понятию «постсоветское пространство» // Вестн. Киргизско-российского славянского ун-та. 2015. № 5, т. 15.
17. **Петров А.В.** Страны постсоветского пространства: учеб.-метод. пособие. Иркутск, 2012.
18. **Бахтуридзе З.З., Лагутина М.Л.** Особенности формирования системы международных отношений на постсоветском пространстве: непризнанные государства // Соврем. проблемы науки и образования. 2015. № 1.
19. **Добронравин Н.А.** Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. Препринт М-21/11. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011.
20. **Лагутина М.Л.** ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 124–137.
21. **Политика** Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции: докл. / подгот. группой экспертов во главе с Т. Гузенковой // Сетевое изд. Центра исслед. и аналитики Фонда истор. перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/ekdom/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integracii_2015-07-08.htm (дата обращения: 19.10.2015)
22. **Бабынина Л.** ЕС и Россия: конкуренция за постсоветское пространство? // Информ.-аналит. центр. Лаб. обществ.-полит. развития стран ближнего зарубежья. URL: <http://ia-centr.ru/expert/15867/> (дата обращения: 10.10.2015)
23. **Лизан И.** Пантюркизм: реальна ли угроза евразийской интеграции? Ч. 1. URL: <http://www.odnako.org/blogs/pantyrkizm-realna-li-ugroza-evraziyskoj-integracii-chast-1/comments/> (дата обращения: 19.11.2015).
24. **Всемирная** ассамблея тюркских народов // Офиц. сайт. URL: <http://dta-turan.org/> (дата обращения: 20.10.2015).
25. **Исмагамбетов Т.** Перспективы и проблемы сотрудничества тюркоязычных государств. URL: <http://camonitor.com/archives/11882> (дата обращения: 20.10.2015)
26. **Лизан И.** Пантюркизм: реальна ли угроза евразийской интеграции? Ч. 2. URL: <http://www.odnako.org/blogs/pantyrkizm-realna-li-ugroza-evraziyskoj-integracii-chast-2/> (дата обращения: 19.11.2015).
27. **Половинко В.** Назарбаев между тюркским и русским миром // Новая газета. 2015. 30 нояб.

ЛАГУТИНА Мария Львовна — кандидат политических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: manipol@mail.ru

M.L. Lagutina

DISINTEGRATIONAL FACTOR IN THE MODERN EURASIA

This article is devoted to an analysis of the phenomenon of disintegration. In the first part of the article the author presents Russian conceptual approaches to the study of the phenomenon of disintegration and considers the process of evolution of the phenomenon of post-Soviet Eurasian disintegration in the historical context. Further, the author distinguishes two levels of analysis of the investigated phenomenon: regional and global, and consistently characterizes each of them. As a result, the author comes to the conclusion about the dialectical interdependence of integration and disintegration trends in the development of post-Soviet Eurasian integration and notes the subjective and objective preconditions for the preservation of the disintegration trends in the context of modern Eurasian integration.

DESINTEGRATION; INTEGRATION; THE GREATER EURASIA; POST-SOVIET EURASIAN SPACE; RUSSIA; THE EUROPEAN UNION; TURKEY; REGION.

REFERENCES

1. Shadurskiy V.G. [Integrational and disintegrational trends on the post-Soviet space]. *Bulletin of Belarusian State University. Ser. 3: History. Philosophy. Political science. Psychology. Economics. Law*, 2009, no. 1. (In Russ.)
2. Vinokurov E., Libman A. [Two Eurasian integrations]. Eurasian Development Bank publ. Available at: <http://eabr.org/general/upload/СП%20-%20izdania/2013/Вопросы%20экономики%202013%202%20Винокуров%20Либман%20Две%20евразийские%20интеграции.pdf> (accessed 30.10.2015).
3. Voronina T.V. [Integration and Disintegration as a manifestation of the internal contradictions of the integration system]. *TERRA ECONOMICUS*, 2013, no. 1–2, vol. 11, pp. 119–123. (In Russ.)
4. Pivovarov E.I. *Postsovetskoe prostranstvo: alternativy integratsii. Istoricheskiy ocherk* [Post-Soviet space: alternatives of integration. Historical review]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2008. (In Russ.)
5. Kosov Yu.V., Toropyfin A.V. *Sodruzhestvo nezavisimyykh gosudarstv. Integratsiya, parlamentskaya diplomatiya i konflikty* [The Commonwealth of independent States. Integration, parliamentary diplomacy and conflicts]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2012. (In Russ.)
6. Meshcheryakov K.E. *Integratsionnye protsessy na postsovetskom prostranstve i uchastie v nikh Rossii* [Integration processes in the post-Soviet space and the participation in them of Russia]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2012. (In Russ.)
7. Treshchenkov E.Yu., Meshcheryakov K.E. *Evrasiyskaya integratsiya i Rossiya* [Eurasian integration and Russia]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2014. (In Russ.)
8. Zagorskiy A. *SNG: ot desintegratsii k reintegratsii* [CIS: from disintegration to reintegration]. Moscow, 1996. (In Russ.)
9. *Sovremennyy rossiyanskiy realizm: teoriya i praktika*. Antologiya. V 10 tomakh. Tom 3: Problemy reintegratsii postsovetskogo prostranstva: ekonomicheskie i politicheskie aspekty [Modern Russian realism: theory and practice. Anthology in 10 vol. Of vol. 3: Problems of reintegration of post-Soviet space: economic and political aspects]. Moscow, Klub “Realisty” Publ., 2007. (In Russ.)

10. Baimbetov V.A. [Integration and Disintegration of CIS in post-Soviet period]. *Bulletin of Orenburg State University*, 2007, no. 9, pp. 43–46. (In Russ.)
11. Libman A.M., Kheyfets B.A. [Models of economic disintegration. Integration and Disintegration]. *Eurasian economic integration*, 2011, no. 2 (11). (In Russ.)
12. Pankov V. [Integration and Disintegration on the post-Soviet space]. *World of changes*, 2007, no. 3. (In Russ.)
13. *Evraziya v poiskakh identichnosti* [Eurasia in search of its identity]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2011. (In Russ.)
14. *Ekspertniy opros "Vospriyatie integratsionnikh protsessov na postsovetском prostranstve ekspertami i liderami obshchestvennogo mneniya"* [Expert survey "Perception of the integration processes in the post-Soviet space experts and leaders of public opinion"]. Moscow, Non-governmental found "Eurasian heritage" Publ., 2005. (In Russ.)
15. [Full text and video interview of Vladimir Putin by the American media]. *Russia Today*. 2015. Sept. 20. Available at: <https://russian.rt.com/article/119789> (accessed 25.09.2015).
16. Tofan A.V. [Methodological approaches to the concept of "post-Soviet space"]. *The Bulletin Of Kyrgyz-Russian Slavic University*, 2015, no. 5, vol. 15. (In Russ.)
17. Petrov A.V. *Strany postsovetского prostranstva* [States of the post-Soviet space]. Irkutsk, 2012. (In Russ.)
18. Bakhturidze Z.Z., Lagutina M.L. [Features of the system of international relations' formation in the post-Soviet space: states with limited recognition]. *Modern problems of science and education*, 2015, no. 1. (In Russ.) Available at: <http://www.science-education.ru/121-18175> (accessed 30.11.2015).
19. Dobronravin N.A. *Nepriznannyye gosudarstva v "seroy zone" mirovoy politiki: osnovy vyzhivaniya i pravila suverenizatsii* [States with limited recognition in the "grey zone" of the world politics: basics of survival and rules of sovereignization]. Preprint M-21/11. St. Petersburg, Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2011. (In Russ.)
20. Lagutina M.L. [EU and EEU: problems and prospects of cooperation in the modern geopolitical conditions]. *Management consulting*, 2015, no. 11, pp. 124–137. (In Russ.)
21. *Politika Evrosoyuza v otnoshenii stran post-sovetского prostranstva v kontekste evraziyskoy integratsii* [Policy of the European Union towards the post-Soviet countries in the context of Eurasian integration]. The report was prepared by the expert group headed T. Guzenkova. Network publication of the Center for research and analysis of the historical perspective Foundation. (In Russ.) Available at: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetского_prostranstva_v_kontekste_jevraziyskoy_integratsii_2015-07-08.htm (accessed 19.10.2015).
22. Babynina L. [EU and Russia: competition for the post-Soviet space?]. Information-analytical center. Laboratory of social and political development of CIS countries. (In Russ.) Available at: <http://ia-centr.ru/expert/15867/> (accessed 10.10.2015).
23. Lizan I. [Pan-Turkism: it is the threat of Eurasian integration? Pt. 1]. Available at: <http://www.odnako.org/blogs/pantyrkizm-realna-li-ugroza-evraziyskoy-integratsii-chast-1/comments/> (accessed 19.11.2015).
24. *Vsemirnaya assambleya turkskikh narodov* [The world Assembly of Turkic peoples]. Official site. Available at: <http://dta-turan.org/> (accessed 20.10.2015).
25. Ismagabetov T. [Prospects and problems of cooperation of Turkic States]. Available at: <http://camonitor.com/archives/11882> (accessed 20.10.2015).
26. Lizan I. [Pan-Turkism: it is the threat of Eurasian integration? Pt. 2]. Available at: <http://www.odnako.org/blogs/pantyrkizm-realna-li-ugroza-evraziyskoy-integratsii-chast-1/comments/> (accessed 19.11.2015).
27. Polovinko V. [Nazarbayev between Turkic and Russian world]. *Novaya gazeta*. 2015. Nov. 30. (In Russ.) Available at: <http://www.novayagazeta.ru/politics/70969.html> (accessed 19.11.2015).

LAGUTINA Mariya L. — *St. Petersburg State University*.

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: manipol@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.3
УДК 947.084.8

А.Н. Кашеваров

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНСТВА «РУССКОГО МИРА»

В статье дана характеристика церковных юрисдикций, на которые в 1920-х – начале 1930-х годов раскололось русское церковное зарубежье, проанализировано их отношение к проблеме восстановления единства русского православия как одной из духовных опор и скреп «русского мира». Особое внимание уделено раскрытию позиции Русской зарубежной церкви, которая остается единственной ветвью российского православного зарубежья, сохранившей верность исторической России и русскому православию. В то же время Русская зарубежная церковь пошла на объединение с Московской патриархией со своей идеологией, в которой оправдание коллаборационизма составляет важную часть, и она от этой части не только не отказывается, но, к сожалению, нашла среди клира патриархии своих пропагандистов.

РУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ; РУССКИЙ МИР; МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ; РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ; ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ АРХИЕПИСКОПИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ РУССКОЙ ТРАДИЦИИ ВСЕЛЕНСКОГО (КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО) ПАТРИАРХАТА; АМЕРИКАНСКАЯ АВТОКЕФАЛЬНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ.

Возможно, XX в. был самым трагичным в истории русского народа и государства: в силу исторических катаклизмов единая русская культура оказалась разделенной на культуру метрополии, развивавшуюся в Советском Союзе, и культуру русского зарубежья, а после распада СССР разделенным оказался русский народ. Трагической была судьба и Русской православной церкви (РПЦ).

Революционные потрясения 1917 г. и окончание Гражданской войны вызвали исход огромных масс русских людей – мирных беженцев и остатков разбитой Белой армии – за пределы России. Главным образом это были люди православного вероисповедания. Вместе с паствой за рубежом оказалась и часть пастырей, многие из них оставили родину и свои епархии из-за прямой угрозы для жизни.

Всё это явилось предпосылкой для возникновения русского церковного зарубежья, которое постепенно оформилось в особые юрисдикции, существовавшие отдельно от Московского патриархата. Так, Русская православная церковь за границей (РПЦЗ) оформилась в начале 1920-х гг. для «духовного окорм-

ления» прежде всего первой волны эмиграции. В дальнейшем она сыграла значительную роль не только в удовлетворении религиозных потребностей представителей всех последующих волн русской эмиграции, но и в определенной консолидации их и морально-нравственной поддержке в нелегких условиях эмигрантского существования. Одна из основных задач РПЦЗ заключалась в сохранении связей эмигрантов с русской культурой и языком, с традиционным укладом оставленной родины, в воспитании эмигрантской молодежи в любви и уважении к «исторической России».

Один из ведущих идеологов РПЦЗ епископ Григорий (Габбе) в очерке с характерным названием «Путь Зарубежной Церкви» в связи с этим писал: «На Зарубежную Церковь легла миссия сохранения в изгнании верности Русской Церкви, русского православного духа и русской церковной православной культуры, миссия быть связкой русского мира. Такая миссия выполнялась и выполняется в ежедневной жизни наших монастырей и приходов, нашими школами, сетью периодических изданий и заботой о сохранении русского быта, насколько

это возможно, в иностранной среде. Неизменный девиз нашей миссии: „Помни, что ты русский!”» [1, с. 88].

Таким образом, русское церковное зарубежье явилось духовной основой и одновременно важнейшей составной и неотъемлемой частью «русского мира». Изучение вклада церковного зарубежья в сохранение «русскости», русского культурного наследия, а также осмысление путей восстановления единства «русского мира» является одной из основных потребностей нашего времени.

До 1927 г., несмотря на острые разногласия и разделения в церковной диаспоре, Архиерейский синод РПЦЗ, находившийся в Сремских Карловцах (Югославия), признавал свою каноническую зависимость от Московской патриархии. Взаимоотношения между заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) и Зарубежным синодом обострились в связи с изданием Сергием 29 (16) июля 1927 г. декларации о лояльности по отношению к советской власти, но особенно после того, как возглавляемый им Временный синод в Москве выпустил 14 июля того же года указ № 93, в котором содержалось следующее требование к зарубежному духовенству: прислать в патриархию обязательство, что оно не допустит в своей общественной, в особенности церковной, деятельности ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности советскому правительству. В послании Зарубежного Архиерейского собора, состоявшегося в конце 1927 г., указывалось, что «заграничная часть Всероссийской Церкви должна прекратить административные отношения с московской церковной властью ввиду невозможности нормальных сношений с нею и ввиду порабощения ее безбожной советской властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и канонического управления Церковью» [2, с. 230].

В 1920-х – начале 1930-х гг. русское церковное зарубежье раскололось на три ветви, которые по-разному относились к духовному смыслу случившегося с Россией катаклизма: сравнительно немногочисленные приходы, оставшиеся в подчинении лояльной советскому режиму церковной власти митрополита Сергия в Москве (например, приходы Московской патриархии в США и Канаде); две ассимилирующиеся юрисдикции, переходившие от «русскости» к

подлаживанию под нормы демократического Запада, и Русскую зарубежную церковь (РЗЦ).

Одна из двух ассимилирующихся юрисдикций – «евлогийанская», с центром в Париже. У ее истоков был назначенный указом патриарха Тихона 30 января 1922 г. управлять западноевропейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский), призвавший, не без подсказки своего окружения, русских православных эмигрантов к тому, что надо «быть теперь подобно странствующим христианам. Надо политически и национально умереть, в лучшем случае заснуть». Ныне это Западноевропейская архиепископия православных приходов русской традиции Вселенского (Константинопольского) патриархата, руководство которой стремится превратить ее по существу во Французскую православную церковь. Несмотря на русские корни этой епархии и русское происхождение значительной части ее духовенства, она в течение последних десятилетий утрачивала былую связь с Россией, когда у большинства священнослужителей и паствы сохранялось русское самосознание. В настоящее время этому способствует преобладающий в архиепископии курс на сокращение диалога с РПЦ и отказ от самоопределения как русской. Руководство архиепископии проводит политику последовательного и сознательного удаления с ответственных постов тех лиц, которые положительно относятся к сближению с Московской патриархией. Нынешний глава архиепископии Иов (Геча), как и его предшественник на этом посту архиепископ Гавриил (де Вейдлер), не питает братских чувств к РПЦ и делает всё возможное, чтобы не допустить влияния русского православия в Европе. Примечательно, что будущий архиепископ Иов родился в Монреале в семье украинских эмигрантов, принадлежавших к Украинской православной церкви в Канаде, которая первоначально имела раскольническое происхождение. В 2003 г. он перешел из этой церкви в Западноевропейскую архиепископию православных приходов русской традиции [3, с. 35–36].

Другая из упомянутых выше двух юрисдикций – американская. Североамериканская епархия возникла благодаря усилиям русских православных миссионеров. Однако там были не только этнические русские переселенцы, но и местные жители, крещенные российскими

миссионерами, — эскимосы, индейцы, алеуты, позднее к ним присоединились протестанты, перешедшие в православие. По настоянию советского руководства, рассматривавшего РЗЦ главным образом как антисоветскую религиозную организацию («политиканы в рясах») и поэтому стремившегося ослабить ее влияние на американском континенте, эта церковная юрисдикция получила в 1970 г. от Московской патриархии статус автокефальной — независимой — православной церкви в Америке. Но Вселенский и восточные патриархи этого не признают. Они считают, что у Московской патриархии не было и нет полномочий на такое решение. С другой стороны, Американская автокефальная церковь не является единственной объединяющей православные общины в Северной Америке. Там есть арабо- и грекоязычные приходы, которые стараются не порывать связь со своими патриархатами [4, с. 571, 602–603].

Русская зарубежная церковь, в отличие от других юрисдикций русского церковного зарубежья, стремилась сохранить традиции русского православия, «русскость», верность исторической России (выступала даже за восстановление «исторической российской православной государственности с монархом во главе») [5, с. 47–51]. Если тема «русского мира» в СССР вплоть до середины 1930-х гг. рассматривалась официальной пропагандой в основном в русле борьбы с великодержавным шовинизмом, то в русском зарубежье во многом усилиями РПЦЗ эта тема получила особое позитивное содержание. Так, Архиерейский синод РПЦЗ определением от 31 декабря 1931 г. установил празднование 28 (15) июля Дня св. князя Владимира, крестителя Руси, как общерусского церковно-национального праздника. Вплоть до начала Второй мировой войны в русском зарубежье этот день отмечался как День русского национального самосознания [6, с. 367–368].

В послевоенные годы РПЦЗ пережила кризис и глубокие перемены. Усилилось влияние Архиерейского синода и на американском континенте — на территории США и Канады было образовано пять епархий РЗЦ. В 1950 г. Синод переехал из Европы в Нью-Йорк [7, с. 435].

Как уже отмечалось выше, образование и отделение РПЦЗ от Московского патриархата было вызвано событиями Октябрьской революции, Гражданской войны и установлением

в России богоборческой власти. В 1990-х гг., когда власть и общество в России изменились, возникли реальные предпосылки для объединения двух частей Русской церкви.

Однако для решения этой задачи было необходимо преодолеть целый ряд препятствий, вызванных как объективными, так и субъективными причинами. Например, за время самостоятельного существования РПЦЗ фактически обрела все атрибуты автокефальной церкви, с которыми нелегко расстаться: самостоятельное избрание первоиерарха — председателя Архиерейского собора и Синода; прославление в лике святых; суд в последней инстанции; право изменения границ и учреждения новых епархий Русской церкви за границей; право награждения высшими церковными наградами [8, с. 118, 119]. Из вышеперечисленного видно, что самоопределение РПЦЗ, согласно которому «заграничная часть Русской церкви не отделяет себя от своей Матери-Церкви и не считает себя автокефальной» [9, с. 135], являлось лишь декларацией, не соответствующей действительному положению дел.

Долгие годы камнем преткновения между РПЦЗ и Московской патриархией являлась уже упоминавшаяся выше декларация митрополита Сергия (Страгородского) от 29 (16) июля 1927 г., которая дала основание Зарубежной церкви выйти из подчинения московской церковной власти и прекратить с ней общение. Лишь решения Архиерейского собора РПЦ, принявшего в августе 2000 г. новый устав и «Основы социальной концепции» церкви, один из пунктов которых гласил, что, если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, церковь должна отказать государству в повиновении [10, с. 228], убедили руководство РПЦЗ в том, что декларация митрополита Сергия (Страгородского) для Московской патриархии имеет только историческое значение и не может служить препятствием для объединения.

С избранием нового главы РПЦЗ — в октябре 2001 г. им стал митрополит Лавр (Шкурла), русин по этнической принадлежности — в деятельности Архиерейского синода отчетливо наметилась тенденция к поиску преодоления разногласий с Московской патриархией и возможному объединению этих двух частей Русской церкви. Так, при Архиерейском синоде

была создана постоянно действующая комиссия по вопросам единства Русской церкви. Одним из главных инициаторов этого процесса стал президент России В.В. Путин, который трижды встречался с иерархами РЗЦ – в сентябре 2003 г. в российском генеральном консульстве в Нью-Йорке, в мае 2004 г. в своей резиденции в Ново-Огарево и в сентябре 2005 г. в здании Архиерейского синода в Нью-Йорке.

В важнейшем из выработанных специальными подготовительными комиссиями Московской патриархии и РЗЦ документов – «Акте о каноническом общении» – признается самостоятельность РПЦЗ в делах пастырских, просветительских, административных, хозяйственных, имущественных и гражданских. Ее Архиерейский собор сохраняется, притом что епископат, клир и миряне полноправно участвуют в Поместном соборе РПЦ, а епископы также в ее Архиерейском соборе и Священном синоде в установленном порядке. Решения Поместного и Архиерейского соборов и Священного синода РПЦ действуют в РЗЦ с учетом ее устава и условий ее существования в рассеянии. Кроме того, предусмотрен «пятилетний переходный период для полного урегулирования положения бывших приходов Русской Зарубежной Церкви на канонической территории Московского Патриархата посредством их вхождения в юрисдикцию местных правящих архиереев» [11, с. 9].

17 мая 2007 г. в Москве, в храме Христа Спасителя, патриарх Московский и всея Руси Алексий II и первоиерарх РПЦЗ митрополит Лавр (Шкурла) подписали «Акт о каноническом общении и восстановлении единства в Поместной Русской Православной Церкви». Примечательно, что в своей речи на этой торжественной церемонии В.В. Путин назвал подписание данного Акта «событием поистине всенародного, исторического масштаба и огромного нравственного значения». «Возрождение церковного единства – это важнейшее условие для восстановления утраченного единства всего „русского мира“, одной из духовных основ которого всегда была православная вера, – сказал он. – Мы осознали, что национальный подъем, развитие России невозможно без опоры на исторический и духовный опыт» [12].

Однако подписание Акта не означает, что в процессе собирания «русского мира» – россий-

ского православного зарубежья – поставлена точка. Во-первых, не стоит забывать о русских эмигрантах, являющихся паствой Западно-Европейской архиепископии православных приходов русской традиции, которая до сих пор находится в юрисдикции Вселенского (Константинопольского) патриархата – основного оппонента Московской патриархии в православном мире. В этом вопросе нужен особый подход, особый метод.

Во-вторых, время, прошедшее с момента подписания Акта о каноническом общении, показало, что объединение частей «русского мира» – это не только длительный, но и весьма сложный, а подчас и противоречивый процесс. Так, в отличие от священноначалия Московской патриархии руководство РЗЦ ныне, как и в годы Второй мировой войны, положительно оценивает власовское движение. Характерно, что после опубликования протоиереем Г. Митрофановым, известным санкт-петербургским священником, книги «Трагедия России: „запретные“ темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике» (СПб., 2009), в которой он всячески оправдывает генерала Власова и его сподвижников, Архиерейский синод 8 сентября 2009 г. опубликовал свой официальный, весьма положительный отзыв на нее, а 9 сентября выразил признательность автору за такую публикацию. Обращение Синода РПЦЗ к «власовской» теме и к теме коллаборационизма вообще, даже, можно сказать, настойчивое акцентирование этого вопроса – на заседании Зарубежного синода были приняты и затем опубликованы два документа, посвященные книге Г. Митрофанова и Власову, – идет вразрез с устным соглашением, достигнутым в ходе переговорного процесса о воссоединении с «зарубежниками», не поднимать этот вопрос. Слишком по-разному на него смотрели и смотрят духовенство и верующие двух объединившихся частей Русской церкви. Хотя, несомненно, за выступлением Зарубежного синода стоит множество человеческих трагедий, в том числе и судьбы людей, попавших в плен. Но если бы здесь была поставлена точка. К сожалению, произошло другое: прозвучал призыв признать выбор Власова единственно правильным, а его самого – по сути настоящим героем прошедшей войны, и даже более того – признать его героем грядущей России, а коллаборационизм не толь-

ко возможным, но единственным правильным путем служения России.

Истоки такого взгляда имеют связь с особой позицией, занятой руководством РПЦЗ и большинством ее священнослужителей в годы Второй мировой войны. Она отражала настроения той части русских эмигрантов, которые связывали с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз надежды на крушение большевизма. Эти надежды выразились в целом ряде официальных заявлений и проповедей зарубежных священнослужителей. Например, в пасхальном послании 1942 г. глава РПЦЗ митрополит Анастасий писал: «Настал день, ожидаемый русским народом, и он подлинно как бы воскресает из мертвых там, где мужественный германский меч успел рассечь его оковы» [13, с. 42]. Вместе с тем Анастасий, находясь в Югославии, где развернулась ожесточенная борьба с оккупантами, воздерживался от прямых заявлений в поддержку Германии. Однако он и другие руководители Зарубежной церкви не только направили священнослужителей «для духовного окормления» военнослужащих Русской освободительной армии (РОА), Русского охранного корпуса, сформированного немцами в Югославии, что еще можно было бы расценить как пастырскую заботу о по-своему несчастных, заблудших людях, но всячески поддерживали генерала Власова, открыто призывавшего по сути к новой гражданской войне, которая, по его мнению, привела бы к гибели большевизма. Эти призывы охотно печатала церковная пресса «зарубежников». Осознанно или неосознанно, но духовенство РЗЦ исповедовало порочный принцип: никакая цена не будет слишком большой для России за победу над большевиками. К тому же в силу ряда особенностей мировоззрения, характерного для большинства активных деятелей РПЦЗ, нацизм, с которым они, конечно, не отождествляли свою идеологию, казался им все-таки более приемлемым, чем коммунизм и даже западные демократии. Несмотря на такую позицию Зарубежной церкви, германские власти относились к ней настороженно и в целом недоброжелательно. Опасаясь возрождения «русизма», они не допускали ее священнослужителей на оккупированную территорию СССР [Там же. С. 75].

В-третьих, сама РЗЦ вышла из кризиса, вызванного Второй мировой войной, во мно-

гом потому, что активно вела пастырскую работу среди русских в лагерях для перемещенных лиц, многие из которых были в прошлом власовцами или как-то сотрудничали с фашистами. Впоследствии они составили значительную часть паствы Зарубежной церкви [5, с. 171]. Целый ряд из них стали священнослужителями РПЦЗ, а духовники и священники коллаборационистских военных и полувоенных формирований уже после войны стали видными и влиятельными деятелями Зарубежной церкви, членами ее Архиерейского синода. Например, архиепископ Никон (Рклицкий), который в 1942–1945 гг. был главным священником Русского охранного корпуса в Сербии [13, с. 323].

В стремлении Зарубежного синода представить Власова настоящим героем прошедшей войны есть один уязвимый с церковной точки зрения пункт: его нельзя назвать православным христианином. По свидетельству протопресвитера Александра Киселева, которого называют духовником РОА, Власов не исповедовался и не причащался, а это главный критерий того, ощущает ли человек себя православным или нет.

Поддержка со стороны Зарубежного синода книги протоиерея Г. Митрофанова, вызвавшей острую полемику в СМИ и Интернете, до известной степени является следствием того, что РЗЦ пошла на объединение с Московской патриархией со своей идеологией, в которой оправдание коллаборационизма составляет важную часть, и она от этой части не только не отказывается, но, к сожалению, нашла среди клира патриархии своих пропагандистов. В какой-то степени это напоминает ситуацию 1990-х гг., сложившуюся после того, как 16 мая 1990 г. Архиерейский синод Зарубежной церкви принял постановление об учреждении своих приходов и епархий на канонической территории Московской патриархии, т. е. в России. Либеральная пресса стала писать о конце консервативной и пронизанной «кэгэбистскими агентами» Московской патриархии, которую должна сменить свободная Православная церковь, — из катакомб и подполья поднимутся тысячи подлинно верующих и священников и объединятся с Зарубежной церковью. Но из катакомб вышли не тысячи убежденных православных христиан, сохранивших традиционную церковную культуру, а представители подпольных общин с нередко деградировавшей

церковной практикой и искаженным религиозным сознанием. «Зарубежники» потом от таких маргиналов отказались. Иными словами, действия части руководства Зарубежной церкви и ее иллюзорная надежда, впоследствии обратившаяся в миф, что в советских условиях подлинная церковь сохранилась только в подполье и теперь она воссоединится с Зарубежной, а Московской патриархии наступит конец, дали толчок соответствующим выступлениям в российской печати и публицистике.

В настоящее время, по некоторым данным, РПЦЗ объединяет от 300 до 500 тыс. последователей в более чем 30 странах мира. Основная их часть проживает в США, Германии, Канаде, Австралии и Франции. Всего в РПЦЗ 454 при-

хода, они объединены в 16 епархий [14]. Согласно подсчетам Московской патриархии, в РЗЦ, действующей в 30 странах, 323 прихода и 22 монастыря, которые обслуживаются 14 архиереями и 350 священниками. В заключение следует особо подчеркнуть, что РПЦЗ остается единственной ветвью российского православного зарубежья, сохранившей верность исторической России и русскому православию.

Таким образом, проблема восстановления и сохранения единства русского православия как одной из основных опор и духовных скреп «русского мира» остается актуальной и связана с преодолением юрисдикционных границ и решением целого ряда других проблем русского церковного зарубежья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорий (Габбе), еп. Завет святого патриарха. М., 1996. 340 с.
2. Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк: Изд-во Северо-Американской и Канадской епархии, 1960.
3. Кашеваров А.Н. Печать Русской зарубежной церкви. СПб.: Роза мира, 2008. 256 с.
4. Цыпин В., прот. История Русской церкви. 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.
5. Кострюков А.А. Русская зарубежная церковь в 1939–1964 гг.: административное устройство и отношения с церковью в Отечестве. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 488 с.
6. Шкаровский М.В. Церковно-политическая деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в 1930-е гг. // Митрополит Антоний (Храповицкий) — архипастырь русского рассеяния: матер. конф. Джорданвилль: Изд-во Фонда русской истории, 2014. С. 349–373.
7. Евфимий (Логвинов), иером. О спорных вопросах послереволюционного периода Русской церкви и их освещении историками // История Русской право-

славной церкви в XX веке (1917–1933 гг.): матер. конф. (Сэнтендре, 13–16 ноября 2001 г.). Мюнхен: Изд-во обители прп. Иова Почаевского, 2002. С. 429–448.

8. Русак В.С. Церковные расколы XX века. Русская зарубежная церковь и Московский патриархат // Междунар. «Макарьевские чтения», посв. 210-летию со дня основания Алтайской духовной миссии св. Макария. Горно-Алтайск, 2002. С. 117–119.

9. Деяния Второго Всезарубежного собора Русской православной церкви за границей с участием клира и мирян, состоявшегося 1 (14) – 11 (24) августа 1938 г. в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939.

10. Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви (Москва, 13–16 августа 2000 г.). Н. Новгород, 2001. 288 с.

11. В память о восстановлении канонического общения внутри Русской православной церкви. М.: Софрино, 2007. 99 с.

12. Российская газета. 2007. 18 мая.

13. Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции. М.: Алетейя, 2009. 359 с.

14. Независимая газета. 2007. 18 мая.

КАШЕВАРОВ Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: kashevar12@mail.ru

A.N. Kashevarov

THE RUSSIAN CHURCH FOREIGNNESS IS IN THE CONTEXT OF PROBLEM OF RENEWAL OF UNITY OF THE "RUSSIAN WORLD"

In the article of there is description of church jurisdictions on that in 1920 – beginning of 1930th the Russian church foreignness cracked, their attitude is analysed toward the problem of renewal of unity of Russian Orthodoxy as one of spiritual supports and of the Russian world. The special attention is spared to opening of position of Russian Foreign Church that remains the only branch of Russian Orthodox foreignness, saving loyalty historical Russia and Russian Orthodoxy. At the same time the Russian Church Abroad went to the union with the Moscow Patriarchate with its own ideology, in which the justification for collaboration is an important part, and it is from this part of not only refuses, but, unfortunately, found among the clergy of the Patriarchate of its promoters.

RUSSIAN CHURCH ABROAD; THE RUSSIAN WORLD; THE MOSCOW PATRIARCHATE; RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ABROAD; WESTERN EUROPEAN ARCHDIOCESE OF ORTHODOX PARISHES OF RUSSIAN TRADITION ECUMENICAL (CONSTANTINOPLE) PATRIARCHATE; AUTOCEPHALOUS AMERICAN ORTHODOX CHURCH.

REFERENCES

1. Grigoriy (Grabbe), episkop. *Zavet svyatogo patriarkha* [Precept of saint patriarch]. Moscow, 1996. 340 p. (In Russ.)
2. Nikon (Rklitskiy), arkhiepiskop. *Zhizneopisaniye blazhenneyshogo Antoniya, mitropolita Kiyevskogo i Galitskogo* [Biography of saint Anthony, metropolitan Kyiv and Galichina]. New York, Of the North-American and Canadian diocese Publ., 1960.
3. Kashevarov A.N. *Pechat' Russkoy zarubezhnoy tserkvi* [Printing of Russian foreign Church]. St. Petersburg, Rosa mira Publ., 2008. 256 p. (In Russ.)
4. Tsypin V., protoierey. *Istoriya Russkoy tserkvi. 1917–1997* [History of Russian Church. 1917–1997]. Moscow, Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr' Publ., 1997. 831 p. (In Russ.)
5. Kostryukov A.A. *Russkaya zarubezhnaya tserkov' v 1939–1964 gg.: administrativnoye ustroystvo i otnosheniya s tserkovyu v Otechestve* [There is Russian Foreign Church in 1939–1964: the Administrative device and relationships with Church in Homeland]. Moscow, PSTGU Publ., 2015. 488 p. (In Russ.)
6. Shkarovskiy M.V. [Church and political activity of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) in the 1930ies]. *Mitropolit Antoniy (Khrapovitskiy) – arkipastyr' russkogo rasseyaniya* [Metropolitan Antonii (Khrapovitskii) – Archpastor of the Russian Diaspora Conference Proceedings]. Jordanville, Foundation of Russian History Publ., 2014. Pp. 349–373.
7. Yevfimiy (Logvinov), iyeromonakh. [Controversial issues of the post-revolutionary period of the Russian Church and their coverage by historians]. *Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi v XX veke (1917–1933)* [History of Russian Orthodoxy Church in XX eyelid (1917–1933): Materials of the conf. Sentendre, 2001, Nov. 13–16]. Munich, of monastery of reverend Iova Pochaevsckogo Publ., 2002. Pp. 429–448.
8. Rusak V.S. *Tserkovnyye raskoly XX veka. Russkaya zarubezhnaya tserkov' i Moskovskiy patriarkhat*. [The International “Macarius reading” sanctified to the 210 year from the day of founding of the Altaian spiritual mission saint Macarius]. Gorno-Altai, 2002. Pp. 117–119. (In Russ.)
9. *Deyaniya Vtorogo vsezarubezhnogo sobora Russkoy pravoslavnoy tserkvi za granitsey s uchastiyem klira i miryan, sostoyavshegosya 1 (14) – 11 (24) avgusta 1938 g. v Sremskikh Karlovtsakh v Yugoslavii* [Acts of the Second Cathedral of Russian Orthodoxy Church are abroad with participation and laymen, taking place on August, 1 (14) – 11 (24) 1938 in Sremski Karlovzi in Yugoslavia]. Belgrad, 1939.
10. *Sbornik dokumentov i materialov yubileynogo Arkhiyereyskogo sobora Russkoy pravoslavnoy tserkvi. Moskva, 13–16 avgusta 2000 g.* [Collection of documents and materials of anniversary Bishop Cathedral of Russian Orthodoxy Church. Moscow, on August 13–16, 2000]. Nizhniy Novgorod, 2001. 288 p. (In Russ.)

11. *V pamyat' o vosstanovlenii kanonicheskogo obshcheniya vnutri Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [In memory of renewal of canonical common communication into Russian Orthodox Church]. Moscow, Sofrino Publ., 2007. 99 p. (In Russ.)

12. Rossiyskaya gazeta [Russian newspaper]. 2007. May 18. (In Russ.)

13. Shkarovskiy M.V. *Istoriya russkoy tserkovnoy emigratsii* [History of Russian church emigration]. Moscow, Aleteia Publ., 2009. 359 p. (In Russ.)

14. Nezavisimaya gazeta [Independent newspaper]. 2007. May 18. (In Russ.)

KASHEVAROV Anatoliy N. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kashevar12@mail.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.239.4

УДК 122/129

Н.В. Суманова

РОЛЬ ЕВРАЗИЙСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

В статье рассмотрены современные интеграционные процессы в социокультурной и образовательной сферах. Дан анализ общемировых интеграционных процессов, берущих начало в странах Запада. Выявлены проблемы глобализации и унификации в разных сферах жизни общества. Отмечены наиболее значимые особенности современной интеграционной деятельности, в том числе постепенная смена ориентиров развития мира с европейских на евразийские и азиатские. Рассмотрены роль и теоретическая значимость евразийских интеграций в современном мире.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ; ЕВРАЗИЙСТВО; НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ; ГЛОБАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ; НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ.

В современном мире важную роль играют международные интеграционные процессы, происходящие во всех сферах жизни. Интеграция, т. е. процесс объединения различных элементов в целое, представляет собой одну из форм развития общества, политики, экономики и культуры, важной чертой которой в большинстве случаев является глобальный характер наблюдающихся взаимодействий. Важно и то, что из-за глобальной составляющей интеграционные процессы могут происходить самостоятельно, вне зависимости от желания общества, однако объединения, регулируемые или формируемые социумом, отражают наиболее приоритетные, актуальные и востребованные локальным и мировым сообществом тенденции, сферы и направления развития.

Сегодня в качестве наиболее значимой особенности современного интеграционного процесса можно отметить постепенную смену ориентиров развития мира с европейских на евразийские и азиатские и соответственно новые направления общественных, культурных и политико-экономических слияний. Ослабление европейского вектора развития восполняется на международной арене укреплением евразийского и азиатского векторов, что ведет к кардинально новым международным объединениям и способам коммуникации.

Рассмотрим роль и значимость евразийства в контексте интеграционных программ современности.

Основные направления современных интеграционных программ. Глобальное развитие мира, вызванное достижениями научно-технической революции, привело к преобразованию личности, ее мировосприятия и роли в устройстве окружающей среды, устранению негативных результатов научно-промышленной деятельности. Эти изменения стали реализовываться через формирование новых личностных потребностей, условий жизни, в которых человек не может существовать независимо от общества. Подобные изменения постепенно достигли уровня стран через ослабление их государственной самостоятельности и возрастание зависимости от других государств, порождая на бытовом, промышленном, политическом и даже психологическом уровнях потребность в развитии интеграционных процессов.

Несмотря на возникновение и развитие современных международных политико-экономических и военных объединений, основными из которых являются Евросоюз, НАТО, ООН, ОБСЕ, важную роль в интеграционных процессах продолжает играть социокультурная сфера как основа взаимодополнения и слияния науки, образования, культуры и религии государств и наций. Именно от уровня научно-учебной деятельности, культуры и религии в обществе зависит формирование как индивидуального мировосприятия каждого человека, так и мировосприятия социума в целом. Интеграция приведет к изменению нравственных, духов-

ных, материальных ценностей, формированию новых социальных основ, а также измененному видению идеального государственного устройства и международных и внутригосударственных взаимодействий.

Рассматривая вопросы современного образования, стоит отметить его важную характеристику – глобальную составляющую. Познание, как ресурс современного мира, наиболее приоритетно и значимо, оно является основным способом не только получения информации об устройстве и развитии всех сфер жизни общества, но и обретения навыка управления данными, что лежит в основе формирования общественного мировосприятия. Под влиянием современных процессов интеграции и интернационализации образование становится всё более открытым и глобальным, что приводит к формированию абсолютно новой научно-исследовательской и образовательной среды, где преобладают универсальные для всех ее участников требования, стандарты и нормы, которым необходимо следовать для достижения единых мировых результатов деятельности.

Интеграция образовательных систем привела к снижению уровня самостоятельности и независимости региональных университетов. Однако при этом цель всех глобальных слияний и унификаций – создать такие формы устройства вузов и системы их взаимодействия, при которых на основе общемировых стандартов могли бы реализовываться национальные интересы всех участников и мог бы осуществляться совместный поиск решения глобальных проблем. Однако эффективными данные системы могут быть только в случае схожих исторических, культурных и экономических особенностей государств. Пример – система образования в Евросоюзе, основу которой составляют вузы, имеющие схожие этапы создания и развития. В данном случае считающаяся эталонной система западноевропейского образования является достаточно гармоничной в интеграционных процессах по причине того, что цельность в этапах ее исторического и культурного развития привела к плавному и безболезненному переходу от национальных образовательных особенностей к единым наднациональным, чего мы не можем сказать о процессе перехода высшей школы России и Азии к общемировым

нормам из-за значительных различий в культуре и этапах развития стран.

Яркий пример глобальной интеграции в образовании – Болонский процесс, к которому в 2003 году присоединилась Российская Федерация благодаря действующему тогда министру образования РФ В.М. Филиппову. Главная идея Болонского процесса – создание единого образовательного пространства, позволяющего национальным системам образования европейских стран взять всё лучшее, что есть у партнеров, за счет повышения мобильности студентов, преподавателей, управленческого персонала, укрепления связей и сотрудничества между вузами Европы и других стран-участников, что увеличивает привлекательность единой Европы на мировом образовательном рынке. При этом, что важно, для гармонизации все системы высшего образования должны стать «прозрачными» и максимально сравнимыми, а это достигается за счет широкого распространения однотипных образовательных циклов (бакалавриат – магистратура), введения единых или легко поддающихся пересчету систем образовательных кредитов (зачетных единиц), одинаковых форм фиксирования получаемых квалификаций, взаимной признаваемости академических квалификаций, развитых структур обеспечения качества подготовки специалистов [1].

Для Европы Болонская система, закрепленная декларацией в 1999 году, является привычной системой обучения и оценивания знаний студентов, России же в процессе ее реализации пришлось столкнуться с рядом сложностей, вызванных необходимой перестройкой всей системы образования страны и, как следствие, снижением ее качества.

Ключевым направлением интеграции в сфере образования является стремление государств к включению своих вузов в рейтинг мировых университетов, что влечет за собой приобретение ряда значительных и важных составляющих для высшего образования: это высокая концентрация талантов (преподавателей и студентов); изобилие ресурсов для создания благоприятных условий для обучения и проведения опережающих научных исследований; структура управления вузом, которая содействует развитию стратегического видения, инновациям и гибкости, позволяет вузу принимать

решения и управлять ресурсами без бюрократических преград [2, с. 7]. Изменение статуса вуза до уровня мирового университета делает его не только более престижным, но и экономически выгодным, определяя его одним из факторов, стимулирующих развитие глобализации за счет большего участия в деятельности транснациональных корпораций.

Не менее важными являются процессы интеграции в культурной сфере. Процессы культурного слияния, вызванные активным развитием и возрастанием роли СМИ, Интернета, социальных сетей, приводят к постоянным и неконтролируемым процессам культурных заимствований, перетекающих в развитие единой общемировой массовой культуры, и потере уникальности национальных традиций стран. Создание массовой культуры, в основу которой будут интегрированы особенности культур различных народов, характеризуется как с положительной стороны (организация общемирового духовного и материального пространства, близкого и знакомого представителям различных государств, конфессий и национальностей, практически единого в ценностях, мировосприятии и традициях), так и с отрицательной (уход от культурных истоков своей страны, потеря самоидентичности). СМИ и Интернет из-за отсутствия каких-либо границ своего распространения и влияния не только «обслуживают» массовые процессы в различных сферах жизни общества, но и сами порождают новые виды массовой деятельности, связанные с массовой коммуникацией, культурой и оперированием массовой информацией [3, с. 96]. Это приводит к изменению восприятия понятий пространства и времени, поскольку стираются четкие грани между «своим» и «чужим» в культуре, языке и мировоззрении. Данные общность и массовость, слияние «разного» в «единое» стимулируют потребность людей в дальнейшем объединении, которое изменит самоопределение индивидов, постепенно превратит их из граждан конкретной страны в граждан мира.

Евразийские интеграции в современном мире. Их сущность и теоретическая значимость. Как уже было сказано выше, сегодня особенно активно и приоритетно с точки зрения мирового развития реализует себя евразийское направление. Но чем вызван переход от европейских интеграций к евразийским? Современная Россия

взяла курс на укрепление своей государственности и национальных особенностей и свобод. Приоритетным с точки зрения государственной национальной политики является развитие идей о самоопределении русского народа, о «полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром». «Уверенность, что мы можем обеспечить гармоничное развитие поликультурной общности, опирается на нашу культуру, историю, тип идентичности» [4].

Наблюдающийся в последние полгода общий культурный и экономический упадок западных стран, вызванный активным переселением туда мигрантов, потеря и трансформация традиционных моральных ценностей стали одними из причин смены курса развития и международного взаимодействия России. Пропаганда толерантности, свободы прав человека в странах Запада, меняющая в сознании людей понятия семьи, брака и здоровья, чрезмерная открытость Европы, миграционная политика Евросоюза, отказывающаяся от принципа какой бы то ни было формы коллективной идентичности, привели к обострению этносоциальных конфликтов. В результате Европа оказалась наполненной массивами мигрантов с Ближнего Востока, которые являются носителями исламского самосознания, архаичного и устойчивого, вовсе не вписывающегося в культурный тип современного европейца [5]. «Постхристианские» европейцы ставят знак равенства между добром и злом, их отличает отрицание нравственных начал, слабое ощущение идентичности и чрезмерная политкорректность [6, с. 12].

Данные ситуации стали еще одним стимулом для России вспомнить и укрепить традиционные исторические ценности для поддержания здорового социального уклада общества. Россия постепенно, но активно меняет свое мировоззрение, приоритеты развития, выводя на первое место не шаблонные представления о развитости и превосходстве Европы, а восприятие себя как самостоятельной и полноценной цивилизации, способной развивать свою экономику и культуру и не зависеть только от единой европейской и американской валюты.

С усилением конфронтации между Западом и Россией, вызванной в том числе «цветными революциями» и кризисом на Украине, приоритетными стали восточные направления развития отношений между народами и

государствами, а именно евразийские. Важно заметить, что благодаря концепции формирования евразийского пространства уходит в прошлое стратегия однополярного мира. Особую значимость начинают приобретать евразийские интеграции, сформированные в виде объединенных организаций еще в 1990-х годах по инициативе президента Казахстана Н. Назарбаева. К ним можно отнести: Союзное государство (союз России и Белоруссии), договор о создании которого был подписан в Москве 2 апреля 1996 года; Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), начало которой было положено 15 мая 1992 года; Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), ставшее основой для формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Все эти объединения представляют собой противоположность европейским объединенным организациям (ЕС, НАТО, ОБСЕ) в плане направления и территории влияния, но при этом являются их аналогами, выполняя схожие функции.

Сегодня евразийские интеграции – это не просто форма объединения государств – бывших советских республик, входящих в состав СНГ, для ведения эффективной политической и экономической деятельности, а полноценная идея, мировоззрение и даже философия. Ее основная задача – возродить самостоятельную и независимую страну, способную противостоять опасному и разрушительному «вирусу» европейской идеи равноправия, стирающему границы уникальности стран и подменяющему традиционные общечеловеческие ценности нетрадиционными. Примером этого «вируса» может служить поддержка Западом группы «Pussy Riot», устроившей публичную акцию протеста в главном православном храме Москвы, а также резко негативная реакция Запада, особенно в преддверии сочинской зимней Олимпиады 2014 года, на принятый в России закон о запрете пропаганды среди детей нетрадиционных браков [6, с. 12].

Сохранение и укрепление независимости России, не только политической, но и духовной, на мировой арене являются ключевой задачей евразийских интеграций. Именно поэтому политика популяризации и пропаганды отечественной культуры, истории, науки, про-

мышленности прослеживается во всех сферах деятельности и характере евразийских объединенных организаций, а также в выборе стран-партнеров для развития межгосударственных и межнациональных отношений. Сегодня всё больше начинают взаимодействовать между собой университеты России, стран Азии и бывших советских республик, создавая условия для проведения совместных исследований, разработки аналогов западным технологиям.

Значимость евразийских интеграций заключается в том, что, развиваясь своим путем, по собственным программам национальных и межгосударственных взаимодействий, Россия сможет способствовать сохранению многополярности системы международных отношений и крушению статуса США как единого мирового лидера, уйти от шаблонных представлений об уникальности и превосходстве Европы. Формирование и закрепление в общественном сознании национальной идеи России приведет не только к укреплению позиций нашей страны на мировой арене, но и к изменению национального самосознания, что является основой крепкого и развивающегося государства.

Современные интеграционные процессы – одна из ключевых форм развития мира, взаимодействия стран между собой, они влияют на формирование общества и его мировосприятие. Распространяясь абсолютно на все сферы жизни и деятельности социума, интегрированные особенности разных культур, экономик, политик выступают главным способом обновления, но в то же время и унификации общества, его взглядов, сознания и быта.

Опережающий во многом характер международных интеграций важен с точки зрения становления новой науки, экономики и культуры, а значит, и перераспределения общественных и мировых ресурсов в соответствии с глобальными целями. Но слияние культур предполагает и унификацию их ценностей и норм. При этом ключевую роль в объединении играют западные страны, создавая особые требования, к которым и стремятся все современные интеграционные процессы.

Однако роль западной идеологии в управлении всеми общественными процессами снижается, чему способствует несбыточность желания создать открытое, толерантное и равноправное

общество. Сегодня евразийские интеграции являются ключевой философией в выстраивании межнациональных и межгосударственных отношений, первоначально на евразийском пространстве и со странами Азии. Их роль неук-

лонно растет, создавая биполярный мир и, что самое главное, условия для укрепления и популяризации традиционных ценностей, самобытной культуры России, воспитания и развития потенциала молодежи страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Болонский** процесс и Россия. СПбГУ. URL: <http://www.bologna.spbu.ru/> (дата обращения: 22.01.2016).
2. **Салми Д.** Создание университетов мирового класса [пер. с англ.]. М.: Весь мир, 2009. 132 с.
3. **Кузнецов Д.И.** Массмедиа и этика цифрового мира // *Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тез. докл. VII Рос. филос. конгр. В 3 т. Т. III.* Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.
4. **Путин В.В.** Россия: национальный вопрос. URL: <http://er.ru/news/72442/> (дата обращения: 22.01.2016).
5. **Европа:** тенденции и прогноз на 2016 г. // Аналит.-информ. портал Геополитика. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/evropa-tendencii-i-prognoz-na-2016-g#.VqjPKU9sCUQ> (дата обращения: 27.01.2016).
6. **Тренин Д.** Россия порвала с однополярной системой: побудительные мотивы политики Путина // *Carnegie Endowment for International Peace*, 2015. 31 с.

СИМАНОВА Наталья Владимировна – аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: natashsimanova@yandex.ru

N. V. Simanova

THE ROLE OF EURASIANISM IN MODERN INTEGRATION PROCESSES

This paper is devoted to consideration of modern integration processes in socio-cultural and educational spheres. Analyzes global integration processes, originating in Western countries, identifies the problems of globalization and unification of all spheres of society. Especially noted the main features of modern integration activities, including the gradual change of orientation of development of the world from European to Eurasian and Asian. Also examines the role and theoretical significance of the Eurasian integration in the modern world.

INTEGRATION PROCESSES; EURASIANISM; NATIONAL CHARACTERISTICS; GLOBAL UNIVERSITIES; NATIONAL SELF-DETERMINATION.

REFERENCES

1. *Bolonskiy protsess i Rossiya. SPbGU* [The Bologna process and Russia. St. Petersburg State University]. Available at: <http://www.bologna.spbu.ru/> (accessed 22.01.2016).
2. Salmi D. *Sozdaniye universitetov mirovogo klassa* [Creating world class universities]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2009. 132 p. (In Russ.)

3. Kuznetsov D.I. [Massmedia and ethics of the digital world]. *Filosofiya. Tolerantnost'. Globalizatsiya. Vostok i Zapad – dialog mirovozzreniy* [Philosophy. Tolerance. Globalization. East and West: dialogue of worldviews]. Abstr. of VII Russian Congress of philosophy. In 3 vol. Of vol. 3. Ufa, 2015. (In Russ.)

4. Putin V.V. *Rossiya: natsional'nyy vopros* [Russia: the national question]. Available at: <http://er.ru/news/72442/> (accessed 22.01.2016).

5. *Evropa: tendentsii i prognoz na 2016 god* [Europe: trends and forecast for 2016]. Analytical and informational portal Geopolitics. Available at: <http://www.geopolitica.ru/article/evropa-tendencii-i-prognoz-na-2016-g#.VqjPKU9sCUQ> (accessed 27.01.2016).

6. Trenin D. *Rossiya porvala s odnopolyarnoy sistemoy: pobuditelnyye motivy politiki Putina* [Russia broke with a unipolar system: the motivation behind Putin's policies]. *Carnegie Endowment for International Peace*, 2015. 31 p. (In Russ.)

SIMANOVA Natalya V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: natashsimanova@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.5
УДК 327(091)

Б.Р. Асадов

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСФОРМАЦИИ РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК АКТОРОВ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Статья посвящена проблеме трансформации международной организованной молодежной среды, в которой значимую роль играют международные молодежные организации. Определены основные предпосылки появления новых международных молодежных организаций в качестве специфических акторов международного гуманитарного сотрудничества. Дана характеристика понятий «молодежные акторы», «субъектность молодежных акторов» и «международная организованная молодежная среда». Социально-исторические предпосылки развития международного молодежного взаимодействия при активном участии этих акторов рассматриваются как важные элементы процесса формирования новой модели гуманитарного сотрудничества. На рубеже XX и XXI столетий формирование новой международной организованной молодежной среды, где по-прежнему доминировали молодежные акторы из европейского региона, вписывалось в общую логику расширения границ внешней культурной политики Евросоюза и других структур, открывающих новые возможности для международного взаимодействия. Трансформация ключевых молодежных объединений левого толка, которая привела к минимизации роли российских участников в международном молодежном движении, обусловила необходимость дальнейшего расширения дискуссионной площадки с целью разработки эффективных концепций развития института международных молодежных организаций, являющегося необходимым ресурсом гуманитарного влияния.

АКТОР; МЕЖДУНАРОДНЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ; МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ; НОВЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ АКТОРЫ.

Сложившаяся достаточно разветвленная система международного сотрудничества после кардинальных перемен на рубеже 1980–1990-х гг. нуждалась в поиске качественно новых форм и механизмов взаимодействия между культурами, народами и социальными группами. Динамика международных событий, процессов, норм и потоков предопределяет и важность коллективных согласованных действий всех участников на международной арене. Значимое место в этом отводится неправительственным некоммерческим акторам. Усиление роли и влияния последних в качестве участников международного гуманитарного сотрудничества, состояние которого «показывает как прогресс, так и ограниченность и противоречивость» [1], актуализировало необходимость научного осмысления их деятельности в этой области, не в полной мере

отвечающей запросам современного международного сообщества.

Очевидно, в условиях динамичного развития современного мира гуманитарное взаимодействие становится значимым фактором в сфере международного сотрудничества разнонаправленных объединений такой социальной группы, как молодежь, и, следовательно, обращает на себя внимание расширяющаяся география деятельности ее многочисленных организаций и институтов: местных, региональных и, особенно, международных.

Важным элементом гуманитарной деятельности подрастающего поколения выступает пережившая трансформацию, обусловленную множеством факторов, *международная организованная молодежная среда*, т. е. совокупность различных факторов, явлений, условий и, особен-

но, сообщество молодежных акторов, которые осуществляют многоаспектное взаимодействие на международной арене. По сути, идентифицировать ее как некое особое, отдельное от других пространство невозможно. Строгая система международных молодежных организаций отсутствует. В результате трансформации изменились некоторые институциональные и поведенческие характеристики международной организованной молодежной среды. Приобщение молодежи к новым формам взаимодействия, преимущественно гуманитарным, зависело от совокупности факторов, и в частности от характера ее участия на международном уровне, приобретавшего всё более новое институционально-организационное оформление под влиянием социально-исторических условий. Формировавшаяся новая организованная среда представляла собой арену взаимодействия многочисленных новых *молодежных акторов*, включавших в себя разновидности возникших молодежных структур и организаций на международной арене. Деятельность многих международных объединений и структур молодежи стала носить преимущественно неполитический характер, в отличие от периода холодной войны характеризовалась отказом от примата политического и идеологического начал. Подавляющее большинство из них (относительно стран социалистического блока или организаций левого толка) складывалось в результате распада или смены приоритетов. Фактически крупные центры международного молодежного притяжения, являющиеся активными выразителями интересов молодежи, переживают период распада или выступают фактором трансформации.

Присутствие на международной арене достаточно большого разнообразия молодежных акторов, которые стремятся выйти на глобальную сцену так же решительно, как и другие неправительственные акторы, воспринимается как естественная и неотъемлемая составляющая современных международных отношений. Действенными посредниками между молодежью и международным сообществом в отличие от первых подобных организаций, возникших еще в середине XIX в., объективно вовлекая молодежь в свои ряды и предлагая институциональные формы реализации идеалов в практику, выступают заинтересованные участники происходящих в мире преобразований.

Несомненно, значение этих акторов в условиях растущей глобализации наиболее существенно, если учитывать не только их ключевую роль в интернационализации молодежных связей, но и многоаспектную деятельность, которая выступает в качестве социально-гуманитарного фактора в процессе развития взаимопонимания, сотрудничества между государствами и институтами гражданского общества.

Появление новых форматов взаимодействия также связано с тем, что на международном уровне или в лице отдельных стран и регионов молодежь оказывается перед социально-гуманитарными вызовами и явлениями современности. Это некий детерминант, который усиливает ее стремление к объединениям – новым формам коллективного действия по сравнению с предыдущими десятилетиями, имеющим уже иные масштабы и признаки.

В этом плане представляется необходимым обратить внимание на некоторые аспекты расширения границ международной деятельности организаций и институтов молодежи, на поведение которых значительное влияние оказали исторические события, происходившие на рубеже XX и XXI вв. Поводом для нашего обращения к этой теме стало отсутствие глубоких исследований роли международных молодежных организаций, деятельность которых в новых социально-исторических условиях имеет растущую динамику по количественным и качественным показателям. Источником динамики расширения их роли и географии деятельности остается новая международная среда, которая прямо или косвенно влияет на этот процесс и поиск иных методов и форм взаимодействия молодежи.

В связи с этим особую научно-практическую значимость приобретает как изучение предпосылок трансформации роли международных молодежных организаций, так и выявление наиболее перспективных моделей гуманитарного взаимодействия молодежи на международной арене. Исследование проблем возникновения новых форматов гуманитарного взаимодействия молодежи необходимо в связи с тем, что крупные международные молодежные объединения не только оказались одной из самых привлекательных общественных структур, отвечающих широким интересам молодежи, действующих на локальном,

региональном и международном уровнях, но и стали всё более активно выходить за рамки традиционных форм деятельности. В свою очередь, это не может остаться без внимания специалистов на их неучитываемом гуманитарном потенциале в сфере международных отношений, в частности в плане минимизации границ межцивилизационного противостояния и расширения гуманитарного диалога между представителями разных культур. Несмотря на сложные политические отношения между отдельными центрами и государствами, этим акторам не уйти от реалистического осознания тесного взаимодействия не только во внешней политике, экономике, в сфере безопасности, но и в гуманитарной сфере. Наравне с другими доминантами гуманитарная сфера всё более расширяет масштабы международного сотрудничества, в том числе за счет деятельности международных молодежных организаций. Именно исторический взгляд на характер их гуманитарной деятельности, который в условиях ускорения трансформационных процессов и социальных изменений общества обретает всё новые организационные признаки и свойства, не получил широкого освещения в научных трудах современных исследователей. Предлагаемый авторский взгляд на некоторые аспекты относительно гуманитарной составляющей деятельности международных молодежных организаций может заострить внимание исследователей и практиков к этой столь специфической проблеме сферы международных отношений.

Известно, что международные организации в качестве правового феномена возникли на рубеже XIX и XX вв. в условиях растущих потребностей международного общения и взаимодействия. Последние во многом стали важными предпосылками создания постоянно действующих механизмов и институтов между странами, народами, социальными группами. В этом плане возникновение международных молодежных организаций, являясь отражением объективных тенденций, выступает одной из важнейших предпосылок не только растущих молодежных связей, но и постепенного формирования организованной международной молодежной среды. Как показывает анализ эволюции международного взаимодействия молодежи, вышеуказанный исторический пе-

риод был связан с ростом стихийных и инициативных тенденций, самоорганизации молодых людей на международной арене. Молодежные сообщества, возникшие в XIX в., явились прообразами современных международных молодежных организаций.

Конечно, важным этапом, когда, собственно, и появились международные молодежные организации, можно считать период, начавшийся в 1920-х гг. Сфера деятельности этих организаций характеризуется либо либеральными отношениями между государством и молодежными организациями, либо непосредственной инициативой молодежи и государственных, а также других политических акторов в создании этих организаций, часто вплоть до полного подчинения последних тотальному контролю с целью решения политических амбиций на международной арене.

Как в первой, так и во второй половине XX в. существовали объективные предпосылки и условия для интернационализации жизни молодежи, которые вызвали необходимость создания наиболее крупных международных молодежных организаций. Демонстрируя собственную специфичность, такие организации всегда приспосабливались к международным условиям сотрудничества, стремились к определению своей роли в сложных общественно-политических процессах.

Тенденции к единству посредством институциональных форм выражений интересов молодежи на международной арене, в том числе посредством этих организаций, по тем или иным признакам надели объективно. События того периода наглядно демонстрируют историческую роль молодежи в данном процессе, где деятельность этих организаций в международной сфере явно имела идеологические измерения. Благодаря международной деятельности действующих молодежных организаций (особенно организаций рабочих, студенческих, а также религиозных), которые были созданы в основном по религиозно-политическому принципу, вырисовывались векторы развития международного молодежного взаимодействия. На характер их деятельности непосредственное влияние оказывали такие факторы, как рост и могущество, авторитет политической системы, национально-освободительные движения народов, социальные проблемы обществ, локаль-

ные, региональные и мировые войны, противостояние двух политических систем (Восток и Запад), процессы демократизации и т. д.

Вместе с тем поддержка СССР международного молодежного движения и согласованные действия по реализации молодежных программ способствовали росту тенденции формирования единства молодежи. И это имело не только политические цели, но часто было направлено на продвижение политики гуманитарной составляющей, которая находила явное понимание среди молодежных объединений. Важное место в их деятельности занимали вопросы антиимпериалистической солидарности и антивоенных политических кампаний, нацеленных на создание единого фронта молодежи против угрозы войны и поддержку освободительных движений в различных уголках мира. В рамках единой платформы (например, Всемирной федерации демократической молодежи и др.) молодежные объединения часто выступали инициаторами подобных кампаний, наполняя новым содержанием международное взаимодействие молодежи.

Активизация институционального взаимодействия молодежи в гуманитарной сфере была связана и с деятельностью крупных международных организаций. В первую очередь следует признать, что в рамках ООН, ЮНЕСКО было положено начало рассмотрению участия молодежи и ее организаций как позитивного фактора, направленного на развитие международных отношений. В документах ООН отмечалось, что обмен представителями молодежи идеями в духе мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами может способствовать улучшению международных отношений и укреплению мира и безопасности [2]. Практика расширения гуманитарной роли молодежных организаций продолжалась и в дальнейшем в решениях ООН, направленных на создание каналов взаимодействия с молодежью посредством ее организаций.

Несмотря на усилия ООН и других международных организаций, а также молодежную политику, осуществлявшуюся в масштабах некоторых центров мировой политики (Европы, США, СССР и стран социалистического блока) и направленную на активизацию роли молодежи в мире, развитие международной организованной молодежной среды во многом

определяли тенденции набирающих силу глобализационных процессов, особенно во время холодной войны, которая ограничила ее конструктивный диалог по ключевым проблемам международной жизни. На фоне существовавшей «избирательности» связей на международной арене происходило осознание своей сопричастности ко всему, и оно часто находило яркое отражение в стремлении определенной части молодежи к переменам, взаимодействию, в том числе в гуманитарной сфере.

Кроме того, крупные массовые выступления, солидарная позиция молодежи, особенно студенческой, которые выявили рост институциональной роли (имеющей как политические, так и гуманитарные измерения) и влияние молодежи в международной среде, внесли некоторые коррективы в научно-общественную мысль. Ключевые вопросы международной молодежной среды, входившие в «набор» социальных движений 1968 г., такие как молодежные движения и межпоколенческая политика, активно обсуждались в научной литературе [3].

При этом необходимо отметить, что «гуманизация и демократизация международных отношений, создающие благоприятные предпосылки» [4] и условия для качественного гуманитарного взаимодействия молодежи в рамках международных молодежных организаций, входящих в новый период своего «переформатирования», были заложены после событий, произошедших на рубеже 1980–1990-х гг. в СССР и, особенно, в странах Восточной Европы. Объективная необходимость включения последних в новую мировую систему координат породила принципиально новые проблемы взаимодействия, в том числе молодежи. Организованная международная молодежная среда на фоне смены социальных и политических ориентиров переживала новый этап перемен и институционального становления. Возникла острая необходимость поиска новых форм и методов участия в международной организованной среде, которая, в целом трансформируясь, обретала более открытый и децентрализованный характер. Неформальные молодежные объединения, выступавшие проводниками неофициальной молодежной идеологии, активно копировали западные аналоги и молодежные традиции.

Становление альтернативных молодежных организаций в новой реальности, поиск гибких

форм международного взаимодействия молодежи привели к противоречию в плане готовности этих акторов сыграть традиционную активную роль на международной арене. Развитие новой организационной молодежной среды содержало уровень неопределенности, следовательно, одни из ее важных черт — разобщенность, минимизация явления масштабности, ослабление левого крыла, больше не опиравшегося на исторические традиции взаимодействия молодежи (антивоенные кампании, фестивальные движения и т. д.), явно имевшие жесткие идеологические рамки.

На фоне продолжавшейся трансформации международного молодежного движения и крупных национальных молодежных организаций левого толка, ослабления их роли популярными и наиболее востребованными в процессе гуманитарного взаимодействия стали международные молодежные объединения и институты Запада. Для многих из них были определены организационно-правовые рамки деятельности, намечены программные действия с целью эффективного использования их ресурсов на международной арене. Существенное влияние на этот процесс оказала организационно-правовая поддержка на уровне региональных институтов как в рамках молодежных структур (Молодежного директората, имеющего два Европейских молодежных центра — в Страсбурге и Будапеште; Европейского фонда молодежи), так и в виде целого свода нормативных документов, программных действий (были приняты важные решения Европейским союзом, Советом Европы и другими региональными структурами). Неотъемлемыми элементами этой политики стали решение Европейского парламента и Совета Европы о международном сотрудничестве в сфере молодежной политики, которое открыло новые возможности для молодежных акторов, и реализация программы «Молодежь за Европу» [5, с. 1] и других программ, учитывающих в том числе приоритеты международной деятельности организаций и институтов молодежи общеевропейского пространства.

Конечно, важным адресатом этой политики выступала наднациональная общеевропейская платформа международных молодежных организаций и национальных советов молодежных и детских объединений — Европейский молодежный форум (ЕМФ), который

был создан в 1996 г. Имея иные масштабы деятельности, в соответствии с существовавшими приоритетами и практикой сотрудничества со странами постсоциалистического лагеря ЕМФ формировал новые модели взаимодействия с многочисленными молодежными организациями и институтами данного региона. В определенной степени действуя в целях привлечения молодежи в процесс скорейшей интеграции в новую систему ценностей, например в рамках программы «Молодежь в действии» («Youth in Action») и других механизмов, ЕМФ способствовал не только развитию гуманитарного диалога и лучшему пониманию общечеловеческих ценностей молодежью стран региона, но и расширению границ единого общеевропейского гуманитарного пространства, в том числе за счет некоторых стран постсоветского пространства [6]. С развитием организованной молодежной среды происходило формирование наднациональной объединяющей тенденции. Международные молодежные организации, участвуя в деятельности ЕМФ и других аналогичных специфических неправительственных акторов — «зонтичных» структур (African Union Youth Council, Asian Youth Council, Caribbean Federation of Youth, Latin American Youth Forum, Pacific Youth Council, Y8 and Y20 Youth Summits, International Coordination Meeting of Youth Organizations и др.) с наибольшим представительством стран, народов и культур, способствовали активизации международной роли молодежи.

В новых условиях всё активнее происходило системное вовлечение их в процессы выработки «нового взгляда» и принятия решений на различных уровнях. Расширение сферы деятельности, в том числе в гуманитарной области, предопределило формирование активной позиции молодежных акторов, а следовательно, «легитимизацию» их субъектной позиции, не всегда совпадающей с установками других институтов общества. Молодежные акторы посредством «структурированного диалога» и реализации своих представительских функций в качестве признанных партнеров Евросоюза, Совета Европы, ООН и других международных структур расширяли границы своей *субъектности* во всех сферах жизнедеятельности общества. Например, ЮНЕСКО, с 1996 г. признавшая молодежь приоритетной группой в своей

деятельности, предложила новые проекты действия – ЮНЕСКО «для молодежи и с участием молодежи», которые включали в себя комплекс мероприятий. Были созданы различные механизмы работы с молодежью, в частности механизм партнерства с национальными бюро, международными молодежными организациями в рамках The UNESCO Youth Coordination Unit-UCJ.

Безусловно, несмотря на некоторые существующие «ограничения» (в том числе наличие субъект-объектного подхода), субъектность молодежи на международной арене по мере осознания ею сопричастности к происходящим переменам и повышения организованности возрастает. Вместе с тем уровень развития механизмов реализации особых форм субъектности молодежных акторов, в частности в сфере международного гуманитарного сотрудничества, в определенной степени зависит от качественного вовлечения последних в процесс миростроительства. В контексте обсуждаемой проблемы *субъектность молодежных акторов* – это важное их качество, которое проявляется в способности эффективно выступать в качестве действенного участника в процессе развития и взаимодействия в области международного гуманитарного сотрудничества. Возможность укрепиться в роли признанного полноценного субъекта в данной области есть только у того, кто, как правило, качественно адаптируясь к новым социально-политическим условиям, предлагает устойчивые и наиболее оптимальные практики, отвечающие запросам молодежи, и т. д. Важными условиями для развития субъектности этих акторов являются существующая международная организованная молодежная среда, система средств и механизмов, а также модели многоуровневого взаимодействия, которые подвергаются трансформации.

Таким образом, в сложившихся социально-исторических условиях деятельность международных молодежных организаций приобретает иное содержание, в том числе характерное преобладание субъектности молодежного сообщества. По мере развития (трансформации) международной среды значительно возрастает мобильность, происходит формирование нового типа связей, в частности более открытых форм взаимодействия, на уровне как межгосударственных отношений, наднациональных

площадок, так и межличностных контактов молодежи, в содержательную основу которых были заложены новые концепты гуманитарного сотрудничества. На фоне существующих некоторых различий в определенной степени наблюдается единообразие при выделении основных приоритетов в деятельности этих акторов. Особенно отчетливо это проявляется в гуманитарном аспекте в контексте формирования нового облика общества, развития плюрализма в молодежной самоорганизации. Этому способствует расширение границ международного взаимодействия молодежи, приобретающего всё более глобальный характер. Вместе с тем в организованной молодежной среде институционально оформились многосторонние каналы взаимодействия молодежи, порой вступающие в противоречие с современной практикой трансформации международных отношений.

Сегодня молодежные акторы, действуя целенаправленно, способны (с учетом сочетания фактора молодости, новаторских подходов и др.) направлять свое стремление и способности на изменение окружающей действительности в соответствии не только с собственными потребностями, взглядами и целями, но и навязанными извне. Этим объясняется, в частности, то, что в мире существует новый тип неправительственных акторов в виде международных молодежных организаций, которые, тесно взаимодействуя, могут создавать молодежи условия для реализации своего потенциала, выражения особой позиции с целью позитивного воздействия на современное общество, но и сами они часто становятся ресурсами так называемой «мягкой силы».

Наблюдая общую динамику усиления интернационализации связей молодежи, можно отметить, что с учетом происходящих эпохальных событий, существенно влияющих на действие молодежи, появляются объективные предпосылки трансформации роли международных молодежных организаций, вносящих свою лепту в гуманитарное развитие мира. Важная особенность нового этапа развития международного молодежного сообщества связана прежде всего с произошедшими в мире на рубеже XX и XXI вв. политическими переменами и разнонаправленными тенденциями глобализации, которые усилили универсализацию характера молодежного взаимодействия. Несмотря на

наличие на международной арене различных течений, специфичность интересов и задач молодежи, которые обусловили появления новых молодежных акторов, трансформация института международных молодежных организаций во многом отражала конъюнктуру развития международных отношений.

Наблюдаемая в последние десятилетия тенденция участия международных молодежных организаций в международной жизни демонстрирует, что включение их в новые координаты гуманитарных связей можно свести к двум основным моделям. Во-первых, это постепенное расширение границ универсализации приоритетов молодежных объединений в этой области, чему активно способствуют крупные международные организации, интеграционные объединения. В меняющейся новой международной организованной молодежной среде всё больше наблюдается доминирование общечеловеческих ценностей, ориентированных на гуманистические принципы общения. Всё чаще новые каналы и форматы гуманитарного взаимодействия оформляются в самостоятельную социально-гуманитарную практику, в которой ведущие позиции занимают молодежные структуры ООН (Глобальное молодежное движение за альянс цивилизаций, Молодежная Ассамблея ООН), региональные международные организации и сетевые структуры. Это свидетельствует о том, что обозначились новые императивы, определяющие участие молодежи в этой области. Выстраивается четкая система взаимодействия как с молодежными акторами в структурах ООН (например, на уровне нового института ООН – посланника по делам молодежи, который появился в 2013 г.), так и с региональными международными организациями, поддерживающими регулярное проведение молодежных мероприятий на различных уровнях. Во-вторых, это разнонаправленные структуры (на уровне сетевого взаимодействия, организации), между которыми наблюдается различие в плане самоорганизации и выбора приоритетов в гуманитарной области.

При этом сегодня сохранилась объективная потребность в создании новых международных молодежных организаций и наднациональных региональных «зонтичных» структур [4]. Всё больше востребован их потенциал в реше-

нии наиболее актуальных социально-гуманитарных, а также политических проблем международной жизни. В качестве одного из решений предлагаемого расширения эффективной модели взаимодействия молодежи в условиях динамичных изменений и растущих вызовов следует рассмотреть наполнение идеи осмыслением перспектив гуманитарной деятельности этих акторов с учетом социально-исторических условий международной жизни. Чтобы их деятельность действительно имела значимые позитивные последствия, крайне необходимо, чтобы эти акторы, обладающие немалыми общественно-творческими силами, способностью формировать современные подходы и требования, в качестве признанных субъектов стали конструктивно воздействовать на принятие важных решений в области международных отношений с целью усиления влияния на вектор гуманитарного развития мира.

Однако, как показывает международная практика, сегодня подрастающее поколение во многом рассматривается как объект воспитания и образования, но при этом субъекту общественного производства, который обладает способностью к самостоятельной сознательной гуманитарной деятельности, в частности на международном уровне, не всегда придается должное значение. Участие международных молодежных организаций, например, в гуманитарной области в качестве специфических акторов находится в прямой зависимости от характера международных, внутригосударственных социально-политических, экономических, гуманитарных процессов. Например, проблемная ситуация с мигрантами на территории Европы, где некоторые страны оказались перед дилеммой: соблюдать гуманитарные принципы или учитывать собственные национальные интересы, террористические акты и другие проблемы в определенной степени сказываются и на характере дальнейшего развития организованной молодежной среды. Вместе с тем, оценивая происходящее в международной организованной молодежной среде, можно отметить, что в результате трансформации она не стала пространством активного развития гуманитарного взаимодействия молодежных акторов из стран третьего мира и развитых стран, особенно стран Запада. По-прежнему присутствуют формы и методы

определенного влияния на их деятельность, в том числе посредством высоких гуманитарных технологий (часто в форме манипуляции, воздействия и т. д.), со стороны ключевых центров мировой политики и конфессионального сообщества, отдельных международных организаций, политических кругов, лоббистских структур и др.

Важно подчеркнуть, что активное использование потенциала участников организованной молодежной среды в качестве институциональной основы взаимодействия и взаимовлияния молодежи в последние десятилетия вписывается в общую логику расширения границ внешней культурной политики наднациональных интеграционных структур, открывающих новые возможности для развития широкого спектра идей и ценностных ориентаций в организованной молодежной среде. Такая логика, особенно связанная с развитием общеевропейской практики института международных молодежных организаций в качестве специфического ресурса внешней культурной политики, не только актуализирует проблемы изучения характера и масштабов международного участия российских молодежных акторов, но и требует фокусировать внимание на выявлении их созидательной роли в развитии данного института. Последний имеет все предпосылки развития, в том числе с учетом богатой исторической практики международной роли молодежного фактора в СССР, он должен стать полноправным субъектом международного гуманитарного сотрудничества и, конечно, эффективным ресурсом «мягкой силы» в контексте расширения российского гуманитарного присутствия в отдельных регионах мира.

Взгляд на практику становления организованной международной молодежной среды конца XX в., в которую определенный вклад внесли международные молодежные организации, дает представление о новой парадигме. Сегодня это прежде всего сформировавшееся в конкретно-исторических условиях сообщество, в отличие от прежнего имеющее иные пути и формы развития. И анализ некоторых аспектов становления новых моделей взаимодействия молодежи позволяет выявить сущностную основу этого социально-исторического феномена и отметить, что этим акторам, с учетом их обусловленных целей и задач, присущи уникальные

возможности выступать с разнонаправленными международными инициативами, принимать участие в обсуждении актуальных проблем современности на различных уровнях.

Конечно, сегодня роль молодежных акторов в развитии международного взаимодействия трудно переоценить. С большой степенью вероятности можно полагать, что их потенциал как фактор устойчивого развития и гуманизации международных отношений будет всё более востребован во время разрешения острых гуманитарных проблем. Минимизация негативного влияния проблем и вызовов современности, которые нужно решать и при активном участии авторитетных международных молодежных организаций, — это естественный и ключевой аспект качественного развития международного молодежного сообщества. И это необычайно важно для международной жизни, где доминирующими детерминантами выступают международная конкуренция, конфликтность, остающиеся еще в тени гуманитарные составляющие, в частности решение актуальных задач, таких как проблемы мобилизации потенциала молодежных акторов в представительном участии в делах мира и сотрудничества. И поэтому необходимо дальнейшее расширение дискуссионной площадки с целью не только системного видения проблем, в частности признание возрастающей гуманитарной роли и расширение сферы влияния молодежных акторов в международных делах, но и изучения разнонаправленных тенденций в рамках международной организованной молодежной среды. Объяснение закономерности происходящих в этой среде процессов (этапов ее становления, трансформации, движущих сил развития и т. д.), конечно, с учетом исторических аспектов предопределяет повышение внимания к этим проблемам и, что особенно важно, понимание перспектив гуманитарной роли, направлений развития и эволюции. Гуманитарные составляющие в качестве важной области деятельности требуют эффективного использования международного представительства (акторства) организаций молодежи в контексте реализации их гуманитарного потенциала как в условиях высокого уровня конфликтности в мире, так и на фоне развития интеграционных процессов, всё больше включающих в свою орбиту молодежные организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Умарова М.С.** Тенденция гуманизации международных отношений: история становления и современные проблемы: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 154 с.
2. **Декларация** о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами. Резолюция 2037 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 07.12.1965 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/youth_peace_ideals.shtml (дата обращения: 03.01.2016).
3. **Braungart R.G.** Historical generations and youth movements: a theoretical perspective // *Research in social movements, conflict and change*. 1984a. Vol. 6. Pp. 95–142.
4. **Международный** информационный портал исследователей по глобальной молодежной политике. URL: <http://www.youthpolicy.org/library/> (дата обращения: 30.12.2015).
5. **European Union.** Decision No. 818/95/EC of 14 March 1995 adopting the third phase of the “Youth for Europe” Programme // *Official Journal of the European Communities*. L. 87. 20.04.1995.
6. **Youth in Action.** Mobilising the potential of young Europeans. URL: http://ec.europa.eu/youth/youth-in-action-programme/overview_en.htm (дата обращения: 25.12.2015).

АСАДОВ Бабек Рашид оглы – кандидат политических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21
e-mail: asadovspb@mail.ru

B.R. Asadov

SOCIO-HISTORICAL BACKGROUND FOR THE TRANSFORMATION OF THE ROLE INTERNATIONAL YOUTH ORGANIZATIONS AS ACTORS OF HUMANITARIAN COOPERATION AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES

The article is devoted to one of the little studied in the modern scientific school – the problems of transformation of international organized youth environment in which play a significant role, both in a historical context, and so in today's world many international youth organization. Defined the main preconditions of the emergence of new international youth organisations, as a specific actors of international humanitarian cooperation in process the transformation of the international environment in a greater degree of which had other ways and forms of development. The author's description of concepts of “youth actors”, “the subjectivity of the youth actors” and “international organized youth environment”. Practice description of the formation this environment the specific historical conditions, shows increasingly clear signs of the desire of its participants to form and promote their own ideas Socio-historical background of expansion of space international youth interaction with the active involvement of these actors the unlike to previous practice as important elements of the process of forming a new model of humanitarian cooperation, but did not fully meet the needs of the international community. At the turn of XX–XXI century the formation of a new internationally organized youth environment, where is still dominated by youth actors from the European region, fit into the General logic of expansion of foreign cultural policy of the EU and other agencies. This opened up new spaces, including for a wide range of international interaction. Transformation

of key youth organizations left-wing, which led to minimizing the role of the Russian participants in the international youth movement. This raises the importance of expanding discussion platform with the aim of developing effective concepts to strengthen their role and participation in the development of the Institute of international youth organizations, which is in fact, necessary resource of humanitarian influence.

ACTOR; INTERNATIONAL YOUTH ORGANIZATIONS; INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION; INTERNATIONAL YOUTH MOVEMENT; NEW YOUTH ACTORS.

REFERENCES

1. Umarova M.S. Tendentsiya gumanizatsii mezhdunarodnykh otnosheniy: istoriya stanovleniya i sovremennyye problemy. Kand. dis. Moscow, 2006. 154 p. (In Russ.)
2. Deklaratsiya o rasprostraneniі sredi molodezhi idealov mira, vzaimnogo uvazheniya i vzaimoponimaniya mezhdunarodami. Rezolyutsiya 2037 (XX) General'noy Assamblei OON ot 07.12.1965 g. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/youth_peace_ideals.shtml (accessed 03.01.2016).
3. Braungart R.G. Historical generations and youth movements: a theoretical perspective. *Research in social movements, conflict and change*, 1984a, vol. 6, pp. 95–142.
4. Mezhdunarodnyy informatsionnyy portal issledovateley po global'noy molodezhnoy politike. Available at: <http://www.youthpolicy.org/library/> (accessed 30.12.2015).
5. European Union. Decision No. 818/95/EC of 14 March 1995 adopting the third phase of the “Youth for Europe” Programme. *Official Journal of the European Communities*. L. 87. 20.04.1995.
6. Youth in Action. Mobilising the potential of young Europeans. Available at: http://ec.europa.eu/youth/youth-in-action-programme/overview_en.htm (accessed 25.12.2015).

ASADOV Babek Rashid ogly – *St. Petersburg State University of Economics.*

Sadovaya ul., 21, St. Petersburg, 191023, Russia

e-mail: asadovspb@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.6
УДК 321.7

Ю.Г. Мисников, О.Г. Филатова, А.В. Чугунов

ЭЛЕКТРОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ*

В статье рассмотрены возможные направления и методы исследований, связанных с изучением электронного взаимодействия власти и общества. Следуя логике от общего к частному, авторы выделяют следующие направления исследований в данной сфере: классические модели демократии – электронная демократия – электронное участие – публичный интернет-дискурс. Особое внимание уделено анализу публичных дискуссий в Интернете, поскольку последние рассматриваются как форма электронного политического участия. Используемые авторами подходы к исследованиям публичных интернет-дискуссий могут быть адаптированы и к другим исследованиям дискурса в Интернете вокруг значимых политических событий.

МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ; ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ; ЭЛЕКТРОННОЕ УЧАСТИЕ;
ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС; ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ; ДИСКУРС-АНАЛИЗ.

В мировой практике развитие механизмов электронного участия граждан в жизни государства (E-Participation) уже не новая тема для исследований. В частности, анализ мирового потока научных публикаций по базе Scopus показывает начиная с 2005 года устойчивый рост количества статей в международных научных журналах и индексируемых трудах конференций и позволяет заключить, что развитие механизмов электронного участия – глобальная тенденция. При этом для каждой страны существуют своя история и динамика появления инструментов электронного участия, во многом обусловленные социальной, институциональной и технологической готовностью участников процесса взаимодействия власти и общества [1].

В настоящее время большие возможности для электронного политического участия предоставляют социальные сети, интернет-форумы, краудсорсинговые ресурсы, порталы для сбора подписей и т. д., которые становятся ведущими площадками для дискурсивного обсуждения актуальных общественных проблем. Этот сегмент общественной жизни (а также соответствующий инструментарий) формируется

силами не только и не столько государственных структур, сколько общественными организациями и движениями, а также самими гражданами. Анализ дискуссий, которые проходят на таких интернет-площадках, на наш взгляд, может быть важным вкладом в исследование механизмов и инструментов электронного участия. Ниже будут представлены разработанные нами методики анализа публичных дискуссий в Интернете. Отметим, что феномен «электронного участия», в свою очередь, мы рассматриваем как необходимый компонент концепции «электронной демократии». А рассматривая феномен «электронного участия» как компонент концепции «электронной демократии», необходимо опираться на теоретические постулаты классической концепции демократии и соотносить их с новыми социально-экономическими факторами, влияющими на современный демократический процесс.

Теоретические постулаты концепции демократии и новые модели функционирования демократического процесса

В настоящее время многими исследователями фиксируется кризис концепции демократии как формы правления в интересах народа. При этом под сомнение ставятся сами основы демократии как идеи и демократический процесс

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-03-00715).

как политическая реальность [2, с. 332–343; 3, с. 10–12]. В частности, Роберт Даль сформулировал четыре вызова, которые, по его мнению, угрожают развитию демократии в XXI веке: 1) нарастающее экономическое неравенство; 2) интернационализация и глобальная культурная дивергенция; 3) проблемы гражданского просвещения; 4) обеспечение компетенции граждан при обсуждении и принятии решений по социально значимым вопросам [4, с. 171–179].

Естественно, принципы и механизмы осуществления демократического процесса претерпевали существенные изменения по мере развития и усложнения институциональной картины.

Концентрируя внимание на феномене «электронного участия» как новом механизме обеспечения интерактивного взаимодействия власти и общества, следует подчеркнуть, что определяющую роль играют не технологии, а специфика социально-экономической и политической системы, в рамках которой реализуются проекты электронного участия.

В данном контексте представляет интерес классификация моделей демократии Дэвида Хелда [3], описывающая различия и специфику демократического процесса в разные эпохи и в различных экономико-политических условиях.

Д. Хелд в своей работе рассматривает как классические модели, описывающие различные модификации демократического процесса в истории развития экономических и политических систем, так и новые модели, представляющие интерес с точки зрения современных глобальных трансформаций и развития электронной среды взаимодействия власти и общества. Для нашего анализа представляют интерес четыре из описанных Хелдом моделей (см. таблицу).

Описывая модель «демократическая автономия», Хелд подчеркивает, что ее институциональные черты представлены в экспериментальном порядке, как процесс, который только зарождается и требует более тщательного исследования и описания.

Модели демократического процесса и концепции применения электронных средств в обеспечении взаимодействия между властью и обществом

Модель	Базовые основания модели	Концепция	Период, годы
Легитимная демократия	Основной акцент – верховенство права и приоритет свободного рыночного общества. Конституционное государство (англо-американская политическая традиция) с четким разделением полномочий властей	Новый государственный менеджмент E-Government	1980–1990-е
Демократия участия	Основной акцент – поддержание открытой институциональной системы. Минимизация неподотчетной бюрократической власти в общественной жизни	E-Governance E-Participation Government 2.0	2000-е
Совещательная демократия	Основной акцент – «взаимная аргументированность» политических решений. Развитие программ гражданского образования. Субсидирование совещательных органов и практик, а также соответствующих ассоциаций	E-Democracy E-Participation Open Government	2005–2010-е
Демократическая автономия	Основной акцент – полноценное использование совещательных демократических механизмов и процедур. Центральные и локальные административные службы построены с включением элементов «прямого участия» граждан	E-Participation Government 3.0	2010-е

Примечание. В графе «Период» приведены ориентировочные годы концептуализации различных подходов к описанию процессов применения электронных средств в обеспечении взаимодействия между властью и обществом.

Необходимо отметить, что Д. Хелд предлагает выделить в отдельную модель описание процессов и процедур принятия решений на международном уровне в рамках функционирования межгосударственных институтов (ООН, Евросоюзу и др.), так как процессы глобализации в настоящее время привели к тому, что на жизнь конкретного муниципалитета и локального сообщества начинают непосредственно влиять решения, принятые на уровне комиссий ООН и рабочих групп Евросоюза. Наглядным примером является кризисная ситуация с миграционными процессами, развивающаяся в настоящее время в Еврозоне. Хелд назвал эту модель «космополитической демократией», предполагая, что она формируется и развивается параллельно с моделью «демократическая автономия», которая описывает процессы и процедуры на национальном и местном уровнях.

Итак, подчеркнем, что при исследовании феномена «электронного участия» необходимо опираться на базовые теоретические постулаты концепций более высокого уровня и обозначать место этих социальных технологий в общей модели (совокупности моделей), описывающей функционирование социума в данный период исторического развития [5, 6].

Перейдем непосредственно к разработанным нами методикам анализа интернет-дискуссий. Здесь мы будем опираться прежде всего на теорию коммуникативной этики Ю. Хабермаса, в рамках его более широкой концепции делиберативной демократии, т. е. демократии, основанной на дебатах и диалоге в публичном пространстве современного общества.

Теоретические постулаты концепции делиберативной демократии как методический инструмент изучения интернет-дискурса

Известно, что Юрген Хабермас предложил рассматривать коммуникацию, дискурс не просто как взаимодействие «как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных и невербальных средств) в межличностные отношения» [7, с. 11], но как взаимодействие, происходящее по поводу важных в общественном и политическом плане вопросов. Коммуникативное действие стороны предпринимают, чтобы в идеале достичь согласия по поводу какого-либо значимого для обоих субъектов вопроса (в противовес инструмен-

тальному действию, которое направлено на достижение успеха только одной из сторон). Если согласие невозможно в силу принципиальных различий принятых позиций, ключевым моментом является достижение максимального понимания друг друга. Хабермас подчеркивал, что коммуникация в таком действии ведется именно между субъектами, а не между субъектом и объектом, т. е. стороны обладают равным статусом и возможностями, поэтому ведут уважительный диалог на базе аргументации, и главным критерием, определяющим дискурс, являются условия «публичной, равноправной и непринужденной коммуникации, соблюдаемые в сократическом диалоге» [8, с. 76]. При этом важно не столько узнать мнение всех возможных участников диалога, что практически неосуществимо, сколько создать условия для привлечения тех, кто желает высказать свое мнение

Для нас в теории Хабермаса важно то, что дискурс понимается им как способ обсуждения тех или иных проблем в демократическом обществе на демократических принципах, когда в широкую дискуссию вовлекаются совершенно разные социальные группы. Дискурс всегда опосредован вербально — или живым языком, или, что чаще, текстом, — но обязательно посвящен актуальным общественным или политическим проблемам [9]. Кроме того, тексты или речи участников дискурса вырабатываются с учетом социального «бэкграунда» участников, они контекстуально нагружены. Именно это и делает дискуссию демократическим дискурсом.

Чтобы стать публичным, дискурс должен функционировать в публичной сфере. В одном из своих поздних трудов Ю. Хабермас уточнял, что «наилучшим образом ее можно описать как сеть, где передаются информация и точки зрения (т. е. мнения, выражающие положительные и негативные стереотипы); коммуникационные потоки в процессе фильтруются и синтезируются таким образом, что соединяются в узлы ограниченных определенной тематикой общественных мнений. <...> Публичная сфера воспроизводится посредством коммуникативных действий» [10, с. 360]. В данном определении речь идет прежде всего о сетевом, распределенном характере публичной сферы — она не формируется в каком-то одном месте, все диалоги, дискуссии, мнения, высказанные в разное время, в разных местах и в разных форматах (газетная публикация, запись

в Twitter, публичное выступление), сливаются в один огромный информационный фон, поток, в котором уже происходит «сортировка» мнений по тематике и направленности. Таким образом, публичным дискурсом можно считать дискурс, происходящий в публичной сфере, одним из главных компонентов которой в последние годы стал Интернет [9].

Теория этики дискурса Ю. Хабермаса включает концепцию базовых притязаний (запросов, заявлений) на подтверждение значимости высказываний в разговоре (basic validity claims) и последующее признание (согласие) или непризнание таких притязаний (несогласие) [11, 12]. Такие притязания, используемые участниками в ходе морально ориентированных дискурсов для поиска «правды» и тем самым для лучшего понимания друг друга (не обязательно согласия друг с другом), представляют собой этически наиболее оправданную форму политической организации общества, свободного от принуждения граждан [10, с. 52; 11, с. 233]. Формулирование базовых притязаний на значимость является рефлексивно-диалогичным моментом, когда субъекты дискурса «тематизируют» и «проблематизируют» действительность путем выражения и аргументирования своих намерений в ожидании реакции других с актуализацией (подтверждением) их притязаний. Концепция базовых притязаний является удобным аналитическим и методическим инструментом изучения делиберативности и диалогичности (интерактивности) интернет-дискурса.

Ниже будут представлены две разработанные нами методики исследования публичного дискурса, которые могут быть адаптированы и к другим исследованиям публичного дискурса в Интернете.

Анализ публичного дискурса в социальных сетях на примере дискуссии вокруг конфликта в Донбассе

Первая методика использовалась для анализа обсуждения в российских социальных сетях вооруженного конфликта в Донбассе в январе – марте 2015 года, результаты которого уже довольно подробно были представлены ранее [9]. Сейчас же мы попытаемся описать в основном методику исследования.

Изначально нами была выдвинута гипотеза о наличии в социальных сетях двух разнона-

правленных дискурсов, по-разному характеризующих вооруженный конфликт в Донбассе. Чтобы не уводить исследование в область полноценной критической или когнитивной лингвистики, мы ограничились двумя уровнями анализа дискурса – выявлением ключевых концептуальных метафор обоих предполагаемых дискурсов (положительно и отрицательно характеризующих сепаратистов) и выявлением семантических оппозиций «МЫ – ОНИ», реализуемых в рамках метафор. Таким образом, нами была сформирована методика, которая, на наш взгляд, является оптимальной для дискурс-анализа в политических исследованиях, не связанных напрямую с лингвистикой.

Первым компонентом нашего анализа дискурса стало выявление ключевых концептуальных метафор, формируемых в обоих дискурсах. Как пишут авторы теории концептуальной метафоры, психолингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафора – на уровне осмысления индивидом окружающей его действительности – представляет собой «понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах другого вида» [13, с. 27]. Таким образом, использование концептуальных метафор в дискурсе позволяет переносить на объект номинирования все те негативные или позитивные качества, которые есть у субъекта номинирования, даже не называя их (и в ряде случаев даже избегая прямой номинации). Всё это делает метафору способом формирования акторами дискурса нужного отношения со стороны адресатов к тем или иным проблемам, явлениям, личностям.

На основе данного подхода к анализу текстов можно выяснить, какие существуют метафорические образы конфликта в целом и того же события (в нашем случае – вооруженного конфликта в Донбассе), какие концепты они для этого привлекают и соответственно какие концептуальные метафоры создают.

Вторым этапом нашего дискурс-анализа стал поиск семантических оппозиций «МЫ – ОНИ», которые реализуются в рамках выявленных метафор. Понятие семантической оппозиции в исследованиях дискурса впервые использовал Тён ван Дейк [14, с. 183]. Как показали исследования этого ученого и многих других ученых, наличие противопоставления, в котором МЫ или «свои» всегда правы и являются «хорошими», а ОНИ или «чужие» априорно не-

правы и являются «плохими», — обязательный компонент любого дискурса. Реализуется данная оппозиция на разных уровнях — не только на структурном уровне (так называемом макроуровне) дискурса (что в большей степени характерно для более или менее объемных связных текстов), но и на его микроуровне, посредством использования различных речевых средств. Обязательной приметой данной оппозиции является возвышение «своих» и унижение «чужих» на всех уровнях текста. Таким образом, вторая составная часть нашего анализа дискурсов — выявление и анализ семантических оппозиций «МЫ — ОНИ», которые реализуются в ранее выявленных концептуальных метафорах, раскрывая их. Из-за особенностей эмпирической базы нашего исследования, представляющей собой корпус относительно недлинных текстов в социальных сетях, принадлежащих различным акторам, мы в нашем анализе оппозиций сконцентрировались на выявлении речевых (лексических, стилистических и т. д.) особенностей примеров.

Отметим, что изначально выдвинутая нами гипотеза о наличии в социальных сетях двух разнонаправленных дискурсов, по-разному характеризующих вооруженный конфликт в Донбассе, полностью подтвердилась. Данный вывод подтверждается анализом концептуальных метафор дискурса и анализом реализуемых в данных метафорах семантических оппозиций. Если говорить о схожих чертах данных дискурсов, то можно отметить, что и там, и там большая часть концептуальных метафор строится на базе негативных концептов, которые означают противоположную сторону. Необходимо добавить, что нами была отмечена большая эмоциональность дискуссий, а также разносторонность дискурсов в зависимости от политических взглядов их акторов [9].

Исследование интернет-дискурса в связи с петицией против указа об уничтожении продуктов

Второе представляемое нами исследование призвано продемонстрировать на практике эффективность использования базовых запросов на подтверждение нормативной значимости правоты для выявления и анализа коллективно формирующихся между субъектами позиций по вопросам общественно-политической важ-

ности, а также выявить эпистемологический потенциал притязаний на нормативную правоту (например, для определения общественного мнения, выраженного дискурсивным путем через процессы коммуникации, рассматриваемые как источник опыта, знаний, диалога). Особенность этого подхода в сравнении с предыдущим — в фокусировании на выявлении не столько доминирующих позиций большинства, сколько на выявлении множественности позиций, включая тех, кто в меньшинстве. Мнения последних для демократии являются не менее важными, чем позиции большинства.

Для тестирования такого методологического подхода нами используется интернет-дискуссия, предметом которой стала петиция против Указа Президента РФ от 29.07.2015 г. № 391 «Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», размещенная на сайте Change.org и вызвавшая многочисленные отклики. Для целей исследования отобраны 350 записей (постов), сделанных участниками дискуссии под обновлением петиции от 6 августа 2015 года — в день, когда указ президента, на основании которого продукты из Европы, попадающие под антисанкционные меры, должны уничтожаться, вступил в законную силу. Наши исследования показывают, что оценка осмысленности дискуссии может быть сделана на сравнительно небольшой выборке (70–100 записей) и отобранного количества постов достаточно для проведения анализа. Исследование стартовало 20 сентября 2015 года.

Кодировка контента осуществлялась по авторской методике, подробно описанной ранее [15–17]. Кодировались следующие параметры: уникальный (трехзначный) идентификатор поста; тематика (сюжеты) притязаний; притязания на значимость, выраженные через согласие и несогласие с другими притязаниями. Претензии нумеровались в порядке размещения записей, причем кодировались как подтвержденные, так и неподтвержденные притязания. Другими словами, в тексте выявляются утверждения, которые могут быть или оспорены, или поддержаны. По нашим данным, примерно половина/две трети постов содержат такие утверждения. Конечно, авторы так их сознательно не формулировали, но посты в любом случае пишутся (не всегда, но очень часто) в надежде на отклик,

на «диалогичность» (Бахтин). Важно, что в результате можно выявить, какие утверждения пользуются поддержкой, а какие – нет.

Данное исследование не является полностью завершенным. Но уже сейчас можно с достаточной уверенностью утверждать, что «базовые притязания на правоту» подтвердили свою эффективность как аналитическое средство для оценки качества делиберативности онлайн-дискуссий и помогли охарактеризовать последние с точки зрения источника общественного мнения. Важность претензий на значимость как инструмента дискурс-анализа состоит в возможности структурирования записей постов таким образом, чтобы не только осуществить смысловой анализ путем выявления базового смысла и намерения текста записи, но и выявить интерактивную глубину межсубъектных солидарностей участников (в терминологии Хабермаса), т. е. состава и размера групп, считающих какие-то важные для них позиции морально верными. Преимущества такой «дискурсивной социологии» состоят в возможности тематической дезагрегации предпочтений до требуемого уровня. Недостатком является нерепрезентативность выборки, которую в случае интернет-дискуссий очень сложно обеспечить.

Еще один важный вывод, представленный и в других наших статьях [15], заключается в том, что с точки зрения дискурсивности сами по себе позиции участников дискуссии не так важны, как их последующая актуализация. То есть важно не столько то, что хотел сказать автор, сколько то, в каком смысле содержание его поста было интерпретировано другими. Смысл записей постоянно уточняется последующими через непрерывный и интерактивный процесс «поверки» одного поста другими. В результате формируется более широкая эпистемологически содержательная основа публичной сферы, ландшафт публичного знания – то, что Хабермас называет «фоновой информацией и знанием». Плюрализм этого фона и доступа к его содержанию со всем разнообразием точек зрения среди разных групп людей важен для формирования демократических основ всего общества.

Многообразие взаимно пересекающихся концепций, связанных с электронным взаимо-

действием власти и общества, требует упорядочения и обозначения направлений их исследования. В качестве промежуточных выводов можно обозначить направление исследований в данной сфере (от общего к частному) следующим образом: классические модели демократии – электронная демократия – электронное участие – публичный интернет-дискурс.

Мы привели примеры междисциплинарных исследований, касающихся изучения публичного дискурса в Интернете. Во многих работах, относящихся к политическим наукам, исследования дискурсивных процессов часто очень поверхностно затрагивают лингвистические параметры, являющиеся первостепенными для исследований дискурсов, ограничиваясь лишь подсчетом количественных показателей, что нередко превращает анализ дискурса в контент-анализ. Также нужно отметить и то, что в российской науке проблема исследования интернет-дискуссий в связи с петициями занимает мало места в научном пространстве. Представленные исследования, не претендуя на всеобъемлющий статус, призваны в какой-то мере восполнить данные пробелы.

Конечная цель наших исследований, которые будут продолжены, заключается в том, чтобы показать, что такие дискуссии могут рассматриваться как форма электронного участия – они диалогичны, достаточно цивилизованны, рациональны (если отбросить неизбежный информационный шум), т. е. дискурсивно делиберативны, а значит, демократичны.

Основная задача лиц, принимающих решения, – научиться исследовать подобные дискуссии и учитывать всю множественность и неоднозначность высказываемых в публичной сфере мнений при разработке системы поддержки принятия государственных решений.

Важное значение в этом контексте, на наш взгляд, имеет исследование мотивов, которые побуждали бы представителей органов власти (в том числе лиц, принимающих решения) инициировать и развивать проекты электронного участия. Разумеется, в этом случае большое значение имеют позиция по данному вопросу высшего руководства страны, нормативная правовая база, государственные программы, а в ряде случаев международные обязательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bershadskaya L., Chugunov A., Trutnev D.** E-Participation Development: A Comparative Study of the Russian, USA and UK E-Petition Initiatives // ACM International Conference Proceeding Series. ICEGOV 2013 – 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance: Proceedings. Seoul; South Korea; 22–25 October. N. Y.: ACM, 2013. P. 73–76.
2. **Мюллер Я.-В.** Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Ин-та эконом. политики им. Е.Т. Гайдара, 2014.
3. **Хелд Д.** Модели демократии. М.: Дело, 2014.
4. **Даль Р.** О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000.
5. **Филатова О.Г., Чугунов А.В.** Электронное взаимодействие между обществом и властью: формирование концепции и практика реализации в России // Управленческое консультирование. 2013. № 8 (56). С. 57–67.
6. **Бершадская Л.А.** Акторно-сетевая модель электронного правительства в Российской Федерации (по результатам экспертного опроса) // Власть. 2013. № 3. С. 40–43.
7. **Хабермас Ю.** Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 3–24.
8. **Хабермас Ю.** Вовлечение Другого. Очерки политической теории. М.: Наука, 2001.
9. **Тарнавский А.А., Филатова О.Г.** Анализ публичного дискурса в российских социальных сетях вокруг конфликта в Донбассе // Государство и граждане в электронной среде: теория и технологии исследований: сб. науч. ст. / под ред. А.В. Чугунова. СПб.: Изд-во Ун-та ИТМО, 2015. С. 140–159.
10. **Habermas J.** Between facts and norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, 1996.
11. **Habermas J.** On the pragmatics of communication. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
12. **Habermas J.** The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: Polity Press, 1989.
13. **Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
14. **Дейк Т.А. ван.** Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 254 с.
15. **Мисников Ю.Г.** Pro или Contra? Исследование актуализации политических позиций участниками публичной дискуссии в русскоязычном «Живом журнале» // Политическая наука. 2013. № 1. С. 161–192.
16. **Misnikov Y.** Discursive qualities of public discussion on the Russian Internet: testing the Habermasian communicative action empirically // From e-participation to online deliberation, proceedings of the fourth international conference on online deliberation, OD2010, Leeds, UK, 30 June – 2 July, 2010 / De Cindio F., Macintosh A., Peraboni C. (eds.). – Univ. of Leeds and univ. Degli Studi Di Milano. P. 60–74.
17. **Misnikov Y.** How to read and treat online public discussions among ordinary citizens beyond political mobilisation: Empirical evidence from the Russian-language online forums // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. Leeds, 2012. Vol. 7. P. 1–37.

МИСНИКОВ Юрий Георгиевич – доктор философских наук, эксперт, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики.

Россия, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49
e-mail: filatovo@gmail.com

ФИЛАТОВА Ольга Георгиевна – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: filatovo@gmail.com

ЧУГУНОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики.

Россия, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49
e-mail: chugunov@egov-center.ru

Yu.G. Misnikov, O.G. Filatova, A.V. Chugunov

**ELECTRONIC INTERACTION BETWEEN THE AUTHORITIES AND SOCIETY:
AREAS AND METHODS OF RESEARCHES**

The article analyses different lines and methods of researches of electronic interaction between governance and society. Authors deduct four lines of investigation: classic democracy models – electronic democracy – electronic participation – public internet discourse. The last one analyses particularly because of its significance as a form of electronic participation. Authors' approaches could be applied to different researches on Internet discussions about significant social events.

DEMOCRACY MODELS; ELECTRONIC DEMOCRACY; ELECTRONIC PARTICIPATION;
PUBLIC DISCOURSE; DELIBERATIVE DEMOCRACY; DISCOURSE ANALYSIS.

REFERENCES

1. Bershadsкая L., Chugunov A., Trutnev D. E-Participation Development: A Comparative Study of the Russian, USA and UK E-Petition Initiatives. ACM International Conference Proceeding Series. ICEGOV 2013 – 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance: Proceedings. Seoul; South Korea; Oct. 22–25. New York, ACM, 2013. Pp. 73–76.
2. Myuller Ya.V. *Spory o demokratii. Politicheskiye idei v Yevrope XX veka* [Contesting Democracy. Political Ideas in Twentieth-Century Europe]. Moscow, Institut Gaydara Publ., 2014. (In Russ.)
3. Kheld D. *Modeli demokratii* [Models of Democracy]. Moscow, Delo Publ., 2014. (In Russ.)
4. Dal R. *O demokratii* [On Democracy]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. (In Russ.)
5. Filatova O.G., Chugunov A.V. [Electronic Interaction between Governance and Society: Conceptualization and Russian Practice]. *Management consulting*, 2013, no. 8 (56), pp. 57–67. (In Russ.)
6. Bershadsкая L.A. [Actor-net Model of Electronic Governance in Russian Federation]. *Power*, 2013, no. 3, pp. 40–43. (In Russ.)
7. Khabermas Yu. [World Relation and Rational Aspects of Action in Four Sociological Notions of Action]. *Sociological Review*, 2008, vol. 7, no. 1, pp. 3–24. (In Russ.)
8. Khabermas Yu. *Vovlecheniye Drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [The Inclusion of the Other: Studies on Political Theory]. Moscow, Science Publ., 2001. (In Russ.)
9. Tarnavskiy A.A., Filatova O.G. [Analysis of Public Discourse of Donbass Conflict in Russian Social Network]. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede: teoriya i tekhnologii issledovaniy*. St. Petersburg, Univ. ITMO Publ., 2015. Pp. 140–159. (In Russ.)
10. Habermas J. *Between facts and norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, 1996.
11. Habermas J. *On the pragmatics of communication*. Cambridge, MA, MIT Press, 1998.
12. Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. Cambridge, Polity Press, 1989.
13. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)
14. Deyk T.A. van. *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominating in Language and Communication]. Moscow, Librocom Publ., 2013. 344 p. (In Russ.)
15. Misnikov Yu.G. [Pro or Contra? The Investigation of Political Positions of Public Discussion Actors Actualization]. *Political science*, 2013, no. 1, pp. 161–192. (In Russ.)
16. Misnikov Y. Discursive qualities of public discussion on the Russian Internet: testing the Habermasian communicative action empirically. From e-participation to online deliberation, proceedings of the fourth international conference on online deliberation, OD2010, Leeds, UK, 30 June – 2 July, 2010 / De Cindio F., Macintosh A., Peraboni C. (eds.). – Univ. of Leeds and univ. Degli Studi Di Milano. P. 60–74.
17. Misnikov Y. How to read and treat online public discussions among ordinary citizens beyond political mobilisation: Empirical evidence from the Russian-language online forums. *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. Leeds, 2012, vol. 7, pp. 1–37.

MISNIKOV Yuriy G. — *St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.*

Kronverkskiy pr., 49, St. Petersburg, 197101, Russia

e-mail: filatovo@gmail.com

FILATOVA Olga G. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: filatovo@gmail.com

CHUGUNOV Andrey V. — *St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.*

Kronverkskiy pr., 49, St. Petersburg, 197101, Russia

e-mail: chugunov@egov-center.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНЦИЙ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассмотрены результаты выполнения проекта «Совместное задание по дисциплине „Межкультурная коммуникация”» студентами из России и США, которые общались и обсуждали тему, предложенную преподавателями, а затем писали отчет. Цель данного проекта – выяснить, с какими проблемами студенты могут столкнуться при межкультурном общении. Проведен качественный анализ полученных результатов и дан краткий обзор задания, предложенного студентам. Во время выполнения задания появились новые вопросы и задачи, которые стимулируют дальнейшее изучение и формирование практических навыков межкультурного взаимодействия.

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ; МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ; МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ; СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ; СОТРУДНИЧЕСТВО.

В современном профессиональном образовании в России на любом уровне методологической основой является компетентностный подход. В процессе обучения у студентов должны формироваться прежде всего умения и навыки, которые потребуются будущим специалистам для решения конкретных задач. Студенты должны четко понимать, какие задачи они смогут решать благодаря приобретенным умениям и навыкам. Именно это должно определять выбор их будущей профессии [1].

Использование социальной сети дает возможность продвигать онлайн-образование, парадигмой которого является не традиционное чтение лекций преподавателем на онлайн-платформе, а формирование реальных компетенций [2].

В рамках проекта «Совместное задание по дисциплине „Межкультурная коммуникация”» студентам из США (Rollings Colledge) и России (СПбПУ) нужно было выполнить следующее задание: обсудить предложенную преподавателями тему «Измерения культуры по Хофстеде» по Skype и, проанализировав общение, написать отчет объемом от одной до трех страниц. В нем должны были содержаться выводы по вопросам, предложенным преподавателями, а также впечатления о самом задании. Организаторами проекта выступили два преподавателя – из США и России, ведущие дисциплины «Меж-

культурная коммуникация» и «Межкультурная деловая коммуникация».

Формирование понятий делового общения и культуры очень важно для будущих специалистов. В любой профессии отношения на рабочем месте складываются прежде всего из понимания основных принципов делового общения и деловой культуры в конкретной компании. До начала реализации данного проекта организаторы предположили, что у студентов могут быть сформированы такие компетенции, как навыки самоорганизации и самообразования, анализа информации по отдельной стране на иностранном языке, обеспечения культурных контактов с зарубежными странами, коммуникации в устной и письменной формах на английском языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, работы в коллективе, толерантное восприятие социальных, этнических, конфессиональных и культурных различий, творческий подход к порученному заданию, умения проявлять разумную инициативу и обосновывать ее, нести персональную ответственность за результаты своей работы [3].

Методика проведения проекта. Студентам из США и России было предложено проанализировать измерения деловой культуры в России и США и дать оценку сильным и слабым сторонам теории Хофстеде. В основу проекта

был заложен принцип практического обучения. Основной целью проекта преподаватели видели вовлечение студентов в реальное взаимодействие, чтобы понять, какие задачи они хотели бы решить в рамках межкультурного общения в настоящий момент и в будущем, а также какие проблемы у студентов появляются во время коммуникации с представителями других культур [4].

Наиболее сложным этапом в процессе подготовки взаимодействия была организация коммуникации. Трудности были сопряжены в первую очередь с различиями в организации обучения в США и России. Важен и тот факт, что учебные заведения, участвовавшие в проекте, физически находятся в разных часовых поясах, что требовало дополнительной координации и дисциплины. Для общения был выбран английский язык, так как российские студенты владели им, а американские по-русски не говорили. Кроме того, все студенты из США помимо учебы работали полный рабочий день, многие из них имели маленьких детей.

Прежде всего студентам из США была дана возможность побеседовать по Skype с преподавателем из России, который во время беседы предложил им тему «Измерения культуры по Хофстеде», а затем американские студенты могли задать интересующие их вопросы. После skype-сессии для каждого американского и российского студентов случайным образом был выбран собеседник из другой страны. Студентам из США предоставили адреса электронной почты российских студентов и попросили обменяться с ними адресами в Skype. Американцы первыми начинали общение. Базовые теоретические знания по межкультурной коммуникации американские и российские студенты уже получили в своих вузах. Теоретической базой для улучшения их взаимодействия были выбраны измерения культуры, предложенные голландским ученым Гертом Хофстеде [5]. Перед началом общения с коллегой из другой страны данная теория обсуждалась на занятии совместно с преподавателем, что позволило студентам составить свои ожидания в отношении норм и правил культуры другой страны. Кроме того, с участием студентов обсуждался выбор способа коммуникации с точки зрения теории «эффективности средств коммуникации» [6].

Практические результаты исследования имеют единую теоретическую основу. Одной из задач участников проекта были анализ и сравнение различных культур в целом, а также на уровне деловых компаний по измерениям, предложенным Хофстеде [7]. Анализ бизнес-культуры по Хофстеде проводился по следующим измерениям: дистанцированность от власти, коллективизм и индивидуализм, мужские черты и женские черты, неприятие неопределенности, кратко- или долгосрочная ориентация на будущее [5].

Также объектами исследования стали стили коммуникации и управления, уровень соблюдения установленных норм и правил коммуникации, уровень самостоятельного определения времени переговоров и их планирование [8].

При выборе средства коммуникации авторы проекта руководствовались прежде всего его эффективностью. Теория эффективности средств коммуникации анализирует правильность выбора таких средств при выполнении определенной задачи [9]. По эффективности средства коммуникации ранжируются от высокоэффективных (например, личное общение) до низкоэффективных (например, доска объявлений) [6]. Наиболее эффективным считается то средство коммуникации, которое успешно выполняет поставленную задачу при передаче сообщения. Телефонный звонок не может воспроизвести визуальные социальные сигналы (например, жесты), что делает его менее эффективным, чем такой вид связи, как видеоконференция, которая обеспечивает передачу жестов и языка тела. Таким образом, коммуникация, задачей которой является передача более сложного, неоднозначного и потенциально опасного сообщения, более эффективна при использовании более сложных коммуникативных средств. Когда используются нелинейные средства коммуникации (например, видеоконференция), кроме передачи данных устанавливаются отношения не только касательно передаваемой информации, но и между участниками коммуникации. Исследования Шапиро, Батнера и Берри доказали, что для передачи различных аспектов коммуникации, таких как эмоциональная интенсивность и невербальное поведение, выбор средства коммуникации имеет большое значение и влияет на эффективность выполнения поставленных коммуникативных

задач [10]. Одними из основных критериев эффективности при выборе средства коммуникации являются скорость обратной связи и уровень личной сосредоточенности. Тиммерман и Гаррисон утверждают, что «с точки зрения эффективности использование электронной почты, безусловно, является более оперативным средством передачи сообщения, но менее личным» [11]. В соответствии с теорией эффективности средств коммуникации в рамках этого проекта анализировалась успешность выбранного студентами средства взаимодействия для выполнения поставленных задач.

Описание проекта. В проекте участвовали студенты из американского (Rollings Colledge) и российского (СПбПУ) вузов. Обе группы обучались по дисциплине «Межкультурная коммуникация». Американские студенты получали образование по гуманитарным профилям, они работали и учились одновременно (работали полный рабочий день и обучались по сокращенной программе). Средний возраст американских участников 34,8 года. Для студентов из США участие в проекте не было обязательным, так как не являлось основной частью программы. Около 80 % студентов из американской группы изъявили желание участвовать в нем. Выполнили совместное задание только 50 % участников.

Для студентов российского вуза дисциплина «Межкультурная коммуникация» является обязательной. Они обучались по очной программе. В проекте участвовали две группы четвертого курса (95 % от общего количества студентов в группе). Средний возраст российских участников 20,7 года. Выполнили совместное задание только 75 % участников.

В общей сложности 16 студентов образовали 8 коммуникативных пар.

В качестве обратной связи студентам было предложено представить заключительные отчеты объемом от одной до трех страниц, которые впоследствии анализировались.

Два американских участника проекта не смогли представить отчеты, несмотря на повторные запросы. После того как занятия были закончены, у организаторов проекта не было возможности получить их отчеты, так как контакт с американскими студентами ограничивался электронной почтой, а на электронные письма они не отвечали.

Технические средства. Первичный анализ данных из отчетов студентов был проведен каждым преподавателем отдельно, после чего они обменялись результатами. Студенты и преподаватели связывались по электронной почте, чтобы согласовать удобное время для общения. Несмотря на то что студентам были даны четкие инструкции для выполнения задания использовать Skype, они выбирали и другие способы коммуникации – электронную почту и Facebook. В Skype только одна пара использовала видео, другие общались в текстовом режиме чата (без передачи тона голоса и невербальных реплик).

Некоторые, наиболее актуальные для данного исследования выдержки из отчетов студентов о выборе средств коммуникации приведены ниже (сокращение «US» означает США, «R» – Россия, «F» – женщина, «M» – мужчина).

USF1: «Я первый раз попыталась связаться с Ольгой по электронной почте в прошлую субботу, во время занятий. Она ответила на следующий день, спросила, сможем ли мы общаться через Facebook, и сказала, что у нее проблемы с интернет-соединением. Она сказала, что сможет общаться через Facebook при помощи своего смартфона. Я согласилась и спросила, могли ли я добавить ее в друзья на Facebook? Было интересно посмотреть ее фотографии и страницу, чтобы получить представление о том, с кем я общалась. Мы могли отправлять друг другу сообщения, что было удобно для того, чтобы задавать вопросы и отвечать на них. Мы общались почти каждый день».

USF3: «...Социальные сети очень популярны в России, и ВКонтакте – эквивалент Facebook. Но она сказала, что у нее есть аккаунт в Facebook, и спросила, есть ли у меня».

RF2: «...Были технические проблемы (не было звука в Skype), но мы справились с этой проблемой».

USF3: «Мы решили регулярно переписываться по электронной почте около трех дней. Вначале мы пытались выйти на связь по Skype, но из-за разницы во времени и графиках у нас это не получалось. Затем Кристина заболела и потеряла голос, поэтому мы решили продолжить общаться по электронной почте, как уже делали целую неделю до этого».

USF3: «Сначала, я два раза пыталась связаться с Кристиной по электронной почте, но

не получала ответа. Потом она написала мне с нового адреса, не с того, который она раньше указала. Она сказала, что у нее были проблемы со старым адресом. Мы договорились связаться по Skype в воскресенье, в 8:00 вечера по России. У меня настольный компьютер без вебкамеры, поэтому мы договорились общаться без видео. Но она меня не слышала, тогда как я ее слышала прекрасно, поэтому через Skype мы только переписывались. Она была разочарована, что мы не могли по-настоящему говорить друг с другом, но потом она смирилась с этим и была рада, что мы все-таки общаемся».

Таким образом, для коммуникации студенты и преподаватели использовали разнообразные технические средства общения, такие как электронная почта, Skype (устное общение и переписка), Facebook. Можно сделать вывод, что для реализации заданий по межкультурной коммуникации могут использоваться различные технологии, в том числе социальные сети.

Межкультурная коммуникация в данной статье рассматривается как предмет, изучаемый студентами в вузах США и России, и как навык, который может быть сформирован непосредственно при изучении дисциплины «Межкультурная коммуникация». Предложенное студентам задание способствует формированию навыка межкультурного взаимодействия. Безусловно, для формирования навыков социального межкультурного взаимодействия должен использоваться набор заданий, предусмотренных учебно-методическим комплексом изучения дисциплины. Упражнение позволяет сформировать представление о важности реального общения.

Ниже представлены выдержки из отчетов о темах общения, которые были затронуты студентами при первом взаимодействии. Они позволяют понять, каким образом был установлен контакт и на основании чего было сформировано первое впечатление.

USF1: «Ей было приятно услышать, что моя сестра очень интересуется русской культурой».

USF1: «Она спросила, как я отношусь к общению со студентами из других стран, и я сказала ей, что это мой первый опыт».

RF1: «Она сказала мне, что ее сестре нравится русская культура и что она уже была в России в 1980-х годах. ...Сказала, что она сама хочет посетить Россию. Я думаю, это здорово,

что есть люди в мире, которые не боятся разных стереотипов о России и русских и хотят посетить Россию».

USM1: «Я спросил ее: что не следует делать, когда приезжаешь в Россию? Она ответила: „Не говори со странно выглядящими людьми; если что-то случается, оставайся спокойным; не ездь в метро в понедельник утром”».

USM1: «Я спросил, как в России относятся к Америке. Она ответила, что 50 на 50, так как старшее поколение, которое жило при Советском Союзе, всё еще опасается. Я спросил, хотела бы она когда-нибудь посетить Америку, и она радостно ответила: „Да”».

RF3: «Он был очень вежлив и пунктуален; он написал мне 4 или 5 писем, прежде чем мы наконец смогли начать общаться. Мы обсуждали некоторые темы кроме политики, в частности искусство. Я была немного удивлена, когда он сказал, что американцы не очень интересуются искусством и культурой».

Хотя изучение стереотипов не являлось предметом данного исследования, тем не менее при выполнении задания студенты обсуждали некоторые из них. Ниже приведены выдержки из отчетов студентов, представляющие интерес при изучении дисциплины «Межкультурная коммуникация», так как стереотипы, их формирование — одна из тем обсуждения при ее изучении.

RF2: «Американцы знают, как делать бизнес, и они любят это делать, работа играет в их жизни огромную роль».

RF2: «Для американцев семья не так важна, как для русских».

RF2: «Знания американцев об окружающем мире и культуре довольно скудные, и они знают это, но не прилагают никаких усилий, чтобы изменить положение».

RF2: «Американцы — очень открытые люди, они могут свободно говорить с вами о чем угодно, если видят в этом какую-то выгоду для себя».

USF2: «Гендерные роли соблюдаются в основном в старших поколениях, у молодого поколения они размыты».

USF2: «Методы ведения бизнеса в частном секторе становятся всё более прозападными, и это зависит от возрастной группы. Она сказала, что всё еще существуют менеджеры „старой школы”».

USF2: «Наши электронные письма были несколько формальны по своей структуре. Они

начинались с приветствия, разделялись на абзацы и заканчивались формальным прощанием. Один интересный факт касательно неприятия неопределенности: она просила, чтобы я отправляла ей по электронной почте некоторые вопросы, чтобы она могла подготовиться. Однако, возможно, она просто хотела подготовить свой ответ по-английски. Хотя она очень хорошо говорила по-английски»

RF4: «Честно говоря, я немного нервничала в ожидании нашего общения по Skype, боясь, что беседа будет формальной и скучной. Однако моей собеседницей оказалась очень интересная, дружелюбная и приятная женщина».

RF4: «Она подтвердила, что американцы очень индивидуалистичны и иногда могут быть высокомерны. Они также довольно критичны и могут делать поспешные выводы до того, как услышат все факты, и они не очень сострадательны. Но в то же время отношения довольно неофициальны как в бизнесе, так и в простом общении. Но она также сказала мне, что нужно иметь в виду, что мнения, обычаи, тенденции и культура в Соединенных Штатах могут очень различаться в разных штатах».

USF3: «Она сказала, что при организации бизнеса в России люди сталкиваются с большой бюрократией. Но если у вас много денег, то начать бизнес намного легче. Российское Министерство иностранных дел старается привлекать иностранных специалистов, чтобы они открывали фирмы в России. Таким образом, в России легче начать бизнес, если вы из другой страны. В российском бизнесе очень авторитарный тип власти. Босс принимает решения, а рабочие покорно относятся к управлению с более высоких уровней. Они очень сильно стараются избежать неопределенности и работают по формальным правилам и процедурам. Служащие придерживаются правил и норм».

USF3: «...Спросила у нее, что она думает о США и о том, как делается бизнес в Америке. Она ответила, что США — очень могущественная страна и что делать бизнес в Америке гораздо легче, чем в России».

RF2: «Для меня было довольно сложно описать некоторые особенности ведения бизнеса в России, так как я пока не работаю. Она использовала терминологию, которую мне было достаточно сложно понять. Но было очень интересно».

USF3: «Когда я спросила, как бы она (российская коллега) описала российскую бизнес-культуру — как коллективистскую или как индивидуалистичную, она сказала, что где-то посередине. Она имела нечеткие представления об этом, но сказала, что в общем складывается такая тенденция, что все привыкли работать как часть коллектива. В аудитории студенты делают больше индивидуальной работы, так как на лекциях не подразумевается выполнение индивидуальной и групповой работы. Я была очень удивлена, что студенты в России перед учебой в вузе заканчивают всего 10 классов. Кроме того, она проводит на занятиях почти целый день, поэтому ей очень тяжело найти работу на период учебы. В Америке мы работаем и стараемся подстроить всё, в том числе учебу, под наше расписание».

USF3: «Кристине очень понравилась идея общения со мной. Особенно ее воодушевила возможность поговорить об американской культуре. Но мне показалось, что говорить о России для нее было достаточно сложно, и я всё время брала инициативу в свои руки в разговоре с ней. Для меня это было нормально. Но мне не совсем были понятны некоторые из ее вопросов. И мне показалось, что она не договаривала и не озвучивала все мысли, которые у нее были. Также я пыталась рассказывать о себе и попросила ее рассказать немного о себе. Но она совсем мало рассказывала о себе».

USF3: «Если бы я четко понимала, с кем имею дело, думаю, это позволило бы мне более продуктивно провести нашу беседу. После нашей беседы с Кристиной я благодарна ей за то, что она дала мне некоторые представления о нашей культуре, как позитивные, так и негативные».

RF5: «Американская культура очень разнообразна, так как население США состоит из большого количества эмигрантов. Она говорит, что традиционно американцы — индивидуалисты, потому что имеют значение действия конкретного человека, а не группы. Также в деловой среде американцы ставят в заслугу скорее себе, а не группе успех какого-то предприятия или дела. С другой стороны, ощущается влияние иммигрантов из азиатской и южноамериканской культур, которые предпочитают более коллективистский подход».

Возрастная категория значительно различалась в американской и российской группах: как

уже отмечалось, средний возраст участников из России 20,7 года, а из США – 34,8 года. Возрастной индикатор – один из основных, на которые стоит обратить внимание в данном исследовании, так как информация в разных возрастных группах воспринимается по-разному. Основные понятия теории восприятия – первичный, перцептивный образы и образ репрезентации бессознательного умозаключения [12]. Первичный образ – восприятие, сформированное без опоры на воспоминания и прошлый опыт и содержащее то, что вытекает из непосредственных чувственных ощущений. Перцептивный образ относится к восприятию, которое сопровождается соотношением, взаимодействием чувственных ощущений и прошлого опыта. Понимание способствует скорейшему возникновению правильного перцептивного образа. Большинство американских участников уже имеют опыт работы, а российские студенты не имеют. Это, безусловно, влияло на информацию, которую студенты получали во время коммуникации.

Образование и опыт работы. USF1: «Ее очень удивило, что мне 38 лет, что у меня есть ребенок и я еще работаю на постоянной основе. Она хотела знать, типичен ли такой образ жизни для американских студентов? Я рассказала, что обычно люди сразу после школы идут учиться в вуз, но есть также люди, которые возвращаются к учебе гораздо позже и получают диплом. Мне также очень интересно было узнать от Ольги, что в России в вузе нет системы кредитов. Они изучают те предметы, которые есть в плане, и у них нет возможности выбирать. Большинство студентов в России не могут работать, так как тогда им придется пропускать занятия. У нее есть только один знакомый, который учится и по вечерам работает в кафе. Она говорит, что проводит в вузе от 6 до 8 часов в день. Учеба на бакалавра длится 4 года».

RF1: «Она мне сказала, что у нее приличная работа, но, для того чтобы продвинуться по карьерной лестнице, ей необходимо закончить образование и получить диплом бакалавра. Она была очень удивлена, что наши образовательные системы так сильно отличаются».

RF1: «Она мне сказала, что большинство американцев понятия не имеют о том, что происходит в мире; американцы знают только то, что происходит у них в Америке, об их государстве и о городе, в котором живут».

RF5: «Во-первых, мы говорили о системах образования в России и Америке и сравнивали их. Сейчас мне стало ясно, что наши образовательные системы очень различаются. По обыкновению, американские студенты в высшей школе имеют занятия от 45 минут до полутора часов, два или три раза в неделю. Обычно студенты изучают от четырех до пяти предметов в семестр. То есть не так интенсивно, как в университетах в России. Теперь я поняла, что много занятий в американской высшей школе проводится в виде групповой работы. Они делают много проектов вместе, так как должны понять свою роль в работе в группе. Групповая работа помогает им понять динамику общения с другими членами группы и смоделировать ее на свое рабочее пространство».

Оценка задания и его выполнение. USF1: «Мы упомянули о важности данного задания и приобретения такого опыта. Она согласилась, что это очень важно в наши дни».

RF1: «...Для меня это был потрясающий опыт – поговорить с человеком из другой страны и другой культуры».

RF4: «...Такие межкультурные беседы очень полезны и познавательны. Благодаря общению с представителями разных культур очень много можно научиться, расширить горизонты и приобрести новые знакомства».

USF3: «В целом мне очень понравилось наше общение. Я очень счастлива, что у меня была такая возможность – поговорить с кем-то из другой страны, которая находится очень далеко отсюда».

Мы проанализировали результаты исследования, полученные во время выполнения задания по дисциплине «Межкультурная коммуникация». Для выполнения задания студенты должны были обсудить предложенную тему со студентами из другой страны. Опыт, полученный преподавателями и студентами во время организации и проведения данного проекта, говорит об эффективности подобных заданий. Каждый студент, который изучает межкультурную или деловую коммуникацию, должен быть непосредственно вовлечен в этот процесс. Это помогает получить бесценный опыт общения.

Преподаватели, участвовавшие в проекте, обучают межкультурной коммуникации студен-

тов в России и США. Это является основным условием для организации процесса коммуникации. Успешность получения умений и навыков также зависит от наличия данного условия.

Задание представляет собой реальный опыт общения и обсуждения различных аспектов межкультурной коммуникации. Студенты одновременно получают опыт межкультурного взаимодействия и теоретические знания.

Общение является основной целью любого коммуникативного курса. Студентам, которые участвовали в данном проекте, задание очень понравилось. Они были им очень воодушевлены.

Можно говорить о том, что данный проект помог разрушить ряд стереотипов. Кроме того, некоторые теоретические положения по межкультурной коммуникации были усвоены студентами гораздо эффективнее. Студенты, имевшие технические возможности видеть друг друга, поняли, что представления, которые у них сложились о конкретном человеке или культуре, могут отличаться от того, каковы они на самом деле. Полученный опыт является жизненно необходимым и меняет отношение к жизни.

Данное упражнение рассматривалось как один из вариантов обучения межкультурной коммуникации. Этот эксперимент, безусловно, оказался успешен. Добровольное участие студентов в проекте помогло им общаться свободно и написать откровенные отзывы об участии в нем. Как показывают результаты проекта, несмотря на ограниченный опыт в деловом общении, студенты достаточно много обсуждали особенности ведения бизнеса. Использование английского языка для письменной и устной коммуникации дало возможность делиться информацией и опытом. Преподаватели решили продолжать опыт межкультурного взаимодействия. Проект поможет проанализировать и закрепить основные понятия, которые изучаются в курсе «Межкультурная коммуникация» и по другим общеобразовательным предметам. Участникам проекта приходилось работать в разных часовых поясах, с разным техническим обеспечением. Уровень владения английским языком значительно отличался. Тем не менее все участники проекта говорят о бесценном опыте, который они получили, общаясь со студентами из другой страны с помощью социальных сетей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Об образовании** в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ, ред. от 30.12.2015. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=146342;div=LAW;dst=1000000079;rnd=189271.9773210054263473;dirRefId=65535%2C18%2C191690;ts=17280959841892716094202338717878> (дата обращения: 04.02.2016).
2. **Гришина Н.Ю.** Внедрение смешанного обучения в преподавании международной и межкультурной коммуникации // Россия в глобальном мире. 2013. № 1 (24).
3. **Федеральный государственный образовательный стандарт** высшего образования по направлению подготовки 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (уровень бакалавриата). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=187514;fld=134;dst=100001,0;rnd=0.3226491189561784> (дата обращения: 04.02.2016).
4. **Easton S.S.** Clarifying the instructor's role in online distance learning // Communication Education. 2003. Vol. 52, iss. 2.
5. **Hofstede G.** Cultures and Organizations — Software of the mind. L.: McGraw-Hill International, 1991.
6. **Lengel R.H., Daft R.L.** The Selection of Communication Media as an Executive Skill. Academy of Management Executive, 1988.
7. **Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.** Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and Expanded 3rd Edition. McGraw-Hill, 2010.
8. **Hall E.T., Hall M.R.** Understanding cultural differences. Intercultural Press, 2005.
9. **Daft R.L., Lengel R.H.** Information richness: a new approach to managerial behavior and organizational design. Research in organizational behavior. Homewood, IL: JAI Press, 1984. Pp. 191–233.
10. **Debra L., Shapiro E.** Holly Buttner and Bruce Barry Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1994. Vol. 58, iss. 3. Pp. 346–368.
11. **Timmerman P.D., Harrison W.** The discretionary use of electronic media. Journal of Business Communication. 2005. No. 42. Pp. 379–389.
12. **Schiemann G.** Hermann von Helmholtz's Mechanism: The Loss of Certainty. A Study on the Transition from Classical to Modern Philosophy of Nature. Dordrecht: Springer, 2009.

ГРИШИНА Наталья Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: grishinan@list.ru

N.Yu. Grishina

THE USAGE OF SOCIAL NETWORK AS A TOOL TO DEVELOP INTERCULTURAL COMPETENCE

The article analyses the results of a joint assignment on the subject of Intercultural Communication, where the students from Russia and the United States were communicating and discussing a variety of topics proposed by the lecturers. Students recorded their responses to the assignment. The article presents a qualitative analysis of the results and provides an overview of tasks proposed to the students. The aim of this project was to find out what problems students may encounter in the framework of intercultural dialogue. In addition, during the project, new issues and challenges appeared that may stimulate further study and formation skills of intercultural interaction.

BUILDING COMPETENCES; TEACHING METHODS; INTERCULTURAL COMMUNICATION; SOCIAL NETWORKING; COLLABORATION.

REFERENCES

1. On Education in the Russian Federation. Federal. Law of 29.12.2012, no. 273-FZ, ed. from 12.30.2015. Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=146342;div=LAW;dst=100000079;rnd=189271.9773210054263473;dirRefFld=65535%2C18%2C191690;ts=17280959841892716094202338717878> (accessed 04.02.2016).
2. Grishina N.Yu. [The introduction to blended learning in the teaching of international and intercultural communication]. *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world], 2013, no. 1 (24). (In Russ.)
3. Federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 41.03.01 "Foreign Area Studies" (undergraduate level). Available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=187514;fld=134;dst=100001,0;rnd=0.3226491189561784> (accessed 04.02.2016).
4. Easton S.S. Clarifying the instructor's role in on-line distance learning. *Communication Education*, 2003, vol. 52, iss. 2.
5. Hofstede G. *Cultures and Organizations – Software of the mind*. London, McGraw-Hill International, 1991.
6. Lengel R.H., Daft R.L. *The Selection of Communication Media as an Executive Skill*. Academy of Management Executive, 1988.
7. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. Revised and Expanded 3rd Edition. McGraw-Hill, 2010.
8. Hall E.T., Hall M.R. *Understanding cultural differences*. Intercultural Press, 2005.
9. Daft R.L., Lengel R.H. Information richness: a new approach to managerial behavior and organizational design. *Research in organizational behavior*. Homewood, IL: JAI Press, 1984. Pp. 191–233.
10. Debra L., Shapiro E. Holly Buttner and Bruce Barry. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1994, vol. 58, iss. 3, pp. 346–368.
11. Timmerman P.D., Harrison W. The discretionary use of electronic media. *Journal of Business Communication*, 2005, no. 42, pp. 379–389.

12. Schiemann G. Hermann von Helmholtz's Mechanism: The Loss of Certainty. A Study on the Transition from Classical to Modern Philosophy of Nature. Dordrecht, Springer, 2009.

GRISHINA Natalya Yu. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politeknicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: grishinan@list.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ШОС В КОНТЕКСТЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Приоритетным направлением деятельности Шанхайской организации сотрудничества является обеспечение региональной безопасности и взаимодействия России и Китая со странами Центральной Азии. Афганистан, как государство-наблюдатель при ШОС, находится в зоне ответственности организации, поэтому мирное урегулирование афганского конфликта – одна из важнейших задач ее деятельности.

ПОЛИТИКА; БЕЗОПАСНОСТЬ; ШОС; АФГАНИСТАН; РЕГИОН.

Проблемы безопасности в последние десятилетия стали основополагающими во взаимоотношениях стран Центральной Азии. Причинами тому послужили развал СССР, вызвавший цепную реакцию региональных пограничных конфликтов новых независимых государств, и непрекращающиеся военные действия на территории Афганистана. Возникла объективная необходимость для стабилизации ситуации в регионе найти соответствующие международно-правовые институциональные решения. Первые шаги в данном направлении сделал Китай. На его границе в Центрально-Азиатском регионе возникло несколько новых независимых государств, что значительно изменило общую геополитическую картину. Для КНР это означало появление ряда проблем пограничного характера. Потребовалось создание новых институтов для поддержания региональной безопасности. Поэтому именно Китай выступил инициатором создания Шанхайской организации сотрудничества – ШОС (2001), для которой (в отличие от НАТО) принципиально важно, чтобы интеграционные процессы в области региональной безопасности не перерастали в военно-политический союз.

На последнем саммите в Уфе (2015) были определены новые перспективы ШОС, что связано, во-первых, с расширением состава членов организации (странами-участницами ШОС стали Индия и Пакистан), а во-вторых, с принятием Стратегии развития ШОС до 2025 года, где записано, что на передний план выходит необходимость построения в регионе всеобщей архитектуры неделимой и надежной безопасности.

В этой связи политика безопасности ШОС неотделима от урегулирования афганской проблемы с учетом того, что приоритетным направлением деятельности организации является именно обеспечение региональной и национальной безопасности государств Центральной Азии. С начала первого десятилетия XXI века стабильность в Центрально-Азиатском регионе всё больше зависит от военно-политического конфликта в Афганистане.

При разрешении сложной афганской проблемы недостаточно внимания уделяется сложным геополитическим факторам, серьезно влияющим на обстановку в стране. Афганистан оказался практически «разорван» по нескольким направлениям: на юге страны усиливает свое влияние Пакистан; западные провинции

до сих пор контролирует Иран; на севере страны господствуют таджики и узбеки, которые стремятся воспрепятствовать проникновению туда пуштунов; центр Афганистана пытаются контролировать правительственные силы, а на северо-востоке страны столкнулись интересы Китая и Индии, для которых в этом регионе сосредоточены источники угроз – базы подготовки боевиков, экстремистских сил. Нельзя не учитывать, что численно преобладающее и традиционно политически доминирующее в Афганистане пуштунское сообщество ориентируется в основном на соседний Пакистан, с которым его связывают более тесные узы, нежели с Ираном и северными соседями. При этом крупные державы и страны, граничащие с Афганистаном с севера, в свою очередь, поддерживают в нем своих сторонников: Россия и Таджикистан – афганских таджиков, Узбекистан – афганских узбеков, Иран – хазарейцев, что лишь усиливает национальный раскол в стране и не способствует созданию условий для ее возможной интеграции в региональное сообщество в будущем [3, с. 47]. Сотрудничество Афганистана с северными соседями ограничивается экономическими отношениями. В политической сфере предпосылки для сближения и последующей интеграции еще не созданы. Страну отделяет от северных соседей четкий политико-идеологический и психологический барьер: Афганистан и новые государства Центральной Азии находятся в различных, во многом противостоящих сферах влияния крупных держав – США и России. Поэтому на отношения Афганистана с этими странами оказывают влияние соотношение сил и политика обеих держав, хотя в политических кругах страны существует тенденция к тесной интеграции с «новыми государствами» Центральной Азии.

Серьезное влияние в Афганистане сохранили Пакистан и Иран, определенными возможностями располагают Россия, Таджикистан, Узбекистан, Индия [2, с. 130–131]. Причем три ядерные державы – Китай, Индия и Пакистан – частично расположены в Центральной Евразии и непосредственно граничат с нестабильной страной. Остановимся на роли Ирана и США в деле урегулирования афганской проблемы. Сотрудничество этих двух стран в действиях против движения «Талибан» в конце 2001 года давало положительные результаты. Учитывая новые

тенденции мирового развития после 11 сентября 2001 года, Иран поддержал намерения США по проведению широкомасштабной антитеррористической операции в Афганистане, предложив американцам сотрудничество в свержении власти талибов и ликвидации сети «Аль-Каиды» на афганской территории. При этом иранцы предоставили им разведанные о местонахождении боевиков для нанесения ударов по позициям талибов и «Аль-Каиды» [5, с. 124].

Что касается ситуации в самом Афганистане, то, к сожалению, там снова осуществляются боевые действия талибов, традиционным стал огромный поток наркотрафика, усилились сепаратистские движения, вновь обострился не решенный в XX веке «пуштунский вопрос», а также пакистано-афганские пограничные проблемы. Продолжается война на всей территории Афганистана, и коалиционные войска США и НАТО оказались не в силах обеспечить мир в стране. Становится очевидным, что нельзя установить мир военным путем. Затянувшееся военное урегулирование афганского конфликта привело только к одному результату: конфликт в регионе стал шире, глубже и острее [6, с. 84]. Современные афганские власти даже с помощью американского и натовского контингентов не могут изменить сложную ситуацию в стране. Более того, можно констатировать во многом негативный результат антитеррористической кампании США. За время этой операции еще больше активизировались террористические, экстремистские группировки, организованная преступность, контрабанда оружия, многократно выросли производство наркотиков, нелегальная миграция и другие угрозы безопасности как для самого Афганистана, так и для всех стран евразийского континента. Это заставляет активизироваться соседей Афганистана, для которых афганское мирное урегулирование является жизненно необходимым [1, с. 11].

Для миротворческих целей в рамках ООН была создана контактная группа по формуле «7 + 5», куда вошли страны-соседи Афганистана, а также Россия и США, организации НАТО, ШОС и ОДКБ. Есть опасения, что при принятии формата сотрудничества «7 + 5» индо-пакистанские противоречия смогут иметь продолжение еще и в Афганистане, а это может заметно осложнить и без того непростую ситуацию в регионе. Возможно, что при таких обстоя-

яательствах как раз платформа ШОС будет способствовать сближению позиций и снижению напряжения в международных отношениях в регионе, смягчению напряжения между Индией и Пакистаном для обеспечения региональной безопасности, потому что вступление этих двух стран в ШОС (2015) накладывает на них обязательства мирного разрешения пограничных конфликтов. Большинство государств формата «7 + 5», имеющих влияние в Афганистане, являются участниками либо наблюдателями в ряде региональных международных организаций, в частности при НАТО, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС. Именно на базе региональных организаций, участники которых остро испытывают влияние афганского конфликта и объективно заинтересованы в мирном разрешении проблемы, может быть построен процесс афганского урегулирования.

В настоящее время очевидна интенсификация работы по мирному урегулированию афганской проблемы с учетом современных геополитических реалий страны в рамках контактной группы Афганистан – ШОС, вызванная осознанием необходимости принимать превентивные меры для реализации интересов государств Центральной Азии. Сложная военно-политическая обстановка в Афганистане – одно из основных препятствий на пути региональной интеграции и реализации наиболее приоритетного совместного интереса государств Центральной Азии, связанного с обеспечением этих государств альтернативными и взаимодополняющими транспортными коммуникациями. Хотя существует контактная группа ШОС – Афганистан, для координации усилий всех заинтересованных сторон в афганском мирном процессе необходим многосторонний формат сотрудничества.

Традиционные опасности, исходящие с афганской земли (терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик), приобрели для соседних стран, являющихся членами ОДКБ и находящихся в зоне ответственности организации, угрожающий характер, что актуализирует необходимость взаимодействия НАТО – ОДКБ по проблеме стабилизации Афганистана. Но сотрудничество двух организаций осложняется множеством нерешенных вопросов двусторонних отношений, и прежде всего нежеланием НАТО признать зону ответственности ОДКБ.

Необходима выработка механизма процесса мирного урегулирования, а также тесное сотрудничество НАТО – ШОС – ОДКБ по урегулированию афганской проблемы и координации усилий в обеспечении региональной безопасности. Для этого, видимо, надо усилить диалог ШОС – Афганистан, наладить эффективные консультации ШОС – НАТО, ШОС – США. Основу для активизации такого регионального сотрудничества создают общие интересы, такие как борьба с террористическими сетями исламистов, организованной преступностью и наркоторговлей, а также общая заинтересованность в развитии Афганистана. Возможно, необходима разработка стабилизационной программы Афганистана совместно с участниками афганского диалога с учетом того, что многие проекты развития ШОС зависят от стабилизации ситуации в регионе и разрешения афганской проблемы.

Оптимальным для процесса урегулирования в Афганистане представляется подключение возможностей его соседей – членов ШОС (Таджикистана и Узбекистана), имеющих большое влияние на севере страны, а также стран-наблюдателей ШОС.

Таджикистан уже сейчас серьезно взаимодействует с Афганистаном экономически, планирует реализовать ряд проектов, которые могут содействовать развитию этой страны. Строительство железнодорожной ветки Туркменистан – Афганистан (Мазари Шариф) – Таджикистан и газопровода по данному маршруту, ускорение сооружения ЛЭП Рогун – Мазари Шариф – Герат – Мешхед, которая могла бы соединить электрические сети Киргизии, Таджикистана, Афганистана и Пакистана, – эти проекты, предлагаемые Таджикистаном, могут серьезно содействовать развитию Северного Афганистана, а также будут способствовать укреплению регионального взаимодействия и обеспечению безопасности. Кроме того, в плане развития альтернативных коммуникаций и восстановления геополитической целостности Центральной Азии важно было бы обсуждение проекта возможного строительства железной дороги через Ваханский коридор, которая связала бы такие государства, как Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индия, Китай. Возможно, этот проект будет обсужден и реализован в рамках ШОС.

Пакистан и Иран, как члены ШОС (в том или ином качестве), в силу многих общих цивилизационных основ исторически тесно связаны с Афганистаном и имеют большое влияние в этой стране. Они тесно работают с афганскими национальными, религиозными, политическими и военными группировками, что свидетельствует о намерениях этих стран играть важную роль в Афганистане в стратегической перспективе. В связи с изменением ситуации в этой стране Иран и Пакистан активизировали свою деятельность в экономической сфере, хотя при этом сохраняется их влияние на отдельные афганские военно-политические группировки.

С самого начала восстановления «постталибовского» Афганистана Иран де-факто занял одно из центральных мест в подъеме афганской экономики. При этом если остальные зарубежные доноры (США, Евросоюз, Япония и др.) участвовали в основном в восстановлении дорог, телекоммуникаций, связи, оказании гуманитарной помощи, то Иран направил средства в важнейшие для Афганистана области – сельское хозяйство и энергетику. Одним из важнейших направлений ирано-афганского сотрудничества стала помощь в восстановлении наземных путей сообщения. Интересы Ирана в Афганистане связаны прежде всего с укреплением влияния в западных провинциях страны, которые в разные исторические периоды входили в состав иранского государства. В списке стран, инвестирующих в последние годы средства в экономику Афганистана, Иран прочно входит в первую пятерку. В настоящее время эта страна является одним из ведущих торговых партнеров Афганистана, заметно потеснив соседний Пакистан [9, с. 125]. Очевидно, что в перспективе Иран и Пакистан через экономическую составляющую смогут влиять на внутри- и внешнеполитические процессы нового Афганистана.

Стабильность в Афганистане можно обеспечить только путем переговоров, поиска компромиссов, содействия экономическому развитию страны. По мнению таджикского эксперта Х. Холикназарова, США должны активно вовлекать граничащие с Афганистаном страны в переговорный процесс по урегулированию афганского конфликта, в ходе которого могло бы быть подписано соглашение о выводе американских и коалиционных войск из Афгани-

стана (после полного разоружения участников движения «Талибан» и террористов «Аль-Каиды»). Кроме того, эксперт предлагает направить в Афганистан военных наблюдателей из Китая, Индии, Пакистана, Ирана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана.

Как известно, афганцы не сформировались как единая гражданская нация, политическая борьба в Афганистане неотделима от региональной, а также от межэтнических, межконфессиональных (сунниты и шииты) и внутриконфессиональных противоречий [2, с. 135]. По мнению бывшего министра – советника президента Афганистана по делам племен В. Саббуна, «влияние старейшин племен, традиции этнических групп, настроения сотрудничества, сохранившиеся со времен совместного джихада, братство, общая исламская и национальная культура, религиозная приверженность народа являются факторами, опираясь на которые можно достичь успеха в сотрудничестве ради установления мира в стране. Необходимо начинать переговоры по различным каналам и с использованием влияния старейшин племен, авторитетных фигур джихада, настроений братства и национального единства, миролюбивых движений в разных точках страны, где мир и спокойствие подвержены угрозам, и поощрять народ к участию в этом процессе. Межафганское перемирие, основанное на чувстве национального возрождения и установлении безопасности, не только открыло бы дорогу к восстановлению и созиданию в Афганистане, но и, обеспечивая национальную безопасность, создало бы благоприятные условия для развития торговых, экономических отношений между восточными и северными соседями Афганистана» [См.: 8].

Организация внутри афганского диалога могла бы опираться на прецеденты как внутри Афганистана (политика национального примирения второй половины 1980-х гг.), так и вне его (например, опыт межтаджикского урегулирования в 1990-х гг. при участии Ирана и России). Нарастивая военное присутствие в Афганистане, страны НАТО не добьются успеха, поскольку людские ресурсы Афганистана и зоны племен Пакистана неизмеримо больше. Зона влияния талибов составляет более 50 % территории страны [2, с. 133]. Очевидно, нельзя игнорировать де-факто существующие геополитические

тические реалии Афганистана, т. е. необходимо учитывать существующую децентрализацию, при которой власть Кабула достаточно слаба на периферии страны. Участники формата сотрудничества «7 + 5» могли бы способствовать созданию демократической, легитимной, устойчивой структуры государственного управления. Возможно, для эффективного управления страной необходимо создание в Афганистане автономных районов и придание стране статуса нейтрального государства. Предоставление максимума автономии некоторым этническим группам страны ради сохранения политической стабильности в районах афганского севера в наибольшей степени отвечает геополитическим интересам как западных, так и северных соседей Афганистана, включая и Россию.

Государства Центральной Евразии заинтересованы в создании сильного, независимого Афганистана. Одной из ключевых проблем является восстановление геополитической целостности Центральной Азии. Если в 1990-х годах модели интеграции охватывали в основном государства постсоветского пространства региона, то теперь наблюдается всё большее стремление к укреплению геополитической целостности Центральной Азии, и пример тому — ШОС, членами которой являются все государства региона [5, с. 124].

В экспертных кругах Центральной Азии есть понимание того, что для реализации национальных интересов «новых государств» важно сотрудничество в рамках новой интеграционной организации, возникшей на постсоветском пространстве, — Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В него как участники входят центральноазиатские страны Казахстан и Киргизия, а Таджикистан является возможным кандидатом. С завершением холодной войны и началом хозяйственной перестройки «новых государств» важнейшей геэкономической задачей стало упрочение деятельности ЕАЭС, так как экономики стран-участниц взаимосвязаны достаточно длительное время. Кроме того, прочны их культурно-исторические связи. «Новые государства» имеют многотысячелетнюю историю сотрудничества, общие границы, высокий уровень хозяйственных, политических, культурных связей, общие исторические традиции. В своей совокупности они обладают богатым потенциалом, вследствие чего могут

достойно конкурировать с другими странами в процессе глобализации и оптимально реализовывать свои национальные интересы.

В конце 2008 года группа российских экспертов (Ю. Крупнов, А. Дереникьян, И. Батыршин, Б. Крупнов, С. Мелентьев) во главе с председателем наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю.В. Крупновым выдвинула геопрограммную концепцию Нового Среднего Востока. Авторы концепции считают, что ключевым смыслом макрорегиона Новый Средний Восток должно стать создание единого целостного геоэкономического и геокультурного пространства. Предлагается следующее: «Из плацдарма геополитических столкновений и инструментального использования в интересах отдельных стран макрорегион следует перевести в состояние ядра центральноевразийского общего рынка и площадки для диалога укорененных здесь цивилизаций и народов... Основой единого экономического пространства должны стать общие инфраструктуры электроэнергетики, ирригации и обеспечения водой, управления транспортно-логистическими потоками, обеспечения перспективной занятости» [См.: 7]. По мнению авторов концепции, интеграция стран Нового Среднего Востока решит в этом новом макрорегионе важные задачи. Во-первых, это восстановление Афганистана в качестве единого, суверенного и экономически эффективного государства, которое не только прекращает экспорт нестабильности, наркотиков и терроризма, но и становится модельным государством ускоренной индустриализации и развития; во-вторых, обеспечение прочной кооперативной безопасности и стабильности в регионе. Действительно, стабилизация ситуации в Афганистане отвечает интересам всех государств Центральной Азии, так как реализация многих жизненно важных проектов государств региона во многом связана с решением афганской проблемы. Государства Центральной Азии заинтересованы в создании сильного, независимого Афганистана [5, с. 72–78].

Афганистан, как государство-наблюдатель при ШОС, находится в зоне ответственности организации. В этом контексте представляются интересными предложения российской «экспертной группы Ю. Крупнова» по созданию Афганского фонда ШОС для разработки и ре-

ализации Комплексного плана развития Афганистана [4]. Кроме того, предлагается провести в Кабуле под эгидой ООН международную конференцию «Мир и процветание в Афганистане». По мнению экспертов, конференция должна принять план восстановления мира в Афганистане и последующего развития страны, а также решить, какой должна быть структура политической системы Афганистана, принять Комплексный план развития Афганистана, разработанный экспертами ШОС. Шанхайская ор-

ганизация в целом и ее отдельные члены, участники и наблюдатели, обладают значительным миротворческим опытом, в том числе опытом международного сотрудничества. ШОС может стать инициатором и гарантом внутри афганского переговорного процесса. Таким образом, только комплексное сотрудничество всех заинтересованных в афганском урегулировании акторов способно развязать «афганский узел» и обеспечить стабильность в Центрально-Азиатском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии: отчет о работе междунар. конф. Иссук-Куль, 10–12 июня 2008 г.** Бишкек, 2008.

2. **Князев А.А.** Американский тупик в Афганистане, ШОС и значение стран-наблюдателей: поиск новых парадигм // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей: матер. междунар. конф. М., 2009.

3. **Коргун В.Г.** Афганистан и проблемы интеграции Центральной Азии // Россия и Центральная Азия в условиях геополитической трансформации: внешнеполитическое измерение: матер. междунар. конф. Душанбе, 2007.

4. **Майтдинова Г.М.** Геополитические концепции «Новый Средний Восток» и «Большая Центральная Азия»: анализ, возможности, механизмы // Проблема безопасности государств Среднего Востока в условиях мирового кризиса : матер. междунар. конф. Душанбе, 2009. С. 72–78.

5. **Майтдинова Г.М.** Модели интеграции государств Центральной Азии: за и против // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Сравнительный анализ, возможности и перспективы: матер. междунар. конф. Бишкек, 2007.

6. **Пластун В.Н.** ШОС и перспективы восстановления безопасности в Центрально-Азиатском регионе // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. М., 2009.

7. **Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия: проектно-аналит. докл. М., 2008.**

8. **Сабоун В.** Афганистану нужен переговорный процесс // Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии. Бишкек, 2008. С. 217–219.

9. **Столповский О.А.** Потенциал влияния Ирана на развитие ситуации в Афганистане // ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей. М., 2009.

АДИНА МОХАММАД Абдул Гафар Батур — аспирант кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

e-mail: ghafar7862003@gmail.com

Abdul Gafar Batur Adina Mokhammad

SECURITY POLICY OF THE SCO IN THE CONTEXT OF THE SETTLEMENT OF THE AFGHAN PROBLEM

A priority of the SCO is to ensure regional security and interaction of Russia and China with Central Asian States. Afghanistan as an observer in the SCO, is in the area of responsibility of the organization, therefore, the peaceful settlement of the Afghan conflict is among the most important tasks of the SCO activity.

POLICY; SECURITY; SCO; AFGHANISTAN; REGION.

REFERENCES

1. Afganistan, ShOS, bezopasnost' i geopolitika Tsentral'noy Yevrazii: otchet o rabote mezhdunarodnoy konferentsii. Issyk-Kul, 10–12 iyunya 2008 g. Bishkek, 2008. (In Russ.)
2. Knyazev A.A. Amerikanskiy tupik v Afganistane, ShOS i znachenije stran-nablyudateley: poisk novykh paradig. *ShOS kak faktor integratsii Tsentral'noy Yevrazii: potentsial stran-nablyudateley i stran-sosedey*: materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Moscow, 2009. (In Russ.)
3. Korgun V.G. Afganistan i problemy integratsii Tsentral'noy Azii. *Rossiya i Tsentral'naya Aziya v usloviyakh geopoliticheskoy transformatsii: vneshnopoliticheskoye izmereniye*: materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Dushanbe, 2007. (In Russ.)
4. Maytdinova G.M. Geopoliticheskiye kontseptsii "Novyy Sredniy Vostok" i "Bol'shaya Tsentral'naya Aziya": analiz, vozmozhnosti, mekhanizmy. *Problema bezopasnosti gosudarstv Srednego Vostoka v usloviyakh mirovogo krizisa*: materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Dushanbe, 2009. Pp. 72–78. (In Russ.)
5. Maytdinova G.M. Modeli integratsii gosudarstv Tsentral'noy Azii: za i protiv. *Proyekty sotrudnichestva i integratsii dlya Tsentral'noy Azii. Sravnitel'nyy analiz, vozmozhnosti i perspektivy*: materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Bishkek, 2007. (In Russ.)
6. Plastun V.N. ShOS i perspektivy vosstanovleniya bezopasnosti v Tsentral'no-Aziatskom regione. *ShOS kak faktor integratsii Tsentral'noy Yevrazii: potentsial stran-nablyudateley i stran-sosedey*. Moscow, 2009. (In Russ.)
7. Put' k miru i soglasiyu v Afganistane opredelyayetsya pozitsiyey, kotoruyu zaymet Rossiya: proyektno-analiticheskii doklad. Moscow, 2008. (In Russ.)
8. Saboun V. Afganistanu nuzhen peregovornyy protsess. *Afganistan, ShOS, bezopasnost' i geopolitika Tsentral'noy Yevrazii*. Bishkek, 2008. Pp. 217–219. (In Russ.)
9. Stolpovskiy O.A. Potentsial vliyaniya Irana na razvitiye situatsii v Afganistane. *ShOS kak faktor integratsii Tsentral'noy Yevrazii: potentsial stran-nablyudateley i stran-sosedey*. Moscow, 2009. (In Russ.)

ADINA MOKHAMMAD Abdul Gafar Batur – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia
e-mail: ghafar7862003@gmail.com

DOI 10.5862/JHSS.239.9

УДК 94

И.А. Цверюанашвили

ШВЕДСКАЯ ПАРТИЯ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ – ПАРТИЯ ЗЕЛЕННЫХ: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье впервые в отечественной историографии проанализированы особенности создания и развития шведской Партии охраны окружающей среды – Партии зеленых. Она была образована в начале 1980-х гг. и стала первым в Скандинавском регионе полноценным политическим объединением, основанным на принципах зеленой политики. Партия принимает участие в парламентских выборах с 1982 г., она стала заметным явлением в политической жизни Швеции. Сегодня шведские зеленые, единственные из зеленых в Европе, входят в состав действующего правительства, что открывает новые перспективы для зеленого политического движения.

ПАРТИЯ ЗЕЛЕННЫХ; ШВЕЦИЯ; ЗЕЛЕНАЯ ПОЛИТИКА; РИКСДАГ; ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ; РЕФЕРЕНДУМ.

К главным итогам выборов в шведский парламент (риксдаг) в сентябре 2014 г. можно отнести сложение полномочий правоцентристского «Альянса», возросшую популярность партии «Шведские демократы» и возвращение к власти социал-демократов [См. подробнее: 1]. Вместе с Социал-демократической партией Швеции правящим меньшинством в парламенте (138 депутатских кресел из 349) стала Партия зеленых (*шв.* Miljöpartiet de Gröna), что можно расценить как крупнейший успех в истории партии. Представители партии (6 человек) вошли в состав правительства нового премьер-министра С. Лёвена (24 человека). Шведская Партия зеленых является одной из самых молодых партий на политической арене страны, что делает ее успех в 2014 г. еще ценнее. На фоне своих коллег из других стран шведские зеленые совершили прорыв. В парламентах Дании, Финляндии, Норвегии, Исландии, Австрии, Швейцарии и Германии немногочисленные представители партий экологической направленности находятся в стане оппозиции, а во Франции, Италии, Нидерландах и других странах зеленые являются депутатами, однако не оказывают какого-либо влияния на политические процессы.

В отечественной научной литературе отсутствуют работы, посвященные изучению данной специфической общественной органи-

зации, хотя в последние годы в ряде исследований шведским зеленым уделено внимание в контексте тех или иных проблем [См., например: 2]. Попробуем рассмотреть и проанализировать особенности исторического развития партии, оценить ее перспективы на политической арене страны.

В конце 1970-х гг. в Швеции наблюдалась значительная активность общественных движений: пацифистских, движений за разоружение, экологических и т. д. Активно заявляло о себе и движение против использования ядерной энергии, которое возникло в стране сразу после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки [3]. Авария на американской АЭС Три-Майл-Айленд в штате Пенсильвания, произошедшая в 1979 г., вызвала необходимость общественных дебатов в стране. Через год в Швеции прошел референдум, посвященный вопросу использования ядерной энергии на национальном уровне. На референдум были вынесены три возможных сценария будущего мирного использования ядерного потенциала. Первый сценарий, поддержанный Умеренной коалиционной партией, подразумевал активное использование ядерной энергии (в том числе и для сокращения зависимости от нефтепродуктов) и установление максимального количества АЭС в стране – 12. В связи с тем, что в Швеции не была развита альтернативная энергетика, пред-

полагалось активное использование ядерного потенциала до определенного времени. Второй сценарий, поддержанный социал-демократами и Народной партией, также допускал использование ядерной энергии и устанавливал такое же число разрешенных АЭС в стране. В нем предусматривались значительное вложение средств казны в разработки альтернативной энергетики, запрет на коммерческое владение АЭС (что было разрешено тогда в Швеции), участие всех граждан в работе по вопросам использования и безопасности АЭС. Третий сценарий, который поддержали христианские демократы и Левая партия, предусматривал строгое ограничение использования ядерного потенциала: отказ от планов строительства будущих АЭС, запрет на добычу урановой руды, переход на альтернативные источники энергии в течение следующего десятилетия [4]. С минимальным перевесом победил второй сценарий – он набрал 39,1 % голосов (первый и третий – соответственно 18,9 и 38,7 %).

Вскоре после этого социолог и член Народной партии – либералов П. Гартон написал статью в газету «Dagens nyheter», а затем вышла его небольшая книга «Необходима партия будущего» (*шв.* «Det behövs ett framtidsparti» [5]), в которой обосновывалась необходимость создания партии экологической направленности. Гартон и его сторонники решили создать политическую партию по аналогии с Партией зеленых (*нем.* Die Grünen), основанной годом ранее в ФРГ [6]. К. Лиссенко, один из основателей партии, вспоминал: «30 сентября 1980 г., по приглашению Пера Гартона, несколько человек собрались в его квартире в Накке. После знакомства первым вопросом на повестке дня была готовность основать новую партию. Мы единодушно ответили: да!» [7] (здесь и далее перевод наш. – *И. Ц.*). Объединение получило название Партия [охраны] окружающей среды (*шв.* Miljöpartiet), а спустя 5 лет было добавлено слово «зеленые» (*шв.* De Gröna). В русской традиции партия обычно называется сокращенно – Партия зеленых (Швеция). Официально партия была зарегистрирована 20 сентября 1981 г. [8]. Стоит отметить, что подобные партии появились и в других странах Северо-европейского региона, но позднее: в Бельгии – в 1982 г., в Норвегии и Финляндии – в 1987 г., в Нидерландах – в 1989 г., в Великобритании –

в 1990 г., в Исландии – в 1999 г. В Дании в конце 1970-х – начале 1980-х гг. главным идеологом зеленой политики становится Социалистическая народная партия, образованная в 1959 г. Кроме того, с 1983 по 2014 г. в этой стране функционировала и партия «Зеленые» (*дат.* De Grønne). Тем не менее Швеция стала первой страной в регионе, где зеленые сформировали полноценную политическую партию, выйдя за рамки протестного движения.

Первые выборы в риксдаг в истории партии состоялись в 1982 г. Правящая коалиция во главе с лидером центристов Т. Фелльдином была в кризисе – союз Народной партии, Партии Центра и умеренных распался из-за невозможности договориться по ранее упомянутому вопросу о ядерной энергетике и налоговой политике. В этих обстоятельствах у зеленых были шансы если не на попадание в риксдаг, то, как минимум, на завоевание устойчивых симпатий новых сторонников. Но вооруженная нестандартным лозунгом «Мы обещаем не золото, а зеленые леса и гуманное общество» партия набрала 1,7 % голосов избирателей и не получила мест в парламенте [9]. Наибольшую поддержку она получила в Стокгольме, Гётеборге, Мальмё, Коппарберге и лене Эстергётланд [10]. Крупные города страны и в дальнейшем будут местом сосредоточения сторонников партии.

Политическая программа зеленых на тот момент гласила следующее: «Общество должно базироваться на [заботе о] здоровье человека, как душевном, так и телесном. [К ней можно отнести]:

- природный баланс;
- солидарность по глобальным вопросам...;
- технологии, приспособленные к нуждам окружающей среды и человечества;
- значимую работу для каждого;
- равенство полов...;
- культурное разнообразие и свободу вместо сегодняшнего косного стремления к материальному обогащению со всеми его негативными последствиями» [11].

Несомненно, молодой партии было сложно конкурировать с политическими тяжеловесами, например с социал-демократами, которые в тот год снова вернулись к власти во главе с У. Пальме (1927–1986). Разделы первой предвыборной программы Партии зеленых были посвящены: мигрантам, к которым партия была настроена

доброжелательно и приветствовала межкультурную коммуникацию приезжих и коренных граждан Швеции; солидарности со странами третьего мира и антивоенным настроениям; равенству полов, запрету проституции и секс-индустрии. Экономический аспект программы был прописан достаточно слабо и содержал много общих рассуждений. Зеленые не предложили избирателям конкретных мер или механизмов решения тех или иных проблем, сосредоточившись на общих малообоснованных положениях [11]. Экологический аспект в программе зеленых был прописан более подробно и четко по сравнению с другими избирательными программами. Своеобразную конкуренцию в этом плане ей могла составить только программа Народной партии — либералов, где вопросы экологии были разработаны тоже достаточно тщательно [12].

Даже столь малое число голосов можно было считать успехом для молодой партии: она была замечена общественностью. Главный редактор газеты «Dagens Nyheter» С. Нюкандер писал: «Те, кто критикует Партию [охраны] окружающей среды, должны помнить о неудачах и провалах других партий. Новая партия была сформирована потому, что нашим политикам не хватает вдумчивых ответов на важные вопросы, поставленные будущим. Как мы справимся с энергоснабжением страны, сокращая зависимость от нефти и атомной энергии? Может ли Швеция стать исключением среди развитых стран и обеспечить работой всех в эпоху роботизации и компьютеризации? Партия [охраны] окружающей среды бросается [решать] сложные проблемы...» [13].

Спустя 30 лет, в 2013 г., партия опубликовала новую программу, с которой вступила в борьбу за голоса избирателей на выборах в риксдаг 2014 г. Этот тщательно проработанный документ во многом продолжал и развивал идеи, заложенные три десятилетия назад. Идеи искоренения дискриминации по какому-либо признаку, а также идеи феминизма, поддержки национальных меньшинств в Швеции по-прежнему близки зеленым. В программе отмечалось, что в сфере экономики должны решаться задачи, связанные с совершенствованием народного хозяйства в рамках концепции устойчивого развития, защитой прав покупателей, соблюдением экологических, этических

и социальных норм и ответственностью всех участников современного рынка товаров и услуг, поддержкой малого бизнеса и т. д. Общие внешнеполитические взгляды партии также не претерпели особых изменений: поддержка бедных и беднейших стран мира, активная работа Швеции в ООН и Северное сотрудничество должны быть продолжены. Зеленые стоят на позициях евроскептицизма, критикуя ЕС за нерациональное использование финансов, недостаточно продуманную экологическую политику, несбалансированную сельскохозяйственную политику, выступают за более активное участие граждан союза в решении актуальных политических проблем. Отношение к России в программе партии не отражено, но, судя по высказываниям ее лидеров, оно является сдержанно отрицательным. О. Ромссон и Г. Фридолина беспокоят участие российской госкорпорации «Росатом» в работе АЭС Рингхальс [14], крымский вопрос [15] и «маскулинная» внешняя политика России в целом. В программе сосредоточено внимание на некоторых новых аспектах, например на проблемах науки и высшей школы. Отношение партии к мигрантам остается лояльным, более того, Партия зеленых «горда тем, что является самой открытой для мигрантов партией» [16], и считает, что чем раньше переселенцы из других стран будут допущены к полному спектру гражданских прав и свобод страны, тем лучше.

За время своего существования партия десять раз приняла участие в выборах в риксдаг и пять раз в выборах в Европейский парламент (см. табл. 1 и 2) [17].

В 1982, 1985 и 1991 г. партия не проходила в парламент страны. Первый успех пришел к зеленым в 1988 г., когда они получили более 5 % голосов избирателей и 20 депутатских кресел — впервые более чем за 70 лет в риксдаг пробилась новая партия. В тот год в Швеции возобновилась дискуссия о загрязнении Балтийского моря, и зеленые сыграли на настроениях общественности. Возможно, успех партии был связан с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, в такой ситуации граждане Швеции не могли остаться равнодушными к лозунгам и идеям зеленых. В годы премьерства И. Карлссона зеленые оказались вне активной политической жизни, не примкнув ни к коалиции социал-демократов и левых, ни к оппо-

Таблица 1

Итоги выборов в риксдаг шведской Партии зеленых в 1982–2014 гг.

Показатели	1982	1985	1988	1991	1994	1998	2002	2006	2010	2014
Голоса избирателей, %	1,7	1,5	5,53	3,38	5	4,5	5,1	5,24	7,2	6,89
Количество мест в риксдаге	0	0	20	0	18	16	18	19	25	25

Таблица 2

Результаты выборов в Европейский парламент шведской Партии зеленых в 1995–2014 гг.

Показатель	1995	1999	2004	2009	2014
Голоса избирателей, %	17,22	9,49	5,96	11,02	15,41
Количество мест в Европейском парламенте (от общей шведской квоты)	4/22	2/22	1/19	2/18	4/20

зии под началом Умеренной коалиционной партии. В последующие годы партия получала в риксдаге от 16 до 25 мест, а число избирателей, голосовавших за нее, не превышало 7,5 % (максимальный результат был показан на выборах 2010 г.). В 1998–2006 гг. зеленые вместе слевой партией активно сотрудничали с правительствами социал-демократа Й. Перссона. В период с 2006 по 2010 г. они не сотрудничали с правительством главы Умеренной коалиционной партии Ф. Рейнфельдта, так как имели предварительные договоренности с социал-демократами в рамках красно-зеленой коалиции (так в Швеции и Дании традиционно называют альянс социал-демократов, зеленых и левых). После выборов 2010 г. Ф. Рейнфельдт предложил партии, ставшей третьей по количеству набранных голосов, присоединиться к его альянсу, но зеленые ответили отказом. Наконец, в 2014 г. выборы в риксдаг ознаменовались победой красно-зеленой коалиции. В новый кабинет министров вошли шесть представителей партии: О. Ромссон стала заместителем премьер-министра и получила пост министра климата и окружающей среды, Г. Фридолин получил портфель министра образования, М. Каплан стал министром по вопросам жилищно-коммунального хозяйства и городского развития, А. Кунке возглавила министерство культуры и демократии, П. Болунд был назначен министром финансовых рынков, а И. Лёвин получила должность министра меж-

дународного сотрудничества и развития, став также заместителем министра иностранных дел. В целом зеленые получили достаточно важные и ответственные министерские портфели. Наибольшей поддержкой партия пользовалась в крупных городах – Стокгольме, Гётеборге, Мальмё, а также в Уппсале, на о. Готланд, в ленах Эстергётланд и Вестра-Гёталанд [18]. На выборах в Европейский парламент зеленые получали от 1 до 4 мест в шведской квоте. Лучший результат был достигнут партией на последних выборах в мае 2014 г. – она получила 4 из 20 мест. Представители партии участвуют в работе фракции «Зеленые – Европейский свободный альянс».

Уникальной особенностью партии является отсутствие у нее формального партийного лидера. Его функции выполняют два спикера – мужчина и женщина. П. Гартон так объяснял данную особенность: «...Правда в том, что в преддверии первых выборов это не было так уж важно. Было жизненно необходимо, чтобы новая партия как можно быстрее получила свой бренд, свою жизнь, свою идентичность. Стратегически важным было отметить, что это не партия одного сильного и авторитарного человека, а партия многих людей... потому мы решили, что у нас будет два спикера разного пола» [6]. За время существования партии спикерами побывали восемь женщин и восемь мужчин. В настоящее время ими являются О. Ромссон и Г. Фридолин.

Следует также заметить, что в 2014 г. в экологическом рейтинге Всемирного фонда дикой природы зеленые не стали первыми, а проиграли с разницей в один балл партии «Феминистская инициатива» [19]. Партия недосчиталась одного балла, так как, по мнению специалистов фонда, она не была готова выделить достаточно средств на программы по защите природы – менее 4 млрд шведских крон.

Шведская Партия зеленых стала третьим подобным политическим объединением в Европе после своих швейцарских и немецких коллег. Ее создание в Швеции отвечало духу времени и настроениям, царившим тогда в обществе: естественное право граждан на достойную окружающую среду привело к консолидации и созданию новой молодой силы на политической арене страны. За время своего существования партия не играла решающей роли в шведской и общеевропейской политике, но стабильно пользовалась поддержкой своих

сторонников, особенно в крупных шведских городах. Сегодняшние взгляды этой партии отвечают общим принципам европейской и мировой зеленой политики: призыв к ненасилию и пацифизму, равноправие и уважение к ближним, социальная справедливость и, разумеется, экологический аспект как одна из главных опор данного движения. Работая в различных парламентских комитетах и рабочих группах, члены партии уделяли внимание самым разнообразным вопросам – образованию, здравоохранению, транспортной системе страны, внешней политике и т. д. [20]. В настоящее время Партия зеленых входит в состав правящего парламентского большинства, однако можно предположить, что решающую роль в коалиции всё же играют социал-демократы. Итоги деятельности правящего большинства и дальнейшие перспективы зеленых на шведской политической арене должны стать объектом аналитики и исследований в ближайшее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Таршин А.С.** Швеция: смена партийной парадигмы // *Соврем. Европа*. 2015. № 2 (62). С. 94–106.
2. **Шульенина Н.В.** Западноевропейские «зеленые»: от экологических движений к партийным структурам // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология*. 2007. № 3. С. 58–69.; **Новикова И.Н., Толстова Е.В.** Партийная система Швеции в свете парламентских выборов 2010 г. // *Полит. экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2011. № 3. С. 165–181.
3. **Politisk historia**. Sverige och kärnvapen 1945–1968 // *Lär om kärnvapen*. URL: <http://laromkarnvapen.se/karnvapen-varlden/politik/> (дата обращения: 24.11.2015).
4. **Folkomröstningsundersökningen 1980** // *Svensk Nationell Datatjänst*. URL: <http://snd.gu.se/sv/catalogue/study/SND0203#description> (дата обращения: 23.11.2015).
5. **Gahrton P.** *Det behövs ett framtidsparti*. Stockholm: Prisma, 1980. 141 s.
6. **Gahrton P.** *Ett omöjlig project* // *Miljöpartiet de Gröna*. URL: http://www.mp.se/sites/default/files/maskrosbarn_per_gahrton.pdf (дата обращения: 20.11.2015).
7. **Lissenko C.** *Aktionsgruppen och hästhoven* // *Miljöpartiet de Gröna*. URL: http://www.mp.se/sites/default/files/maskrosbarn_claes_lissenko.pdf (дата обращения: 20.11.2015).
8. **Miljöpartiet de Gröna**. *Nu kommer miljöpartiet! om Miljöpartiet av miljöpartister med det officiella partiprogrammet*. Stockholm: Timo, 1982. 171 s.
9. **Historisk statistik över valåren 1910-2014**. Procentuell fördelning av giltiga valsedlar efter parti och typ av val // SCB. URL: http://www.scb.se/sv/_Hitta-statistik/Statistik-efter-amne/Demokrati/Allmanna-val/Allmanna-val-valresultat/12268/12275/Historisk-valstatistik/32065/# (дата обращения: 22.11.2015).
10. **General elections 1982**. Vol. 1. The election to the Riksdag in 1982. Stockholm: Civiltryck AB, 1983. 247 s.
11. **Allmänt idéprogram antaget vid miljöpartiets kongress i Sundsvall påsken 1982** // *Miljöpartiet de Gröna*. URL: http://www.mp.se/sites/default/files/ideprogram_1982.pdf (дата обращения: 08.11.2015).
12. **För frihet och rättvisa**. Valmanifest inför valet 1982 antaget av Folkpartiets partistyrelse den 12 juni 1982 // *Svensk Nationell Datatjänst*. URL: <http://snd.gu.se/sv/vivill/party/fp/manifesto/1982> (дата обращения: 09.11.2015).
13. **Nycander S.** *Försvar och förlöjligande* // *Miljöpartiet de Gröna*. URL: http://www.mp.se/sites/default/files/maskrosbarn_forsvar_och_forlojliganden.pdf (дата обращения: 09.11.2015).
14. **Romsson Å.** *Agera mot Vattenfalls ryska kärnbränsletester* // *Svenska Dagbladet*. URL: <http://www.svd.se/agera-mot-vattenfalls-ryska-karnbransletester> (дата обращения: 07.11.2015).
15. **Gustav Fridolin** Facebook page. “Situationen i Ukraina är oerhört oroande”. URL: <https://www.facebook.com/gustavfridolin/posts/10153828989895034> (дата обращения: 07.11.2015).

16. **Partiprogram** 2013 // Miljöpartiet de Gröna. URL: http://www.mp.se/sites/default/files/miljopartiets_partiprogram_lagupplöst_2013.pdf (дата обращения: 09.11.2015).

17. **Tidigare** val // Valmyndigheten. URL: http://www.val.se/tidigare_val/ (дата обращения: 09.11.2015).

18. **Beslut** resultat val till riksdagen 2014 // Valmyndigheten. URL: <http://www.val.se/val/val2014/slutresultat/R/rike/index.html> (дата обращения: 09.11.2015).

19. **Pandarankning** av partiernas miljöambitioner // Världsnaturfonden WWF i Sverige. URL: <http://www.wwf.se/vrt-arbete/miljvalret-2014/pandarankning/1572580-partimatrizen-valret-2014#home> (дата обращения: 23.07.2015).

20. **Motioner** är förslag som riksdagens ledamöter har lämnat till riksdagen (Miljöpartiet) // Riksdagen.se. URL: <http://www.riksdagen.se/sv/Dokument-Lagar/Forslag/Motioner/?sok=&tempbet=&motkat=&rm=&parti=mp&doktyp=mot&subtyp=&datum=&from=&tom=&debattdagfrom=&debattdagtom=&org=&nr=&bet=&talare=&avd=dokument&Facets=2&a=s&sortorder=desc&sort=datum&p=369> (дата обращения: 23.08.2015).

ЦВЕРИАНАШВИЛИ Иван Алексеевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.

Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 61

e-mail: konditer14@rambler.ru

I.A. Tsvorianashvili

THE GREEN ENVIRONMENTAL PARTY OF SWEDEN: THE ASPECTS OF FOUNDATION AND DEVELOPMENT

Founded in the beginning of the 1980s the Swedish “Green Environmental Party” became the first full-scale political incorporation based on the ground rules of Green politics. Taking part in general elections since 1982 to nowadays, the Green party became a significant phenomenon in Swedish political life. The Swedish “greens” today are the single political force within the government in action, and this fact opens new horizons for the European Green movement. The objective of the article is the analysis of party’s aspects of foundation and development, its place in a modern political Swedish processes. For the first time in Russian historiography the Swedish “Green Environmental Party” is been analyzed, which also continues a research of European green political parties started by other authors.

GREEN PARTY; SWEDEN; GREEN POLITICS; RIKSDAG; GENERAL ELECTION; PLEBISCITE.

REFERENCES

1. Tarshin A.S. Shvetsiya: smena partiynoy paradigmy. *Sovremennaya Yevropa*, 2015, no. 2, pp. 94–106. (In Russ.)

2. Shulenina N.V. Zapadnoyevropeyskiye “zele-nye”: ot ekologicheskikh dvizheniy k partiynym struk-

turam. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Politologiya*, 2007, no. 3, pp. 58–69. (In Russ.); Novikova I.N., Tolstova Ye.V. Partiynaya sistema Shvetsii v svete parlamentskikh vyborov 2010 g. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2011, no. 3, pp. 165–181. (In Russ.)

3. Politisk historia. Sverige och kärnvapen 1945–1968. *Lär om kärnvapen*. Available at: <http://laromkarnvapen.se/karnvapen-varlden/politik/> (accessed 24.11.2015).
4. Folkomröstningsundersökningen 1980. *Svensk Nationell Datatjänst*. Available at: <http://snd.gu.se/sv/catalogue/study/SND0203#description> (accessed 23.11.2015).
5. Gahrton P. Det behövs ett framtidsparti. Stockholm, Prisma, 1980. 141 s.
6. Gahrton P. Ett omöjlig project. *Miljöpartiet de Gröna*. Available at: http://www.mp.se/sites/default/files/maskrosbarn_per_gahrton.pdf (accessed 20.11.2015).
7. Lissenko C. Aktionsgruppen och hästhoven. *Miljöpartiet de Gröna*. Available at: http://www.mp.se/sites/default/files/maskrosbarn_claes_lissenko.pdf (accessed: 20.11.2015).
8. Miljöpartiet De gröna. Nu kommer miljöpartiet!: om Miljöpartiet av miljöpartister med det officiella partiprogrammet. Stockholm, Timo, 1982. 171 s.
9. Historisk statistik över valåren 1910-2014. Procentuell fördelning av giltiga valsedlar efter parti och typ av val. *SCB*. Available at: <http://www.scb.se/sv/Hitta-statistik/Statistik-efter-amne/Demokrati/Allmanna-val/Allmanna-val-valresultat/12268/12275/Historisk-valstatistik/32065/#> (accessed 22.11.2015).
10. General elections 1982. Vol. 1. The election to the Riksdag in 1982. Stockholm, Civiltryck AB, 1983. 247 s.
11. Allmänt idéprogram antaget vid miljöpartiets kongress i Sundsvall påsken 1982. *Miljöpartiet de Gröna*. Available at: http://www.mp.se/sites/default/files/ideprogram_1982.pdf (accessed 08.11.2015).
12. För frihet och rättvisa. Valmanifest inför valet 1982 antaget av Folkpartiets partistyrelse den 12 juni 1982. *Svensk Nationell Datatjänst*. Available at: <http://snd.gu.se/sv/vivill/party/fp/manifesto/1982> (accessed 09.11.2015).
13. Nycander S. Försvar och förlöjligande. *Miljöpartiet de Gröna*. Available at: http://www.mp.se/sites/default/files/maskrosbarn_forsvar_och_forlojliganden.pdf (accessed 09.11.2015).
14. Romsson Å. Agera mot Vattenfalls ryska kärnbränsletester. *Svenska Dagbladet*. Available at: <http://www.svd.se/agera-mot-vattenfalls-ryska-karnbransletester> (accessed: 07.11.2015).
15. Gustav Fridolin Facebook page. Situationen i Ukraina är oerhört oroande. Available at: <https://www.facebook.com/gustavfridolin/posts/10153828989895034> (accessed 07.11.2015).
16. Partiprogram 2013. *Miljöpartiet de Gröna*. Available at: http://www.mp.se/sites/default/files/miljopartiets_partiprogram_lagupplost_2013.pdf (accessed 09.11.2015).
17. Tidigare val. *Valmyndigheten*. Available at: http://www.val.se/tidigare_val/ (accessed 09.11.2015).
18. Beslut resultat val till riksdagen 2014. *Valmyndigheten*. Available at: <http://www.val.se/val/val2014/slutresultat/R/rike/index.html> (accessed 09.11.2015).
19. Pandarankning av partiernas miljöambitioner. *Världsnaturfonden WWF i Sverige*. Available at: <http://www.wwf.se/vrt-arbete/miljvalret-2014/pandarankning/1572580-partimatrisen-valret-2014#home> (accessed 23.07.2015).
20. Motioner är förslag som riksdagens ledamöter har lämnat till riksdagen (Miljöpartiet). *Riksdagen.se*. Available at: <http://www.riksdagen.se/sv/Dokument-Lagar/Forslag/Motioner/?sok=&tempbet=&motkat=&rm=&parti=mp&doktyp=mot&subtyp=&datum=&from=&to=m=&debattdagfrom=&debattdagtom=&org=&nr=&bet=&talare=&avd=dokument&Facets=2&a=s&sortorder=desc&sort=datum&p=369> (accessed 23.08.2015).

TSVERIANASHVILI Ivan A. – *Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications.*

Nab. Moiki, 61, St. Petersburg, 191186, Russia

e-mail: konditer14@rambler.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.10
УДК 332

Ю Хань

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

В статье рассмотрено развитие внешней политики Китая с начала 1980-х годов (период модернизации, политика Дэн Сяопина) и по настоящее время, когда к власти пришел Си Цзиньпин, представляющий пятое поколение руководителей КНР. Каждый новый этап развития внешнеполитической стратегии КНР характеризуется как преемственностью, так и новыми концептуальными положениями. Поэтому эволюционный подход к рассмотрению развития современной внешней политики КНР способствует лучшему пониманию и помогает в прогнозировании дальнейших изменений внешней политики Китая. В современной внешней политике приоритетом для КНР является обеспечение мирной международной обстановки. Конкретные проявления этого – многосторонняя дипломатия и дипломатия развития. Китай принимает активное участие в различных международных организациях, как глобального уровня (ООН), так и регионального (ШОС), что способствует повышению его международного авторитета.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ; ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД; МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ; ДИПЛОМАТИЯ РАЗВИТИЯ.

В настоящее время Китай является важным политическим партнером России и играет значительную роль во многих ключевых вопросах глобального характера. В 2013 году председателем КНР стал Си Цзиньпин, чье руководство отмечено активной внешней политикой.

С момента образования КНР развитие внешней политики страны прошло несколько стадий. Под руководством Дэн Сяопина (его обычно относят к так называемому второму поколению руководителей) Китай предстал на международной арене с новым внешнеполитическим имиджем, который кардинально отличался от предыдущего, определявшегося именем Мао Цзэдуна. Поэтому современную внешнюю политику КНР следует рассматривать с периода реформаторской деятельности Дэн Сяопина.

Каждый из последующих руководителей выдвигал свою концепцию, но сохранялась определенная преемственность как внутренней, так и внешней политики. Однако на каждом новом этапе развития внешнеполитической стратегии КНР появлялись и новые подходы к анализу международной жизни. Поэтому эволюционный подход к рассмотрению развития современной внешней политики КНР

способствует лучшему пониманию и помогает в прогнозировании дальнейших изменений внешней политики Китая. Кроме того, чтобы глубоко и всесторонне исследовать основные концептуальные положения китайской внешней политики, представляется очень важным использовать метод сравнения и исторической реминисценции.

Теоретические концепции внешней политики КНР

Период руководства Дэн Сяопина (1980–1989).
В 1980 году к власти в Китае пришел Дэн Сяопин. Главная концепция КНР «политика определяет все сферы жизни», предложенная Мао Цзэдуном в 1958 году, была заменена концепцией «экономика определяет все сферы жизни». Как результат, резко изменилась линия поведения КНР в международной жизни: Дэн Сяопин отказался от внешнеполитической практики «экспорта революции» в страны третьего мира.

В 1982 году на XII Всекитайском съезде КПК была сформулирована основная идея концепции «независимой и самостоятельной внешней политики» [1], в которой четко было сказано, что мирная политика означает необходимость поддержания мирной обстановки

для обеспечения экономического развития КНР. Впоследствии данные принципы были включены в Конституцию КНР 1982 года: «Китай последовательно проводит независимую и самостоятельную внешнюю политику, твердо придерживается пяти принципов – взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования» [2].

В целом внешняя политика Китая в период руководства Дэн Сяопина отражает важные реалистические подходы к роли КНР в мире. Поэтому были сформулированы следующие тезисы: «политика должна быть прагматичной» и «мир и развитие – в центре внимания». После развала социалистической системы в Европе и распада СССР в Китае, как и во многих других странах, сложилась нестабильная политическая ситуация. В этот период Дэн Сяопин заявил: «Китай не претендует на статус преемника СССР в руководстве мировым социалистическим движением. Китай не собирается быть лидером как в мире социализма, так и среди развивающихся стран. Мы должны в своей внешней политике исходить из прагматических соображений пользы для китайского народа. Не в интересах Китая становиться гегемоном и мировым лидером. Китай не заинтересован в участии в каких-либо политических союзах, что может привести к вмешательству во внутренние дела других стран. Самое важное для Китая – это развитие экономики» [3].

Хотя, по словам Дэн Сяопина, Китай не собирался становиться лидером, это не означало, что Китай не планировал принимать участие в международных делах. 28 апреля 1992 года во время разговора с товарищами по партии по вопросам развития Китая Дэн Сяопин заявил: «Мы должны следовать курсу „韬光养晦“ („не высовывать голову и скрывать во тьме свои возможности“) в течение нескольких лет, чтобы стать значимой политической силой. В результате международный статус Китая будет совсем иной» [Там же. С. 1346].

С 1992 года международная ситуация в целом смягчилась. Новыми тенденциями развития международных отношений стали многополярность, глобализация, регионализация. Мир и развитие стали главными темами того

времени. Однако менталитет холодной войны сохранялся, что отразилось в локальных конфликтах, в основе которых лежали этнические, религиозные и территориальные проблемы.

Период правления Цзян Цзэминя (1992–2003). В 1997 году председатель КНР Цзян Цзэминь в своем выступлении на XV Всекитайском съезде КПК отметил: «Китай будет придерживаться внешнеполитической стратегии Дэн Сяопина, т. е. твердо придерживаться мирного курса, курса самостоятельности и независимости внешней политики... борьбы против гегемонизма и защиты мира во всем мире; ...не будет участвовать в политических союзах, в гонке вооружений; не будет заниматься военной экспансией; ...будет мирно развивать отношения с соседними странами, укреплять сотрудничество с развивающимися странами» [4].

31 июля 2002 года китайская делегация во время регионального форума АСЕАН на уровне министров иностранных дел представила вниманию его участников Документ о позиции КНР по новой концепции безопасности [5]. Согласно документу, новой концепцией безопасности Китая стало «стремление к обеспечению всеобщей безопасности путем взаимовыгодного сотрудничества на основе отказа от односторонней безопасности». В новой концепции безопасности подчеркивалось, что события 11 сентября 2001 года свидетельствуют о том, что в области безопасности в современном мире наметилась тенденция многообразия и глобализации. В новом взгляде на безопасность, по сути, тесно объединились национальная безопасность и международная безопасность, оказались связанными и взаимообусловленными угрозы национальной безопасности КНР и глобальные угрозы [6].

В ноябре 2002 года Цзян Цзэминь заявил, что целью внешней политики Китая являются «защита мира во всем мире и содействие совместному развитию». Он подчеркнул, что в области экономики необходимо развиваться совместно с другими странами; по проблемам безопасности – продвигать «новую концепцию безопасности», основанную на равенстве, взаимном доверии, взаимной выгоде и взаимодействии [7].

Период руководства Ху Цзиньтао (2003–2013). Ху Цзиньтао сменил Цзян Цзэминя на посту председателя КНР в 2003 году. Основой полити-

ческой стратегии администрации Ху Цзиньтао на последующие 10 лет стали такие положения: «гармоничное общество» во внутренней политике; «мирное развитие» во внешней политике.

Кроме того, был выдвинут внешнеполитический тезис «мирное возвышение», впервые озвученный вице-ректором Центральной школы КПК Джэн Бидиан в 2003 году на Боаоском азиатском форуме [8]. В том же году во время официального визита в США премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао впервые изложил эту доктрину на государственном уровне в своем выступлении в Гарвардском университете. По его словам, Китай является развивающейся страной, развитие которой в основном зависит от собственной инновационной системы, от внутреннего рынка [9], так что «мирное возвышение» не будет мешать другим государствам или представлять для кого-то угрозу.

Впоследствии председатель КНР Ху Цзиньтао также неоднократно упоминал о курсе «мирного возвышения». Во избежание двойственных трактовок термина в западных СМИ (усматривался некий намек на «китайскую угрозу») со второго полугодия 2004 года тезис внешней политики «мирное возвышение» был заменен на «мирное развитие».

В 2007 году Ху Цзиньтао повторно упомянул о концепции «мирное развитие» на XVII Всекитайском съезде КПК. В 2011 году пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу «Мирное развитие Китая». Белая книга подразделяется на пять частей, в которых изложены теоретические предпосылки идеи мирного пути развития Китая, общие цели его мирного развития, стратегия внешней политики мирного развития страны, неизбежный выбор мирного развития Китая и мировое значение мирного развития [10].

Период руководства Си Цзиньпина (2013 – настоящее время). В ноябре 2012 года состоялся XVIII съезд КПК в Пекине, который широко освещался в мировых СМИ, так как произошла смена поколений руководителей, а потому было важно понять, какие новые идеи будут положены в основу внешнеполитической линии КНР, что придет на смену «политике возвышения». В результате к власти пришло так называемое пятое поколение руководителей во главе с Генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином.

В своем выступлении на заключительном заседании Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва в 2013 году Си Цзиньпин упомянул о «китайской мечте». По его словам, «китайская мечта» позволит Китаю реализовать следующее: «...Достичь целей всеобъемлющего построения среднезажиточного общества; стать социалистической страной, процветающей, демократической, цивилизованной и гармоничной; реализовать великое возрождение китайского национального сознания. Именно осуществить мечты превращения Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации и создание счастливой жизни для народа» [11].

Характеризуя данную концепцию, важно подчеркнуть, что она включает в себя задачи как внутренней, так и внешней политики. «Китайская мечта» имеет высокую значимость в новую эпоху руководства Си Цзиньпина, так как существует преемственность принципов, заложенных в идее «мирного развития». В докладе на XVIII съезде КПК было заявлено, что Китай будет твердо придерживаться курса мирного развития, курса самостоятельности и независимости внешней политики. Мирное развитие и взаимовыгодное сотрудничество являются важными тенденциями развития внешней политики Китая.

Реакция на внешнюю политику Китая

Возрастание роли Китая благодаря реформам Дэн Сяопина в конце 1970-х – начале 1980-х годов сделало китайцев более уверенными в международных делах, определило успех китайских внешнеполитических и внешнеэкономических действий в различных регионах мира. Поэтому вполне ожидаемой стала реакция западных стран, прежде всего США и Японии, которая в 1990-х годах была сформулирована в СМИ как «китайская угроза».

В понятии «китайская угроза» содержится опасение западных стран относительно быстрых темпов развития китайской экономики. Многие ученые, рассматривая внешнюю политику КНР, весьма неоднозначно оценивают политику «реализма и прагматизма», предложенную Дэн Сяопином. Некоторые исследователи считают, что внешняя стратегия Китая направлена на долгосрочную скрытую цель, для осуществления которой на данный момент

китайцы не имеют достаточных сил и средств. В 1990 году в Японии была опубликована статья «Китай – потенциальный противник», что положило начало распространению понятия «китайская угроза». Впоследствии американские аналитики предпринимали попытки аргументации данной позиции с точки зрения идеологии, государственного строя и культуры Китая. В 1992 году вышла в свет статья директора азиатской программы Научно-исследовательского института внешней политики Р. Манро «Пробуждение дракона: реальная угроза Азии из Китая», а в 1993 году – статья профессора Гарвардского университета С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» [См.: 12]. Фактически речь шла о новом глобальном противнике, что потребовало соответствующих экспертных проработок позиций Запада по отношению к Китаю. Данная тема получила свое развитие после кризиса в Тайваньском проливе (1995–1996 гг.), когда началась дискуссия о китайской внешней политике, особенно в США, и понятие «китайская угроза» стало быстро распространяться как главное определение китайской политики на Западе. Третья волна повышенного интереса к данной теме поднялась на фоне Азиатского финансового кризиса в 1998–1999 годах в связи с быстрым возрастанием экономического влияния Китая.

Однако если глубоко проанализировать основные темы политики «реализма и прагматизма», то становится очевидным, что они не получили должного развития в стратегии внешней политики Китая. Так, например, даже в «Хрестоматии Дэн Сяопина» и других китайских государственных документах с 1982 года по настоящее время эти идеи не встречаются.

К сожалению, и в современных условиях, когда в основе внешней политики КНР лежит миролюбивая идея «китайской мечты», продолжается обсуждение «китайской угрозы», которая в настоящее время уже рассматривается как многофакторная (например, продовольственная угроза, экологическая угроза и т. д.).

В ответ на западные размышления о «китайской угрозе» в китайском экспертном сообществе обосновывается тезис о том, что Китай не повторит опыт развития Японии и Германии перед Второй мировой войной, когда эти страны сначала развивали свою экономику и военные силы, а потом сочли необходимым

изменить мировой порядок военным путем [13, с. 15]. Китайские теоретики считают, что Китай не попадет в так называемую «ловушку Фукидида». Смысл этого термина состоит в следующем: растущая держава бросает вызов правящим государствам, поскольку существующий миропорядок не в полной мере отражает силу, статус и интересы этой растущей державы. Поэтому растущая держава требует изменения статуса-кво для создания нового миропорядка в свою пользу, что в итоге неизбежно приводит к международному конфликту и глобальным потерям растущей державы.

Согласно китайскому взгляду на «возвышение» страны в мировом масштабе, этот путь возвышения был пройден не для того, чтобы стать мировой супердержавой, а для подтверждения своего исторического статуса великой страны. Для китайцев Китай всегда являлся центром мира и мировой державой, так как Китай соответствует большинству критериев мировых держав: по территориальному признаку и численности населения его можно отнести к мировой державе. В историческом плане, в плане традиций и культуры Китай относится к наиболее древним и сохранившимся по настоящее время цивилизациям. В военном отношении Китай является ядерной державой и имеет одну из крупнейших по численности армий мира. В политике КНР является одним из постоянных членов Совета Безопасности ООН [Там же]. Единственным минусом китайского величия был низкий уровень экономики, но в течение последних 30 лет данный недостаток устранен. Таким образом, возвышение Китая представляет собой нетрадиционную модель. Пекин удовлетворен своим статусом и влиянием, что является важным моментом для сохранения мирового статус-кво.

В противовес теории «китайской угрозы», популярной за рубежом, в самом Китае некоторые ученые и журналисты, наоборот, критикуют внешнюю политику КНР за слабость. Идет непрерывная дискуссия в научных кругах Китая о текущем направлении внешней политики страны. Так, профессор Пекинского университета Вань Цзисы считает, что, когда в США приступили к реализации политики «возвращения в АТР», а Европа, Индия и Россия «повернули на Восток», Китай должен был не только сосредотачивать свое внимание на прибрежной

территории, на традиционных конкурентах и партнерах, но и активно реализовывать политическую стратегию направленности «на Запад» [14]. В свою очередь, известнейший политолог профессор Цинхуаского университета Янь Сюэтунь настаивает на той точке зрения, что Китаю пора отказаться от политики неприсоединения к различным политическим союзам. Он много пишет о том, что «Китаю следует задуматься об изменении отношения к „стратегии неприсоединения“» [15]. Например, в 2013 году Янь Сюэтунь заявил: «На сегодняшней день Китай будет создавать для себя большее количество проблем в плане международной безопасности, если не откажется от политики неприсоединения» [16]. Данные идеи нашли живой отклик в научных кругах и СМИ Китая.

Особенность современной внешней политики КНР

В современной внешней политике КНР обеспечение мирной международной обстановки всегда является приоритетом. Хотя китайская внешняя политика в целом не претерпела принципиальных изменений, она продолжает развиваться, обогащаясь новыми идеями. Важная особенность современной внешней политики КНР – преемственность, признаками которой являются многосторонняя дипломатия и дипломатия развития.

Многосторонняя дипломатия. Китай является членом главных региональных организаций, в том числе АТЭС, Восточноазиатского саммита, Азиатско-тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности, АСЕМ и др. В Северо-Восточной Азии КНР активно содействует в проведении шестисторонних переговоров по проблемам безопасности Корейского полуострова; в Юго-Восточной Азии Китай создал диалог АСЕАН – Китай, активно принимает участие в АСЕАН + 3 (КНР, Япония, Республика Корея) и АСЕАН + 6 (Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия); в Центральной Азии Китай через ШОС укрепляет сотрудничество в сфере безопасности и экономики, способствует стабильности и развитию в Центрально-Азиатском регионе.

Для всего континента Евразии в целом и для регионов вблизи от Индийского океана была выдвинута концепция «Один пояс и один путь», в которой объединены две концепции:

«экономический пояс» Шелкового пути и морской Шелковый путь. По сути, данная концепция предоставит Китаю новый рынок для экспорта товаров и одновременно будет стимулировать экономическое развитие стран и регионов вдоль «пояса», что в итоге будет способствовать процветанию и стабильности в данном регионе [17].

Китайское правительство считает экономическую модель Зона свободной торговли (ЗСТ) новой платформой для дальнейшего открытия страны и ускорения внутренних реформ. Данная платформа является эффективным подходом к интеграции в мировую экономику, укрепляет экономическое сотрудничество с другими странами, а также, в частности, служит важным дополнением в рамках многосторонней торговой системы. Китай выступил инициатором заключения 19 соглашений в рамках ЗСТ, 14 из них уже подписаны [18]. В конце 2013 года с учетом концептуальной политической идеи «мирное развитие и взаимовыгодное сотрудничество» председатель КНР Си Цзиньпин предложил создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с целью содействия развитию и экономической интеграции Азиатского региона, стимулирования финансового сотрудничества. Инвестиции банка должны быть направлены на инфраструктурные проекты в Азии. 29 июня 2015 года представители 57 стран подписали в Пекине Соглашение о создании АБИИ. По долям капитала крупнейшими владельцами голосов в АБИИ стали КНР, Индия и РФ [19]. Создание АБИИ – важный шаг Китая в рамках модернизации международной экономической системы.

На международной политической арене Китай является одной из важнейших стран. Он принимает участие в различных политических форматах, таких как БРИКС и «Большая двадцатка». Более того, Пекин активно участвует в делах ООН, в том числе и путем отправки миротворческих сил, им сформулированы четкие позиции по вопросу реформирования ООН.

Необходимо особо отметить заявленные председателем Китая Си Цзиньпином на Генассамблее ООН 28 сентября 2015 года три инициативы в поддержку ООН:

- Китай создаст Фонд мира и развития Китая под эгидой ООН с бюджетом в 1 млрд долларов сроком на 10 лет;

- Китай создаст постоянный контингент в составе 8 тыс. миротворцев для миротворческих операций ООН;

- в ближайшие 5 лет Китай выделит Африканскому союзу 100 млн долларов в качестве бесплатной военной помощи [20].

Дипломатия развития. Начиная с политической линии Дэн Сяопина и по настоящее время Китай уделяет большое внимание вопросам развития своей дипломатии. КНР поддерживает ООН и другие международные организации, обращающие значительное внимание на вопросы развития; активно принимает участие в конференциях ООН по вопросам развития; содействует осуществлению Целей развития тысячелетия; оказывает различную помощь развивающимся странам и регионам, помогая решать в том числе долговые проблемы; принимает активное участие в «Проектах развития субрегиона бассейна реки Меконг» и в других международных и региональных программах по развитию.

Подводя итог рассмотрению основных этапов эволюционного развития внешнеполитической доктрины КНР, важно отметить, что основополагающим моментом в этом вопросе стала модернизационная концепция Дэн Сяопина, которая определила новые ориентиры в управлении Китайским государством. Была сформулирована идея «независимой и самостоятельной внешней политики», основной целью которой стало ускоренное экономическое развитие Китая. Фактически страна отказалась от экспансионистских идей Мао Цзэдуна и пошла по пути прагматической политики повышения внешнеэкономического значения Китая в мировом масштабе. Последующие руководители КНР выдвигали свои концепции, которые углубляли и эффективно развивали основопо-

лагающие принципы Дэн Сяопина. Так, третье поколение руководителей во главе с Цзян Цзэмином в основу своей политики положило доктрину «новой системы безопасности», что нашло продолжение в политической линии Ху Цзиньтао (четвертое поколение руководителей КНР), предложившего рассматривать безопасность КНР в прямой зависимости от принципов «мирного развития». Особое внимание заслуживает современная внешнеполитическая линия КНР, которая определяется понятием «китайская мечта», что подразумевает в трактовке нынешнего руководителя – Си Цзиньпина – необходимость такой внешней политики Китая, которая не только способствовала бы повышению авторитета страны в мире, но и дала бы возможность значительно повлиять на подъем жизненного уровня китайского народа.

Однако надо признать, что активная внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность КНР вызывает далеко не однозначные оценки в зарубежных СМИ. Постоянно тиражируется идея о «китайской угрозе», что, по мнению китайских специалистов, не соответствует действительности, потому что в современной внешней политике для КНР остается приоритетом обеспечение мирной международной обстановки. Конкретные проявления этого – многосторонняя дипломатия и дипломатия развития. Китай активно участвует в различных международных организациях, выдвигает инициативы о формировании подобных организаций и международных фондов.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что прагматичная миролюбивая внешняя политика КНР, определяемая моделью преемственности идей Дэн Сяопина, направлена прежде всего на обеспечение благосостояния китайского народа, что и нашло отражение в современной многофакторной доктрине «китайской мечты».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вступительная** речь Дэн Сяопина на XII Всекитайском съезде КПК. (Кит.). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64565/65448/4429495.html> (дата обращения: 08.09.2015).

2. **Конституция** КНР 1982 г. Преамбула. Принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 4 декабря 1982 г. (Кит.)

3. 邓小平年谱 (1975—1997) [Хроника Дэн Сяопина (1975—1997)]. Пекин, 2004. 1383 с.

4. **Доклад** Цзян Цзэмина на XV Всекитайском съезде КПК. (Кит.). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/65445/4526285.html> (дата обращения: 03.09.2015).

5. **Документ** о позиции КНР по новой концепции безопасности. (Кит.). URL: <http://www.mfa.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/t4549.htm> (дата обращения: 11.10.2015).
6. **Китайская** делегация представляет на региональный форум АСЕАН Документ о позиции КНР по новой концепции безопасности. URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2002-08/02/content_2038188.htm (дата обращения: 02.09.2015).
7. **Доклад** Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК. (Кит.). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429125.html> (дата обращения: 13.09.2015).
8. 郑必坚: 中国和平崛起新道路和亚洲的未来 [Джэн Бидиан. Новый путь китайского «мирного возвышения» и азиатское будущее]. (Кит.). URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2003-11/24/content_1195240.htm (дата обращения: 14.09.2015).
9. Remarks of Chinese Premier Wen Jiabao: "Turning Your Eyes to China". URL: <http://news.harvard.edu/gazette/2003/12.11/10-wenspeech.html> (дата обращения: 14.09.2015).
10. **Белая книга** «Мирное развитие Китая». Госссовет КНР]. (Кит.). 6 сент. 2011. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/1000032/1000032_1.htm (дата обращения: 13.09.2015).
11. **Китайская мечта**, мечта народа. Выступление Си Цзиньпина на заключительном заседании ВСНП 12-го созыва]. (Кит.). URL: <http://lianghui.people.com.cn/2013npc/n/2013/0317/c357183-20816399.html> (дата обращения: 22.09.2015).
12. 村井友秀. 中国という潜在的脅威について//諸君! [Томохидэ Мураи. Китай – потенциальный противник] // Сёгун. 1900. № 5. (Яп.); **Ross H. Munro**. Awakening Dragon-The Real Danger in Asia is from China // Policy review. Fall 1992. P. 10–17; **Huntington S.** The Clash of Civilizations? Foreign affairs. 1993. No. 3.
13. 楚树龙, 金威. 中国外交战略和政策. 北京. 时事出版社 [Чу Шулуи, Цзинь Вэй. Дипломатическая стратегия и политика КНР]. (Кит.). Пекин, 2008.
14. 王缉思. “西进”, 中国地缘战略的再平衡 // 环球时报 [Вань Цзисы. «На Запад», сбалансированная геостратегия Китая // Глобал Таймс]. (Кит.). 17.12.2012.
15. 阎学通. 中国或可考虑改变“不结盟”战略 // 国防时报 [Янь Сюегун. Китаю следует задуматься об изменении отношения к стратегии неприсоединения // Таймс обороны]. (Кит.). 08.06.2011.
16. 阎学通. 中国10年后将成超级大国势不可挡 // 中国经济周刊 [Янь Сюегун. Через 10 лет Китай станет сверхдержавой // Эконом. еженед. Китая]. (Кит.). URL: <http://qh.people.com.cn/n/2013/1112/c346875-19896116-2.html> (дата обращения: 20.09.2015).
17. «Один пояс и один путь» стимулирует создание нового глобального геополитического и экономического порядка. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-04/29/content_35449612.htm (дата обращения: 08.09.2015).
18. China FTA network. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/english/index.shtml> (дата обращения: 19.09.2015).
19. КНР, Индия и РФ стали крупнейшими акционерами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. URL: <http://ekd.me/2015/06/abii-shares> (дата обращения: 25.09.2015).
20. Си Цзиньпин на Генассамблее ООН призвал мир к взаимовыигрышному сотрудничеству. URL: <http://ria.ru/world/20150928/1288938872.html> (дата обращения: 08.09.2015).

Ю Хань – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: youhanbetter@hotmail.com

You Han

DEVELOPMENT OF MODERN CHINA'S FOREIGN POLICY

The article discusses the development of China's foreign policy from the the period of modernization (Deng Xiaoping's policies) to the present day, it came to power Xi Jinping, representing the fifth generation of Chinese leaders. Each new stage of development of China's foreign policy strategy is characterized

as continuity, and new conceptual provisions. Therefore, the evolutionary approach to considering the development of modern China's foreign policy contributes to a better understanding and helps in predicting the future changes of China's foreign policy. In modern foreign policy of ensuring peaceful international environment is a priority for the PRC. Specific manifestations of this priority are the multilateral diplomacy and development diplomacy. China actively participates in various international organizations such as the global level (UN), and the regional level(SCO), thereby increasing its international prestige.

FOREIGN POLICY OF CHINA; EVOLUTIONARY APPROACH; MULTILATERAL DIPLOMACY; DEVELOPMENT DIPLOMACY.

REFERENCES

1. 邓小平在中国共产党第十二次全国代表大会上的开幕词. (Chin.). Available at: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64565/65448/4429495.html> (accessed 08.09.2015).
2. [The Constitution of the PRC 1982].
3. 邓小平年谱 (1975—1997). 北京: 中央文献出版社. Pekin, 2004. 1383 p. (Chin.)
4. 江泽民在中国共产党第十五次全国代表大会上的报告. (Chin.). Available at: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/65445/4526285.html> (accessed 03.09.2015).
5. 中国关于新安全观的立场文件. (Chin.). Available at: <http://www.mfa.gov.cn/chn//pds/ziliao/tytj/t4549.htm> (accessed 11.10.2015).
6. Kitayskaya delegatsiya predstavlyaet na regional'nyy forum ASEAN dokument o pozitsii KNR po novoy kontseptsii bezopasnosti. Available at: http://russian.china.org.cn/news/txt/2002-08/02/content_2038188.htm (accessed 02.09.2015).
7. 江泽民在中国共产党第十六次全国代表大会上的报告. (Chin.). Available at: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429125.html> (accessed 13.09.2015).
8. 郑必坚: 中国和平崛起新道路和亚洲的未来. (Chin.). Available at: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2003-11/24/content_1195240.htm (accessed 14.09.2015).
9. Remarks of Chinese Premier Wen Jiabao: "Turning Your Eyes to China". Available at: <http://news.harvard.edu/gazette/2003/12.11/10-wenspeech.html> (accessed 14.09.2015).
10. 白皮书《中国的和平发展》. 中华人民共和国国务院. (Chin.). 2011. Sept. 6. Available at: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/1000032/1000032_1.htm (accessed 13.09.2015).
11. 中国梦, 人民的梦 -- 国家主席习近平在十二届全国人大一次会议闭幕会上的讲话. (Chin.). Available at: <http://lianghui.people.com.cn/2013npc/n/2013/0317/c357183-20816399.html> (accessed 22.09.2015).
12. 村井友秀. 中国という潜在的脅威について//諸君! *Segun*, 1900, no. 5 (Jap.); Ross H. Munro. Awakening Dragon-The Real Danger in Asia is from China. *Policy review*. Fall 1992, pp. 10–17; Huntington S. The Clash of Civilizations? Foreign affairs. Summer 1993, no. 3.
13. 楚树龙, 金威. 中国外交战略和政策. 北京. 时事出版社. Pekin, 2008. (Chin.)
14. 王缉思. “西进”, 中国地缘战略的再平衡//环球时报. *Global Tayms*. 17.12.2012. (Chin.)
15. 阎学通. 中国或可考虑改变“不结盟”战略//国防时报. *Tayms oborony*. 08.06.2011. (Chin.)
16. 阎学通. 中国10年后将成超级大国势不可挡 // 中国经济周刊. *Economic weekly China*. Available at: <http://qh.people.com.cn/n/2013/1112/c346875-19896116-2.html> (accessed 20.09.2015).
17. “Odin poyas i odin put'” stimuliruet sozdaniye novogo global'nogo geopoliticheskogo i ekonomicheskogo poryadka. Available at: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-04/29/content_35449612.htm (accessed 08.09.2015).
18. China FTA network. Available at: <http://fta.mofcom.gov.cn/english/index.shtml> (accessed 19.09.2015).
19. KNR, Indiya i RF stali krupneyshimi aktsionerami Aziatskogo banka infrastrukturykh investitsiy. Available at: <http://ekd.me/2015/06/abii-shares> (accessed 25.09.2015).
20. Si Tszin'pin na GA OON prizval mir k vzaimovyigryshnomu sotrudnichestvu. Available at: <http://ria.ru/world/20150928/1288938872.html> (accessed 08.09.2015).

YOU Han – *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: youhanbetter@hotmail.com

DOI 10.5862/JHSS.239.11
УДК 329

Ван Цзюньтао

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АРКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена вопросам сотрудничества России и Китая в Арктике, одним из приоритетных направлений которого является энергетический комплекс. Рассмотрены три группы предпосылок развития этого сотрудничества: геополитические факторы, предпосылки экономического и транспортного характера. Особое внимание уделено вопросу активного использования Северного морского пути. У России и Китая есть основания для интенсивного и эффективного развития двусторонних отношений в Арктике.

РОССИЯ; КИТАЙ; АРКТИКА; ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР; ДВУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; ТРАНСПОРТ; СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ; ЭНЕРГОРЕСУРСЫ; АРКТИЧЕСКИЙ СОВЕТ.

Россия и Китай являются ведущими мировыми державами, двусторонние отношения которых в последнее время получили новый импульс для развития, в том числе и в Арктическом регионе.

Распад такого крупного государства, как Советский Союз, очень сильно изменил геополитическую расстановку сил на мировой арене, но, несмотря на столь крупное событие, Россия и Китай не только продолжили работать в двустороннем режиме, но и вышли на новый этап торгово-экономических и политических отношений. На протяжении последних десятилетий динамика российско-китайских отношений была неоднозначной.

Стоит отметить, что на уровне двусторонних взаимодействий были сформулированы цели и приоритеты во внешнеэкономической политике обеих стран по укреплению добрососедских отношений и взаимодействию в энергетической сфере, авиационной и космической промышленности. Промышленная кооперация, экспорт рабочей силы, привлечение технологий, переработка сырья, транзитная торговля, создание совместных предприятий стали новыми формами сотрудничества.

Сотрудничество России и Китая в отраслях энергетического комплекса — один из самых главных и перспективных приоритетов взаимодействий двух государств. Накопленный

странами опыт и большие перспективы создали основу для дальнейшего движения в направлении развития сотрудничества в энергетической сфере. Арктика в этом плане имеет особо важное значение, так как именно экономический фактор играет важнейшую роль в китайских арктических интересах. Представляется возможным выделить несколько групп предпосылок развития партнерских отношений России и Китая в контексте совместного освоения арктических ресурсов.

Первая группа предпосылок развития российско-китайского сотрудничества — это геополитические факторы, объединяющие Россию и Китай в современных международных политических вопросах. Стоит отметить одинаковую позицию двух государств, которые выступают:

- за конструктивный диалог в вопросах арктического управления;
- создание сбалансированного и стабильного международного сотрудничества в Арктике;
- против дискриминации любого рода в торгово-экономических отношениях и навязывания условий, наносящих ущерб интересам других государств;
- против иностранного вмешательства в суверенные дела государства.

Россия является для Китая крупнейшим растущим рынком. Российский рынок — экстенсивная составляющая роста китайской

экономики. С помощью России Китай может зарезервировать рынки энергии, не контролируемые западными государствами. Однако торгово-экономическое сотрудничество еще до недавнего времени существенно отставало от динамики политических отношений между двумя странами. На фоне украинского кризиса и информационной войны Запада против России российско-китайское сотрудничество в экономической сфере (в частности, в нефтегазовой) приобрело новый мощный импульс. В ходе визита В. Путина в мае 2014 года в Шанхай был подписан большой пакет документов и соглашений между Китаем и Россией на ближайшие десятилетия. Китайская государственная нефтяная компания (СNPC) взяла на себя ключевую роль в реализации арктического газового проекта, обязуясь покупать ежегодно 3 млн тонн ямальского сжиженного природного газа (СПГ) [1]. Следует отметить, что данный проект стал результатом восьмилетних переговоров между двумя странами, так как Россия весьма настороженно относилась к активности Китая в Арктике. Однако теперь благодаря китайским инвестициям в «Ямал СПГ» китайские деловые круги приобретают прочные позиции в российской Арктике. Изменение позиции России в отношении китайских арктических интересов во многом было определено резким ухудшением отношений между Москвой и странами Евросоюза, а также санкционной политикой США в отношении РФ. Вместе с соглашениями по «Ямал СПГ» в ходе визита в Китай президента В. Путина было подписано в общей сложности около 50 двусторонних соглашений [Там же].

Ко второй группе предпосылок развития российско-китайских партнерских отношений относятся предпосылки экономического характера, которые связаны с тенденцией быстрого роста китайской экономики и наличием огромных запасов природных ресурсов в российской Арктике. Огромный внутренний рынок, реформы, взвешенная политика, открытая внешнеэкономическая политика и многие другие факторы стали толчком для мощного развития экономики Китая. Соответственно развитие экономики послужило важным толчком для существенного расширения импортной программы – высокий инвестиционный спрос и увеличение спроса на поставки нефти (до 50 млн тонн в 2000 г. и до 100 млн тонн к 2013 г.) [2].

Быстрый экономический рост и реконструкция народного хозяйства КНР потребуют колоссальных энергетических и минерально-сырьевых ресурсов. Таким образом, положение Китая как страны, импортирующей нефть и нефтепродукты, сохранится. Стоит отметить, что добыча энергоресурсов в Арктике относится к числу наиболее конкурентоспособных отраслей в РФ, поэтому заинтересованность Китая в экономических отношениях с Россией как важным поставщиком нефтепродуктов остается актуальной: «Прогнозируется, что в ближайшие десять лет Россия будет крупнейшим экспортером природного газа в Китай. Поэтому развитие конструктивного диалога между Китаем и Россией в энергетической сфере и постепенное вовлечение китайских компаний в разработку ресурсов Арктики позволят нам избежать энергетического кризиса и укрепить деловые контакты между Китаем и странами Северной Европы» [3].

Третья группа предпосылок развития сотрудничества между Россией и Китаем – это предпосылки транспортного характера. Экономика КНР требует новых, более экономичных путей экспорта китайских товаров и импорта необходимых для нее ресурсов. Освоение арктических морских путей связано для Китая с рядом проблем:

- суровые климатические условия в Арктике, которые позволяют осуществлять навигацию лишь в три летних месяца, что не устраивает ритмично работающую экономику Китая;
- недостаток собственных китайских транспортных средств для передвижения по Арктике (у КНР на данный момент только один ледокол);
- недостаток специалистов-полярников;
- Китай только начал создавать научно-исследовательские центры по изучению Арктики.

Для решения этих вопросов КНР нуждается в сотрудничестве с Россией, которая еще с царских и советских времен имеет производственную, техническую и научную базу для освоения Арктики. Например, китайским торговым судам необходима помощь российских атомных ледоколов, которые уже сейчас дают возможность использовать Северный морской путь практически круглогодично. Однако в постсоветский период большая часть арктической инфраструктуры (порты, города, военные базы, аэродромы и т. д.) оказалась заброшена,

а потому Россия, в свою очередь, нуждается в инвестиционной поддержке Китая для возрождения своей арктической зоны. Так, например, уже на данном этапе представители китайских деловых кругов заявили о своем желании инвестировать в строительство глубоководного Архангельского морского торгового порта. Согласно данным администрации Архангельской области, китайские компании также проявляют интерес к строительству железнодорожной магистрали Белкомур (Белое море – Коми – Урал), которая откроет новые возможности для наземных грузоперевозок из районов Дальнего Востока, Урала и Сибири в страны Европы. Согласно этому проекту, новый Архангельский порт станет стратегическим пунктом соединения Северного морского пути с системой железных дорог России: «Грузооборот нового Архангельского морского порта составит почти 30 млн тонн в год» [4].

Россия также заинтересована в активной и эффективной эксплуатации Северного морского пути, чтобы вложенные в него средства себя максимально оправдывали. Стоит отметить, что за последние несколько лет активность использования Северного морского пути (в частности, китайскими предпринимателями) существенно возросла: «Так, если в 2010 году по Северному морскому пути прошло не более 100 тыс. тонн грузов, то уже в 2012 году объем транзита составил 1,261 млн тонн. При этом в прошлом году объем груза, перевозимого в обратном направлении, с востока на запад, составил почти половину от завезенного на восток. <...> В 2012 году ледовая проводка осуществлялась караванами по 3-4 судна, которые шли в сопровождении одного или двух ледоколов» [5]. Данная тенденция связана с изменениями правил транспортировки по Северному морскому пути, вступившими в силу с 2013 года. По мнению китайских экспертов, Северный морской путь может сыграть ключевую роль в развитии двусторонних отношений Китая и России: «Развитие арктических морских коммуникаций будет способствовать не только китайско-российскому энергетическому сотрудничеству, но и развитию торговых отношений Китая со странами Северной Европы. Поэтому коммерческая ценность арктических магистралей для КНР очевидна» [См.: 3].

Что касается заинтересованности Китая в ресурсах российской арктической зоны, то

важно отметить, что есть возможности для ее диверсификации: «Пока основными товарными интересами Китая в России остаются углеводородные и рудные полезные ископаемые. Биологические ресурсы российской Арктики продаются в Китай лишь попутно с основными направлениями торговли, хотя и здесь есть перспективные отрасли. Скажем, наши коренные народы могли бы резко поднять рентабельность местного оленеводства, продавая в Китай мясо, шкуры, субпродукты. Помимо улучшений условий торгового судоходства в арктической зоне России, нужно решать вопросы развития производства, расширения ассортимента продукции. Пока на этом направлении горизонты перед нами еще только открываются» [6].

Таким образом, можно констатировать, что определяющим трендом в развитии российско-китайских двусторонних отношений в арктических вопросах является необходимость реализации национальных экономических интересов двух стран. Однако национальные интересы России и Китая имеют свою специфику и определяются их политическими интересами, поэтому можно говорить о существовании в российских экспертных кругах аргументов за дальнейшее сотрудничество Китая и России и против него.

По мнению российских экспертов М.Н. Ананьевой и П.А. Грачёва, в современных условиях усиления давления Запада на Россию в связи с украинским кризисом именно твердая и независимая политическая позиция Китая может стать причиной большей открытости России для китайского присутствия в Арктике. Более того, они считают, как это ни парадоксально, что именно Китай может помочь России в отстаивании ее национальных интересов в Арктике. России необходимо восстановить и усилить «свое военное присутствие за счет морских, воздушных, ракетных сил и средств для сдерживания иностранного военного присутствия (особенно стран Запада) и защиты важнейших объектов инфраструктуры. В связи с этим ей нужны инвестиции и технологии, которые можно получить в рамках арктического партнерства с Китаем» [7].

Как уже отмечалось, будучи крупнейшей по территории и минерально-ресурсным арктическим запасам державой, Россия нуждается

в создании современной наукоемкой арктической индустрии, и в этом плане помощь Китая, располагающего передовыми технологиями по добыче ресурсов, может быть актуальна. Это же относится и к развитию и совместному использованию Севморпути.

Получение Китаем в 2013 году статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете сняло ряд препятствий на пути развития российско-китайского двустороннего сотрудничества в Арктике. Серьезные опасения России по поводу ограничения ее суверенных прав в Арктике оказались сведены к минимуму благодаря тому, что, став членом Арктического совета, Китай официально подтвердил готовность следовать принципам уважения суверенитета и суверенных прав арктических государств. Кроме того, возможное стремление КНР использовать Арктический совет как инструмент своего давления на арктические страны не может быть реализовано в силу институциональной специфики этого международного форума, объединяющего «всех заинтересованных игроков на арктическом пространстве. Единодушные всех членов Арктического совета ограничивается экологической сферой, так как интересы в других областях нередко оказываются диаметрально противоположными. Вне пределов юрисдикции Арктического совета лежат вопросы добычи природных ресурсов, а также строительства инфраструктуры» [7].

Очевидно, что в условиях современной геополитической и геоэкономической ситуации у России и Китая есть основания для интенсивного и эффективного развития двусторонних отношений в Арктике. Однако в то же время фактор традиционного присутствия России в Арктике входит в некоторое противоречие с недавно появившимися арктическими амбициями «околоарктического» Китая. В этой связи у

России есть основания опасаться столь стремительного вхождения КНР в арктические дела. Тот же интерес с китайской стороны к Северному морскому пути может привести к стремлению Китая установить монопольное использование этой транспортной артерии с тем, чтобы снизить стоимость перевозок и ухудшить условия для своих потенциальных конкурентов, что в целом невыгодно России.

Определенные опасения у России вызывает также фактическое отсутствие в Китае экологических норм в сфере добычи ресурсов, что абсолютно недопустимо в отношении хрупкой и уникальной арктической экосистемы. Не уделяя достаточного внимания экологическому фактору (а обеспечение экологической безопасности является основным принципом деятельности Арктического совета), Китай активно выступает на дипломатической площадке Арктики, «занимаясь, в частности, поиском стран – партнеров по освоению региона. Это свидетельствует о том, что КНР, играя на противоречиях арктических стран, выстраивает собственную политику, нацеленную на свое закрепление в регионе» [Там же]. Часто это входит в прямое противоречие с российскими интересами. Например, Китай поддержал идею создания «Арктического круга», исключаящего участие России в обсуждении актуальных проблем Арктики.

Таким образом, очевидно, что для Китая Россия является важнейшим партнером в реализации своих арктических планов. Не имея реальных геополитических оснований для получения прямого доступа к богатствам Арктики, Китай заинтересован в развитии отношений именно с Россией, обладательницей Северного морского пути и большей части арктических ресурсов, и готов предложить ей инвестиции и передовые технологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Atle Staalesen.** Крупнейший арктический проект Китая. URL: <http://barentsobserver.com/ru/energiya/2014/05/kрупнейshiy-arkticheskiy-proekt-kitaya-23-05>.

2. **Цинь Сяньюань.** Пять десятилетий развития китайско-российских отношений, пройденный путь

и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 3. С. 5–10.

3. **Тарасов А.** Мы пойдем Севморпутем? URL: <http://expert.ru/siberia/2014/11/myi-pojdem-sevmorputem/>.

4. **Дмитриев В.** Лед тронулся. URL: <http://www.rg.ru/2013/05/31/led.html>.

5. **Перевозки** по трассам СМП к 2020 году составят 15 млн тонн в год. URL: <http://www.flashnord.com/news/perevozki-po-trassam-smp-k-2020-godu-sostavyat-15-mln-tonn-v-god>.

6. **Жуков М.** Для России арктическое сотрудничество с Китаем — стимул к росту. URL:

<http://www.arctic-info.ru/ExpertOpinion/Page/dla-rossii-arkticeskoe-sotrydnicestvo-s-kitaem---stimyl-k-rosty>.

7. **Ананьева М.Н., Грачёв П.А.** Арктику можно сделать российско-китайской. URL: http://www.ng.ru/economics/2014-03-20/3_kartblansh.html.

ВАН Цзюньтао — преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: juntao2013@yandex.ru

Wang Juntao

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE ARCTIC: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article analyzes the cooperation between Russia and China in the Arctic. One of the priorities of this cooperation is the energy complex. For this collaboration, there are several groups of premises. The first group — a geopolitical factor. The second group — the preconditions of an economic nature. The second group — the preconditions of an economic nature. The third group — the nature of the transport conditions. Particular attention is paid to the consideration, the active use of the Northern Sea Route. There is a reason for the intensive and effective development of bilateral relations in the Arctic.

RUSSIA; CHINA; THE ARCTIC; THE GEOPOLITICAL FACTOR; BILATERAL CO-OPERATION; TRANSPORT; NORTHERN SEA ROUTE; ENERGY RESOURCES; THE ARCTIC COUNCIL.

REFERENCES

1. Atle Staalesen. Krupneyshiy arkticheskiy proyekt Kitaya. Available at: <http://barentsoobserver.com/ru/energiya/2014/05/krupneyshiy-arkticheskiy-proekt-kitaya-23-05>.

2. Tsин Syanyuan. Pyat' desyatiletiy razvitiya kitaysko-rossiyskikh otnosheniy, proydennyu put' i perspektivy. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2000, no. 3, pp. 5–10. (In Russ.)

3. Tarasov A. My poydem Sevmorputem? Available at: <http://expert.ru/siberia/2014/11/myi-pojdem-sevmorputem/>.

4. Dmitriyev V. Led tronul'sya. Available at: <http://www.rg.ru/2013/05/31/led.html>.

5. Perevozki po trassam SMP k 2020 godu sostavyat 15 mln tonn v god. Available at: <http://www.flashnord.com/news/perevozki-po-trassam-smp-k-2020-godu-sostavyat-15-mln-tonn-v-god>.

6. Zhukov M. Dlya Rossii arkticheskoye sotrudnichestvo s Kitayem — stimul k rostu. Available at: <http://www.arctic-info.ru/ExpertOpinion/Page/dla-rossii-arkticeskoe-sotrydnicestvo-s-kitaem---stimyl-k-rosty>.

7. Ananyeva M.N., Grachev P.A. Arktiku mozžno sdelat' rossiysko-kitayskoy. Available at: http://www.ng.ru/economics/2014-03-20/3_kartblansh.html.

WANG Juntao – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: juntao2013@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.239.12

УДК 329

Чжоу Цзюнь

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В статье анализируется деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как постоянно действующей межправительственной региональной международной организации. В 2015 году она вступила в новый период своего развития. Рассмотрен новый основополагающий документ – «Стратегия-2025», отражающий новые тенденции в ШОС. После саммита в Уфе (2015) начался активный процесс расширения состава стран-участниц организации (запущена процедура вступления в нее Индии и Пакистана). Отмечено, что основными целями деятельности ШОС являются: укрепление взаимного доверия и добрососедства между странами-участницами; содействие эффективному сотрудничеству стран в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, а также в сфере образования, энергетики, транспорта, туризма, защиты окружающей среды и др.; совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе; продвижение к созданию демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС); СТРАТЕГИЯ-2025; РЕГИОНАЛИЗМ; ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ; ДОБРОСОСЕДСТВО; СОТРУДНИЧЕСТВО; МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК.

В современной системе международных отношений всё более заметную роль играют региональные международные организации, что является отражением растущей тенденции взаимозависимости государств и необходимости решения задач их экономического развития и обеспечения безопасности. В этой связи создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) стало ответом на изменение геополитической ситуации в Центральной Азии после распада СССР и усиление угроз региональной системе безопасности. Страны-участницы ШОС строят свои отношения в рамках многополярной системы международных отношений и считают, что миропорядок в XXI веке должен базироваться на механизмах коллективного решения ключевых проблем, верховенства права и демократизации международных отношений [1]. До недавнего времени (в 2015 году началась процедура по вступлению в ШОС Индии и Пакистана) в нее входили шесть государств: Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Территория стран-участниц ШОС составляет 61 % территории Евразии, на

ней проживает четвертая часть населения земли – 1,5 млрд человек [Там же]. Официальными рабочими языками являются русский и китайский. Штаб-квартира организации находится в Пекине. На саммите в Уфе в 2015 году отмечалось, что за годы своего существования ШОС стала эффективной площадкой равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между странами-участницами, объединенными общими стремлениями к обеспечению мира и стабильности в регионе. ШОС – это не замкнутый альянс и не союз стран, направленный против других государств и регионов, а ориентированная на широкое международное сотрудничество организация, придерживающаяся принципа открытости.

Учитывая географическую близость Афганистана – основного мирового производителя опиатов, а также ухудшающуюся обстановку с наркотрафиком в государствах Центральной Азии, государства – члены ШОС сделали борьбу с незаконным оборотом наркотиков приоритетным направлением своей деятельности. Так, на встрече глав государств в Ташкенте в 2004 году

было подписано Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ [2, с. 20]. Это соглашение предусматривает общие цели в деле противодействия наркотрафику, определяет параметры сотрудничества таможенных служб государств-членов и обмена информацией.

Хотя проблемы безопасности объективно способствовали сближению стран региона, между ведущими странами – участницами ШОС в ходе выработки общих позиций по ряду региональных проблем возникают разногласия. Например, Академия общественных наук Китая в 2013 году опубликовала «Доклад о развитии АТР», где говорится, что, несмотря на разрешение ряда спорных пограничных вопросов и углубление стратегического взаимного доверия, вероятность восстановления союзнических отношений между Пекином и Москвой невелика [См.: 3]. В этом контексте важно подчеркнуть, что основные причины разногласий КНР и РФ связаны с их заинтересованностью в развитии приоритетных отношений со странами Центральной Азии. Ведь центральноазиатские страны всегда были традиционным регионом влияния России, а для Китая в современных условиях крайне важно укрепить свои экономические позиции в данном богатом ресурсами регионе.

В этом плане историческим стал саммит в Уфе, положивший начало расширению состава стран-участниц ШОС, а значит, произойдет и изменение расстановки сил внутри организации. Помимо статуса государства – члена ШОС, определены статусы «государство-наблюдатель» и «партнер по диалогу». Статус «партнер по диалогу», который ранее не применялся в практике организации, дается странам, не входящим в регион, но имеющим возможность принимать участие во всевозможных саммитах организации [4]. После уфимского саммита Индия и Пакистан начали работу по официальному оформлению своего членства в ШОС. На данный момент в организации четыре государства-наблюдателя: Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия. А статус партнеров по диалогу имеют Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка. Очень велика вероятность изменения статуса Ирана в ШОС. Как только закончатся формальные процедуры снятия с этой страны международных санкций,

уже не будет препятствий к тому, чтобы Иран стал членом ШОС.

Расширение состава стран-участниц ШОС имеет еще один важный аспект: «Среди членов ШОС в ближайшее время будут уже не две, а четыре страны, обладающие ядерным потенциалом. <...> Ядерный фактор также является важным условием укрепления безопасности, потому что государства, вступающие в ШОС, обязаны выполнять условия добрососедства и мирного разрешения конфликтов» [5].

На саммите в Уфе был принят ряд важных документов, в частности Стратегия развития ШОС до 2025 года. В документе подчеркивается, что «на передний план выходит необходимость построения в регионе всеобщей, комплексной, инклюзивной, транспарентной архитектуры неделимой и надежной безопасности и устойчивого роста, основанной на принципах верховенства международного права, неприменения силы или угрозы применения силы, уважения территориальной целостности, государственного суверенитета и независимости стран, открытого, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. В этой связи возрастает роль региональных объединений, одним из которых является ШОС» [6].

В последнее время в западной прессе часто сравнивают ШОС и НАТО, однако данное сравнение абсолютно неправомерно, потому что страны-участницы ШОС стремятся к «созданию на пространстве ШОС региона мира, стабильного развития, экономического роста и прогресса, взаимного доверия, добрососедства, дружбы и процветания»; они заинтересованы в совершенствовании ШОС «как многопрофильной региональной организации, не предусматривающей формирования военно-политического союза или экономического интеграционного объединения с образованием наднациональных институтов управления» [Там же]. Именно заостренность внимания стран-участниц ШОС на вопросах безопасности без создания военных союзов и стала важной особенностью уставных документов, где подчеркивается необходимость переговорных механизмов для решения пограничных споров. Ведь именно укрепление доверия в приграничных регионах между странами бывшего СССР и Китаем определило необходимость создания ШОС. Поэтому вступление новых стран в ШОС означает их согласие

на мирное разрешение пограничных споров, а значит, вступление в организацию Индии и Пакистана может означать начало новой эры в решении индо-пакистанских и индо-китайских пограничных проблем. В экспертных оценках участников Валдайского форума можно найти и такое мнение, что в ближайшее десятилетие будет создаваться некое «Сообщество Большой Евразии», где ШОС может занять одну из ключевых позиций [7].

Основополагающим в экономическом сотрудничестве стран-участниц ШОС является объединение усилий по повышению уровня жизни народов. Приоритетными направлениями выступают осуществление крупных инвестиционных проектов и формирование единого энергетического рынка. По оценкам Международного энергетического агентства, рост потребления нефти в странах Азиатско-Тихоокеанского региона до 2025 года будет опережать общемировую на четверть, а спрос на газ – превышать в 1,8 раза [8].

Важнейшим залогом успеха деятельности ШОС являются мощная экономика, огромный природно-ресурсный потенциал стран-участниц и объем взаимного инвестирования. Китай выступает крупным импортером, представляя собой огромный рынок. По последним данным, разведанные запасы нефти в КНР составляют 24,8 млрд тонн, природного газа – 4,4 трлн кубометров, угля – более 1 трлн тонн [9]. Хотя в стране обеспечен устойчивый рост их добы-

чи, это не уменьшит ее потребность в импорте большого количества энергоресурсов. А Россия и Центральная Азия являются важными их источниками.

Энергетическая отрасль стала приоритетной для развития ШОС, потому что в ней участвуют крупнейшие производители энергоресурсов. Энергетическое взаимодействие в рамках ШОС выгодно всем. России оно дает возможность более эффективно использовать свою инфраструктуру, ресурсные и технологические преимущества, а Казахстану, Узбекистану и иным странам, располагающим энергоресурсами, – средства, технологии и рынки других государств. Китаю это позволит увеличить импорт нефти и газа из соседних стран и тем самым диверсифицировать каналы импорта, остальным странам-участницам ШОС – ускорить экономическое развитие и решение острых социальных проблем.

Подводя итог, следует отметить, что ШОС постепенно становится крупнейшей региональной организацией в Евразии. При этом важно подчеркнуть миролюбивый характер организации, которая стремится невоенными способами, переговорным дипломатическим путем достичь обеспечения режима безопасности. Бесспорно, предстоит сделать еще очень много для обеспечения безопасности границ, в области борьбы с терроризмом в регионе, для укрепления экономического сотрудничества не только среди стран Центральной Азии, но и в формате Большой Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Официальный** сайт Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.sectsc.org/RU/brief.asp>.
2. **Лукин А., Мочульский А.** Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналит. записки. 2005. Вып. 2 (4).
3. **Дергачев В.** Битва за Евразию. Тектоническая геополитическая трансформация // Вестник аналитики. 2014. № 1. С. 43–58.
4. **Екатеринбургский** саммит в 2009. URL: <http://www.shos2009welcome.ru/>.
5. **Васильева Н.А., Шамахов В.А.** ШОС в новой геополитической архитектуре Большой Евразии // Государственная служба. 2015. № 6 (96). С. 37–42.
6. **Стратегия** развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. URL: <http://sco-russia.ru/>.
7. **Караганов С.** Первые контуры Большой Евразии. URL: <http://www.novayagazeta-vlad.ru/289/ekonomika/pervye-kontury-bolshoj-evrazii.html>.
8. **Деловой совет ШОС.** Энергетический клуб ШОС: каким ему быть? URL: <http://bc-sco.org/?level=8&id=29&lng=ru>.
9. **Сумма** инвестиционных проектов. URL: <http://infoshos.ru/ru/print.php?idn=5227>.

ЧЖОУ Цзюнь – аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION AS A REGIONAL ORGANIZATION

The article analyzes the activities of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The organization is a permanent intergovernmental international organization which in 2015 has entered a new period of development. Strategy-2025, as a new fundamental document reflects new trends in the SCO. After the summit in Ufa in 2015, began an active process of expansion of structure of participants (forced entry of India and Pakistan). The main purpose of the organization: strengthening mutual trust and good neighborly relations between the member countries; assist countries in their effective cooperation in political, trade-economic, scientific-technical and cultural spheres, as well as in education, energy, transport, tourism, environmental protection and others; joint security and the maintenance of peace, security and stability in the region; progress towards a democratic, just and rational new international political and economic order.

THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO); REGIONALISM; SECURITY POLICY; GOOD NEIGHBORLINESS AND COOPERATION; INTERNATIONAL POLITICAL AND ECONOMIC ORDER.

REFERENCES

1. Ofitsialnyy sayt Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva. Available at: <http://www.sectSCO.org/RU/brief.asp>.
2. Lukin A., Mochulskiy A. Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: strukturnoye oformleniye i perspektivy razvitiya. *Analiticheskiye zapiski*, 2005, iss. 2 (4). (In Russ.)
3. Dergachev V. Bitva za Yevraziyu. Tektonicheskaya geopoliticheskaya transformatsiya. *Vestnik analitiki*, 2014, no. 1, pp. 43–58. (In Russ.)
4. Yekaterinburgskiy sammit v 2009. Available at: <http://www.shos2009welcome.ru/>.
5. Vasilyeva N.A., Shamakhov V.A. ShOS v novoy geopoliticheskoy arkhitekture Bol'shoy Yevrazii. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2015, no. 6 (96), pp. 37–42. (In Russ.)
6. Strategiya razvitiya Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva do 2025 goda. Available at: <http://SCO-russia.ru/>.
7. Karaganov S. Pervyye kontury Bolshoy Yevrazii. Available at: <http://www.novayagazeta-vlad.ru/289/ekonomika/pervye-kontury-bolshoj-evrazii.html>.
8. Delovoy sovet ShOS. Energeticheskiy klub ShOS: kakim emu byt'? Available at: <http://bc-sco.org/?level=8&id=29&lng=ru>.
9. Summa investitsionnykh proyektov. Available at: <http://infoshos.ru/ru/print.php?idn=5227>.

ZHOU Jun – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.13
УДК 130.2:94(470)

И.М. Рогов

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ БОНЧ-БРУЕВИЧ: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

В.Д. Бонч-Бруевич (1873–1955) – активный участник российского революционного движения, советский партийный и государственный деятель, историк, этнограф, писатель, издатель. В статье на основе архивных материалов, редких публикаций и писем В.И. Ленина раскрывается малоизвестный период жизни Бонч-Бруевича с 1920 по 1929 г., когда он организовал под Москвой и сделал успешным опытный совхоз «Лесные поляны», что не прервало его деятельности как ученого.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ; ДИРЕКТОР СОВХОЗА; УЧЕНЫЙ; ИСТОРИК; СМЕНА ЗАНЯТИЙ.

Минул 2015 г., который в России был объявлен Годом литературы. В середине декабря прошлого года в рамках Санкт-Петербургского международного культурного форума, посвященного проблемам образования, состоялся «круглый стол», где выступил директор Государственного литературного музея Д.П. Бак. Свое выступление он начал с упоминания о В.Д. Бонч-Бруевиче (1873–1955), инициаторе создания этого музея (1934), ставшем его первым директором и главным собирателем богатейших коллекций. После смерти В.Д. Бонч-Бруевича прошло уже 60 лет, но доброе имя этого человека не стирается в памяти людей.

На основании архивных документов, в том числе документов из доступных ныне архивов ЦК РКП(б), а также материалов из газет «Правда»

и «Известия» и единственной автобиографии Бонч-Бруевича попробуем осветить малоизвестный 9-летний период не совсем обычной его работы и разобраться, почему член советского правительства с 1917 по декабрь 1920 г. после этого никаких партийных или государственных постов не занимал.

В разных изданиях биографии В.Д. Бонч-Бруевича написано одинаково: «Партийный и государственный деятель, доктор исторических наук» [См., например: 1]. Пожалуй, более точно и полно она дана в Большой российской энциклопедии, где сказано: «Деятель революционного движения, советский государственный деятель, историк, издатель» [2].

«Деятель российского революционного движения» – в данном случае речь идет о

В.Д. Бонч-Бруевич
(конец 1920-х годов)

марксисте, что включает в себя понятие «партийный деятель» (к примеру, у народников партии не было). Бонч-Бруевич писал: «При вступлении в Коммунистическую партию (первая регистрация) меня рекомендовали в члены тов. В.И. Ульянов (Ленин) и Мих. Степ. Ольминский (Александров)» [3, с. 274]. Имеется в виду 1895 г., когда он был членом Московского рабочего союза и организовал подпольную типографию в Москве, которую передал Союзу борьбы за освобождение рабочего класса в Петербурге. Эта дата «вступления в Коммунистическую партию» указывается и в официальных изданиях, и в партийных документах [4, с. 766]. Ряд старых большевиков считали началом своего членства в партии 1895 г., например Ф.Э. Дзержинский. А В.И. Ленин в анкете делегата X съезда РКП(б) на вопрос «С какого времени состоите членом РКП (большевиком)?» ответил: «С 1894 года» [5, с. 642]. Активное участие в трех революциях, нелегальный провоз оружия, пропаганда марксистских идей, помощь большой группе крестьян-духоборов, преследуемых царским правительством, в их переезде в Канаду, царские тюрьмы, эмиграция, нелегальные приезды и партийная работа в России — всё это заслуженно делает В.Д. Бонч-Бруевича деятелем российского революционного социал-демократического движения. С первых дней Октябрьской революции до декабря 1920 г. Бонч-Бруевич исполнял ответственную должность управляющего делами Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР, активно участвовал в организации центральных органов государства и в подборе кадров. Одновременно в Октябрьские дни в Петрограде он был назначен комендантом района Смольный — Таврический дворец, председателем Комитета по борьбе с саботажем и контрреволюцией. Успешно руководил переездом в 1918 г. советского правительства из Петрограда в Москву.

В чем же причина крутого поворота в жизни В.Д. Бонч-Бруевича в конце 1920 г.? В печати есть только одно объяснение — в его автобиографии, опубликованной в первом издании довольно редкой книги «Техника большевистского подполья»: «Осенью 1920 г. меня вместе с другими наркомаами привлекли к следствию Контрольной комиссии партии по так называемому делу Махмуд-бека. В чем это дело состоит, я до сих пор не знаю. <...> ...За что именно, ибо

ничего предосудительного не совершал и совесть моя совершенно чиста и спокойна, меня присудили к устранению на пять месяцев от ответственных должностей. Срок этот окончился 10 мая 1921 г. Я решил после этого приложить свои силы к организации хозяйственной части нашей Республики. И теперь я отчасти отдаю свои силы по организации совхоза «Лесные поляны» при ст. Тарасовка Ярославской ж. д.» [3, с. 273–274]. Детали «дела Махмуд-бека» В.Д. Бонч-Бруевич мог не знать, так как на заседании Центральной контрольной комиссии (ЦКК) РКП(б) от 3 декабря 1920 г., о котором речь пойдет ниже, из шести привлеченных к этому делу присутствовал только Ф.Э. Дзержинский [См.: 6, л. 49]. В резолюции ЦКК по этому делу, с которой ознакомили Бонч-Бруевича, было не всё ясно и Оргбюро ЦК РКП(б) [См. 7, л. 3].

Снова обратимся к архивным документам. «3 декабря 1920 г. ЦКК РКП(б) обсуждала дело Махмуд-бека — контролера Чрезвычайной комиссии — в связи с его ошибочной позицией по оценке конфликта управляющего зав[одом] Озолина с рабочими и партийной организацией Пушкинского района. Член коллегии Наркомюста М.Ю. Козловский поддержал в этом деле Озолина, а В.Д. Бонч-Бруевич также стал на сторону этого контролера и ходатайствовал за бывшего помещика Садовникова. Таким образом, оба не поддержали позицию рабочих и партийной ячейки и тем самым способствовали возникновению у представителей местных организаций скептического настроения по отношению к центральной власти. Ф.Э. Дзержинский, увлекшись показной деловитостью и распоряд[ительностью] Махмуд-бека, неосторожно вручил ему мандат... Привлекались по этому делу еще два ответственных работника и Президиум ВЦИК. ЦКК рекомендовала ЦК партии „первых двух устранить на определенный срок от занимаемых ответственных должностей“, остальным сделать выводы из принятой ЦКК резолюции» [6, л. 49–50].

Дело Махмуд-бека проясняют протоколы X съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1921 г. В докладе Контрольной комиссии съезду И.Г. Сольц заявил: «Махмуд-бек — это забравшийся в „верхи“ Коммунистической партии человек, который почему-то заслужил доверие...» [5, с. 60]. Махмуд-бек работал комендантом

дома отдыха для ответственных работников в Тарасовке (под Москвой) и обвинялся в грубом обращении с местными крестьянами, в «принуждении их работать на нужды дома отдыха». Специальная комиссия доложила об этом 10 ноября 1920 г. на заседании ЦК РКП(б). Махмудбек был отстранен от занимаемой должности. Дело передали в народный суд [5, с. 884].

В начале декабря 1920 г. В.Д. Бонч-Бруевич еще исполнял обязанности управделами СНК. В доказательство приведем два документа. В декабре 1920 г. Ленин писал Бонч-Бруевичу: «Получили приказ Семашки? Очень прошу налечь изо всех сил и мне еженедельно сообщать фактические итоги, что сделано» [8, с. 40]. Речь идет о поручении Н.А. Семашко и Бонч-Бруевичу организовать Комитет по сооружению санитарно-пропускных пунктов на московских вокзалах для встречи эшелонов с демобилизованными из частей Красной армии. На оборотной стороне записки Бонч-Бруевич сообщал Ленину о выполнении его поручения. Второй документ – декрет СНК «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов и предметов широкого потребления» от 4 декабря 1920 г., подписанный Председателем СНК В. Ульяновым (Лениным), управделами СНК Вл. Бонч-Бруевичем, секретарем СНК Л. Фотиевой [9].

10 декабря 1920 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) обсуждался вопрос под № 16 – «Об утверждении резолюции ЦКК по делу Махмудбека». Постановили: «Считая, что квалификация действий тов. Козловского как явно недобросовестных могла появиться в результате того, что дело не вполне освещено, – просить ЦКК допросить тов. Курского и тов. Стучку в разъяснении этого пункта. Остальную часть постановления утвердить, установив срок воспреещения занимать ответственные должности для т.т. Козловского и Бонч-Бруевича в 6 месяцев» [7, л. 3]. На следующий день, 11 декабря 1920 г., Совнарком рассмотрел этот вопрос, в центральных газетах было опубликовано следующее сообщение: «Совет Народных Комиссаров в заседании от 11-го декабря с. г. постановил: утвердить Николая Петровича Горбунова управляющим делами Совета Народных Комиссаров. Секретарь Совета Народных Комиссаров Л. Фотиева» [10, 11].

Чтобы утвердить нового управделами СНК Н.П. Горбунова, надо было освободить от этой

должности В.Д. Бонч-Бруевича. Через 6 месяцев он смог заняться новой для себя работой в качестве директора опытного совхоза «Лесные поляны». Для понимания политической обстановки в Советской России в 1920 г. мало знать историю, надо ее прочувствовать. Только что закончилась кровопролитная Гражданская война. А еще был Дальний Восток. В стране разруха, во многих районах голод. В сельском хозяйстве и промышленности не хватало мужских рабочих рук. Всего 3 года отделяли страну от времени падения царского режима и окончания Первой мировой войны. Революция пожирала многих, в том числе и своих героев. Защищать бывшего помещика, даже если он был прав, в те годы было равносильно преступлению. Выступить против мнения рабочих и партийной ячейки – значит вызвать подозрение. В подобных случаях уйти от серьезной ответственности можно было только очень авторитетным большевиком. Такими в данном деле оказались Дзержинский и Бонч-Бруевич. Одного пожурили, двух отстранили на 6 месяцев от ответственных должностей, остальных строго предупредили, включая Президиум ВЦИК.

Хозяйственную работу в качестве председателя Особого временного строительно-санитарного комитета, занимавшегося строительством и приведением в порядок водопровода, канализации и отопления Москвы, Бонч-Бруевич начал выполнять, совмещая с основной работой в правительстве, по Постановлению Совнаркома от 25 марта 1920 г. [12, л. 3 и 17] и продолжал успешно этими вопросами заниматься в течение 1920 и 1921 гг. Оргбюро ЦК РКП(б), рассмотрев 27 февраля 1921 г. сообщение ЦКК о том, что Козловский и Бонч-Бруевич не отстранены от ответственной работы, постановило: «О Козловском сообщить наркому, о Бонч-Бруевиче узнать, какие должности занимает». На этом же листе от руки написано: «Работает председателем комиссии по строительству домов отдыха и совхозов при них» [13, л. 17 и 17 об.]. А это была хозяйственная работа. Больше вопросы о работе В.Д. Бонч-Бруевича ни в ЦКК, ни в ЦК РКП(б) не поднимались. С середины 1921 г. он смог полностью сосредоточиться на работе в совхозе «Лесные поляны».

Идея создания в Подмоскovie образцового совхоза возникла не случайно. После переезда правительства в Москву, ближе к лету 1918 г.,

В.И. Ленин согласился на небольшой летний отдых. Бонч-Бруевич взялся найти и подготовить подходящее место. Он осмотрел и живописные малолюдные места около села Тарасовка на реке Клязьме. Небольшое имение доктора Соловьёва называлось Мальцебродово. Хозяин имения давно отсутствовал. На каменном одноэтажном здании была возведена добротная деревянная дачная надстройка. Дачу быстро привели в порядок. Именно здесь в 1918 г. и отдыхал Ленин вместе с Н.К. Крупской и сестрой. В 1919 г. он снова несколько раз посетил эти места. Однажды в августе во время прогулки Ленин спросил Бонч-Бруевича: «Почему в совхозах дела идут не очень хорошо?» «Да всё потому, — отвечал Владимир Дмитриевич, — что берутся за дело неопытные люди, не знающие сельское хозяйство, и к тому же нет хорошо поставленных наших хозяйств». — «Так Вы хотите устроить такое хозяйство... Это прекрасно! Можете ли Вы за это взяться?» — «Конечно, могу». — «Так давайте начинать! Надеюсь, это не помешает Вашей основной работе» [14, с. 329–331]. На следующий день Бонч-Бруевич представил Ленину план нового хозяйства, с приглашением лучших специалистов. Этот план был одобрен.

Первые совхозы возникли на базе крупных помещичьих имений как государственные сельскохозяйственные предприятия вскоре после принятия Декрета о земле 27 октября (9 ноября) 1917 г. Толчок в развитии специализированных совхозов был дан Положением о социалистическом землеустройстве, принятым ВЦИК 14 февраля 1919 г. На следующий день был принят Декрет СНК «Об организации Советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата», который конкретизировал задачи совхозов. Земельная площадь совхозов в 1918–1919 гг. составила 2090 тыс. гектаров. К 1922 г. насчитывалось 4316 совхозов с земельной площадью 3324 тыс. гектаров (из 150 млн гектаров, принадлежавших ранее крупным землевладельцам). Крупных совхозов было мало, мелкие быстро становились нерентабельными, и их закрывали.

Итак, из кассы Совнаркома взаимобразно была выдана определенная сумма, которую хозяйство обязалось вернуть деньгами или продуктами в течение года. Долг был возвращен через 10 месяцев [Там же. С. 331]. Таким образом,

организацией совхоза «Лесные поляны» Бонч-Бруевич начал заниматься осенью 1919 г. Эта хозяйственная, точнее сельскохозяйственная, работа велась параллельно с работой в Совнарком (в 1920 г.) и продолжалась более 9 лет. Судя по письму Ленина, написанному не позднее 2 августа 1921 г., Бонч-Бруевич рассказывал или писал ему о делах совхоза уже после завершения своей работы в Совнарком.

«Дорогой В. Дм.!

Напишите мне, пожалуйста:

1) Правда ли, что Вы взяли духоборов в совхоз и очень довольны ими?

2) Как обстоит дело с перевозкой духоборов (а) из Канады, (б) с Кавказа в Россию (если Вам это известно);

3) Будет ли составляться и печататься отчет для СТО того райэкономсовета, где работает совхоз + кирпичные заводы и проч., о коих Вы мне рассказывали? Кто официально ведает этим совхозом? Кто в райэкономсовещании?

С ком. приветом Ленин.

P. S. Все эти вопросы носят частный характер. Поэтому прошу никому на мое письмо не ссылаться» [4, с. 87–88].

Последнее из известных писем Ленина к Бонч-Бруевичу датировано 18 января 1922 г. (оно было продиктовано по телефону): «Тов. Бонч-Бруевичу (копия тов. Каменеву). Очень рад, что Вы не ушли из совхоза, и надеюсь, что Вашу хозяйственную работу доведете до конца для целого района» [15, с. 125–126]. Вторая часть письма относится к издательским делам.

В.Д. Бонч-Бруевич оценил внимание Ленина к этому новому делу. Под его руководством совхоз успешно проработал более 9 лет. Остановимся на этой деятельности Бонч-Бруевича подробнее.

Осенью 1920 г., к концу первого года работы совхоза «Лесные поляны», в целях пропаганды эффективности коллективного и механизированного труда он уже смог бесплатно тремя тракторами вспахать крестьянам из окрестных деревень около 300 гектаров земли. Чтобы можно было доставлять необходимые совхозу грузы, в первые месяцы началось строительство дорог. Через реку Клязьму был построен мост с ледорезом, появилось асфальтированное шоссе длиной 6 километров. В лесу по просекам провели так называемые американские грунтовые дороги, используя дорожные машины, работавшие

по устройству пробных дорог в районе Пушкино [16, с. 16–17]. Большие работы вел совхоз по раскорчеванию пней, оставленных в годы войны на больших площадях вырубленных вдоль реки лесов. Это не только увеличивало площадь пашен, но и несколько лет (до 1926 г.) снабжало совхоз дровами. Число рабочих на корчевке пней в сезон составляло 200–300 человек. Кроме своих кирпичных заводов были созданы молочный и колбасный заводы. При содействии В.И. Ленина у латвийской фирмы за 2 тыс. рублей золотом был куплен лесопильный завод и перевезен из Москвы на центральную усадьбу. С его помощью совхоз смог хорошо обустроить скотные дворы для 400 голов, построить конюшни для 70 лошадей, свинарник для 500 свиноматок, оборудовать амбары и склады. Совхоз был оснащен электричеством по линии, проведенной своими силами от электростанции в Большево. Артезианская скважина обеспечивала хозяйство хорошей водой [Там же. С. 15].

Пашня за три первых года увеличилась в 16 раз и составила 138 гектаров [17, с. 83]. Наибольший участок полевой земли в совхозе отводился для посадки брюквы, турнепса и кормовой свеклы. Брюквы собирали в год до 100 тыс. пудов. Сочных кормов хватало для всего стада на целую зиму. Из зерновых сеяли овес и рожь. Картофель и капуста были свои, и их хватало для всех рабочих совхоза. Успеху огородничества помогало пчеловодство. Пчелища пчел вылетали из 120 ульев на поля, луга и огороды и делали свое полезное дело [Там же. С. 13 и 15]. Используя возможности своих заводов, построили в центральной усадьбе клуб и четыре больших дома для рабочих и служащих, амбулаторию, баню, школу на 70 учащихся, хлебопекарню и столовую. Опытный совхоз показывал неплохие результаты. Забота о труде и быте рабочих помогала успешнее вести работу по повышению производительности труда. «Начиная с 1924 года, — вспоминал Бонч-Бруевич, — каждое лето к нам поступало десятка два практикантов, которых мы вводили в курс сельскохозяйственной работы и обучали всей практике полеводства, животноводства, огородничества и пчеловодства [16, с. 19]. Сначала совхоз организовал продажу мяса и молочных продуктов на станции Тарасовка. На 1 сентября 1923 г. прибыль совхоза составила 3820 рублей золотом. С 1925 г. в Москве была создана целая

сеть лавок и ларьков на всех рынках, а центральный магазин размещался в Охотном ряду, все они являлись основной финансовой базой хозяйства [Там же. С. 42].

Публикуя материалы, подготовленные В.Д. Бонч-Бруевичем, сотрудники издательства «Московский рабочий» добавили в Приложении данные по этому совхозу за 1956 г., т. е. через 27 лет после его ухода на другую работу. На четырех фермах совхоза содержалось 550 голов крупного рогатого скота, животноводы от каждой из 225 дойных коров ярославской породы получали в среднем 5023 килограмма молока. На каждые 100 гектаров сельскохозяйственных угодий было произведено 983 центнера молока и 51 центнер мяса [Там же. С. 55]. Прошло еще 60 лет, а столица до сих пор получает из этого государственного хозяйства отличное мясо и молочные продукты. Многие совхозы, колхозы и фермеры страны пользуются семенами зерновых и овощных культур, выведенных в «Лесных полянах».

Позднее В.Д. Бонч-Бруевич занимался научно-организаторской и научной работой. В 1929–1930 г. дважды был командирован Наркомпросом в Германию и Чехословакию для научной работы в архивах с русскими рукописями и старыми русскими изданиями. В 1932 г. он был назначен членом Комиссии по выявлению находящихся за границей памятников литературы и искусства народов СССР. Работая в этой комиссии, Бонч-Бруевич много сделал для нахождения и приобретения редких книг, писем и важных исторических документов. В 1930-х гг. он провел серьезную подготовку по организации, а затем возглавил Государственный литературный музей, редактировал издававшиеся им «Летописи», сборник «Звенья», сам печатался в них. В 1941–1945 гг. В.Д. Бонч-Бруевич занимался литературной и лекционной работой в Казани и Москве. Сотрудничал в Совинформбюро. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1946 г. возглавил Музей истории религии в Москве, в 1947–1955 гг. — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР (Казанский собор) в Ленинграде. В это же время возглавлял Сектор истории религии и атеизма Института истории АН СССР. Объем научной и издательской работы Бонч-Бруевича огромен: 200 собственных печатных работ по истории

революционного движения в России, свыше 1000 статей в периодических изданиях, трехтомник избранных произведений; им издано около тысячи названий книг по различным отраслям знаний [18, с. 122]. Награжден орденом Ленина. Умер Владимир Дмитриевич в Москве в 1955 г., похоронен на Новодевичьем кладбище.

Мы попытались осветить один из переломных периодов жизни выдающегося человека, опираясь только на опубликованные данные и архивные документы. Личные воспоминания автора статьи об общении с В.Д. Бонч-Бруевичем с 1941 по 1955 г. включены в книгу «Встречи

и размышления» [19, с. 16–33]. Больше всего в этом удивительном человеке поражала его работоспособность. И второе, что хочется отметить и что очень важно для современной молодежи, которой в нашем меняющемся технико-информационном мире иногда в течение трудовой жизни приходится менять не только специализацию в рамках специальности, но и саму специальность: В.Д. Бонч-Бруевич почти век тому назад показал пример, как можно преодолевать такие «изломы жизни», не считая их трагическими, и находить выход из сложившейся ситуации, опираясь на силу человеческого духа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. В 30 т. Т. 3. Бонч-Бруевич В.Д. М.: Сов. энцикл., 1970.
2. Большая российская энциклопедия. Т. 4. Бонч-Бруевич В.Д. М.: БРЭ, 2006.
3. Техника большевистского подполья: сб. ст. и восп. Вып. 1. М.; Л.: Госиздат, 1924.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. В 55 т. Т. 53. М.: Изд-во полит. лит., 1970.
5. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 613. Оп. 1. Д. 1.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 102.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. В 55 т. Т. 52. М.: Изд-во полит. лит., 1970.
9. Правда. 1920. 8 дек.
10. Правда. 1920. 14 дек.
11. Известия. 1920. 14 дек.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 358.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 131 (печать: Секретный архив ЦК ВКП(б), инв. № 63).
14. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 3. М., 1961.
15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. В 55 т. Т. 54. М.: Изд-во полит. лит., 1970.
16. Бонч-Бруевич В.Д. Ленин и совхоз «Лесные поляны». М.: Моск. рабочий, 1957.
17. Ляцис М.И. Советские хозяйства. «Новая деревня». М.; Л.; Саратов; Воронеж; Берлин, 1924.
18. Голубева О.Д. В.Д. Бонч-Бруевич – издатель. М.: Книга, 1972.
19. Рогов И.М. Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич // Встречи и размышления. Мысли о культуре и патриотизме. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012.

РОГОВ Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: krogova@mail.spbstu.ru

I.M. Rogov

VLADIMIR DMITRIEVICH BONCH-BRUEVICH: STROKES TO BIOGRAPHY

Vladimir Dmitrievich Bonch-Bruevich (1873–1955) was a revolutionary, a Soviet statesman, a historian and a publisher. The article deals with a little known period in his life. On the basis of the archive information, rare publications and letters from V.I. Lenin his activity as an efficient organizer of a state farm “Lesnye Polyany” situated near Moscow (1920–1929) are analyzed. In spite of the above he never stopped his research as a historian.

STATESMAN; AGRICULTURAL MANAGER; SCIENTIST; HISTORIAN; OCCUPATION SWITCH.

REFERENCES

1. Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. In 30 vol. Of vol. 3. Bonch-Bruevich V.D. Moscow, 1970. (In Russ.)
2. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. Of vol. 4. Bonch-Bruevich V.D. Moscow, 2006. (In Russ.)
3. *Tekhnika bol'shevistskogo podpol'ya* [Technique Bolshevik underground]. Pt. 1. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1924. (In Russ.)
4. Lenin V.I. [Complete works]. In 55 vol. Of vol. 53. Moscow, 1970. (In Russ.)
5. Desyatyy syezd RKP(b). Mart 1921 g. Stenograficheskii otchet. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. (In Russ.)
6. [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 613. Op. 1. D. 1.
7. [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 17. Op. 112. D. 102.
8. Lenin V.I. [Complete works]. In 55 vol. Of vol. 52. Moscow, 1970. (In Russ.)
9. Pravda [Truth]. 1920. Dec. 8. (In Russ.)
10. Pravda [Truth]. 1920. Dec. 14. (In Russ.)
11. Izvestiya [News]. 1920. Dec. 14. (In Russ.)
12. [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 19. Op. 1. D. 358.
13. [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 17. Op. 112. D. 131 (Pechat': Sekretnyy Arkhiv TsK VKP(b), no. 63).
14. Bonch-Bruevich V.D. [Selected writings]. In 3 vol. Of vol. 3. Moscow, 1961. (In Russ.)
15. Lenin V.I. [Complete works]. In 55 vol. Of vol. 54. Moscow, 1970. (In Russ.)
16. Bonch-Bruevich V.D. Lenin i sovkhov “Lesnye polyany” [Lenin state farm “Forest Glade”]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1957. (In Russ.)
17. Latsis M.I. Sovetskiye khozyaystva. “Novaya derevnya”. Moscow, Leningrad, Saratov, Voronezh, Berlin, 1924. (In Russ.)
18. Golubeva O.D. V.D. Bonch-Bruevich – izdatel'. Moscow, Kniga Publ., 1972. (In Russ.)
19. Rogov I.M. Bonch-Bruevich Vladimir Dmitriyevich. *Vstrechi i razmyshleniya. Mysli o kul'ture i patriotizme* [Date and reflections. Thoughts on culture and patriotism]. St. Petersburg, Polytechnical Univ. Publishing House, 2012. (In Russ.)

ROGOV Igor M. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: krogova@mail.spbstu.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.14
УДК 629.12

А.В. Гринёв

ПАРОХОДЫ И ПАРОХОДОСТРОЕНИЕ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

В статье проанализированы становление пароходостроения и особенности эксплуатации паровых судов в бывших российских колониях на Аляске в 1838–1867 гг. Развитие этой транспортной составляющей экономики Русской Америки протекало при активном взаимодействии с представителями США и их технической поддержке. Хотя в составе флота Российско-Американской компании, управлявшей Аляской в те годы, пароходов всегда было меньше, чем парусных судов, их численность постепенно росла. К концу существования Русской Америки пароходы составляли более трети всех судов компании, что способствовало техническому, транспортному и экономическому развитию самых отдаленных уголков Российской империи

ТРАНСПОРТ; ПАРОХОДЫ; ПАРОХОДОСТРОЕНИЕ; РОССИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ АЛЯСКИ; РУССКАЯ АМЕРИКА; ТИХООКЕАНСКИЙ СЕВЕР.

Как известно, первые пароходы появились в наиболее технически развитых странах – Великобритании и США – еще в конце XVIII – начале XIX в. Россия с небольшим опозданием (с 1815 г.) также подключилась к строительству паровых судов. В данной статье речь пойдет о малоизвестном аспекте истории пароходства в России – строительстве и использовании пароходов в бывших владениях России на Аляске.

После окончательного открытия Аляски в 1741 г. экспедицией В.И. Беринга – А.И. Чирикова русские промышленники и купцы приступили к освоению этого богатого пушниной края. Первое время их промысловые экспедиции уходили на восток с Камчатки, а позже также из Охотска вдоль цепи Алеутских островов, пока во второй половине XVIII в. не достигли американского побережья. В 1784 г. известный купец Г.И. Шелихов основал первое постоянное русское поселение на крупном острове Кадьяк у берегов Южной Аляски, а вскоре в этом районе стали возникать другие укрепленные фактории и поселки. Так была заложена база «Русской Америки». В 1799 г. все российские колонии были подчинены находящейся под покровительством государства монопольной Российско-Американской компании (РАК). В начале XIX в. ее владения охватывали Алеутские и Командорские острова, большую часть Курильских островов, а также побережье Юж-

ной и Юго-Восточной Аляски, где в 1804 г. на острове Ситха (Баранова), в самом сердце архипелага Александра, был заложен Новоархангельск – будущая столица Русской Америки (с 1808 г.). Это поселение часто также называли «Ситха» или «Ситка», используя топоним местных индейцев тлинкитов.

Первоначально связь с отдаленными колониями в Америке (и между ними) поддерживалась исключительно с помощью парусных судов различных типов [См.: 4]. Руководство РАК в Петербурге, отмечая успехи паровых судов, стало задумываться и над развитием пароходства в российских владениях в Новом Свете. Директора компании в депеше от 24 марта 1826 г. писали главному правителю Русской Америки М.И. Муравьеву о бурном развитии пароходостроения и надеялись, что появление даже одного парохода на Аляске «значительным образом может благоприятствовать нашему колониальному судоходству». Однако попытка заказать такой пароход для колоний окончилась неудачей из-за крайней дороговизны паровой машины (80 тыс. рублей серебром) [23, roll. 5, pp. 105–105 об.].

К идее завести в колониях пароход руководство РАК вернулось через 10 лет, но на этот раз инициатива принадлежала колониальной администрации. Капитан 1-го ранга И.А. Купреянов, главный правитель Русской Амери-

ки в то время, в депеше из Новоархангельска в Петербург в 1836 г. настаивал на постройке парохода, поскольку у конкурентов-англичан из Компании Гудзонова залива (КГЗ) в соседней Канаде уже появился небольшой пароход «Бивер» (Beaver) (водоизмещение 109 т, мощность машины 35 л. с.). Он опасался, что британцы, получив преимущество в скорости перемещения, могут полностью перехватить всю пушную торговлю с индейцами тлинкитами в проливах архипелага Александра [23, roll. 38, pp. 171–171 об.].

Главное правление (ГП) РАК в Петербурге серьезно отнеслось к посланию И.А. Купреянова и после дополнительной переписки с ним заказало в 1838 г. в США машину для будущего парохода, одновременно заключив контракт с американским инженером-машинистом Э. Муром, который должен был установить ее в деревянном корпусе, выстроенном на верфи Новоархангельска. Сам пароход был заложен здесь 5 июня 1838 г. и наречен в честь императора «Николай I». Он был спроектирован длиной по палубе около 132 футов (почти 40 м), а по килю – 120 футов (36 м) и шириной 40 футов (12 м), с глубиной трюма в 9 футов (2,7 м); мощность паровой машины 60 л. с. [19, с. 361, 371, 384]. Можно предположить, что водоизмещение судна было около 150–200 т, однако, по сведениям правительственного ревизора капитан-лейтенанта П.Н. Головина, построенный позднее по его образцу пароход с таким же названием и такой же паровой машиной имел тоннаж всего 65 т [1, с. 346], что вряд ли соответствовало истине, учитывая размеры парохода «Николай I». Следует заметить, что аналогичная проблема существует и в отношении других пароходов РАК: тоннаж и некоторые другие их характеристики в документах либо не указаны вовсе, либо в разных источниках имеются существенные расхождения в цифрах (см. таблицу). Например, по сведениям П.Н. Головина, водоизмещение парохода РАК «Великий князь Константин» составляло 368 т [Там же. Табл. IX], а по данным историка РАК капитана 1-го ранга П.А. Тихменева – 300 т [21, с. 222].

Еще до закладки первого парохода в Новоархангельск из США была доставлена предназначенная для него машина и прибыл американский инженер-машинист. И.А. Купреянов в донесении директорам РАК от 2 мая 1838 г.

писал: «29 апреля прибыл в Новоархангельск из Бостона с заходом на Сандвичевы [Гавайские] острова шлюп „Suffolk”, капитан Allen, бывавший здесь уже несколько раз. Он привез фрахтованный компанией груз и машину для парохода с машинистом, о коих упоминается в депешах ко мне из Главного правления от 5 марта и апреля прошедшего года за № 370 и 605. <...> Конструкция пароходного судна: (по модели) и отзыву машиниста видно, что оно совсем не морское, а озерное и проч. В заливе и проливах обещает добрую службу, но проход прямо до Кадьяка предпринять совершенно невозможно» [19, с. 360–361].

Строительство парохода было нелегким делом. В донесении И.А. Купреянова в ГП РАК от 30 апреля 1839 г. говорилось: «Постройка такого судна, как пароход „Николай”, почти не по силам Новоархангельскому порту, это доказывают время и число рабочих, на него употребленных, и продолжающиеся необходимые работы и поныне, лишних же затей тут никаких нет» [Там же. С. 384]. По мнению главного правителя, строительство парохода по трудности сопоставимо с постройкой трех парусных судов аналогичного водоизмещения. Тем не менее «Николай I» стал первым пароходом, спущенным на воду на западном побережье Америки.

Несмотря на то что пароход был речного типа и явно не предназначался для плавания в открытом море, о чем прекрасно знал и писал ранее директорам РАК И.А. Купреянов, он всё же решил рискнуть и летом 1839 г. отправился на нем из Новоархангельска на Кадьяк. Однако главный правитель не смог одолеть на новостроенном пароходе и половины намеченного маршрута, добравшись лишь до залива Якутат на материковом побережье, откуда вынужден был возвратиться в столицу российских колоний. Опыт этого плавания показал, что пароход «Николай I» совершенно не годится для океанских походов [23, roll. 42, pp. 438 об., 445, 446]. В дальнейшем он использовался исключительно для буксировки парусных судов во внутреннюю гавань Новоархангельска, а также бревен с лесозаготовок вблизи столицы колоний, изредка ходил с торговыми целями по внутренним проливам архипелага Александра, острова которого населяли воинственные индейцы тлинкиты. Соответственно пароход «Николай I» имел достаточно внушительное вооружение. Об этом

можно судить по выстроенному впоследствии по его образцу одноименному пароходу, который имел 5 пушек калибром 5 фунтов и 4 карронады калибром 12 фунтов, а также станок для пуска зажигательных ракет, абордажные сети и целый набор огнестрельного и холодного оружия [1, табл. IX].

В целом колониальное начальство осталось довольно новым приобретением колониальной флотилии. Пароход мог ходить в проливах архипелага Александра невзирая на ветер и течения, которые очень влияли на ход парусных судов. В 1840-х гг. он часто использовался для меновой торговли с тлинкитами. Так, в 1840–1841 гг. по приказу А.К. Этолина, нового главного правителя Русской Америки, пароход «Николай I» совершил пять рейсов по проливам к тлинкитским селениям для приобретения у индейцев пушнины [23, roll. 45, p. 267 об.]. Подобная практика продолжалась и позднее. Помимо ценных мехов приказчики РАК привозили на пароходе в Новоархангельск десятки, а порой и сотни бочонков картофеля и репы, купленных у тлинкитов, которые научились у русских выращивать эти овощи [3, с. 156, 188]. При этом сам пароход первое время внушал индейцам суеверный страх: они не могли понять, как он может двигаться против ветра и течения. Кроме того, уважение вызывали расположенные на его борту пушки. Не случайно сменивший А.К. Этолина капитан 2-го ранга М.Д. Тебеньков сообщал в Петербург, что наличие у русских парохода заметно снизило воинственность беспокойных соседей Новоархангельска [Там же. С. 157].

Практическая польза парохода «Николай I» подтолкнула колониальное начальство к продолжению пароходостроения. С помощью опытного и усердного инженера Э. Мура в 1840 г. на Новоархангельской верфи был заложен маленький буксирный пароход «Мур», названный так в честь его строителя. На нем была установлена машина мощностью всего 8 л. с., целиком изготовленная в мастерских Новоархангельска под руководством американского инженера. По этому поводу ГП РАК в Петербурге с гордостью сообщало в своем официальном отчете: «Все принадлежности парохода, как корпус, так и машина, до последнего винта сделаны в Ситхе. Это может служить лучшим доказательством совершенства мастерских в колониях» [5, с. 46]. Действительно, «Мур» стал

первым пароходом, полностью построенным в Русской Америке, хотя, как и его предшественник, в реальности это был результат русско-американского сотрудничества. В основном «Мур» служил для сообщения с расположенным южнее Новоархангельска на том же острове Ситха Озерским редутом [6, с. 24], где служащие РАК делали большие запасы рыбы в летний промысловый сезон для снабжения ею столицы колоний. Пароход «Мур» прослужил около 7 лет при Новоархангельском порте и в 1847 г. был выгодно продан в Калифорнии за пшеницу. Здесь он получил новое название – «Ситка» и стал первым пароходом, ходившим по рекам Калифорнии [22, с. 42]. Русский пароход так понравился новым владельцам, что они заказали построить для них еще один такой же, но с машиной мощностью 12 л. с. [7, с. 28].

Поэтому в Новоархангельске на местной верфи вскоре заложили аналогичный «Муру» маленький пароход длиной 52 и шириной 11 футов (соответственно 15,6 и 3,3 м), который получил имя «Баранов» в честь первого главного правителя Русской Америки. Пароход имел машину мощностью в 12 л. с. Он был спущен на воду в июле 1848 г. [23, roll. 19, p. 26; 7, с. 28, 33]. Однако пароход не был продан в Калифорнию, где в это время началась знаменитая «золотая лихорадка» и всё внимание переключилось на поиски драгоценного металла. «Баранов» остался в колониях и, как и его предшественник «Мур», в основном ходил по различным поручениям в окрестностях столицы Русской Америки, прежде всего в Озерский редут, а также буксировал парусники во внутреннюю гавань Новоархангельска [8, с. 26].

Помимо строительства пароходов верфь Новоархангельска оказывала и ремонтные услуги. Так, в 1850 г. по просьбе руководства КГЗ здесь был произведен капитальный ремонт английского парохода «Бивер». В официальном отчете ГП РАК об этом событии сообщалось: «Таковое исправление иностранного судна в нашем порту, равняющееся почти постройке онаго вновь, может свидетельствовать о хорошем состоянии колониального Адмиралтейства» [9, с. 21].

Кроме того, в 1852 г. здесь была закончена постройка нового корпуса для парохода «Николай I» вместо прежнего, к тому времени уже обветшавшего. В 1853 г. он был спущен на воду

и оснащен машиной, снятой со старого парохода [23, roll. 50, p. 302 об; 10, с. 21; 11, с. 23]. До начала 1860-х гг. этот пароход вместе с «Барановым» оставался в порту Новоархангельска, лишь изредка выходя для плаваний в окрестных водах (обычно не далее Озерского редута). Одной из его важнейших функций стала охрана порта, а не торговые походы к тлинкитским селениям в проливы архипелага Александра, поскольку главные правители опасались нападения этих индейцев после нескольких вооруженных столкновений с ними в 1850-х гг. Тогдашний главный правитель Н.Я. Розенберг в депеше в ГП РАК от 24 мая 1851 г. за № 528 писал, что «при малолюдстве, особливо же в летнее время, Новоархангельского порта пребывающие здесь в большом числе колоши в своих на порт дерзких покушениях главнейшим препятствием к исполнению оных считают пароход» [23, roll. 57, p. 335 об.]. Колониальная администрация не хотела рисковать пароходом и в ходе Крымской кампании (1853–1856). Хотя сами российские колонии в Америке не пострадали благодаря сепаратному пакту о взаимном нейтралитете владений РАК и КГЗ, утвержденному российским и британским правительствами, летом 1855 г. союзники, высадившие десант в Аянском порту на побережье Охотского моря, взорвали железный корпус небольшого парохода, строившегося здесь для РАК [12, с. 60].

Еще до начала Крымской войны в 1853 г. руководство РАК, идя в ногу с техническим прогрессом, заказало в Ньюкасле (Великобритания) железный винтовой пароход для службы в колониях, который был наименован «Великий князь Константин» в честь брата будущего императора Александра II. Однако из-за войны он смог прибыть в Санкт-Петербург только после заключения мира весной 1856 г. Отсюда пароход отправился с грузом для колоний, прибыв в Новоархангельск 20 февраля 1857 г. [13, с. 22–23]. В Русской Америке пароход стал совершать транспортные рейсы по отделам колоний, но из-за того, что подводная часть судна долгое время не была как следует покрашена, большая часть заклепок проржавела, и в 1859 г. во время очередного плавания пароход дал течь и едва не затонул. Его спасли глухие железные переборки в трюме, и в конце концов пароходу удалось благополучно добраться до Новоархан-

гельска, где он был уже основательно отремонтирован [1, с. 347; 14, с. 28].

Директора РАК в 1854 г. заказали в США еще один винтовой пароход [20, с. 109]. Он был построен на верфи в Нью-Йорке и получил название «Астория» (Astoria). В 1855–1856 гг. в ходе Крымской войны пароход осуществлял рейсы на Тихоокеанском Севере под американским флагом и с командой из граждан США, снабжая Русскую Америку продовольствием и товарами. Это делалось потому, что, согласно пакту о нейтралитете, заключенному между РАК и КГЗ, британский военный флот мог захватывать суда русской компании в открытом море (что произошло с клипером РАК «Ситха» в августе 1854 г.), но не трогал их в колониальных портах. Естественно, что сразу же после окончания войны этот «псевдоамериканский» пароход сменил флаг, команду и был переименован – он получил имя «Император Александр II» в честь молодого царя [14, с. 82–83]. Как и его «собрат» «Великий князь Константин», этот пароход имел помимо машины также парусное вооружение, что было характерно для судов периода перехода от парусного к паровому флоту. Впрочем, парусность судна «Император Александр II» была мала, а машина, по отзыву П.Н. Головина, «дурной системы» [1, табл. IX]. По свидетельству кадета С.О. Макарова (будущего адмирала), совершившего плавание на этом пароходе в 1864 г. из Русской Америки на Дальний Восток, его машина имела недостаточную мощность (70 л. с.) для судна такого водоизмещения (500 т), а потому он с большим трудом преодолевал океанскую зыбь [2, с. 5].

Помимо этих пароходов колониальная флотилия РАК пополнилась еще одним пароходом: длиной 67 футов (20 м), шириной 11 футов (3,3 м), с машиной мощностью 30 л. с. Он был построен в 1859–1860 гг. на Новоархангельской верфи для замены обветшавшего парохода «Баранов». Новый пароход получил такое же название, правда, машина для него была сделана в США, а водоизмещение, согласно данным П.Н. Головина, составляло 60 т [1, с. 346; 14, с. 27; 21, с. 346].

В конце 1850-х гг. возобновились плавания парохода «Николай I» по проливам архипелага Александра для скупки у индейцев тлинкитов пушнины и картофеля, как это практиковалось в 1840-х – начале 1850-х гг. Так, в октябре 1859 г.

по распоряжению главного правителя пароход ходил из Новоархангельска в ближние проливы «для расторжки с колошами» и благополучно возвратился 22 октября [23, roll. 63, p. 69]. На следующий год, 8 ноября 1861 г., в ночную ненастную погоду пароход потерпел крушение, натолкнувшись на подводные камни у острова Адмиралти неподалеку от индейского селения Нальтушкан. «При первом ударе о камни, — писал историк РАК П.А. Тихменев, опираясь на официальный отчет РАК, — упала на нем дымовая труба, лопнули проводники к холодильнику и вода стала быстро вливаться в пароход, остановив действие машины. Через несколько часов командир его со всей командой принужден был съехать на берег, взяв с собой провизию, оружие, порох и всё, что только возможно было поместить на гребные суда [шлюпки]. На следующий день с помощью колошей [тлинкитов], жителей селения Нальтушкан, пароход был подтянут, насколько возможно, ближе к берегу, после чего сумели спасти с него еще некоторые вещи. По прибытии из Новоархангельска другого парохода [«Александр II»] со шкуной [«Тунгус»] и гребными судами на буксире для спасения машины погибшего парохода последний оказался лежащим на боку на лайде [отмели], в воде. Корпус его был совершенно разбит, но все принадлежности к машине остались целыми и были погружены на пришедшие суда» [21, с. 227]. Машину затем использовали для постройки нового парохода. Это была единственная потеря парового судна из состава колониальной флотилии, хотя и довольно болезненная для финансов РАК, так как к моменту крушения стоимость парохода «Николай I» по балансу компании составляла 18 500 рублей серебром [16, с. 31].

В это время другие пароходы компании — «Великий князь Константин» и «Император Александр II» — активно использовались в колониальных водах, а иногда ходили в дальневосточные порты России и в Сан-Франциско в Калифорнии, доставляя туда аляскинские меха, почту, товары и пассажиров. Например, в 1860 г. пароход «Император Александр II» совершил длительный рейс под командованием лейтенанта Ф.К. Вермана на острова Кадьяк, Уналашка, Св. Павла и в Михайловский редут в заливе Нортон для снабжения русских поселений и факторий. «Исполнив это поручение, — сооб-

щалось в отчете ГП РАК, — пароход отправился в северную часть Берингова моря к островам Нунивак, Экивок, Азияк и в Мечигменскую губу [на Чукотке] для расторжки с дикарями [берингоморскими эскимосами и чукчами] и для собрания сведений о торговых связях между ними; причем два раза заходил в Кенайский [Кука] залив за углем. 13 октября пароход возвратился в Новоархангельск, доставив из отделов пушные промысла» [15, с. 51–52]. В этом же году главный правитель Русской Америки капитан 1-го ранга И.В. Фуругельм лично ходил на пароход «Великий князь Константин» в Кадьякский отдел с инспекционной миссией. В мае 1863 г. на том же пароход он отправился к устью реки Стахин (Стикин) для ознакомления с ситуацией в этом районе после наплыва сюда в прошлом году британских старателей, которые направлялись на золотые прииски в верховья реки уже на канадской территории [20, с. 374]. Кроме того, пароход периодически использовался также для скупки пушнины и овощей у тлинкитов в проливах архипелага Александра.

В 1865 г. в Новоархангельске спустили на воду последний в истории Русской Америки небольшой колесный пароход «Политковский», который строился здесь с 1862 г. (после потери парохода «Николай I»). Он был назван в честь председателя ГП РАК генерал-лейтенанта В.Г. Политковского [23, roll. 65, p. 5; 17, с. 41; 18, с. 33]. Машина для «Политковского» была взята с разбившегося парохода «Николай I». Но прослужил этот пароход компании не более двух лет и был продан, как и большинство судов РАК, американцам после уступки в 1867 г. Россией своих заокеанских владений США. Под флагом новых хозяев он ходил в тихоокеанских водах еще около трех десятков лет — до 1896 г. [22, с. 43].

Подводя итог, следует сказать, что пароходы РАК сыграли пусть и небольшую, но всё же заметную роль в истории Аляски и Тихоокеанского Севера. Благодаря пароходостроению Новоархангельск на короткий период (в 1840-х гг.) стал самым передовым в техническом отношении портом на всем западном побережье Америки. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что это стало возможно только при коммерческом и техническом содействии представителей США. И хотя в составе флота РАК парохо-

дов всегда было меньше, чем парусных судов, их численность постепенно росла. К концу существования Русской Америки пароходы составляли более трети всех судов компании (в 1867 г. из 11 кораблей РАК 4 были пароходами). В целом наличие пароходов, пароходо-

строение в российских колониях в Новом Свете были для своего времени, безусловно, весьма прогрессивным явлением. Это способствовало техническому, транспортному и экономическому развитию самых отдаленных уголков Российской империи.

Сведения о пароходах РАК в Русской Америке

Название судна	Тоннаж, т	Мощность машины, л. с.	Количество пушек	Где построено или куплено	Годы службы	Финал
«Николай I»	65–200 (?)	60	9	Новоархангельск	1839–1851	Разобран из-за ветхости
«Мур»	60 (?)	8	–	»	1840–1847	Продан в Калифорнии
«Баранов»	60 (?)	12	–	»	1848–1858	Разобран из-за ветхости
«Николай I»	65–200 (?)	60	9 (и ракеты)	»	1852–1861	Потерпел крушение
«Великий князь Константин»	368	70–75	7	США	1856–1867	Продан американцам
«Император Александр II»	500	70	6	»	1856–1867	» »
«Баранов»	60–100 (?)	30	–	Новоархангельск	1860–1867	» »
«Политковский»	200 (?)	60	(?)	»	1865–1867	» »

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке капитана 2-го ранга Головина // Прил. к докл. Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб.: Тип. Деп. внешней торговли, 1863. С. 268–462.
2. Гринёв А.В. Дневник С.О. Макарова о его пребывании в Русской Америке // Клио. 2012. № 2. С. 3–8.
3. Гринёв А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 318 с.
4. Гринёв А.В. Классификация кораблей Российско-Американской компании (1799–1867 гг.) // Вопросы истории. 2015. № 4. С. 108–121.
5. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за два года, по 1 января 1842 г. СПб.: Тип. Фишера, 1842. 65 с.
6. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1844 г. СПб.: Тип. Фишера, 1844. 36 с.
7. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1848 г. СПб.: Тип. Фишера, 1848. 47 с.
8. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за 1848 г. СПб.: Тип. Фишера, 1849. 40 с.
9. Отчет Главного правления Российско-Американской компании за 1850 г. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженерной части, 1851. 35 с.
10. Отчет Российско-Американской компании за 1852 г. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженерной части, 1853. 25 с.
11. Отчет Российско-Американской компании за 1853 г. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженерной части, 1854. 33 с.
12. Отчет Российско-Американской компании за 1854 и 1855 гг. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженерной части, 1856. 62 с.
13. Отчет Российско-Американской компании за 1856 г. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженерной части, 1857. 40 с.
14. Отчет Российско-Американской компании за 1859 г. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженерной части, 1860. 120 с.
15. Отчет Российско-Американской компании за 1860 г. СПб.: Тип. Штаба инспектора по инженерной части, 1861. 107 с.
16. Отчет Российско-Американской компании за 1861 г. СПб.: Тип. Р. Голике, 1862. 46 с.
17. Отчет Российско-Американской компании за 1862 г. СПб.: Тип. Э. Треймана, 1865. 64 с.

18. **Отчет** Российско-Американской компании за 1863 г. СПб.: Тип. Э. Треймана, 1865. 46 с.

19. **Российско-Американская** компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005, 459 с.

20. **Российско-Американская** компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1841–1867: сб. док. / сост. Т.С. Фёдорова, А.Ю. Петров, А.В. Гринёв; отв. ред. А.Ю. Петров. М.: Наука, 2010. 483 с.

21. **Тихменев П.А.** Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ея до настоящего времени. СПб.: Тип. Э. Мейера, 1863. Ч. II. 671 с. (с прил.).

22. **Anishchenko E.V.** The Fleet of the Russian-American Company // *Alaska Journal of Anthropology*. 2013. Vol. 11, no. 1–2. P. 37–50.

23. **National Archives and Record Service (NARS)**. RG 261. RRAC.

ГРИНЁВ Андрей Вальтерович – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: agrinev1960@mail.ru

A. V. Grinev

STEAMSHIPS AND STEAMSHIP CONSTRUCTION IN RUSSIAN AMERICA

This article is dedicated to an analysis of the formation of steamship construction and the operation of steamships in the former Russian colonies in Alaska in 1838–1867. Development of this transportation component of the economy of Russian America proceeded with the active cooperation of representatives of the United States and their technical support. Though in the composition of the fleet of the Russian-American Company, which managed Alaska in those years, steamships were always in the minority in comparison with sailing ships, their number gradually increased. At the end of existence of Russian America they amounted to more than a third of all ships of the company and about half of all the colonial flotilla, contributing to the technical, transportation, and economic development of the most distant corners of the Russian Empire

TRANSPORT; STEAMSHIPS; STEAMSHIPS CONSTRUCTION; RUSSIAN COLONIZATION OF ALASKA; RUSSIAN AMERICA; NORTH PACIFIC.

REFERENCES

1. Golovin P.N. [The Survey of the Russian Colonies in North America of Captain of 2nd Rank Golovin]. *Prilozheniya k dokladu Komiteta ob ustroystve russkikh amerikanskikh koloniy* [Appendices to the Report of the Committee on the Organization of the Russian American Colonies]. St. Petersburg, Typ. Departamenta vneshney torgovli Publ., 1863. Pp. 268–462. (In Russ.)

2. Grinev A.V. [The Diary of S.O. Makarov on His Visit in Russian America]. *Klio*, 2012, no. 2, pp. 3–8. (In Russ.)

3. Grinev A.V. *Indeitsy tlinkity v period Russkoi Ameriki (1741–1867 gg.)* [The Tlingit Indians in Russian America, 1741–1867]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 318 p. (In Russ.)

4. Grinev A.V. [The Classification of Vessels of the Russian-American Company (1799–1867)]. *Voprosy istorii [Questions of History]*, 2015, no. 4, pp. 108–121. (In Russ.)
5. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii Glavnogo pravleniya za dva goda, po 1 yanvaryu 1842 goda* [Report of the Russian-American Company Board of Directors for Two Years, on 1 January 1842]. St. Petersburg, Typ. Fischera, 1842. 65 p. (In Russ.)
6. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii Glavnogo pravleniya za odin god, po 1 yanvaryu 1844 goda* [Report of the Russian-American Company Board of Directors for One Years, on 1 January 1844]. St. Petersburg, Typ. Fischera, 1844. 36 p. (In Russ.)
7. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii Glavnogo pravleniya za odin god, po 1 yanvaryu 1848 goda* [Report of the Russian-American Company Board of Directors for One Years, on 1 January 1848]. St. Petersburg, Typ. Fischera, 1848. 47 p. (In Russ.)
8. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii Glavnogo pravleniya za 1848 god* [Report of the Russian-American Company Board of Directors for 1848]. St. Petersburg, Typ. Fischera, 1849. 40 p. (In Russ.)
9. *Otchet Glavnogo pravleniya Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1850 god* [Report of the Board of Directors of the Russian-American Company for 1851]. St. Petersburg, Typ. Shtaba inspektora po inzhenernoy chasti, 1851. 35 p. (In Russ.)
10. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1852 god* [Report of the Russian-American Company for 1852]. St. Petersburg, Typ. Shtaba inspektora po inzhenernoy chasti, 1853. 25 p. (In Russ.)
11. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1853 god* [Report of the Russian-American Company for 1853]. St. Petersburg, Typ. Shtaba inspektora po inzhenernoy chasti, 1854. 33 p. (In Russ.)
12. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1854 i 1855 gody* [Report of the Russian-American Company for 1854 and 1855]. St. Petersburg, Typ. Shtaba inspektora po inzhenernoy chasti, 1856. 62 p. (In Russ.)
13. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1856 god* [Report of the Russian-American Company for 1856]. St. Petersburg, Typ. Shtaba inspektora po inzhenernoy chasti, 1857. 40 p. (In Russ.)
14. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1859 god* [Report of the Russian-American Company for 1859]. St. Petersburg, Typ. Shtaba inspektora po inzhenernoy chasti, 1860. 120 p. (In Russ.)
15. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1860 god* [Report of the Russian-American Company for 1860]. St. Petersburg, Typ. Shtaba inspektora po inzhenernoy chasti, 1861. 107 p. (In Russ.)
16. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1861 god* [Report of the Russian-American Company for 1861]. St. Petersburg, Typ. R. Goloke, 1862. 46 p. (In Russ.)
17. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1862 god* [Report of the Russian-American Company for 1862]. St. Petersburg, Typ. E. Treimana, 1865. 64 p. (In Russ.)
18. *Otchet Rossiysko-Amerikanskoy kompanii za 1863 god* [Report of the Russian-American Company for 1863]. St. Petersburg, Typ. E. Treimana, 1865. 46 p. (In Russ.)
19. *Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1815–1841* [The Russian-American Company and Study of the North Pacific, 1815–1841]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 459 p. (In Russ.)
20. *Rossiysko-Amerikanskaya kompaniya i izuchenie Tikhookeanskogo Severa, 1841–1867* [The Russian-American Company and the Study of the North Pacific, 1841–1867: A Collections of Documents]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 483 p. (In Russ.)
21. Tikhmenev P.A. *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiysko-Amerikanskoy kompanii i deistviy eya do nastoyashchego vremeni* [A Historical Survey of the Formation of the Russian-American Company and Its Activities up to the Present Time]. St. Petersburg, Typ. E. Treimana, 1863. Pt. II. 671 p. (In Russ.)
22. Anishchenko E.V. The Fleet of the Russian-American Company. *Alaska Journal of Anthropology*, 2013, vol. 11, no. 1–2, pp. 37–50.
23. National Archives and Record Service (NARS). RG 261. RRAC.

GRINEV Andrey V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: agrinev1960@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.15
УДК 94(410)+329.11(410)

Ю.И. Кузнецова

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА РАНнюю ИСТОРИЮ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассмотрена историография, посвященная раннему этапу существования консервативной партии Великобритании и политическим лидерам, возглавлявшим ее в первой половине XIX века. Автором собраны и проанализированы ключевые концепции, касающиеся времени основания и начальной истории партии. Приведены аргументы и доказательства политического первенства У. Питта-мл., лорда Ливерпуля, Дж. Каннинга, герцога Веллингтона, Р. Пиля и Б. Дизраэли. Прослеживается идейное и структурное развитие партии, показан взгляд современных консерваторов на историю своей партии. Уделено внимание методам, которые применялись историками во второй половине XX века и применяются сейчас при изучении партийной истории. Автор приходит к выводу, что при изучении конкретных периодов на результат исследования по-прежнему оказывают сильное влияние личность лидера и исторический контекст, но исследование эволюции консервативных идей единственно возможно при последовательном изучении деятельности консервативных лидеров и их политических аргументов.

ТОРИ; КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРТИЯ; РОБЕРТ ПИЛЬ; ДЖОРДЖ КАННИНГ; ЛОРД ЛИВЕРПУЛЬ; БЕНДЖАМИН ДИЗРАЭЛИ; ГЕРЦОГ ВЕЛЛИНГТОН.

С 2010 года премьер-министром Великобритании является представитель консервативной партии Дэвид Кэмерон. В периоды смены лидирующей партии в парламенте изучение истории консервативной партии традиционно получает новый виток в своем развитии. Наиболее спорным в историографии является вопрос о времени создания современной консервативной партии. Однако эта тема была более подробно рассмотрена нами в других работах [См., например: 16]. Следует отметить, что при каждом консервативном лидере во главе правительства или в оппозиции взгляд на раннюю историю консервативной партии претерпевал изменения. Рассмотрим, какое место занимает политическое наследие Роберта Пиля на современном этапе, а также проследим, каким образом менялись взгляды на раннюю историю консервативной партии со времен Маргарет Тэтчер и Джона Мэйджора. Для этого нами будут использованы труды, прослеживающие историю партии со времен ее основания, а также предвыборный буклет 2015 года [15]. Не менее важно обратить внимание на методологию изучения политического лидерства, которая в

последние десятилетия претерпела значительные изменения. Попробуем описать и проанализировать взгляды историков и политических аналитиков на вопрос об основании консервативной партии.

В отечественной историографии уже предпринимались попытки выявить закономерности и тенденции во взгляде историков на политическую и партийную историю середины XIX века. В первую очередь следует отметить монографию К.Б. Виноградова «Очерки английской историографии Нового и Новейшего времени» [17], однако в ней больше внимания уделено вопросам истории внешней политики Великобритании и развитию английской историографии, нежели процессам формирования партий. В сборнике «Историческая наука в XX веке. Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки» [18] один из параграфов посвящен изучению «политической истории», и в нем выделены два основных подхода: «чистые» политические истории и «объемные» истории, которые стремились продемонстрировать все стороны исторического процесса. Сторонники «новой» поли-

тической истории Джеффри Рудольфа Элтона в 1960-х годах отстаивали тезис и о том, что «ведущее положение в историческом знании и историческом сообществе должна занимать именно эта дисциплина (политика)» [18, с. 283]. В противопоставление такому подходу либеральных историков В.В. Согрин пишет об индивидуализирующем подходе историков консервативного круга [Там же. С. 298]. Действительно, еще с середины XIX века прослеживается тенденция к изучению истории через последовательное изучение деятельности лидеров политических сил. Именно этим обусловлено обилие работ, представляющих историю Великобритании большими временными отрезками – от одного премьер-министра до другого.

Вопрос об истоках современной консервативной партии в первую очередь лежит в области политической мысли, которая создала основу для партии как структуры. Поэтому в отдельную группу можно выделить работы, посвященные истории общественно-политической мысли и созданию «партийной идеологии», которой уделяли особое внимание в конце XX века. В книге «Британский консерватизм. Консервативная мысль от Бёрка до Тэтчер» [2] собраны фрагменты речей и политических выступлений основоположников консервативной мысли от отца-основателя Эдмунда Бёрка до Маргарет Тэтчер. Интересно расположение материала по главам: «романтический консерватизм» (1790–1830), «консерватизм Пиля» (1810–1846), «консерватизм Дизраэли» (1839–1880). Таким образом, периоды развития консервативной мысли не сменяют друг друга, а сосуществуют на протяжении нескольких лет. Например, консерватизм Бенджамина Дизраэли ведет свое начало от работы «Защита английской конституции», опубликованной в 1835 году, через год после известного Тамвортского манифеста Роберта Пиля 1834 года. Символично также то, что раздел, посвященный консерватизму Пиля, начинается с речи Джорджа Каннинга 1810 года по вопросу о парламентской реформе.

Взгляды Э. Бёрка в конце XVIII века появились как ответ на революции и войны, вызванные Великой французской революцией. «Более того, каждое поколение консерваторов было ознакомлено с кодексом консервативных принципов, и они были готовы чтить их и связывать современные им вопросы законо-

дательства и политики с наследием прошлого» [Там же. С. 13]. Взгляды консерваторов не были обращены к утопическим идеям изменений, а, наоборот, строились на сохранении существующего порядка. Аргументы консерваторов в парламенте были не такими яркими, в сравнении с аргументами их политических противников, и противостояние с последующим принятием законодательных инициатив демонстрировало слабеющие позиции. Можно предположить, что консерватизму явно недоставало логичной системы взглядов, а точнее, последовательности в действиях его лидеров. Но и убеждение о полном отсутствии каких-либо идей или доктрин в рядах консерваторов ошибочно. Они использовали это для обеспечения и поддержания власти, для укрепления народного единства в периоды опасности и кризисов. От наполеоновских войн до Фолклендского конфликта консерватизм практически не отрывался от патриотизма [Там же. С. 14].

Отсутствие у английских консерваторов каких-либо письменно утвержденных программ позволяло им обновлять партийную «идеологию», сохраняя верность основополагающим принципам. Повернуть время вспять, очевидно, было невозможно. Также необходимо учитывать разницу в том, что историки разделяют «принципы» и «идеологию». Исследователь Р. Вейд отмечает склонность консерваторов и консерватизма «приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам, и то, что они часто подвергали пересмотру свою позицию по мере эволюции общества, не должно восприниматься как признак интеллектуальной слабости или политического оппортунизма» [14, с. 7].

Основными вопросами для консервативных сил в XIX веке были конституционный и экономический вопросы Англии и отдельно ирландский вопрос, включающий в себя также вопросы религиозного характера. В начале XIX века выкристаллизовались основные постулаты консерватизма: сохранение Унии, защита конституции, место официальной церкви в Ирландии, защита собственности, закона и порядка [2, с. 25].

Анализируя деятельность торийских и консервативных лидеров с конца XVIII века, можно проследить, что позволяет историкам говорить о них как об «основателях» партии. Рассуждая об истории развития консерватив-

ных принципов, следует остановиться на работе А. Сэлдона и П. Сноудона «Консервативная партия» [11], в которой повествование начинается не с 1830-х, а с 1640-х годов, со времени появления термина «тори».

В сравнении с идейными основами, более спорным является вопрос об основателях консервативной партии. «Звание самой важной фигуры в развитии торизма делится между Питтом и Пилем. Дизраэли всегда рассматривал важность Каннинга в пантеоне государственных деятелей-тори, и он всегда был наиболее динамичной фигурой в политических кругах своего поколения» [2, с. 25]. Премьер-министр Уильям Питт-мл. оставался до самой смерти человеком непартийным, поэтому можно говорить о начале уверенного существования партии тори с 1806 года, когда он ушел из жизни. Наиболее ярким и устойчивым временем пребывания тори у власти стал период с 1812 по 1827 год, когда премьер-министром был лорд Ливерпуль.

Консерватизм Р. Пиля был попыткой ответить на потерю авторитета старых тори после Эмансипации католиков и Парламентской реформы 1832 года [Там же. С. 26]. На социально-экономическом уровне он был призван объединить идеи старого торизма с развитием промышленности и ростом городов. Это попытка способствовать индустриальному и экономическому развитию, защищая при этом власть и привилегии земельной аристократии, сохраняя то, что составляло «старую конституцию».

Идея сильного правительства и призыв к национальным интересам во времена трудностей и кризисов были проверенной торийской стратегией. «В то же время консерватизм Пиля повернулся лицом к будущему» [Там же. С. 27]. В Тамвортском манифесте 1834 года были провозглашены принципы нового консерватизма.

В книге «Консервативное лидерство 1832–1932» в главе под названием «Веллингтон и Пиль» [13, с. 35–57], написанной известным исследователем Н. Гэшем, введение Веллингтона в повествование весьма необычно. В отличие от обзора консервативной политической мысли, где были заявлены Каннинг, Пиль и Дизраэли, в ней лидерство консервативных сил в парламенте на протяжении двух лет связано с именем герцога Веллингтона, который, будучи военным, на

посту премьер-министра «сражался» против парламентской реформы. Характеризуя взаимодействие Пиля и Веллингтона, стоит заметить, что они параллельно были лидерами соответственно в палате общин и палате лордов. За главой, посвященной лидерам 30–40-х годов XIX века, следует глава о Дерби и Дизраэли [Там же. С. 58–100].

Можно, однако, оспорить утверждение А. Сэлдона и П. Сноудона, что «герцог Веллингтон и сэр Роберт Пиль – лидеры партии в 1830-х – рассматривали себя не как создателей новой партии, но как наследников политической силы тори, которая существовала на протяжении большей части XVIII века» [11]. Важно обратиться к речи Р. Пиля 1841 года в Тамворте [8], где он говорил о своей деятельности по расширению круга избирателей консервативных сил и о закладывании основ консервативной партии. В то же время стоит согласиться с мнением, что тори и консерваторы осознавали и чувствовали свою причастность к влиятельной в то время земельной аристократии. И вопросы политики, претерпевая изменения, долгое время не означали смены тех сил, которые тори и консерваторы представляли в обеих палатах парламента. С этой точки зрения особенно значительными кажутся действия Пиля по отмене хлебных законов, которые напрямую затрагивали интересы крупных землевладельцев.

Исследователь Д. Сирайт, проанализировав романы и речи Б. Дизраэли, отмечает некоторое сходство в позициях Пиля и Дизраэли: «...Пиль, объект беспощадной критики Дизраэли и Новой Англии, выражал похожие идеи в начале XIX века в Манчестере и в Хрустальном дворце, в сравнении с найденными впоследствии в речах Дизраэли» [10, с. 6]. Особенно схожими он находит речь Пиля 1838 года о консервативных принципах и миф об «одной нации» Дизраэли. «Этот пример Пиля и Дизраэли освещает степень распространенности тенденции преувеличивать масштаб различий, нежели преемственность в ядре консервативной идеи...» [Там же].

Таким образом, ни за Р. Пилем, ни за Б. Дизраэли не закрепляется единоличное первенство в основании консервативной партии, а, наоборот, показана преемственность между тори, консерваторами и протекционистами на протяжении большей части XIX века, и в большей степени подчеркнута их сходство, нежели

различие. Идею преемственности можно проследить в предположении, что «если бы не было Пия или если бы Пиль не дал Дизраэли должность, то не было бы и Дизраэли» [13, с. 7].

Роль Б. Дизраэли в истории развития английского консерватизма заключалась в том, что именно ему предстояло «отучить» его партию от обязательств защиты сельского хозяйства и побудить перейти к социальным реформам, созданию «одной нации», империализму, оставаясь в рамках конституции. А. Селдон и П. Сноудон [11] склонны видеть не только разные периоды в существовании партии, но и называть партию именем премьер-министра: «партия Питта», «партия Ливерпуля» и т. д. Неудивительно, что на современном этапе появился термин «кэмеронизм» [12], который включает в себе «особый» консерватизм премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона.

Не менее интересен взгляд современных консерваторов на время основания консервативной партии. В предвыборном буклете «Почему [надо] голосовать за консерваторов?» на первой же странице приведены слова Б. Дизраэли: «В прогрессивной стране изменения постоянны; и главный вопрос не в том, должны ли вы противостоять изменениям, которые неизбежны, а в том, проводятся ли эти изменения с почтением к устоям, обычаям, законам и традициям народа, или они должны проводиться в соответствии с абстрактными принципами, случайными и общими доктринами» [Цит. по: 9, с. 238]. На страницах современных изданий эта цитата как квинтэссенция консерватизма встречается чаще остальных. Следует отметить, что Р. Пиль в данном издании вспомнили лишь в связи с организацией лондонской полиции [15].

С точки зрения методологии в определении лидеров консервативных сил в истории Великобритании историки могут использовать два основных подхода. Суть первого подхода состоит в том, что исследователи могут использовать «самоопределение» политиков, выискивая в их речах моменты, где они применяют по отношению к себе названия «тори» или «консерватор». Второй подход, менее объективный, заключается в оценке соответствия деятельности каждого из лидеров консервативным принципам, которые со временем эволюционировали.

Современные британские исследователи [3], поставив перед собой задачу проанализировать деятельность консервативных лидеров от Пия до Кэмерона, выработали систему для оценки деятельности политических лидеров и даже их «успешности» во главе правительства: выигрышная избирательная стратегия, компетентность власти (*governing competence*), управление партией, превосходство политических аргументов и гибкость правил игры. Перед краткими очерками о лидерах консерваторов в работе приведен анализ результатов выборов (выигранное количество мест в парламенте и общий прирост голосов) как одного из наиболее объективных показателей «успешности» того или иного лидера консерваторов. Исследователь Д. Чармли выделяет еще один критерий — способность адаптироваться к изменениям [5]. Но если способность и необходимость адаптироваться воспринимать как постоянно присутствующий факт, то совершенно невозможно даже в деятельности одного премьер-министра проследить постоянство из-за активного течения исторического процесса и изменяющегося контекста. В подтверждение этого аргумента можно, например, сравнить насыщенный событиями период 1812–1827 годов, которые были реакционными во внутренней политике, но достаточно спокойными в политическом и социально-экономическом плане, и рубеж 1830–1840-х годов, когда велась активная борьба за парламентскую реформу, наблюдались выступления чартистского движения, острые экономические проблемы. Это не могло не отразиться на принципах, в соответствии с которыми должно было действовать правительство во главе с премьер-министром.

Американский историк и теоретик Р. Кирк [7] разделил лидеров тори и консерваторов на «романтиков» и «практиков», связывая поколение «романтиков» с идеалами противостояния революции, а консерваторов — с более рассудительным взглядом на политику. Именно Р. Пиль предстает в его работе первым премьер-министром, оценивавшим ситуацию, исходя из принципов рациональности перемен.

Особую сложность относительно начала консервативной партии составляет установление причинно-следственных связей между изменением политики консервативных премьер-министров и переменами в консервативных

принципах, которые всё же демонстрировали большую устойчивость в сравнении с мерами, проводимыми правительством.

В книге о консервативных лидерах [3], вышедшей в свет в 2015 году, повествование начинается с 1834 года — с очерка Р. Гонга о Р. Пиле, так как переименование тори в консерваторов происходило параллельно с обсуждением первой парламентской реформы, а Пиль стал первым консервативным премьер-министром после ее проведения. В этом очерке в общих чертах излагается одна из самых современных биографий [6] Роберта Пилля.

Со временем точка зрения на то, откуда можно начать историю современной консервативной партии, изменялась. В 1950 году эту линию вели от Дизраэли через У. Черчилля к современности, в 1954 году было предложено углубить историю до лорда Ливерпуля [10, с. 7]. Если все-таки постараться определить время «рождения» консервативной партии, то началом ее существования могут быть признаны и «торийская» администрация У. Питта-мл., и кабинет лорда Ливерпуля, и Тамвортский манифест Р. Пилля, и организационная структура, созданная Дизраэли в 1870 году [Там же. С. 30]. Исследователь Р. Вейд, признавая мнение, что консервативная партия берет свое начало от Тамвортского манифеста 1834 года, утверждает, что не стоит исключать из рассмотрения министерство лорда Ливерпуля 1812–1827 годов, «который осуществлял торговую политику согласно классической политэкономии» [14, с. 16].

«Несмотря ни на что, какая бы дата ни была вписана в свидетельство о рождении партии — будь то в эру Питта и Ливерпуля или во время Пилля и Дизраэли, — эта история успеха на выборах была связана с вечным „возвращением“ национальной партии, которая ставит нацию в полное противопоставление частным интересам других политических партий» [10, с. 169]. Отчасти это иллюстрирует и постоянное обращение к вопросу состояния Англии (*Condition of England*) на страницах периодических изданий и во время парламентских дебатов.

В историографии особенно выделяется работа Д. Чармли [5], который в 2008 году вступил в полемику с одним из главных британских историков второй половины XX века — Р. Блейком, биографом Дизраэли и автором историй

консервативной партии от Пилля до Тэтчер, а затем и до Д. Мейджора [1].

В книге Д. Чармли «История консервативной политики с 1830 года» [5] прослеживается история консервативной партии до премьерства Д. Кэмерона включительно. Признавая факты биографии Пилля, автор книги категорически не согласен с его героизацией Р. Блейком. По мнению Чармли, «доминирование консервативной партии в XX веке создало историографию, вводящую в заблуждение, выраженное в широко читаемой и влиятельной истории консервативной партии» [Там же. С. 1]. Один из главных «героев» в этих работах — Р. Пиль, «чей умеренный, благоразумный, здравый консерватизм был примером для подражания...» [Там же].

Не менее занимательны наблюдения Д. Чармли относительно предшественников Р. Пилля. Во-первых, он отмечает, что в правительство лорда Ливерпуля входило пять будущих премьер-министров Великобритании, влиявших на политику вплоть до 1865 года (Д. Каннинг, лорд Годрич, герцог Веллингтон, Р. Пиль и виконт Пальмерстон) [Там же], что говорит о некоторой преемственности между лордом Ливерпулем и его последователями. Во-вторых, Чармли выделяет Каннинга как наиболее впечатляющую фигуру после 1822 года, полную разногласий. Действительно, с Каннингом в историю входит термин «либеральный консерватизм». Каннинг впитал идеи Бёрка, многое заимствовал из трудов романтиков-интеллектуалов своего времени и был напуган возможностью народной революции против законной власти. Именно положив конец старому торизму, Каннинг сделал возможным создание консервативной партии.

О чем же в похожем исследовании рассуждал Блейк? Его работа, вышедшая в свет в 1954 году, переиздавалась в 1997 году в расширенном варианте [1], но точка отсчета от первого министерства Р. Пилля не сместилась. Герцога Веллингтона Блейк считает последним торийским премьер-министром, поэтому первые главы о консервативной партии носят названия «Проблема Пилля», «Достижения Пилля». К числу недостатков Блейк относит неаристократическое происхождение лидера консерваторов и отсутствие навыков управления людьми. Серьезным достижением, по его мнению, является политика Пилля в отноше-

нии ирландского вопроса. Не стоит, считает Блейк, преувеличивать разницу между партией лорда Ливерпуля и партией Пиля, так как большая часть его опыта в политике была получена именно под руководством лорда Ливерпуля. Что касается перемен после 1832 года, то Блейк больше склонен говорить об организационных переменах, но не видит «значительного разрыва с прошлым» [1]. Отмечая, что Дизраэли сделал заметный вклад в организационное и идейное развитие консервативной партии, Блейк настаивает на преемственности взглядов и принципов: «Консерваторы поздних 1860-х и ранних 1870-х не чувствовали себя в каком-то смысле новой партией или начинающими что-то новое...» [Там же]. Более того, он утверждает, что ни один консерватор — современник Дизраэли не видел в нем основателя партии.

Исследователь Р. Сеймур отмечает: «Именно Роберт Пиль, рискованный предприниматель, вкладывал капитал в развитие прялки „Дженни” и упорно работал над тем, чтобы примирить тори с изменившимся законом и доказать появляющимся городским капиталистам, что партия может быть настоящим пристанищем для них» [12, с. 7]. Отличительной чертой второго премьерского срока Роберта Пилля в сравнении с другими консервативными лидерами является то, что он возглавил первое правительство консервативного большинства со времен проведения парламентской реформы, которая, безусловно, стала поворотным моментом британской истории, разделившим ее на «до» и «после». Здесь же стоит упомянуть о том, что период первого премьерского срока Пилля не учитывается, так как он возглавил правительство в условиях консервативного меньшинства после всеобщих выборов 1835 года, на которых соотношение голосов в процентах было 57,4/42,6 в пользу вигов (либералов) [4, с. 3].

В конечном счете вопрос об «основании» консервативной партии как политической структуры сводится к противопоставлению Пилля и Дизраэли, Питта, Ливерпуля, Каннинга, Веллингтона... Но если просматривать историю развития консервативных принципов, то корни идут намного глубже. Если сделать вывод об организационной структуре, то Р. Блейк оценивает начальный этап консервативной партии с точки зрения элементов современных партий и приходит к выводу, что централизованный бюрократический аппарат и массовые организации по всей стране появились у консерваторов только после парламентской реформы 1867 года.

Анализ исторических исследований подтверждает старую истину, что историю делают люди. Современникам редко удается достоверно оценить роль исторических личностей. Следует также учитывать определяющее влияние лидера консервативных сил на концепцию термина «консерватизм», которая претерпевала незначительные изменения каждое десятилетие. Но ретроспективное изучение деятельности политиков позволяет выявить общность взглядов и определить, что объединяло их в партии и коалиции. Именно способность консерваторов приспосабливаться к изменениям в экономике и обществе усложняет определение времени основания консервативной партии. Нет необходимости искать прямую связь между консерваторами второй половины XIX и конца XVIII века. Преемственность идей дает историкам возможность объективно оценивать консервативных лидеров только последовательно друг за другом, чтобы видеть сложную систему связей и различий. Основы современной консервативной партии, безусловно, были заложены Р. Пилем и Б. Дизраэли, но они продолжали развивать политические идеи и следовать традициям, которые создавали лидеры старой партии тори.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Blake R.** The Conservative party from Peel to Major. L.: Faber and Faber, 2012. URL: <https://books.google.de/books?id=uuqKnX3IQ8AC&hl=ru> (дата обращения: 01.12.2015).
2. **British Conservatism.** Conservative thought from Burke to Thatcher / Ed. By Frank O’Gorman. L.; N. Y.: Longman, 1986. 237 p.

3. **British Conservative leaders** / Ed. by Charles Clarke, Toby S. James, Tim Bale & Patrick Diamond. L.: Biteback Publishing, 2015. URL: https://books.google.de/books?id=1_uDCgAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.12.2015).

4. **British** electoral facts 1832–1999. Compiled and ed. by Colin Rallings and Michael Thrasher. 6th ed. Aldershot [...]: Ashtage, 2000. 313 p.
5. **Charmley J.** A history of Conservative politics since 1830. 2nd ed. London. Palgrave Macmillan, 2008. URL: https://books.google.de/books?id=3_4mBQAAQBAJ&hl=ru (дата обращения: 01.12.2015).
6. **Gaunt R.A.** Sir Robert Peel: Life and legacy. L.: I.B. Tauris, 2010. 240 p.
7. **Kirk R.** The Conservative Mind: from Burke to Eliot. Washington, D.C.: Regnery Publishing, Inc. 1986. 545 p.
8. **Peel R.** Tamworth election. Speech of Sir Robert Peel, June 28, 1841. L.: John Ollivier, 1841. 24 p.
9. **Richardson J., Seyd P., Whiteley P.** True Blues: The Politics of Conservative Party Membership. Oxford: Clarendon Press, 1994. 306 p.
10. **Seawright D.** The British Conservative Party and One Nation Politics. N. Y.; L.: Continuum, 2010. 193 p.
11. **Seldon A., Snowdon P.** The Conservative party. Gloucestershire: The History Press, 2013. URL: <https://books.google.de/books?id=qLU7AwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 01.12.2015).
12. **Seymour R.** The meaning of David Cameron. Winchester, Washington: O-Books, 2010. URL: https://books.google.de/books?id=1CtbIPZbUTwC&redir_esc=y (дата обращения: 01.12.2015).
13. **The Conservative** leadership 1832–1932 / Ed. by D. Southgate. L.; N. Y.: Macmillan, 1974. 277 p.
14. **Wade R.** Conservative Party Economic Policy: From Heath opposition to Cameron in Coalition. L.: Palgrave Macmillan, 2013. 224 p.
15. **Herbert N.** Why Vote Conservative 2015: The Essential Guide London, Biteback Publishing Ltd, 2014 URL: <https://books.google.de/books?id=xеufBAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 01.12.2015)
16. **Барышников В.Н., Борисенко В.Н., Кузнецова Ю.И.** Тамвортские манифесты Роберта Пиля и процесс консолидации консерваторов в первой половине 1830-х гг. // Управленческое консультирование. 2015. № 9. С. 149–158.
17. **Виноградов К.Б.** Очерки английской историографии Нового и Новейшего времени. Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1959. 224 с.
18. **Историческая** наука в XX веке. Историография истории Нового и Новейшего времени стран Европы и Америки: учеб. пособие / под ред. И.П. Деметьева, А.И. Патрушева. М.: Простор, 2002. 432 с.

КУЗНЕЦОВА Юлия Игоревна – ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: y.kuznetsova@spbu.ru

Yu.I. Kuznetsova

CONTEMPORARY VIEW UPON EARLY HISTORY OF CONSERVATIVE PARTY OF GREAT BRITAIN

The article considers historiography of early stage of the Conservative party existence, its early history and political leaders, who has headed it during the first part of the XIX century. The author collected and analyzed the key conceptions, concerning the date of foundation and early history of the Conservative party. The article contains arguments and evidences of political leadership of Pitt the younger, Lord Liverpool, G. Canning, Duke of Wellington, R. Peel and B. Disraeli. The article traces structural and ideological development of the Conservative party and the views of contemporary conservatives upon the history of their party is shown. Partly this article devotes to the methods of party history research used by historians of

the second half of XX century and nowadays. The author comes to conclusion, that for research of specific ages, the character of leader and historical context still have great influence on results of research, but investigation of conservative thought evolution is only possible by consequent study of the conservative leaders and their political arguments.

TORY; TORIES; CONSERVAIVE PARTY; ROBERT PEEL; GEORGE CANNING; LORD LIVERPOOL; BENJAMIN DISRAELI; DUKE OF WELLINGTON.

REFERENCES

1. Blake R. The Conservative party from Peel to Major. London, Faber and Faber, 2012. Available at: <https://books.google.de/books?id=uuqKnX3IQ8AC&hl=ru> (accessed 01.12.2015).
2. British Conservatism. Conservative thought from Burke to Thatcher. Ed. By Frank O’Gorman. London, New York, Longman, 1986. 237 p.
3. British Conservative leaders. Ed. by Charles Clarke, Toby S. James, Tim Bale & Patrick Diamond. London: Biteback Publishing, 2015. Available at: https://books.google.de/books?id=1_uDCgAAQBAJ&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false (accessed 01.12.2015).
4. British electoral facts 1832–1999. Compiled and ed. by Colin Rallings and Michael Thrasher. 6th ed. Aldershot [...]: Ashgate, 2000. 313 p.
5. Charmley J. A history of Conservative politics since 1830. 2nd ed. London. Palgrave Macmillan, 2008. Available at: https://books.google.de/books?id=3_4mBQAAQBAJ&hl=ru (accessed 01.12.2015).
6. Gaunt R.A. Sir Robert Peel: Life and legacy. London, I.B. Tauris, 2010. 240 p.
7. Kirk R. The Conservative Mind: from Burke to Eliot. Washington, D.C., Regnery Publishing, Inc. 1986. 545 p.
8. Peel R. Tamworth election. Speech of Sir Robert Peel, June 28, 1841. London, John Ollivier, 1841. 24 p.
9. Richardson J., Seyd P., Whiteley P. True Blues: The Politics of Conservative Party Membership. Oxford, Clarendon Press, 1994. 306 p.
10. Seawright D. The British Conservative Party and One Nation Politics. New York, London, Continuum, 2010. 193 p.
11. Seldon A., Snowdon P. The Conservative party. Gloucestershire: The History Press, 2013. Available at: <https://books.google.de/books?id=qLU7AwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 01.12.2015).
12. Seymour R. The meaning of David Cameron. Winchester, Washington, O-Books, 2010. Available at: https://books.google.de/books?id=lCtbIPZbUTwC&redir_esc=y (accessed 01.12.2015).
13. The Conservative leadership 1832–1932. Ed. by Donald Southgate. London, New York, Macmillan, 1974. 277 p.
14. Wade R. Conservative Party Economic Policy: From Heath opposition to Cameron in Coalition. London, Palgrave Macmillan, 2013. 224 p.
15. Herbert N. Why Vote Conservative 2015: The Essential Guide London, Biteback Publishing Ltd, 2014. Available at: <https://books.google.de/books?id=xеufBAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 01.12.2015).
16. Baryshnikov V.N., Borisenko V.N., Kuznetsova Yu.I. [Robert Peel’s Tamworth manifests and the process of conservative consolidation in the first half of 1830s in national historiography]. *Administrative Consulting*, 2015, no. 9, pp. 149–158. (In Russ.)
17. Vinogradov K.B. *Ocherki angliyskoy istoriografii Novogo i Noveyshego vremeni* [Essays upon English historiography of Modern and contemporary times]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1959. 224 p. (In Russ.)
18. *Istoricheskaya nauka v XX veke. Istoriografiya istorii novogo i noveyshego vremeni stran Evropy i Ameriki* [Historical science in the twentieth century. The historiography of the history of modern and contemporary European and American countries]. Moscow, Prostor Publ., 2002. 432 p. (In Russ.)

KUZNETSOVA Yuliya I. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: y.kuznetsova@spbu.ru

Философские и культурологические исследования

DOI 10.5862/JHSS.239.16
УДК 316.347

А.И. Киселёв

ЭТНОС И НАЦИЯ – ОСНОВНЫЕ МОДУСЫ БЫТИЯ НАРОДА

В статье дан анализ основных концепций соотношения этноса и нации в эволюции человечества. Исследованы факторы, затрудняющие процесс познания данных феноменов. Определен статус народа как субъекта исторической деятельности, пребывающего в разных состояниях собственного существования. Выявлены положительные и негативные последствия соответствия и несоответствия этноса, нации и гражданской нации для судеб общества.

ЭТНОС; НАЦИЯ; НАРОД; ЭЛИТА; ЦЕННОСТИ; ИДЕНТИЧНОСТЬ; КРИЗИС.

Современный мир потрясает ряд кризисов: финансово-экономический, культурно-цивилизационный, геополитический, информационный. Среди них и этнонациональные кризисы, которые, охватывая огромные массы людей, противопоставляют друг другу не отдельные социальные группы или классы, а целые народы. Возникнув, они медленно и долго затухают, иногда приводя и к межгосударственным кровопролитным столкновениям. Выделяют два вида конфликтов: статусные, сопряженные с попытками этногруппы радикально изменить свое политическое положение в межгосударственном пространстве (они реализуются в таких формах, как сецессия – создание отдельного самостоятельного государства, ирредентизм – присоединение к государству-соседу, энозис – вхождение в состав родственного этноса), и гегемонистские, порождаемые стремлением к политическому доминированию в лоне одного государства (ассимиляция – поглощение национального меньшинства более крупным этнообъединением с утратой отличительных черт; институциональный расизм – ущемление прав и свобод по признакам этничности; резервация – изоляция и вытеснение на «обочину» цивилизационного развития; апартеид – раздельное проживание,

обучение, работа и т. д; геноцид – сознательно организованное физическое истребление представителей иной общности).

На наших глазах рутятся либеральные представления об отмирании этносов и превращении их в нации с последующей трансформацией последних в некое единое глобальное общество; терпит крах и модель мультикультурализма как инструмента достижения такого идеального состояния социума.

Цель статьи – концептуализация проблемы соотношения этноса и нации в связи с другими близкородственными понятиями.

Сложность и трудность реализации данного замысла определяется рядом обстоятельств:

- этнонациональная реальность изучается целым комплексом наук: историей, философией, социологией, психологией, социальной психологией, политологией, культурной антропологией, этнологией, но до сих пор не создан адекватный междисциплинарный подход, позволяющий синтезировать получаемые знания в стройную систему;

- не разработан категориальный аппарат для установления приемлемой конвенции относительно основных конструктов мышления. Так, сторонники примордиализма трактуют

этнос и нацию как объективно разные этапы общественного прогресса, сочетая биологическое и эволюционно-историческое направления (Ю.М. Бромлей, К. Блу, П. Ван ден Берге, К. Гирц). Общая позиция конструктивизма иная: нация — плод политической и культурной деятельности государственных и интеллектуальных сообществ, что не исключает внутренних различий. Одни считают нацию искусственно созданной усилиями СМИ «воображаемой общностью» [1], другие указывают на важность мифов и символов [2], третьи подчеркивают роль лидеров [3], а четвертые рассматривают государство в качестве главного агента формирования нации (М. Вебер, И. Валлерстайн, К. Дейч, Ю.М. Бородай). Гражданство стягивает людей в нацию. Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они ни были, которые отделяют эту группу от всех, стоящих вне ее [4]. Некоторые отечественные авторы исходят из того, что, хотя этнос и нация — качественно особые образования, они не сменяются последовательно, а существуют одновременно (параллельно), причем их доминирование различно в ходе истории [5];

- преобладание европоцентристских установок, абсолютизирующих исторический опыт Запада и выдающих его за единственно возможный путь развития человечества, не может не выражаться в определенной заданности интерпретаций исследуемых явлений;

- процесс глобализации накладывает на уже существующие этнонациональные тенденции, внося в них существенные возмущения, требующие дополнительного и более пристального изучения новых реалий;

- приверженность представителей социально-гуманитарных наук к тем или иным политическим доктринам (либерализм, социализм, консерватизм, анархизм и т. д.) также не способствует объективному постижению данных феноменов;

- чрезвычайно широкий диапазон отношения к национализму (от тотально негативного до восторженно позитивного) и некорректное использование терминов («этнический национализм», «имперский национализм», «православный национализм», «красный национализм», «белый национализм») только искажают суть вопроса;

- проблема чрезмерно политизирована и идеологизирована, что в контексте противоречивых высказываний ведущих государственных деятелей (в том числе и президента РФ) вносит в сознание некоторое смятение, препятствующее постижению указанных явлений, в процессе которого необходимо отсекай истину от интереса. На Валдайском форуме В.В. Путин заявил: «Самый большой националист в России — это я. Но самый большой, самый правильный национализм — это выстраивание действенной политики таким образом, чтобы это пошло на пользу народу. А если под национализмом понимается нетерпимость к другим людям, шовинизм, это будет разрушать страну»;

- нет должной ясности и в трактовке взаимосвязи понятий «народ», «нация», «национализм». Некоторые исследователи убеждены, что нация и национализм — это явления сугубо новейшей истории, а народ — феномен незападных традиционных цивилизаций, т. е. допускают развитие социума на каком-то этапе без и вне народа... Нация есть «та форма, которую этнос принимает в условиях современного (индустриального) общества в отличие от своего состояния в условиях традиционного аграрного общества, когда соединяющими скрепами этноса были иерархические сословные и религиозные ценности (условно назовем это состояние народом)» [6, с. 8].

Чтобы распутать клубок разноречивых суждений, по нашему мнению, необходимо найти исходную клеточку, матрицу, разворачивая которую можно будет вывести из нее субординированно связанную цепочку логических форм, отражающих суть проблемы. Такой основой выступает понятие «народ». Народ — народившиеся живые представители вида *Homo sapiens*, которые воспроизводят себя в смене поколений с момента формирования до наших дней. Изначально рассеянные в пространстве, они постепенно сплывались, концентрируясь на определенных территориях и образуя население разной степени упорядоченности и численности. В дальнейшем главными модусами (способами существования) народа становились этносы и нации.

Этнос — продукт стихийной самоорганизации народа; сформированная самим ходом общественной жизни, самовоспроизводящаяся на протяжении многих столетий и тысячелетий

инерционная, сверхустойчивая общность людей, имеющая общее происхождение (биолого-генетическое родство), территорию (вмещающий ландшафт), язык и сходное мировоззрение («мы-сознание»). Этнос — носитель иррациональных энергий, безотчетных импульсов, коллективно-бессознательного опыта; хранитель мифологических представлений и базовых этических, эстетических и художественно-религиозных установок, принимаемых как данность с молоком матери. Структура этноса, включающая в себя ядро, периферию, диаспоры и субэтноты, может выносить внешние и внутренние возмущения и поддерживать на оптимальном уровне функционирование перечисленных элементов, но до тех пор, пока не затронуто центральное звено. Его разрыв или существенная деформация — погружение в хаос, приближение к которому значительно ускоряется, если внутренние и внешние негативные факторы переплетаются столь тесно, что оказывают невосполнимый урон его жизнеспособности.

К деградации этноса приводят: резкое сокращение численности; утрата пассионарности (энергии борьбы и созидания); снижение качества человеческого потенциала; рыхлость и нарушение системообразующих связей; политика государства, игнорирующая интересы этногрупп; массовое вторжение иммигрантов как носителей несовместимых психологических черт и образов жизнедеятельности. Уже более 25 % населения стран «золотого миллиарда» — выходцы из государств третьего мира. В ФРГ, например, численность одних лишь турок превысила 10 млн человек. И это только эпизод нового переселения народов, чему не рады и американские ученые: «Неуправляемая иммиграция грозит уничтожить страну, в которой мы выросли, и превратить Америку в хаотическое скопление народов, не имеющих фактически ничего общего между собой — ни истории, ни фольклора, ни языка, ни культуры, ни предков... Миллионы людей ощущают себя чужаками в собственной стране...» [7, с. 14]. Этничность уходит в тень в период относительной социальной стабильности и выдвигается на передний план в условиях социально-экономических и политических обострений или явного нарушения принципа справедливости. Она актуализируется так же, как реакция на процессы унификации и стандартизации по лекалам вес-

тернизации, на усиление демографической нагрузки, на несоответствие в высших и средних эшелонах управления и культуры численности представителей разных этносов их удельному весу в структуре народонаселения страны.

Человек не может жить в обществе, не определяя свое место, положение и отношение к социальным группам и сообществам, т. е. не вырабатывая идентичность как самоотождествление с ними. Специфика этнической идентичности состоит в том, что человек фактом своего рождения ее получает и закрепляет как неявное, неотрефлексированное знание, большую часть жизни (если не всю) пребывая в родственной среде себе подобных. В этничности реализуются потребности людей в самобытности, безопасности и общении-близости. Забегая несколько вперед, скажем, что национальная идентичность уже предполагает осознанное отнесение себя к определенной социальной общности, а гражданская — осмысленную сопричастность к государству, полноправным подданным которого еще предстоит стать в процессе вторичной социализации. Этническое пространство не всегда совпадает с государственно-политическим. Так, «русский мир» неизмеримо шире, чем территория, на которой проживают русские в Российской Федерации (25 млн русских людей оказались за ее пределами после распада СССР). Кроме того, этническая идентичность может сохраняться и без других характеристик, отмеченных ранее. Идентичность означает формирование «мы-чувства» как интегрирующего начала.

Она складывается в известном сравнении (иногда переходящем в противопоставление «мы — они», «свой — чужие») и наиболее успешно в ходе совместной деятельности, что не исключает возникновения ситуаций, когда родное становится чужим (или наоборот), т. е. идентичность может укрепляться и ослабевать или исчезнуть вовсе как психологическая привязанность.

Следует критически относиться к определению нации, на многие годы ставшему весьма распространенным: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [8, с. 296]. Во-первых, перечисленные признаки

присущи всем без исключения этническим образованиям; во-вторых, отсутствие некоторых из них не лишает народ статуса нации или национальной принадлежности (например, цыгане, курды, евреи); в-третьих, здесь не указываются первоочередная причина и исходное основание появления нации. Если народ в модусе этноса – спонтанно сложившееся образование, то нация – иное, более высокое состояние того же народа, это его самосознание, окультуривание, оформление, упорядочивание и сплочение под знаком определенной системы ценностей, смысла и веры. Нация прорастает из этноса, как зерно из почвы. Народ становится нацией только посредством души. Так полагали Ж.Э. Ренан, В. Вундт, Г. Лебон и многие другие мыслители. Нация, считает Э. Геллнер, формируется, когда обезличенных, атомизированных членов общества связывает общая культура [9, с. 35]. Наиболее емкую и полную характеристику значения духовности в становлении нации дал И.А. Ильин: «Самое глубокое единение людей возникает из их *духовной однородности*, из сходного душевно-духовного *уклада*, из *сходной любви* к единому и общему, из *единой судьбы*, связующей людей в жизни и смерти, из *одинакового созерцания*, из *единого языка*, из *однородной веры* и из *совместной молитвы*. Именно таково *национальное единство людей*» [10, с. 329]. Нация строится интеллектуально-творческими усилиями представителей народной культуры и посредством воспитания и образования укореняется в своей уникальности. «Именно сознательное единение представителей одного народа на родной земле, посредством родного языка, вокруг отеческих святынь и традиционных культурных ценностей, в свете общих исторических целей образует духовный организм нации» [11, с. 16].

Следовательно, нация должна беречь собственную этническую основу и из ее родников постоянно подпитываться новыми живительными силами, всячески поощряя и приумножая демографический потенциал общества и заботясь о полноценном здоровье поколений. Когда есть соответствие этноса и нации (крови и духа), тогда народ становится подлинным субъектом истории, способным суверенно выполнять свою миссию в этом мире (у каждого она своя); тогда складывается нерасторжимая гармония «мы-чувство», «мы-сознание», «мы-

действие», что является залогом его непобедимости. Однако если народу навязывают чуждые его ментальности образы, модели и социальные институты, слепо заимствованные извне, то и самые благие намерения потерпят крах («Хотели как лучше, а получилось как всегда»). Не исключено и истощение у нации ее духовно-нравственного ресурса, связанного с утратой сверхценностей, смыслов и традиций. В этом случае она неизбежно вырождается, и тогда народ превращается в географический материал, а интеллектуальный авангард общества – в своеобразный сброд озлобленных, неприкаянных и замкнутых в себе индивидов. Угасание духа в народе приводит и к ослаблению его телесного состава, что негативно скажется и на уровне национальной безопасности. «Нападают лишь на слабых, на сильных – никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не умеющих показать своевременно свои силы и производящих со стороны впечатление слабых» [12, с. 67].

Не лишена теоретического интереса христианская интерпретация нации как особой духовной личности (соборного сочетания множества людей, объединенных единой верой и служением вечному и абсолютному началу). И чем искреннее, полнее и эффективнее это служение, тем более значима роль данного народа в историческом процессе, где каждый выполняет свою функцию, как умеет. «У каждого народа инстинкт и дух живут *по-своему* и создают драгоценное своеобразие. Так, каждый народ *по-своему* ленится, трудится, хозяйствует и отдыхает; *по-своему* горюет, плачет и отчаивается, *по-своему* улыбается, смеется и радуется; *по-своему* ходит и пляшет, *по-своему* поет и творит музыку; *по-своему* говорит, декламирует, острит и ораторствует; *по-своему* наблюдает, созерцает и творит живопись; *по-своему* исследует, познает, рассуждает и доказывает; *по-своему* нищенствует, благотворит и гостеприимствует; *по-своему* строит дома и храмы; *по-своему* молится и геройствует; *по-своему* организуется. У каждого народа иное, свое чувство права и справедливости, иной характер, иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале; иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом, у каждого народа иной и особый душевный уклад и духовно-творческий акт. И у каждого народа

особая национально-зарожденная, национально-выношенная и национально-выстраданная культура» [10, с. 329–330]. Такое понимание нации противостоит как классовому интернационализму и космополитизму с их нивелировкой всего национально-особенного, так и этноцентризму, абсолютизирующему и превозносящему статус определенного народа как богоизбранного.

Либерализм (и не только) сужает понимание нации до уровня гражданской. «Нация это явление политическое и юридическое, почти полностью совпадающее с понятием „гражданство“» [13, с. 47]. Данный взгляд на гражданство как главный признак нации является доминирующим в США и современной Западной Европе, и если люди знают язык страны, лояльны к государству и разделяют (хотя бы на словах) его провозглашаемые ценности, то этого уже достаточно, чтобы утверждать, что нация состоялась. Однако может ли быть такая нация устойчивой и жизнеспособной, если у нее нет опоры на этническую платформу и глубоко укорененные, безусловно принимаемые сознанием предпочтения и мировоззренческие аксиомы? В XVIII–XIX вв. в рамках европейского пространства зарождались нации-государства на этнической основе и сами нации трактовались как достижение цивилизационного прогресса. Теперь же гражданская нация всё чаще и чаще проявляет себя как лишенная подобной подкладки. Уместно, однако, напомнить, что у одной нации могут быть разные политические режимы, типы государств и формационные фазы, да и роль государственной власти оказывается не всегда успешной и позитивной, а элита способна стать проводником безнациональных, денациональных и даже антинациональных сил. «Государство помогает национальному

сплочению, и в этом смысле способствует созданию нации, но... государство отнюдь не заменяет и не упраздняет собою нации. Вся история полна примерами, что нация переживает полное крушение государства и через столетия снова способна создать его; точно так же нации сплошь и рядом меняют и преобразуют свой государственный строй. Вообще, нация есть основа, при слабости которой слабо и государство; государство, ослабляющее нацию, тем самым доказывает свою несостоятельность [14, с. 32–33]. Народ в состоянии нации стремится (пусть не всегда эффективно) создать государство и сформировать культурно-политическую элиту, которые выражали бы и защищали его национальные интересы во всем объеме. При распаде этноса и нации (в том понимании, о котором говорилось выше) нельзя построить надежное здание гражданской нации. Но при соразмерности, органической преемственности этноса – нации – гражданской нации эта связь может стать весьма плодотворной. Едва ли призыв «Каждой нации – отдельное государство» [15] осуществим повсеместно. Чтобы выжить, различным этническим и национальным группам, конечно, необходима мощная структура, которая могла бы обеспечить баланс разнонаправленных интересов и предпочтений, предотвратить ксенофобию и агрессию к «не-мы». Поэтому общегражданская нация особенно незаменима и важна для полиэтнических и многонациональных государств, а в моноэтнических и мононациональных обществах ее статус не столь значим. Образно говоря, этнос – это тело народа, нация – его душа, а государство – щит и меч, под защитой которых строится собор гражданской нации. И одно невозможно без другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Anderson B.** Imagined Communities Reflection on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983.
2. **Smith A.** Myths and Memorries of the Nation. Oxford, 1999.
3. **Hobsban E., Ranger T., eds.** The Invention of Tradition. Cambridge, 1983; **Eriksen T.** Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. L., 1993.
4. **Геллер Э.** Нация и национализм [пер. с англ.] / ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 322 с.
5. **Сафонов А.Л., Орлов А.Д.** Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4. С. 218–231.
6. **Сергеев С.М.** Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень : Пренса, 2004. 352 с.
7. **Бьюкенен П.Дж.** Смерть Запада. М.: Аст, 2003. 444 с.
8. **Сталин И.** Сочинения. В 13 т. Т. 2. М., 1951.

9. Геллнер Э. Мифы нации и класса // Путь. 1992. № 1.

10. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Одинокый художник. М.: Искусство, 1993. С. 292–336.

11. Булычёв Ю.Ю. Христианская философия нации и проблемы русского культурного самосознания. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2004.

12. Кингстон-Макклори Э.Д. Глобальная стратегия. М.: Жуковский : Кучково поле, 2005. 496 с.

13. Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское движение, 2007. 784 с.

14. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. 620 с.

15. Избранные письма Иосифа Мадзини / пер. с итал. Л.П. Никифорова. М.: Посредник, 1905. 39 с.

КИСЕЛЁВ Анатолий Иванович — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: amalexey@gmail.com

A.I. Kiselev

ETHNOS AND NATION ARE THE BASIC MODES OF BEING OF THE PEOPLE

The article considers the main conceptions of the relationship between ethnos and nation in the evolution of mankind; examines the factors that hinder the processes of cognition of the phenomena. Defines the status of the people as the subject of historical activity, staying in different conditions of its own existence. Identifies the positive and negative consequences of conformity and nonconformity of ethos, nation and civil nation for the fates of society.

ETHNOS; NATION; PEOPLE; ELITE; VALUES; IDENTITY; CRISIS.

REFERENCES

1. Anderson B. Imagined Communities Reflection on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.

2. Smith A. Myths and Memorries of the Nation. Oxford, 1999.

3. Hobsbawn E., Ranger T., eds. The Invention of tradition. Cambridge, 1983; Eriksen T. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. London, 1993.

4. Gellner E. *Naciya i nacionalism* [Nation and Nationalism]. Moscow, Progress Publ., 1991. (In Russ.)

5. Safonov A.L., Orlov A.D. [Ethnos and nation as subjects of globalization]. *Social-humanitarian knowledge*, 2011, no. 4, pp. 218–231. (In Russ.)

6. Sergeev S.M. [Russian nationalism and imperialism of the early 20th century]. *Nation and Empire in Russian thought of the beginning of the twentieth century*. Moscow, Skiman, Prensa Publ. 2004. 352 p. (In Russ.)

7. Buchanan P.J. *Smert' Zapada* [Death of the West]. Moscow, AST Publ., 2003. 444 p. (In Russ.)

8. Stalin I. Works. In 13 vol. Of vol. 2. Moscow, 1951. (In Russ.)

9. Gellner E. [Coming of nationalism. The myths of nation and class]. *Put'*, 1992, no. 1. (In Russ.)

10. Ilyin I.A. *Osnovy hristianskoy kul'tury* [Fundamentals of the Christian culture]. *Odinokiy hudozhnik* [The Lone artist]. Moscow, Iskustvo Publ., 1993. Pp. 292–336. (In Russ.)

11. Bulychov Yu.Yu. *Hristianskaya filosofiya natsii i problemy russkogo kul'turnogo samosoznaniya* [Christian philosophy of the nation and problems of the Russian cultural self-consciousness]. St. Peterburg, Polytechnical Univ. Publishing House, 2004. 128 p. (In Russ.)

12. Kingston-McCloughry E.J. *Global'naya strategiya* [Global strategy]. Moscow, Zhukovsky, Kuchkovo pole Publ., 2005. 496 p. (In Russ.)

13. Dugin A.G. *Obshchestvovedenie dlya grazhdan Novoy Rossii* [Social studies for citizens of the New Russia]. Moscow, The Eurasian Movement Publ., 2007. 784 p. (In Russ.)

14. Tihomirov L.A. *Monarchicheskaya gosudarstvennost'* [Monarchic statehood]. St. Petersburg, 1992. 620 p. (In Russ.)

15. *Izbrannye pis'ma Iosifa Madzini* [Selected letters of Joseph Mazzini]. Moscow, Mediator Publ., 1905. 39 p. (In Russ.).

KISELEV Anatoliy I. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: amalexey@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.239.17

УДК 327

С.Ю. Волков

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ ГУГО ГРОЦИЯ

Статья посвящена изучению нравственного содержания и юридического осмысления международных отношений эпохи раннего Нового времени в доктрине основателя науки международного права Гуго Гроция (1583–1645). Важное место отведено исследованию философской основы этической концепции великого голландского ученого, его заслуг в становлении фундаментальной теории естественного права, а также конкретных принципов и методов, которые он предлагает для урегулирования политических потрясений. Актуальность обращения к исследованию идей Гроция определяется прежде всего тем, что в настоящее время вновь приобретают первостепенную значимость такие ключевые проблемы международных отношений, как смягчение религиозных конфликтов, устранение неоправданной жестокости военных действий, защита прав беженцев и военнопленных, обеспечение безопасности мирного населения, гуманное отношение к побежденному противнику.

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ; РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ; ГУГО ГРОЦИЙ.

Важнейшие проблемы международного гуманитарного права – преодоление национальной и религиозной нетерпимости, обеспечение прав беженцев и военнопленных, смягчение средств и способов ведения вооруженных конфликтов – в полной мере проявились еще на заре эпохи Нового времени. В наше время они вновь приобретают особую остроту, поскольку обозначившийся кризис Вестфальской системы сопровождается стремительным расширением географии войн и революций. Решение данных проблем в значительной степени связано с повышением значимости морального фактора в мировой политике и с эффективным использованием принципов и норм международного права. Стремление найти в постоянно изменяющейся политической обстановке начала XXI в. прочную основу для выстраивания мирного будущего всего человечества порождает особый интерес к творческому наследию основателей рационалистического направления доктрины естественного права, которые решали в своих трудах подобные задачи на этапе формирования Вестфальской системы.

Среди великих мыслителей раннего Нового времени наибольшее влияние на установление принципов правового и морального регулиро-

вания международных отношений оказал знаменитый голландский ученый, «отец науки международного права» Гуго Гроций (1583–1645). Он стремился создать правовые механизмы преодоления последствий важнейших социально-политических катаклизмов эпохи (Нидерландская и Английская буржуазные революции, религиозные столкновения во Франции и Германии), а также приобретавших общеевропейский масштаб вооруженных конфликтов, таких как Итальянские войны (1494–1559) и Тридцатилетняя война (1618–1648).

Целью своего главного трактата – «О праве войны и мира» (1625) Гроций считал доказательство существования «вечных, свойственных всем временам законов», которые сохраняют свою силу не только в мирное время, но и в период войны, когда внутригосударственные законы больше не действуют: «*Не следует начинать войну, ни продолжать начатую войну иначе, как соблюдая границы права и добросовестности*» [1, с. 50].

Признавая необходимость силы для проведения законов в жизнь, Гроций, тем не менее, считал, что даже лишенное поддержки силой право необходимо соблюдать, так как следование справедливости избавляет от душевных мук

и Божьего гнева [1, с. 49]. Данное обстоятельство дало основание крупнейшему отечественному исследователю политико-правовых учений В.Э. Грабарю отнести Гроция к «богословско-этическому направлению» в науке международного права. «Для этой школы характерной чертой является морализующая тенденция ее представителей. Гроций, хотя и отделяет мораль от права, но мораль играет в его системе видную роль. Так, она ограничивает суровое применение норм естественного права» [2, с. 22].

Разнообразие, аморфность и нестабильность базы источников права, характерные для эпохи раннего Нового времени, вызвали настоятельную необходимость четкого структурирования их системы. Поскольку средневековое феодальное законодательство отличалось крайней противоречивостью, Гроций взял за основу универсальный, хотя и весьма субъективный, источник права – естественный разум. Его проявления он находил в однородных правовых нормах различных государств, в общих религиозных канонах, а также в сходных рассуждениях прославленных юристов, правителей, богословов и литераторов. Что же касается «права народов» (т. е. международного права), то оно является в его схеме промежуточным звеном между естественным и внутригосударственным правом. Нормы «права народов» возникают, по мнению Гроция, на основании естественно-правовых норм, а также международных договоров, принимаемых подавляющим большинством субъектов международных отношений. По словам одного из последователей Гроция – швейцарского юриста-международника Эмера де Ваттеля, «убежденный в том, что нации, или суверенные державы, подчинены власти естественного закона, к соблюдению которого он так часто их призывает, этот великий ученый признает в основном естественное право народов (которое он называет иногда внутренним правом народов)» [3, с. 13].

Историческая заслуга Гроция состоит в систематизации огромного комплекса юридических, исторических и теологических источников и подведении под него стройной философской концепции. Его трактат надолго определил понимание права войны для полководцев, государственных деятелей и юристов-международников: несмотря на общее стремление к миру, война признавалась естественным состоянием

человечества, однако прибегать к ней допустимо только для сохранения принципов справедливости [4, с. 208–210].

Известный современный специалист в области генезиса этических идей Р.Г. Апресян видит фундамент концепции Гроция в одной из двух главных, сформировавшихся в рамках христианства традиций понимания должного поведения перед лицом несправедливости. В противоположность принципу «непротивления злу насилием» эта традиция отстаивала нравственную оправданность применения силы для противостояния агрессии. «Она восходит к Амвросию Медиоланскому и Августину Блаженному, который опирался на античных авторов, в первую очередь на Цицерона. Наиболее значимое классическое выражение она получила в поздней схоластике – у Фомы Аквинского, Ф. де Витория и Ф. Суареса, а современный вид приняла благодаря Г. Гроцию, чей трактат «О праве войны и мира» лег в основу международного права. Данная традиция оформилась в учении о справедливой, или оправданной войне, принципы которой выводились из норм допустимой самообороны» [5, с. 146].

Как отмечает исследователь этических аспектов государственно-правовых явлений В.Н. Жуков, «западноевропейский рационализм, ярко представленный в школе естественного права (Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, И. Кант), традиционно соединял право с разумом и моралью. „Разумная мораль” или „моральный разум” – это типичные для западноевропейской философии права начала, содержащие нормы естественного права и служащие ориентиром законодательству. Поскольку для естественного права вообще характерно обращение к человеку как некоей первичной инстанции, от которой право исходит и для защиты которой оно создается, постольку данную школу всегда интересовали моральные ценности, ставящие личность в центр социальной жизни» [6, с. 11].

Так, в предисловии к своему раннему трактату «Свободное море» (1609) Гроций, обращаясь к «государям и свободным народам христианского мира», выступает против «бессмысленного мнения» тех, кто полагает, что «правители не должны руководствоваться правом, что они действуют по своей воле, руководствуясь только соображениями пользы. Бог, создатель природы

и человека, установил законы, написанные не на меди и не на таблицах, а в чувствах и в сердцах людей, и этим законам подчинены все от мала до велика. Этим законам не могут не знать люди, не могут не знать народы. Ими поддерживается общество всего рода человеческого, его согласие и спокойствие» [7, с. 7–8].

Феодалные и религиозные войны XVI века, особенно начальная стадия кровопролитной Тридцатилетней войны, со всей серьезностью поставили вопрос о необходимости введения способов и принципов военных действий в цивилизованные рамки. Гроций решал эту задачу по двум направлениям, которые можно условно обозначить как «юридическое» и «этическое»:

1) сформулировал нормы естественного права и права народов, которые должны действовать как в мирное время, так и в период войны, нейтрализующей внутригосударственные законы;

2) подчеркнул значимость общечеловеческой и христианской морали, которая ограничивает «совестью» даже юридически допустимые акты.

Отношения между людьми бесконечно многообразны и трудноформализуемы, особенно в период жестоких кровопролитных войн, поэтому пытаться выработать специальную юридическую норму на каждый случай – это заведомо бессмысленная идея. Для решения данной проблемы ученый ранжирует уровни должностования поведения, чтобы в конкретных обстоятельствах участники не подгоняли под свои действия выгодную им произвольно выбранную правовую норму, а отталкивались от неизменных принципов естественного права, ориентируясь на возможно более гуманную форму взаимоотношений.

С самого начала, касаясь моральной оценки действий различных субъектов в ходе войны, Гроций подчеркивал дуальность возможных вариантов: поскольку законы (и божественные, и человеческие) в основном носят диспозитивный характер, то, даже не выходя за рамки норм естественного права, можно совершить не вполне справедливый поступок. Причиной это является тот факт, что главный критерий естественного права – справедливость – с необходимостью предполагает соответствие лишь разумной (но не обязательно нравственной!) природе человека. Свобода причинять вред и убивать

узаконена на войне, но право войны не освобождает от всякой вины, а лишь создает безнаказанность за совершение многих аморальных поступков в период военных действий.

В трактате «О праве войны и мира» подчеркивается необходимость добросовестности между врагами в ходе военных действий, так как она делает возможными установление перемирия и гарантирование прав сдающихся городов. При этом обязывающая сила обещаний возникает «на основе соединения разума и речи» (главных атрибутов человека, по Гроцию), «враги ведь не перестают быть людьми, а все люди, достигшие разумного состояния, способны приобретать права в силу обещания» [1, с. 762]. У победителя возникают определенные моральные обязанности перед побежденным: кроме нетерпимости к убийствам и грабёжам «даже в этих пределах» лучше быть милосердным, что иногда, «в зависимости от обстоятельств... просто необходимо» [Там же. С. 788–789].

В отличие от математики этика не дает абсолютных образцов, так как, во-первых, любая мелочь способна изменить оценку ситуации, а во-вторых, существует промежуточная форма между должным и недопустимым – «то, что дозволено делать» (т. е. разрешенное).

Критериями моральной оценки Гуго Гроций считает:

1) «доводы из самого дела, заимствующиеся из причин и сопутствующих обстоятельств»;

2) «советы мудрых», т. е. тех, кто обладает доверием окружающих, поскольку требуются «известного рода умение и опытность» [Там же. С. 538].

Если кто-либо, субъективно считая действие несправедливым, всё же совершает его, то оно порочно, даже объективно являясь справедливым. Следовательно, в случае неразрешимых нравственных противоречий лучше не делать вообще ничего, но если такое воздержание не решит проблем, то нужно выбирать наименьшее зло, поскольку «предпочтительнее оправдать виновного, чем осудить невинного» [Там же. С. 537–539]. В частности, Гроций указывает, что от войны «обычно проистекают великие бедствия даже для неповинных», поэтому при любой возможности и в случае колебаний следует от нее воздерживаться.

В современных ему международных отношениях ученый специально оговаривает

необходимость справедливого суда и неприемлемость «права талиона», указывая, что для законности убийства недостаточно раздражения победителя упорным сопротивлением или желанием устроить других: необходимо совершение потенциальной жертвой такого преступления, которое «беспристрастный судья» признает заслуживающим смерти. *«Природа не допускает воздаяние равным за равное в отношении кого-либо, кроме тех, кто совершил преступление. И не достаточно то соображение, что враги признаются как бы за некое единое тело... Даже польза, ожидаемая от устрашения на будущее, не создает права убийства... Еще меньше оправдывает избиение досада за испытанное поражение»* [1, с. 603, 706–707]. Общим правилом, по Гроцию, должен быть установлен приоритет ценности человеческой жизни по сравнению с любыми имущественными взысканиями.

Трактовка Гроцием правил ведения войны устанавливает многочисленные «ограничения» по «внутренней справедливости» даже тех действий, что юридически дозволены. «Посредством цитат из Библии, Илиады и других античных работ он пытался доказать существование международно-правового обычая, который разрешал бы во время войны убивать детей и женщин» [8, с. 223]. Но в последних главах трактата Гроций объявляет этот обычай противоречащим не только морали, но также «правопорядку высшего ранга» *aequitas ac jus naturale* (разумности и естественному праву). Следовательно, должна быть дарована жизнь детям, старикам и женщинам, священникам и клирикам, крестьянам и купцам, военнопленным и капитулировавшим.

Гроций видит актуальность и необходимость регулирования международных отношений с помощью естественного права, призывает к устранению неоправданной жестокости военных действий. *«Мы бываем иногда свидетелями жестокости над пленными и сдавшимися или же отклонения сдачи на милость победителя молящих лишь о сохранении жизни, если, будучи убеждены в несправедливости войны, они всё же продолжают оставаться с оружием в руках; если они уронили славу противника причинением огромного урона; если они нарушили клятву или иную норму права народов, как, например, права послов; если они являются перебежчиками»* [1, с. 706]. Гуманное отношение к врагу — залог введения в цивилизованные рамки такого за-

ведомо негуманного политического феномена, каковым является война.

Дополнительным фактором, усугубляющим последствия военных действий, в эпоху раннего Нового времени стал раскол европейского католического единства в результате начавшегося движения Реформации. Это потребовало качественно иного отношения к идеологии международных отношений. Подъем протестантизма сделал невозможным традиционный в европейских межгосударственных спорах эпохи Средних веков папский арбитраж, основанный на признании всеми сторонами конфликта религиозного и морального авторитета Святого престола. В результате юристы стали предлагать более рационалистические методы урегулирования конфликтов и всё чаще апеллировали к принципам и понятиям светской этики [9, с. 25].

Гуго Гроций выступал против религиозной нетерпимости не только в своих юридических трудах. Он написал несколько десятков теологических трактатов (около половины всего творческого наследия!). Как отмечают исследователи, они проникнуты идеей примирения церковью ради общечеловеческого блага [10, с. 568]. Например, в трактате *«De veritate religionis Christianae»* (1619–1621) Гроций доказывал, что высшая христианская истина находится вне конфессий, так как для спасения христианину необходимо лишь небольшое число исходных истин. Это открывало возможность для свободной дискуссии о менее важных религиозных догматах и мирного сосуществования различных церквей [11].

Однако в отличие от политико-правовых построений ученого, быстро получивших широкое международное признание, его высказывания о религиозной толерантности и ненаказуемости еретиков оказались чрезмерно идеалистическими, чтобы найти хоть какое-то серьезное воплощение в реальной действительности. Слишком сильны были религиозные противоречия, являвшиеся наиболее распространенной предпосылкой вооруженных конфликтов раннего Нового времени.

Жестокость вооруженных конфликтов данной эпохи, особенно общеевропейской Тридцатилетней войны, вызвала настоятельную потребность в регулировании прав многочисленной категории беженцев, сорванных

со своих мест боевыми действиями и часто не находящих приюта и защиты. В условиях войн и революций начала XXI в. проблема миллионов беженцев вновь приобрела особую значимость. Причем в решении данной проблемы важную роль играет именно этическая составляющая, так как мировое сообщество не может просто самоустраниться от помощи попавшим в безвыходную ситуацию людям, даже если эта помощь не оговорена в международных обязательствах.

По мнению Гроция, даже в мирное время проезжающие на чужой территории могут на неопределенное время остановиться в случае болезни или по другой уважительной причине, а также построить временное жилье для себя. Тем более обоснованы потребности вынужденных переселенцев, поэтому «иностранцы, изгнанные из места постоянного пребывания и ищущие убежища», должны быть им обеспечены, если готовы подчиняться местной власти и выдвигаемым ею условиям. При соблюдении законов страны пребывания и признании существующей власти они могут занять необработываемые пустоши в пределах другого государства (с разрешения или даже явочным порядком) [1, с. 211]. Что касается вещей первой необходимости, то их без разрешения хозяина получить уже нельзя, так как, возможно, он сам находится в нужде. Однако даже при условии, что местные жители сами бедствуют, беженцев изгонять запрещено [Там же. С. 212].

Актуальна и другая сторона данной проблемы: имеют ли право жители какой-либо страны на свободное переселение за ее пределы? Гроций отвечает на этот вопрос следующим образом. Если в условиях образования конкретного государства прямо не оговаривался запрет на выход граждан из-под его власти, то каждый может сам выбирать государство и покидать его, но «не скопом» и непременно погасив все свои обязательства, главное из которых — платить налоги. Причем, по мнению Гроция, такая свобода может быть выгодна и самим государствам, потому что стимулирует их власти к созданию достойных условий для жизни населения. «Принятие отдельных подданных, которые пожелают перейти из одного подданства в другое, не противоречит дружбе. Ведь это не только естественная, но и полезная свобода... К этому же я причисляю предоставление изгнанникам убе-

жища, ибо у государства нет уже никаких прав в отношении его изгнанников» [Там же. С. 255–256].

Следует учитывать важный нюанс: «Право убежища полезно тем, кто страдает от незаслуженного гонения, а не тем, кто совершит что-либо насильственное против человеческого общества или других людей» [Там же. С. 510]. Однако уже в Средние века в Европе, как подчеркивается в трактате «О праве войны и мира», установился обычай требовать выдачи лишь тех преступников, которые совершили либо особо тяжкие проступки, либо преступления, направленные на свержение законной власти и против государственного порядка. В остальных случаях принято «забывать» о них, если по поводу выдачи нет специального договора [Там же. С. 513].

Гуманистическая направленность трактата «О праве войны и мира» касается не только сохранения жизни людей, но и отношения к телам после смерти, которое во многом характеризует уровень цивилизованности общества. «По праву народов, имеющему источник в человеческой воле, обязательно также погребение тел умерших» [Там же. С. 439]. Оно предписывается прежде всего божественным правом, а внутригосударственное право поддерживает данную норму. Само происхождение обычая погребения (в различных вариантах — ингумация, мумифицирование, кремация) представляется спорным: возвращение тела земле, надежда на будущее воскрешение, защита от пожирания зверьем... Но независимо от этого нужно соблюдать «достоинство человеческой природы», предполагающее оказание погребальных почестей, «ибо противно разуму выставлять тайны человеческой природы после смерти напоказ всем, оттого мы издревле усвоили обычай погребать человеческие тела, дабы они тайно и вдали от взора истлевали в могильных склепах» [Там же. С. 442].

Гроций подчеркивает, что это необходимо не столько отдельному человеку, сколько «человечеству как таковому, то есть природе человеческой», поэтому погребать следует даже тела врагов. Хотя в отношении преступников существует спорная ситуация, не позволяющая говорить о предписании права народов, но ученый считает «достойным» погребение даже тех, кто сам отказывал в этом другим. Божественное право допускает оставлять без погребения лишь самоубийц (у некоторых народов также святотатцев и изменников). Показательно, что в

данном случае Гроций, вопреки свойственному ему стремлению всячески избегать войн, однозначно утверждает, что «по общему согласному мнению» (отраженному в праве народов) отказ в праве погребения может быть справедливой причиной объявления войны [1, с. 446].

Заканчивая трактат «О праве войны и мира», Гроций выражает мысль, которая была злободневной в XVII в. и, к сожалению, остается актуальной в начале XXI в.: «Некая звериная сила преобладает по большей части на войне; тем усерднее должно стремиться к тому, чтобы она смягчилась человеколюбием, пока, чрезмерно подражая диким зверям, мы не разучились быть людьми» [Там же. С. 823–824]. Как справедливо замечает В.Э. Грабарь, «дух гуманности, которым проникнута вся книга Гроция, в сочетании со значительным простором, предоставленным деятельности государственных людей, сделали ее для последних желанным, приемлемым руководством, а представителям науки книга Гроция импонировала главным образом созданной автором стройной системой естественного права» [12, с. 49].

Таким образом, популярность и влияние доктрины Гроция во многом обусловлены именно ее этической составляющей и гуманистической направленностью, которые, являясь

несомненным недостатком с точки зрения позитивистской школы международного права, обеспечили возможность гибкой адаптации его идей к изменяющимся условиям политической действительности. Фундаментальные принципы справедливости и гуманизма, характерные для естественно-правового направления, оказались более надежны и востребованы, чем любые формализованные «позитивистские» нормативные акты. Многие идеи Гроция (в том числе касающиеся устранения неоправданной жестокости военных действий) показали свою актуальность не только при создании Вестфальской системы международных отношений в XVII в. [13, с. 70], но и при обосновании приговоров военным преступникам Второй мировой войны и составлении уставных документов Организации Объединенных Наций триста лет спустя [9, с. 29–30]. В современных условиях, когда вооруженные конфликты вновь вспыхивают по всему миру, они приобретают первостепенную значимость. Хотя дискуссии о степени эффективности международно-правового регулирования острых противоречий не утихали никогда, заслуги великого голландского ученого в спасении огромного количества человеческих жизней не вызывают сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Госполитиздат, 1957. 868 с.
2. Грабарь В.Э. Гуго Гроций и Альберико Джентили как представители двух направлений в науке международного права // Изв. АН СССР. Отд-ние экономики и права. 1946. № 1. С. 13–25.
3. Ваттель Э. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 719 с.
4. Ивонина Л.И. Война в международно-правовых концепциях Вестфальской системы // Изв. Смоленского гос. ун-та. 2010. № 3. С. 208–219.
5. Апресян Р.Г. Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 143–153.
6. Жуков В.Н. Право и нравственность в русской школе возрожденного естественного права // Право и политика. 2001. № 1. С. 11–18.
7. Grotius H. The Freedom of the Seas or the right which belongs to the Dutch to take part in the East Indian Trade. N. Y.: Oxford University Press, 1916. 63 p.
8. Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 395 с.
9. Von Glahn G. Law among nations: an introduction to public international law. Needham Heights, Massachusetts, 1996. 734 p.
10. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ : Инфра-Норма, 1998. 624 с.
11. Ревуненкова Н.В. «Золотая книга» Гроция и лекция ГМИР // Религиоведение. 2014. № 3. С. 20–35.
12. Грабарь В.Э. Трактаты Гуго Гроция, посвященные международному праву // Изв. АН СССР. Отд-ние экономики и права. 1946. № 1. С. 39–51.
13. Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2001. 544 с.

ВОЛКОВ Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Россия, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

e-mail: fmo-volkov@rambler.ru

S.Yu. Volkov

ETHICAL ASPECTS OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF HUGO GROTIUS

The article is devoted to the study of moral content and the legal interpretation of the Early Modern International Relations in the doctrine of Hugo Grotius, the founder of the International Law Science. A great deal of attention is paid to the philosophical foundation of the great Dutch scholar ethical concept as well as to his contribution to the process of developing the fundamental theory of Natural Law. Besides the author places an emphasis on specific principles and methods that Hugo Grotius proposes to settle the political turmoil. The relevance of studying Hugo Grotius ideas is determined primarily by the fact that nowadays such key issues of International Relations as reconciliation of religious conflicts, the elimination of unjustified cruelty of military operations, protection of the rights of refugees and prisoners of war, the security of civilian population and the humane treatment of vanquished enemy are regaining the paramount importance.

ETHICAL STANDARDS; EARLY MODERN PERIOD; POLITICAL THEORIES; HUGO GROTIUS.

REFERENCES

1. Grotius H. *O prave vojny i mira* [On the law of war and peace]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. 868 p. (In Russ.)
2. Grabar V.E. [Hugo Grotius and Gentili Alberico as representatives of two trends in the science of international law]. *News of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Economics and Law*, 1946, no. 1, pp. 13–25. (In Russ.)
3. Vattel E. *Pravo narodov, ili Printsipy yestestvennogo prava, primenyayemye k povedeniyu i delam natsiy i suverenov* [Law of Nations, or the principle of natural law applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 719 p. (In Russ.)
4. Ivonina L.I. [War in the international legal concepts of Westphalian system]. *Bulletin of the Smolensk State University*, 2010, no. 3, pp. 208–219. (In Russ.)
5. Apresyan R.G. [Ethics of force – In opposition to violence and aggression]. *Problems of Philosophy*, 2010, no. 9, pp. 143–153. (In Russ.)
6. Zhukov V.N. [Law and morality in the revived Russian school of Natural Law]. *Law and Politics*, 2001, no. 1, pp. 11–18. (In Russ.)
7. Grotius H. *The Freedom of the Seas or the right which belongs to the Dutch to take part in the East Indian Trade*. New York, Oxford University Press, 1916. 63 p.
8. Anners E. *Istoriya yevropeyskogo prava* [The History of European Law]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 395 p. (In Russ.)
9. Von Glahn G. *Law among nations: an introduction to public international law*. Needham Heights, Massachusetts, 1996. 734 p.
10. Berman G.Dzh. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The Western tradition of law: the period of the formation]. Moscow, MGU Publ., Infra-Norm Publ., 1998. 624 p. (In Russ.)
11. Revunenkov N.V. [“The Golden Book” of Grotius and collection GMIR]. *Religious*, 2014, vol. 3, pp. 20–35. (In Russ.)

12. Grabar V.E. [Tractates of Hugo Grotius devoted to international law]. *News of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Economics and Law*, 1946, no. 1, pp. 39–51. (In Russ.)

13. *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* [Contemporary International Relations]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 544 p. (In Russ.)

VOLKOV Sergey Yu. — *Nizhniy Novgorod State University.*

Pr. Gagarina, 23, Nizhniy Novgorod, 603950, Russia

e-mail: fmo-volkov@rambler.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.239.18
УДК 172:94(47).084

В.В. Кузнецов, В.Ю. Климов, Р.А. Панов

ЧЕСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЭТИКИ ДОСТИЖЕНИЙ ИЛИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МОРАЛИ УСПЕХА (на примере политехников)

В статье рассмотрена проблема оппозиции этики достижений и морали успеха. Выявлены деловые, профессиональные и нравственные основания социальной стратификации. В качестве методов исследования выступили метод системного анализа, принцип единства исторического и логического. Результатом исследования является положение, характеризующее сложный и нелинейный характер социального отбора людей на значимые социальные позиции. Здесь работает как деловой аспект (на высокие позиции отбираются индивиды в соответствии с их заслугами перед обществом), так и коммунальный (в терминологии А.А. Зиновьева) аспект. Значимые социальные позиции занимают люди, преуспевшие в использовании законов социальности. Авторы статьи приходят к выводу, что этика достижений реализуется в деятельности элиты служения, тогда как мораль успеха является атрибутом элиты стяжательства. Одна из главных задач общества – борьба за доминирование этики достижений над моралью успеха как базовое условие успешного развития страны. На примерах заслуг выдающихся политехников показана реализация этики достижений. Экспозиция Музея боевой славы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, где представлены материалы о людях, являющихся примерами самоотверженного служения Отечеству, играет важную образовательную, воспитательную и развивающую роль.

ЧЕСТЬ; ЭТИКА ДОСТИЖЕНИЙ; МОРАЛЬ УСПЕХА; МЕРИТОКРАТИЯ; СОЦИАЛЬНЫЙ ОТБОР; ЗАКОНЫ СОЦИАЛЬНОСТИ; МУЗЕЙ.

Необходимым условием успешного развития общества является утверждение в нем этики достижений. Наиболее существенная черта данной этики – приоритет реальных заслуг человека над карьерным «умением жить» и искусством удобно устраиваться в социуме. Именно заслуги человека перед обществом должны быть основанием возможности занять значимую социальную позицию. Именно достижения в идеале должны играть доминирующую роль при выстраивании социальной стратификации.

Здесь существует следующая проблема. Во-первых, что считать истинными достижениями? Кажется, ответ очевиден – масштабные свершения большого политика, великие научные открытия и т. д. Но большие достижения не могут быть однозначно позитивными для народа, страны и человечества в целом. Великие дела большого государственного деятеля могут стоить народу немалой крови и страданий. Такое величайшее достижение цивилизации, как

освоение атомной энергии, угрожает самому земному бытию. То, что один народ оценивает как подвиг воина-героя, его исторический противник расценивает как убийство людей.

Во-вторых, еще Аристотель выделял другую сторону данной проблемы – качество самой оценки. Да, существует древний принцип «Слава героям, позор трусам» (Аристотель), который трансформируется у Питирима Сорокина следующим образом: «Преступление и кара. Подвиг и награда». Но кто именно оценивает, что является достойным деянием, а что подлежит осуждению, позору и презрению? «А судьи кто?» (У. Шекспир). Насколько люди, оценивающие поведение воинов, политиков, ученых как достойное или недостойное, сами являются достойными людьми, а тем более судьями, имеющими моральное и профессиональное право оценивать других? Тем более, что мировые религии, в частности христианство, предлагают нам императив воздержания

от нравственной оценки другого: «Не судите, да не судимы будете». Поэтому, на наш взгляд, поиск решения данной проблемы необходимо продолжить в контексте проблематики качества элит, представители которых могут быть достойны выступить в качестве судей. В этом отношении подлинной элитой является элита служения в противовес элите стяжательства. Предварительно мы можем определить достижение как то, что достигнуто на поприще государственного и профессионального служения, тогда как успех в данном контексте означает реализацию стратегии стяжательства. Это, в свою очередь, означает поиск деловых, профессиональных и нравственных оснований социальной стратификации.

Аналитика стратификационных моделей в европейской традиции начинается с античности. Одной из главных идей платоновского диалога «Государство» является принцип соответствия места человека в полисной иерархии его онтологическому достоинству [1]. Таким образом, Платон впервые в европейской традиции разработал концепт аристократии. Сущность данного концепта заключается в том, что власть должна принадлежать лучшим людям. Это стало основополагающим пунктом политических теорий со времен Конфуция и Лао Цзы, Платона и Аристотеля. Данный принцип заключается в том, что само государство аристократично по своему существу.

Эта проблематика уже в XX веке получила интересное и оригинальное развитие у русского философа И.А. Ильина. Главными критериями социального отбора лучших людей для осуществления политической власти являются, в терминологии И.А. Ильина, способность к «бескорыстному служению духу» и способность к «социальной организации братства». Данные способности составляют соответственно «этический и политический ценз» аристократии [2, с. 109].

Современная идея меритократии является, с нашей точки зрения, трансформацией аристократического принципа в реалиях Новейшего времени. Концепт меритократии формируется на стыке этики, политической теории и практики, социальной философии и социологии. Меритократия (букв. «власть достойных», от *лат.* *meritus* — достойный и *др.-греч.* *kratos* — власть, правление, или «власть заслуг», «власть

качеств») — принцип устройства социальной системы. Он предполагает, что значимые социальные позиции должны занимать наиболее нравственные и профессионально компетентные люди. При этом совершенно не важны их социальное происхождение и экономический достаток. Меритократия в нашем понимании есть практическое осуществление чести и достоинства как принципа культуры. Принцип меритократии реализуется в действии реального механизма, производящего социальный отбор наиболее достойных людей на высокие социальные позиции. Результатом данного процесса является та или иная степень соответствия значимых социальных позиций личностным и деловым качествам людей, занимающих их. Специфика меритократической системы, по нашему мнению, заключается в том, что данное понятие в новых современных условиях утверждает традиционный принцип духовной иерархии и нравственного достоинства. В этом его отличие от современной интерпретации понятия социальной стратификации, нейтральной по отношению к нравственным ценностям.

Отличие нашего подхода к понятию меритократической системы от принципа меритократии в интерпретации Х. Арндт, М. Янга, Д. Белла [3, с. 17] и З. Бжезинского заключается в лежащей в ее основе «идее ранга», разработанной И.А. Ильиным. Западные авторы, при всем различии оттенков смысла в их понимании меритократии, имели в виду процесс, при котором «значительная часть населения, усердно трудившаяся и усваивавшая прогрессивные культурные веяния, начала требовать для себя большего культурного веса» [4, с. 20]. По мнению же русского философа, одной из главных задач государства как такового является осуществление «идеи духовного ранга». Это предполагает создание механизма соединения «действительного ранга» и «социального ранга». «Действительным рангом» И.А. Ильин называет реальные качества человека. «Социальный ранг» составляют его права и обязанности, которые признаются за ним обществом.

В ситуации совпадения «действительного» и «социального» рангов государственная власть способна успешно решать стоящие перед ней задачи. Только в таком случае власть обладает подлинным авторитетом. Это способствует расцвету национальной культуры. В ситуации

несовпадения значимых социальных позиций и качеств людей, занимающих их, государственность в целом будет «порочной и несостоятельной». «Элита», состоящая из людей низких и недостойных, способна привести страну исключительно к деградации. В ситуации доминирования этики достижений создаются великая держава и великая культура. И.А. Ильин убедительно показывает, что подлинный социальный авторитет возникает из **«соединения обоих рангов»**. И когда это соединение удается, тогда идея ранга справляет свой духовный праздник: перед нами великий император (Петр I), победоносный полководец (А.В. Суворов), праведный Епископ (Феофан Затворник), прозорливый ученый (Д.И. Менделеев), замечательный организатор (С.И. Мамонтов), социальный воспитатель (Н.И. Пирогов), общепризнанный гениальный поэт (А.С. Пушкин), композитор (А.И. Бородин), живописец (И.К. Айвазовский). **Тогда ранг духовного качества и ранг человеческого признания** совпадают и национальная культура цветет» [2, с. 110].

Одним из следствий разрушения принципа чести и достоинства, которое произошло в современном мире, является ухудшение качества элит, в пределе — их деградация. Утрата доверия к метанарративам (сакральным традициям, мировым религиям, великим идеологиям) в свое время означала наступление ситуации постмодерна, по оценке французского философа Ж.-Ф. Лиотара [5, с. 7]. Данную ситуацию характеризует утверждение сложной комбинаторики порядка идей, высоких смыслов и порядка желаний, влечений, инстинктов. Доверие к высоким смыслам и идеям как основе традиционной власти оказалось утраченным. Но именно идеи и смыслы являются той нравственной опорой, помогающей людям преодолевать трудные жизненные обстоятельства и — самое главное — побеждать низменное начало в собственных душах.

Рассматривая в данном контексте структуру человеческих потребностей, современный российский политолог С.Е. Кургинян выделяет два качественно разных уровня. Первый уровень характеризуется им как уровень «чечевичной похлебки», в терминологии библейской притчи об Исаве и Иакове. Здесь реализуется животное начало, впрочем, совершенно необходимое для жизни. Это низший уровень. Фундаментальной

потребностью является потребность в безопасности, в основе которой находится базовый инстинкт самосохранения и основанный на нем страх. Но в человеке есть и высший уровень. Его образуют высокие идеи, смыслы, ценности, т. е. «первородство», в библейской терминологии [6]. Борьба за утверждение высшего уровня, сама возможность существования «первородства» и составляет сущность человеческого достоинства.

Но именно порядок инстинктов, т. е. «чечевичная похлебка», как новая власть, пришедшая на смену власти метанарративов, господствует в современном мире. Соответственно доминирующим типом современной власти стали уже не репрессивные практики, а манипулятивные технологии. Данная власть апеллирует именно к человеческому Низу, т. е. к низким и низменным желаниям, инстинктам и страстям. Таким образом, происходит управляемый процесс нравственной деградации современного мира, в котором культуру побеждает антикультура, т. е. культура человеческого Низа. «Культура Низа» была не просто метафорой, а рабочим понятием для автора данного концепта М.М. Бахтина, не имевшим у него негативной коннотации. Великий отечественный исследователь предложил идею «карнавальной культуры Низа» в противовес вертикали, как властной, так и духовной. По мнению Бахтина, духовная и властная вертикаль, вертикаль как таковая в своем логическом пределе ведет к опричнине Ивана Грозного или к сталинским репрессиям, жертвой которых стал сам Бахтин. Именно отсюда вытекает потаенная мысль Бахтина, высказанная им В.В. Кожину, что «и Евангелие — карнавал». Сам философ был православным человеком и патриотом. Другое дело, что данные идеи Бахтина, подобно научным достижениям А. Грамши, М. Фуко, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, уже после его смерти были использованы деструктивными силами для создания технологий разрушения отечественной государственности и культуры.

Поэтому нам необходимо выстраивание системы защиты культуры от разрушительных процессов. Существенным элементом этой системы традиционно являются музеи. Но и в их собственной деятельности проявилась разрушительная тенденция ситуации постмодерна. Это нашло выражение прежде всего в доминировании развлекательных функций

над просветительскими, в постепенной утрате музеями роли «храмов» подлинных вещей и в результате в тенденции прекращения существования музеев в их традиционном качестве. Тем не менее некоторые современные исследователи, в частности академик М.Б. Пиотровский, полагают, что сейчас происходит постепенное преодоление постмодерна в культурном пространстве нынешней эпохи [7, с. 32]. Одной из характеристик данного процесса применительно к музейному делу является то, что происходит постепенное преодоление культуры «копии и эрзаца». Можно говорить о повороте, возвращающем нас к подлинности. При этом, с одной стороны, всё более расширяются возможности виртуального доступа к музейным экспонатам. В современном музейном деле всё активнее используются возможности информационных технологий. Но, с другой стороны, свое достойное место вновь занимают подлинные предметы. Сейчас вновь повышается статус музея, хотя еще столетие назад всё более крепло убеждение о предстоящем окончательном исчезновении музея как такового. Возможная же будущая модель музея рассматривается как своеобразный символ развитого общества. В современном мире постепенно сложилась такая ситуация, что создание нового музея воспринимается обществом как значимый шаг поступательного движения страны вперед. То есть музей является значимым фактором развития.

Это происходит во многом потому, что современный музей – неотъемлемый элемент системы формирования этики достижений. Именно возвращение к приоритету подлинных предметов способствует утверждению подлинной значимости действительно выдающихся людей, так как это две стороны одного и того же процесса. Этика достижений предполагает, что реальные славу, почет и вознаграждение получают люди, имеющие большие заслуги на поприще служения Отечеству. Только в этом случае отечественная элита будет способна ответить на глобальные вызовы современности. Чтобы существовал феномен героизма или святости, необходимо их культивировать в обществе. Это относится и к другим видам социальной значимости, таким как знание, мастерство (профессионализм), гениальность и др. Нужна соответствующая общественная атмосфера и воспитание подрастающих поколений в духе

уважения к труду, ратному или мирному. Страна должна знать и ценить своих героев, например создателей нашего оборонно-промышленного комплекса. Именно они должны быть личностным примером для молодежи, тогда появятся новые Кошкины, Харитоны и Курчатовы. Только в этом случае возможно воссоздание принципа чести и достоинства, без которого невозможно всякое развитие. Именно музеи всегда играли в данном процессе значимую роль, в том числе возвращая незаслуженно забытым людям их истинный ранг (по выражению Н.Ф. Фёдорова, разработавшего оригинальную философию музея), «воскрешая их в благодарной памяти потомков» [8, с. 412].

Данная задача становится особенно важной в условиях ведения против России глобальной информационной войны. Цель информационных ударов – разрушение достойного образа враждебной цивилизации в целом. Это предполагает развенчание отечественного пантеона героев, дискредитацию людей, являющихся гордостью страны, ее реальной научно-технической элитой, крупнейших писателей, мыслителей, властителей дум. Важнейший шаг на этом пути – уничтожение достоинства предшествующих поколений, разрыв связи времен. В соответствии как с древними трактатами Сунь-Цзы [9] и У-Цзы («Искусство войны»), так и новейшими PR-разработками достигается следующая глобальная цель: уничтожение нравственных авторитетов, подрыв всего лучшего, талантливого и достойного в отечественной культуре. Музеи же играют важную роль в сохранении подлинно великого и достойного.

Другой большой бедой для любой страны, показателем ее будущей возможной деградации является доминирование морали жизненного успеха над этикой достижений. «Мораль успеха» – это система норм и «правил игры», оправдывающая жизненный успех любой ценой, часто не считаясь с нравственными средствами в реализации закона «экзистенциального эгоизма» (термин А.А. Зиновьева). Идея законов социальности является центральной в «логической социологии» русского философа и писателя А.А. Зиновьева. Эти законы работают, потому что «человеческие объединения включают множество людей». Отношения между социальными индивидами складываются, исходя из самого факта, что существует большое

количество людей. Поэтому люди действуют в силу законов «экзистенциального эгоизма». Данные законы «заставляют индивида действовать, исходя из его собственной социальной позиции, чтобы сохранить ее, по возможности укрепить или занять более высокую позицию» [10, с. 6]. Это значит, что нужно блокировать возможности других занять значимую социальную позицию, на которую претендует индивид. При этом могут использоваться как правила честной конкуренции, так и совершенно иные правила и приемы. Таким образом, основой законов социальности является преследование социальным индивидом собственных эгоистических интересов внутри своего коллектива. В отношениях с другими коллективами человек действует в интересах того коллектива, к которому он сам принадлежит.

Но в современной ситуации, когда законы социальности лишены прежних мощных ограничителей, таких как религия, мораль, культура, или их действие значительно ослаблено, на передний план выходят «кумиры толпы», «светские львицы» и «звезды» шоу-бизнеса. Всё превращается в симулякры: псевдогерои, псевдоавторитеты, псевдогении. «Кумиры» миллионов девальвируют любые формы подлинности. В современной России этика достижений, характерная для России православной и советской эпохи отечественной истории, на десятилетия уступила место морали успеха. В этой ситуации гораздо более важно внешнее признание, пиар, имидж как внешняя видимость образа, но не реальное содержание самого образа. Но если достижения не поощряются, а преступления не наказываются, если недостойное поведение не презирается и не осуждается, то возможным следствием является деградация культуры и общества.

Таким образом, при определении качества ситуации в современном мире в целом является тотальное и практически ничем не сдерживаемое господство законов и принципов социальности. Только в современном мире законы «экзистенциального эгоизма» получили наибольшее развитие, возможность действия в своем чистом, неприкрытом виде. Следовательно, определяющая черта постмодерна, с нашей точки зрения, — это тотальность проявления ничем не ограниченных законов «экзистенциального эгоизма».

Но в подобных условиях происходит уже не только «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), но и «восстание элит» (К. Лэш), когда сами элиты по своему уровню превращаются в массы. В данной ситуации страна рискует утратить свой пантеон героев и когорту выдающихся людей. В этом случае держава может прекратить свое историческое существование. Следовательно, наша главная задача — воссоздание этики достижений. Именно достижения должны получать в обществе признание и вознаграждение как подлинный жизненный успех. Проблема же заключается в том, что, с одной стороны, общество вознаграждает реальные достижения и заслуги в соответствии с принципами меритократии (власти достойных качеств), и в этом проявляется честь. Почетом пользуются действительно достойные люди в соответствии с их высоким статусом в стратификационной системе и социальной значимостью, формируется заслуженная позитивная репутация значимых людей. В этом смысле честь является одновременно основанием этики достижений и целью, ради которой эти достижения совершаются. Таким образом, этика достижений есть почести за подвиги, доблесть, героизм, жертвенность, почет и слава за трудовые и творческие свершения, поощрение лучшего, достойного. Элита, достойная своего названия, а не псевдоэлита, всегда формируется на великих и достойных личностных образцах.

С другой стороны, индивиды преуспевают в реализации закона «экзистенциального эгоизма», занимают выгодные и престижные социальные позиции. При этом они также получают соответствующий почет и уважение в обществе. С такими людьми считаются, ищут их дружбы и покровительства, боятся утратить их расположение. У них также формируется позитивная репутация. Социальный отбор в элиту происходит как на основании деловых заслуг и соответственно этики достижений, так и на основании успешности в реализации законов социальности. Во всем этом также проявляется честь, присущая высокой социальной позиции как таковой.

Следовательно, единственный выход — это борьба за утверждение этики достижений, которая целенаправленно формируется в культуре в целом и в таких ее сферах, как религия, мораль и нравственность, политика, экономика,

наука и искусство. В схеме культуры, предложенной А.Л. Казиным, именно религия является сакральным ядром культуры, в то время как остальные сферы — ее «внешние» оболочки. Конкретными социальными институтами, ответственными за укрепление этики достижений, являются семья, школа, в том числе и высшая, армия, профессия. В этой борьбе, как уже отмечалось, именно музеи способны сыграть существенную роль. Музей — важный инструмент культуры, понимаемой в широком смысле как собственно человеческий способ бытия в мире. Он участвует в работе системы образования, понимаемого как формирование человеческого образа, в воспитании личности, т. е. достойного человека. Музей — важный элемент в системе культуры, понимаемой в узком смысле, как искусство и образование, являясь значимым социальным институтом. В этом качестве музей реализует культурную политику государства, нацеленную на формирование определенных идей, смыслов и ценностей. Поэтому музеи традиционно значимы в отечественном образовании и воспитании новых поколений наших граждан.

Российское образование традиционно строилось на примерах великих свершений, в которых проявлялись воинский героизм, научный гений, конструкторский талант, художественная одаренность. В этой иерархии заслуг воинская доблесть традиционно для России находилась на первом месте. Сейчас первостепенной задачей является выстраивание системы нравственных идеалов, на которых возможно создание новой отечественной элиты, действительно достойной изначального смысла данного понятия. Поэтому предельно важны сохранение и передача памяти о подвиге великого поколения победителей в Великой Отечественной войне. Этот подвиг стал одним из главных цивилизационных достижений нашего народа за всю его историю.

История Великой Отечественной войны продолжает быть для нас одной из главных скреп национального самосознания, важнейшим основанием нашего цивилизационного самоуважения. Победа была и остается «точкой сборки» нашего исторического достоинства, центром «собиранья себя», узлом концентрации духовных сил. Это наше главное достояние в XX веке, да и за всю историю нашего Оте-

чества. Нам сейчас важно понять, насколько высоко было чувство и сознание собственного достоинства у военного поколения. Эти люди были уверены в своей способности преодолеть любые испытания. Очевидно, что без этой вдохновляющей памяти о величайшем нашем достижении мы перестанем быть единой страной и единым народом: «нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой».

Именно исторические музеи России являются хранилищами памяти героической истории нашего Отечества, свидетельств материальной и духовной жизни страны. Среди них особое место занимают военно-исторические музеи, собрания которых документируют военную историю, развитие военного искусства, оружия, военной техники и снаряжения. Музеи боевой славы — это особый род военно-исторических музеев. Еще неизвестный автор «Слова о полку Игореве» писал, что русские воины ищут «себе чести, а князю славы» [Цит. по: 11, с. 116–126]. Именно таков с древних времен был путь воина — защитника земли русской. Поэтому так необходимо воспитание будущих защитников. Воспитание патриотизма — это воспитание любви к Отечеству, преданности ему, гордости за его прошлое и настоящее. Идеи патриотизма, особенно в их высшем проявлении — готовности к защите Родины, во все времена занимали особое место в формировании молодого поколения. Военно-патриотическое воспитание имеет несомненный приоритет для развития страны, условием которого является духовное возрождение народа. Музеи боевой славы играют неопределимую роль в этом воспитании.

Достойное место среди Музеев боевой славы занял Музей Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Его экспозиция убедительно показывает, какую огромную роль сыграли политехники в Великой Отечественной войне, и прежде всего в деле создания оружия Победы. Мы можем назвать здесь такие имена, как Дмитрий Федорович Устинов (один из руководителей советского военно-промышленного комплекса в годы войны), Анатолий Аркадьевич Благонравов (создатель школ конструкторов стрелкового оружия), Анатолий Петрович Александров (руководитель работ по размагничиванию кораблей, по защите нашего флота от мин), Виктор Иванович Кузнецов (работчик системы стабилизации корабельных

орудий при стрельбе во время качки), Федор Федорович Петров (разработчик 152-мм гаубицы и 85-, 100- и 122-мм пушек для перевооружения танков Т-34 и ИС), Илья Иванович Иванов (создатель проектов орудий береговой артиллерии), Евгений Георгиевич Рудяк (руководил разработкой самого мощного отечественного орудия времен войны – 406-мм морского орудия). По проектам Бориса Михайловича Малинина было построено 143 из 206 советских подводных лодок, в том числе подлодки типа «Ленинец» и «Щука». Главную ударную мощь армии составили легендарные танки Т-34, КВ, ИС. Их конструкторы – выпускники-политехники Михаил Ильич Кошкин и Николай Леонидович Духов [12, с. 117].

Таким образом, музей является важным элементом в системе общественного признания. Музейный экспонат – предмет, достойный быть в музейной коллекции по своему культурно-историческому значению. Из многообразия предметов отбираются достойные музея. Из многообразия личностей выбираются те, кто достоин исторической памяти, те, чей жизненный и профессиональный опыт достоин сохранения и передачи, что и составляет собственно традицию. Идентификация с людьми, достигшими выдающихся успехов в области инженерного дела, в науке, политике, военном деле, спорте, является основой личностного и профессионального становления молодых специалистов. Истинная власть как духовная сила действует не только принуждением, но и прежде всего примером. Пример политехников – героев войны, великих конструкторов, выдающихся инженеров, создателей научных школ и направлений есть основа для формирования нового поколения российской интеллигенции.

В целом экспозиция Музея боевой славы убедительно показывает, что именно честь и достоинство были прочно заложены в корпоративную этику политехников, что особенно ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны. «Бескорыстное служение духу», в терминологии И.А. Ильина, в условиях войны означает прежде всего мужество и самоотверженность. В дивизиях народного ополчения, в разведке, боевой авиации, в танковых войсках и других родах войск сражались 3 тыс. политехников. Свыше 500 человек погибло на фронте,

еще больше сотрудников, преподавателей и студентов нашего вуза стали жертвами блокады. Звание Героя Советского Союза присвоено 17 политехникам. Если же говорить в целом о роли корпоративной этики Политехнического в достижениях его представителей, то необходимо отметить следующее. Из 13 наших соотечественников, награжденных Нобелевской премией в области науки, трое – Николай Николаевич Семёнов, Петр Леонидович Капица и Жорес Иванович Алфёров – являются политехниками. Почетное звание Героя Социалистического Труда получили 95 политехников [13]. Игорь Васильевич Курчатов, Юлий Борисович Харитон, Яков Борисович Зельдович, Кирилл Иванович Щелкин, Николай Леонидович Духов, разработчики советского ядерного проекта, были удостоены этого звания трижды [Там же]. Наш институт изначально создавался как элитное и одновременно демократическое высшее учебное заведение. Именно здесь впоследствии формировалась не просто научно-техническая элита России, но сверхэлита, «элита элит», составляющая 2–5 % от элиты, т. е. люди, создающие пионерские технологии и рождающие прорывные идеи. Героизм, научный гений, конструкторский и инженерный талант, профессионализм, слава являются видами социальной значимости, которой достигли политехники. И сегодня крайне важно сохранить эту эстафету памяти, связь между далеким прошлым и настоящим. Важно сохранить преемственность между героями, которыми по праву гордится университет и вся страна, и современными политехниками.

Российское общество всё более приходит к пониманию того, что научить юное поколение уважать людей, живущих рядом, их традиции, историю, любить родной край, страну, гражданином которой ты являешься, – значит укрепить основы государственности. Поэтому музей является важнейшим социальным институтом воспитания нового поколения. Существование этики достижений в форме социального признания реальных заслуг – необходимый элемент становления элиты. Почет и уважение, оказываемое достойным людям, есть важное условие достижений. Это необходимое звено успешного развития личности. Экспозиция Музея боевой славы представляет собой концентрированное в экспонатах пространство и время великой и

трагической отечественной истории XX века. Она показывает, что политехники явились, по сути, научно-техническим авангардом русской советской элиты как элиты великих достижений. Возрождение такой элиты — необходимое условие нашего движения вперед.

Величайшей признательности, уважения и любви заслуживает то поколение победителей. Мы можем гордиться их делами и верить в нашу страну, способную с честью выходить из самых трудных ситуаций. Мы сейчас ищем русскую национальную идею, способную стать ориентиром и вектором нашего развития. Представитель военного поколения вспоминает, что тогда такой идеей было «выстоять самому и помочь выстоять ближнему». Эта формула точно отражает суть происходящего в военные годы.

Сейчас вновь резко обострилась обстановка в мире. Вновь Россия находится в трудной ситуации. Значит, необходимо восстановление духовных, культурных и нравственных традиций. Определяющее начало для культуры и экономики — дух, который лежит в их основе и, собственно, их творит. Проявление же национального духа — это русская традиция достоинства человека. Восстановление ее есть условие воссоздания мощи нашей державы. Отечественная культура, важным элементом которой являются музеи, предлагает индивиду личностные образцы, достойные подражания, и модели достойного поведения. Только следуя достойным жизненным примерам, одухотворяясь высокими идеями, ценностями и смыслами, человек становится личностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон. Избранные диалоги / пер. В.С. Соловьёва и др.; под ред. В.Ф. Асмуса. М.: Худож. лит., 1965. 442 с.
2. Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. М.: Айрис-пресс, 2008. 515 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
4. Наука. Величайшие теории. Вып. 35. Камень, ножницы, теорема. Фон Нейман. Теория игр [пер. с итал.]. М.: Де Агостини, 2015. 168 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Изд-во Ин-та экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
6. Кургиян С.Е. Исав и Иаков. Методологическое введение. Т. 1—2. М.: ЭТЦ, 2009.
7. Собор лиц: сб. ст. / под ред. М.Б. Пиотровского, А.А. Никоновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 228 с.
8. Фёдоров Н.Ф. Поучительный памятник (музей) // Собр. соч. В 4 т. Т. 2 / сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семёнова. М., 1995. С. 370—422.
9. Сунь Цзы. Искусство войны / пер. Н. Конрада. СПб.: Аст, 2015. 191 с.
10. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 638 с.
11. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.
12. Конструктор боевых машин. Л.: Лениздат, 1988. 382 с.
13. Смелов В.А. Политехники: Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда. Л.: Изд-во ЛПИ, 1989. 106 с.

КУЗНЕЦОВ Владимир Викторович — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: volodiakuznetzov@yandex.ru

КЛИМОВ Валерий Юрьевич — кандидат исторических наук, директор Историко-технического музея Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: klimov.vu@mail.ru

ПАНОВ Роман Андреевич — заместитель директора Историко-технического музея Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: RomanPanov1986@yandex.ru

V.V. Kuznetsov, V.Yu. Klimov, R.A. Panov

HONOR AS THE BASIS OF ETHICS ACHIEVEMENTS OR AS A SIGN OF MORAL SUCCESS (the example of polytechnics)

Problem which is put in this article, is the opposition of ethics of achievements and morals of success. The purpose of work is identification of the business, professional and moral bases of social stratification. The method of the system analysis, the principle of unity historical and logical act as methods of research. The situation characterizing difficult and nonlinear nature of social selection of people on significant social positions is result of research. On the one hand, the business aspect according to which on high positions individuals according to their merits before society are selected works here. On the other hand, municipal (in A.A. Zinovyev's terminology) the aspect works here. Significant social roles are occupied by the people who succeeded in use of laws of a sociality. The author of work draws a conclusion that ethics of achievements are realized in activity of elite of service whereas the morals of success are attribute of elite of money-making. One of the main tasks of society is fight for domination of ethics of achievements over morals of success as a basic condition of successful development of the country. On examples of merits of outstanding polytechnicians realization of ethics of achievements at the St. Petersburg polytechnical university of Peter the Great is shown. The exposition of Museum of Military Glory shows examples of dedicated service to the Fatherland, playing the important educational, educational and developing role.

HONOR; ETHICS OF ACHIEVEMENTS; MORALS OF SUCCESS; MERITOCRACY; SOCIAL SELECTION; LAWS OF A SOCIALITY; MUSEUM.

REFERENCES

1. Platon. Izbrannyye dialogi. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 442 p. (In Russ.)
2. Ilin I.A. Nashi zadachi. Of vol. 1. Moscow, Ayrispress Publ., 2008. 515 p. (In Russ.)
3. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Moscow, Akademiya Publ., 1999. (In Russ.)
4. Nauka. Velichayshiy teorii. Pt. 35. Kamen', nozhnitsy, teorema. Fon Neyman. Teoriya igr. Moscow, De Agostini Publ., 2015. 168 p. (In Russ.)
5. Liotar Zh.-F. Sostoyaniye postmoderna. Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1998. 160 p. (In Russ.)
6. Kurginyan S.Ye. Isav i Iakov. Metodologicheskoye vedeniye. Of vol. 1–2. Moscow, ETTs Publ., 2009. (In Russ.)
7. Sobor lits. St. Petersburg, SpbGU Publ., 2006. 228 p. (In Russ.)
8. Fedorov N.F. Pouchitelnyy pamyatnik (muzey). *Sobranie sochineniy*. In 4 vol. Of vol. 2. Moscow, 1995. Pp. 370–422. (In Russ.)
9. Sun Tszy. Iskusstvo voyny. St. Petersburg, Ast Publ., 2015. 191 p. (In Russ.)
10. Zinovyev A.A. Na puti k sverkhobshchestvu. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2000. 638 p. (In Russ.)
11. Likhachev D.S. "Slovo o polku Igoreve" i kul'tura yego vremeni. Leningrad, 1978. (In Russ.)
12. Konstruktor boyevykh mashin. Leningrad, Lenizdat Publ., 1988. 382 p. (In Russ.)
13. Smelov V.A. Politekhniki: Geroi Sovetskogo Soyuzha, Geroi Sotsialisticheskogo Truda. Leningrad, LPI Publ., 1989. 106 p. (In Russ.)

KUZNETSOV Vladimir V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: volodiakuznetzov@yandex.ru

KLIMOV Valeriy Yu. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: klimov.vu@mail.ru

PANOV Roman A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: RomanPanov1986@yandex.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.239.19
УДК 355.13(470)

А.П. Беляков

ДУХОВНОСТЬ, НРАВСТВЕННОСТЬ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В СВЕТЕ СВЯТООТЕЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Статья посвящена осмыслению понятий «духовность», «нравственность», «духовно-нравственное воспитание». Указывая на многогранность этих понятий, автор обосновывает наличие в них как светской, так и религиозной составляющей. Духовность рассмотрена им в контексте религиозной православной традиции и понимается как состояние личности, которое проявляется в стремлении к идеалу, к высшим ценностям, связи с Богом. Нравственность представлена проявлением духовности в поведении человека, в его взаимоотношениях с окружающим миром. Нормы нравственности формируются традиционной религией. Процесс духовно-нравственного воспитания рассмотрен с позиции главных признаков духовности и нравственности: стремление человека к идеалу, ориентация на высшие базовые ценности и характер взаимоотношений между людьми.

ДУХОВНОСТЬ; НРАВСТВЕННОСТЬ; ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ; ТРАДИЦИЯ; РЕЛИГИЯ.

Как отмечал в Послании Федеральному собранию президент РФ В.В. Путин, «сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [1]. В нынешних условиях в силу ряда причин многие граждане России лишились четких нравственных ориентиров, критерии добра и зла оказались размыты, сместились понятия чести, совести, жертвы и подвига, нарушено духовное единство общества. Самой главной проблемой является то, что мы начали терять молодежь. У нее в подавляющем большинстве утрачена воля к защите своего Отечества и своих духовных ценностей. Молодые люди не имеют о них подлинных исторических знаний.

Не будет преувеличением утверждение, что от уровня духовности и нравственности каждого из нас зависят безопасность и судьба страны. Духовность и нравственность – это цементирующая сила, которая объединяет народ, помогает мобилизовать все внутренние резервы при возникновении опасности. Духовность и нравственность общества – это иммунитет

народа, противостоящий внутренним социальным болезням и внешним «инфекциям». В связи с этим В.В. Путин в упомянутом послании заявил о необходимости поддержать институты – носители традиционных ценностей. Одним из таких институтов является Русская православная церковь. Духовная жизнь человека в России в основе своей опирается на православную традицию.

Категория *духовно-нравственное воспитание* официально стала использоваться относительно недавно. В документах и риторике XVIII в. употреблялись понятия, соответствующие духовно-нравственным качествам, – *благое поведение, совесть, честь, благочестие*, делался упор на религиозные чувства. На протяжении 1800–1880-х гг., как отмечает М.И. Ивашко, процесс духовно-нравственного воспитания «в историографических источниках... назван как религиозное или религиозно-нравственное воздействие. В публикациях конца XIX – начала XX в. его чаще всего определяли религиозно-нравственным воспитанием» [2, с. 273]. Понятие «нравственное воспитание» также в ту пору присутствовало. Как пишет С.Э. Зверев, в 1825 г. вышел в свет учебник Я.В. Толмачёва «Военное красноречие, основанное на

общих началах словесности, с присовокуплением примеров в разных родах оного», глава III которого называлась «Нравственные качества подвластных воинов» [3, с. 243]. В 1838 г. появилась книга А. Кислова «Военная нравственность» [Там же. С. 263]. А.С. Сушанский в своем исследовании отмечает, что в XIX — начале XX в. «используются термины „нравственное воспитание“, „нравственный элемент в воспитании“, „военный дух“, „воспитание духовное“, „нравственное образование войск“. Духовно-нравственное понятие дается в частных категориях: литература духовно-нравственного содержания, духовно-нравственное состояние общества, коллектива и т. д.» [4, с. 12]. В указанный период публикуется целый ряд работ по нравственному воспитанию (*Дебольский Н.Г. Философские основы нравственного воспитания*. СПб., 1880; *Он же. Мысли и заметки о нравственном воспитании // Пед. сб.* 1881. Вып. 1–3; *Енгальцев П.Н. Словарь физического и нравственного воспитания*. СПб., 1827 и др.). В 1908 г. вышел сборник «Военно-нравственные беседы с нижними чинами» [5]. Категория «духовно-нравственное воспитание» не использовалась и в советское время. Говорилось только о нравственном формировании личности (например, исследования, касающиеся воспитания военнослужащих: *Андреев В.И. Нравственное воспитание солдат и сержантов в подразделениях частей сухопутных войск*. М., 1981; *Беляков И.И. Методологический анализ взаимосвязи нравственного воспитания и самовоспитания в формировании личности советского воина*. М., 1981; *Бондаренко В.Г. Проблема истины и морали и ее методологическое значение для нравственного воспитания советских воинов*. М., 1977 и др.). Понятие же «духовность» не вписывалось в марксистско-ленинскую идеологию и применялось весьма ограниченно.

Таким образом, как пишет профессор М.В. Захарченко, «определение „духовно-нравственный“ — новое для нормативно-правового тезауруса» [6, с. 8]. Оно начало завоевывать позиции «в течение последних двух десятилетий» [7, с. 9]. Лишь в 2007 г. законом № 309-ФЗ, внесшим поправки в закон «Об образовании», официально были введены категории *духовно-нравственная личность* (ст. 14, п. 2) и *духовно-нравственное развитие* (ст. 9,

п. 6). Значительным шагом в формировании российского образования была разработка в 2009 г. Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (авторы — члены-корреспонденты РАО А.Я. Данилюк и А.М. Кондаков, академик РАН В.А. Тишков). В соответствии с Концепцией духовно-нравственное воспитание — ключевой фактор развития страны и обеспечения духовного единства народа. Концепция стала методологической основой для разработки и реализации федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), одними из основных целей которых являются духовно-нравственное развитие и воспитание. ФГОС представляют собой совокупность требований, обязательных при реализации Основных образовательных программ, направленных в том числе и на духовно-нравственное развитие.

Современные интерпретации понятий *духовность* и *нравственность* многогранны и многочисленны. Эти категории имеют философское (как общие понятия), культурологическое (как ценностная структура культуры), социологическое (общества, социальных групп, личности), психологическое (как чувства и представления), теологическое и другие толкования.

Как замечает профессор А.И. Киселёв, «в научно-философской литературе до сих пор преобладает трактовка человека как биосоциального феномена, в то время как его душевно-духовная основа остается в тени» [8, с. 83]. В частности, в материалистическом понимании дух является всего лишь «высшим цветом материи». Но, как писал Ф. Бэкон, «легкие глотки философии толкают порой к атеизму, более же глубокие возвращают к религии» [9, с. 87]. По мнению Киселёва, «дух — упорядоченная разумом, окрыленная верой, укрепленная верой, укрепленная волей, согретая любовью, высвеченная надеждой, нравственно обогащенная устремленность души к идеалу» [8, с. 84]. Понятие *духовность* во всей своей полноте выходит за пределы понимания посюстороннего бытия. Оно, считает М.В. Захарченко, должно «пониматься как трансцендирование, как проявление фундаментальной двойственности человеческой природы, ее динамического начала, ее устремленности к самосовершенствованию» [10, с. 33]. Духовность связана с высшими ценностями, которые находятся за пределами ин-

дивидуального существования личности. Но в то же время, как пишет А.И. Киселёв, «духовное можно истолковывать не только как нечто трансцендентное или дарованное, но и как плотно спрессованную в индивидуальной душе человека культуру и предшествующих поколений, и своих современников, т. е. как плод совместных и индивидуальных усилий, впитывающих в себя нравственные подвиги лучших представителей человечества» [8, с. 85].

В культурологическом понимании мерилом духовности человека является знакомство человека с широким кругом прекрасного: классической литературой, музыкой, живописью, скульптурой, фольклором. Но, как замечает М.В. Захарченко, «такого рода понимание духовности ограничивает сферу духовной жизни» [11, с. 8]. В таком ракурсе категория *духовный* отождествляется с *культурный*, и душевное выдается за духовное. Но и здесь необходимо помнить, что для российской культуры православная традиция является культуурообразующей.

Социологи В.М. Азаров и С.М. Бурда отмечают, что структура духовно-нравственного фактора включает в себя: идейно-нравственные образования (мировоззренческие позиции, нравственные идеалы, принципы, нормы, определяющие отношение человека к обществу, государству и т. д.); общественно-психологические образования (потребности, интересы, ценностные факторы и т. д.); психические состояния социума (возбуждение, энтузиазм, подъем, спад и т. д.); массовые психические состояния (общение, адаптация, убеждения, раздражение и т. д.) [12]. Одним из носителей духовности и нравственности в социологии является религия. Она способна, как замечает доктор философских наук А.Н. Швечиков, «при благоприятных условиях охватить своим духовным и нравственным влиянием не только отдельных людей, но и всё общество, основные сферы его жизнедеятельности» [13, с. 11].

В психологии под духовностью понимается психическое состояние человека. В словаре С.И. Ожегова духовность трактуется как «внутренний психический мир человека, его сознание» [14, с. 178]. Источником духовности считаются чувства, которые, переплетаясь, порождают духовность. Но, как писал Н.А. Бердяев, «духовная жизнь познается совсем не

в психологическом исследовании душевных процессов. Психология есть наука о природе, естественная наука, а не наука о духе. Духовная жизнь как особое качество жизни душевной обычно ускользает от психологической науки» [15, с. 50]. Психическое состояние человека лишь отражает его духовное состояние. «Всё в человеке соотносено к духовному началу», — пишет Е.В. Шестун [16]. «Психология пока не рискует выйти за пределы земного бытия, — замечает он, — и то, что названо как источник духовности (сознание, созерцание, продукты деятельности), есть ее проявления в этом мире» [Там же]. По мнению М. Мамардашвили, есть вещи, которые можно сказать только на религиозном языке, только он описывает истины душевной жизни [17, с. 202].

Так как и философский, и социологический подходы указывают на существование в сфере духовности религии, нам важно более внимательно рассмотреть теологическое понимание духовности, которое восходит к апостольскому периоду.

Универсальной моделью для христианских мыслителей выступило учение о трехсоставности личности. Апостол Павел в своих посланиях показал, что в человеке соединены дух, душа и плоть [1 Фес. 5:23]. Он различал три категории людей: плотские, душевные и духовные — в зависимости от того, какая сторона преобладает [Гал. 5:16–6:2]. Душа выше тела, она его одушевляет. Дух стоит над душой и телом, он животворит душу и тело. Согласно апостолу Павлу, собственно дух — это высшая, таинственная способность в человеке, сообщающаяся непосредственно Духом Божиим [Рим. 1:9; 8:1, 5, 9, 11; 1 Кор. 14:1–2, 14–16; Гал. 5:5; Филимон. 25; Евр. 4:12]. Он говорит о духе как о сверхъестественной силе [1 Кор. 15:44]. Е.В. Шестун отмечает, что дух — это «та нематериальная часть человека, которая связывает его с вечным и непреходящим миром» [16]. Дух стоит над душой и телом, он животворит душу и тело.

У людей плотских идет непримиримая борьба между плотью и духом. «Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти... Дела плоти известны, они суть: прелюбодеяние, волшебство, вражда, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, ссоры, зависть, гнев, распри, ереси, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное...» [Гал. 5:17–21]. В этом слу-

чае душа, по словам И.А. Ильина, становится «служанкой телесных похотей и вступает в борьбу с духом» [18, с. 65]. «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание» [Гал. 5:22–23]. Тот человек, у которого преобладают желания плоти, живет исключительно для себя. Душевный человек старается жить для других. Духовный — стремится к высшему, непостижимому. Образец и пример совершенной духовно-нравственной жизни верующие люди видят в Иисусе Христе, который учил: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» [Мф. 5:48].

Таким образом, в религии духовность человека не связана с приземленными ценностями, а выражается в стремлении к Абсолютному и Бесконечному. Она является ключевым качеством личности. По убеждению Н.А. Бердяева, «духовность, идущая из глубины, и есть сила, образующая и поддерживающая личность в человеке» [19, с. 324]. В религии духовность есть высшая деятельность души, соединяющая человека с Богом. Иоанн Кологривов рассматривает духовность как «устремленность к стяжанию Духа Святого, безгрешности, нравственному совершенству, преображению души» [См.: 20, с. 237]. Предпосылки к такой устремленности в христианстве закладываются в каждом человеке при крещении. Е.В. Шестун считает «душу жизненным началом, а дух — началом благодатной жизни, „искрой богоподобия в человеке, дыханием вечности в нем”» [16].

Духовность дает человеку истинную внутреннюю свободу. «В христианстве понятие „духа” связывается с идеей сотворения человека по образу и подобию Божию. Дух и свобода рассматриваются во взаимной связи. Человек может жить „по закону плоти” — и тогда он порабощен. Но он может освободиться от этого закона и жить „по закону духа” — тогда он свободен. Это воззрение получило свое полное выражение в христианской традиции», — замечает М.В. Захарченко [10, с. 33]. Именно истинная внутренняя свобода есть главный плод религиозной духовности в отличие от светской. И если человеку, живущему по плотским законам, предоставить внешнюю свободу, то «он воспримет ее как бремя или вседозволенность» [8, с. 85]. Признавая наличие разных типов духовности, Н.А. Бердяев отмечает, что «христианская ду-

ховность отличается от нехристианской тем, что в ней всегда утверждается личность, свобода и любовь» [19, с. 323].

Для православной традиции характерно восприятие Бога как источника добра, справедливости, правды. В воспитании духовные отношения между Богом и человеком устанавливаются в определенной практике, которую задает религия. И в философском, и в теологическом ключе возникает проблема соотношения понятий духовности и религиозности, которая в рамках теологии связана с представлением о сущности духовной жизни и внешней формой религиозного почитания. Н.Л. Шеховская противопоставляет духовность и религиозность: «Духовность несводима к религиозности, проявляющейся лишь в формальном соблюдении церковных канонов и обрядов, но должна способствовать прочувствованному и осознанному сердцем сближению личности с Церковью, единению с Богом» [21, с. 15]. В православной педагогике внешняя религиозность носит подчиненный характер и должна содействовать воспитанию духовности. Преподобный Серафим Саровский в беседе с Н.А. Мотовиловым подчеркивал, что «молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько не хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимым средством для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьего» [22, с. 161]. То есть религиозность — это видимая, осознанная сторона стремления к высшему, горнему. Религиозность является лишь средством достижения главной цели. Т.Ю. Язынина, размышляя о духовности и религиозности отмечает, что «первая является глубинным стержнем; ею обусловлены весь ход становления личности, формирующаяся иерархия ценностей, личностные предпочтения. Она определяет позицию человека в отношении конечных вопросов бытия, смысла своей жизни, но редко осознается человеком во всей ее глубине. Вторая, имеющая центром постоянное представление себя перед Богом, протекает прежде всего в сферах сознания, чувств и волевой саморегуляции» [23, с. 13]. Следует отметить, что религиозность может быть и ложной, когда человек ограничивается лишь обрядностью или попадает в деструктивную секту.

Понятие *нравственность* рассматривается разными авторами и как самостоятельная категория, и как подчиненная духовности. Нравственность производна от нрав, нор, норов. По мнению В.В. Семенцова, слово «нрав» произошло от древнерусского слова «нар» — воин, богатырь [24]. Нрав — это сила человеческой воли. Е.В. Шестун считает, что «понятие *нравственность* произошло от нравить, т. е. любить» [25]. Нравственные принципы являются регуляторами чувств, желаний, поведения людей в обществе. По мнению М.В. Захарченко, «нравственность — способность человека к осуществлению нравственного закона как „закона свободы”» [26, с. 35–36], с религиозной точки зрения — свободы от порока, свободы от греха, свободы от личного эгоизма.

Если в светском понимании нравственные нормы зарождаются в обществе из человеческих взаимоотношений и складываются с течением времени в результате проб и ошибок, то для религиозного человека нравственные ценности задаются свыше, имеют сверхчеловеческий источник.

Ряд авторов пишут о неразрывном, целостном и гармоничном единстве духовности и нравственности. Е.В. Шестун отмечает, что нравственность «есть важное проявление духовности. Содержанием нравственности является то высшее, что можно охарактеризовать словами „истина”, „добро”, „красота» [16]. Духовность является основанием нравственности. Нравственность же — это одно из свойств человеческого духа, его мерило. Шестун приводит в своем исследовании мнение В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева: «Говоря о духовности, мы имеем в виду, прежде всего, его (человека. — А. Б.) нравственный строй, способность руководствоваться в своем поведении высшими ценностями социальной, общественной жизни, следование идеалам истины, добра и красоты... Человек духовен в той мере, в какой он действует согласно высшим нравственным ценностям человеческого сообщества» [См.: 16]. Посредством нравственности человек проявляет по отношению к другим людям свои душевные и духовные качества. Духовный человек не может совершить безнравственных поступков. Согласно Иринею (Орде), «нравственность — это категория духовности, или один из плодов духовного воспитания» [См.: 27, с. 68].

В соответствии с Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России «духовно-нравственное воспитание личности гражданина России — педагогически организованный процесс усвоения и принятия обучающимся базовых национальных ценностей, имеющих иерархическую структуру и сложную организацию. Носителями этих ценностей являются многонациональный народ Российской Федерации, государство, семья, культурно-территориальные сообщества, традиционные российские религиозные объединения» [28]. Этот процесс должен быть направлен в первую очередь на формирование положительных традиционных духовно-нравственных качеств человека. В широком смысле традиции, по мнению М.В. Захарченко, следует понимать «как способы организации совместной деятельности людей, устойчиво сохраняющей свои существенные характеристики на протяжении многих поколений» [26, с. 36]. Эта трактовка традиции предлагает смотреть на нее как на способ самоорганизации общества, как на систему условий духовно-нравственного становления личности. В православной традиции духовно-нравственное становление человека направлено на раскрытие его творческого потенциала, его уникального бытия как личности. Духовно-нравственное развитие и воспитание «неотделимо от жизни человека во всей ее полноте и противоречивости, от семьи, общества, культуры, человечества в целом, от страны проживания и культурно-исторической эпохи, формирующей образ жизни народа и сознание человека» [6, с. 7]. «Традиция не ограничивает развитие личности, а обуславливает ее становление, образует ее форму и содержание» [29, с. 114]. Духовно-нравственные ценности являются основополагающими в этом становлении.

Традицию можно рассматривать как предание, передаваемое из поколения в поколение. В православии предание рассматривается как Священное Предание. Под Преданием Е.В. Шестун понимает «живое преемство учения, духовности и опыта, которые берут начало от Христа и сохраняются в Церкви на протяжении столетий» [16]. Связь традиции с религией в целом и со Священным Преданием в частности определяет ее как цивилизационную традицию. «Если рассматривать религию в историческом времени со стороны ее влияния на образ жизни

ни носителей цивилизационной идентичности, на культуру и государственность, то система связей религии с другими сторонами данной цивилизации выступает как цивилизационная традиция», — пишет М.В. Захарченко [30, с. 83]. Цивилизационная традиция является стержнем, пронизывающим всю жизнь народа. Это своего рода уникальный код, который направляет все изменения, происходящие в обществе, верности заветам отцов, защите родной земли, готовности отдать «душу свою за друзей своих» [Иоан. 15:13], соборности, взаимопомощи и т. д. В этой связи ряд авторов выделяют в качестве важного элемента духовно-нравственного развития религиозное воспитание, которое является весьма значимым в наших традициях и которое, по мнению Захарченко, «не может быть не духовным» [31, с. 16].

И здесь в духовно-нравственном воспитании важнейшую роль играет церковь как хранительница Священного Предания и цивилизационных традиций. Такие исследователи, как А.М. Кузнецов, В.М. Котков, А.А. Плеханов, фактически ставят знак равенства между понятиями *религиозно-нравственное* и *духовно-нравственное воспитание* [32, с. 17; 33, с. 4; 34, с. 36]. Главная цель религиозно-нравственного воспитания человека в соединении его с Богом, в формировании образа и подобия Божьего в личности. В процессе духовно-нравственного становления личность приобретает особенные, ей одной свойственные черты и вместе с тем вбирает в себя вселенскую полноту, хранимую в традиции, в этом двуедином процессе обретая неотъемлемое свойство личности — уникальность. Обобщив все имеющиеся определения, можно сказать, что духовно-нравственное воспитание — это организованный и целенаправленный педагогический процесс, который, основываясь на стремлении личности к высшим ценностям и идеалу, способствует развитию и совершенствованию у нее духовных и нравственных качеств, выработыванию правильного

понимания смысла жизни, умения сохранять свое личное достоинство, с любовью и уважением относиться к другим.

Подводя итог, следует отметить, что понятия *духовность*, *нравственность*, а отсюда и *духовно-нравственное воспитание* в современной науке весьма многогранны, неоднозначны. Как показал проведенный анализ публикаций, ряд исследователей считают, что религиозная составляющая в них является доминирующей.

Духовность рассматривается нами в контексте православной цивилизационной традиции и понимается как состояние личности, которое проявляется в стремлении к идеалу, к высшим ценностям, связи с Богом. По мнению И.А. Ильина, чем глубже религиозность человека, тем он более духовен [35, с. 213].

Нравственность — это проявление духовности в поведении человека, в его взаимоотношениях с окружающим миром. Нравственность в сочетании с духовностью составляет основу личности. Духовность и нравственность неразрывно связаны между собой, но в то же время они имеют разные направленности. Если духовность характеризует «вертикальные» устремления человека (к высшим идеалам), то нравственность — «горизонтальные» (к отношениям с другими людьми и обществом).

Устоявшиеся стереотипы в отношении православной традиции воспитания ассоциируют ее с жестким подчинением индивидуальности религиозным нормам. Однако это не так. Нормы лишь образуют условия, при соблюдении которых возможно истинное духовно-нравственное становление личности. К соблюдению этих норм невозможно принудить, их можно только свободно принять. Духовно-нравственное воспитание, в основе которого лежат базовые цивилизационные традиции, пробуждает людей к истинной, внутренней свободе, делает их самостоятельными, целостными, стремящимися к совершенствованию, познанию высших ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Послание** президента РФ Федеральному собранию. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1603695.html#ixzz2NAPIZгyp> (дата обращения: 18.12.2014).

2. **Ивашко М.И.** Русская армия и церковь (XVIII — начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 507 с.

3. **Зверев С.Э.** Военная риторика Нового времени. СПб.: Алетейя, 2012. 400 с.
4. **Сушанский А.С.** Духовно-нравственное воспитание в военно-учебных заведениях России XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 2002. 25 с.
5. **Фёдоров Л.М.** Военно-нравственные беседы с нижними чинами. Одесса: Изд-во кн. склада духовенства Одесского военного округа, 1908. 89 с.
6. **Захарченко М.В.** Духовно-нравственное развитие и воспитание как ключевые категории в методологии проектирования образовательных программ // Матер. I Межрегион. науч.-практ. конф. «Системно-деятельностный подход в воспитании. Духовно-нравственное развитие и воспитание – главные приоритеты образования». СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2010 С. 6–15.
7. **Захарченко М.В.** Духовно-нравственное развитие и воспитание школьников: учеб.-метод. пособие. СПб.: Изд-во СПбАППО, 2011. 138 с.
8. **Киселёв А.И.** Духовность – сущность человека // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 2 (196). С. 83–91.
9. **Бэкон Ф.** Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. 572 с.
10. **Захарченко М.В.** Категория духовности в современном дискурсе об образовании // Образование, экономика, общество. 2014. № 1–2 (41–42), февраль – апрель. С. 32–36.
11. **Захарченко М.В.** Духовно-нравственное воспитание – перспектива развития российской школы // Матер. XII Межрегион. Знаменских чтений «Духовно-нравственное воспитание в новой школе России». СПб.: Изд-во СПб АППО, 2009. С. 7–15.
12. **Азаров В.М., Бурда С.М.** Оценка морально-психологического состояния военнослужащих // Военная мысль. 2001. № 3. С. 32–41.
13. **Швечиков А.Н.** Теоретико-методологические основы современного российского религиоведения: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. СПб., 2009. 393 с.
14. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. М., 1961. 900 с.
15. **Бердяев Н.А.** О человеке, его свободе и духовности: избр. тр. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 1999. 312 с.
16. **Шестун Е.В.** Православные традиции духовно-нравственного становления личности. URL: <http://www.pokrov-forum.ru/library/disertacii/shestun/> (дата обращения: 02.12.15).
17. **Мамардашвили М.** Психологическая топология пути. СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманит. ин-та, 1997. 568 с.
18. **Ильин И.А.** Путь духовного обновления // Собр. соч. В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 39–282.
19. **Бердяев Н.А.** О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
20. **Святая Русь:** энцикл. слов. рус. цивилизации / сост. О.А. Платонов. М.: Энцикл. рус. цивилизации, 2000. 1040 с.
21. **Шеховская Н.Л.** Духовность нравственного воспитания в русской философско-педагогической мысли (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Белгород, 2006. 42 с.
22. **Преподобный Серафим Саровский.** Стяжание Духа Святого. М.: Изд-во Ин-та рус. цивилизации, 2014. 480 с.
23. **Язынина Т.Ю.** Православные традиции офицерского состава российской армии: культуролог. анализ: дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2010. 194 с.
24. **Семенов В.В.** О нраве. URL: [http://ruskline.ru/media/play.php?mp3=/media/Slovo_i_obraz/10.O_nrave.MP3&name=Беседа 10. О нраве](http://ruskline.ru/media/play.php?mp3=/media/Slovo_i_obraz/10.O_nrave.MP3&name=Беседа%2010.%20О%20нраве) (дата обращения: 18.12.2014).
25. **Шестун Е.В.** Православная традиция духовно-нравственного становления человека. URL: http://azbyka.ru/nravstvennost_i_duhovnost/2g3-all.shtml (дата обращения: 01.12.2015).
26. **Захарченко М.В.** Категория «духовно-нравственная культура» в перспективе методологического развития категориального аппарата педагогической науки // Акад. пед. поиска: учитель – ученик: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПб АППО, 2011. С. 30–37.
27. **Кидайлова М.А.** Мысли епископа Иринейя (Орды) о религиозном воспитании в семье // Вестн. ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2007. № 4 (7). С. 64–79.
28. **Концепция** духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. URL: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/inklyuzivnoe-obrazovanie/fgos/kontsepsiya-dukhovno-nravstvennogo-razvitiya-i-vospitaniya-lichnosti-grazhdanina-rossii.html> (дата обращения: 01.12.2014).
29. **Захарченко М.В.** Проблемы воспитания в книге игумена Георгия (Шестуна) «Православная педагогика» // Вестн. ПСТГУ. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 1 (112). С. 111–126.
30. **Захарченко М.В.** Понятие цивилизационной традиции и его значение для моделирования образовательного процесса в школе России // Православный ученый в соврем. мире: сб. матер. II Междунар. науч.-практ. конф. В 3 т. Т. 3. Воронеж: Истоки, 2013. С. 77–85.
31. **Захарченко М.В.** Теория и практика духовно-нравственного развития и воспитания школьников: моногр. СПб.: Изд-во СПб АППО, 2014. 184 с.
32. **Кузнецов А.М.** Православное духовенство морского ведомства России и его роль в укреплении флотских традиций (XVIII – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 24 с.
33. **Котков В.М.** Религиозно-нравственное воспитание и досуг военнослужащих в русской армии. СПб.: Изд-во СПб ГУКИ, 1999. 344 с.

34. Плеханов А.А. «Помни, что солдат – Христов и Государев воин...» // Воен.-истор. журн. 2003. № 2. С. 35–38.

35. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Собр. соч. В 10 т. Т. 5. М.: Рус. кн., 1995. С. 31–222.

БЕЛЯКОВ Александр Петрович – начальник отдела Крыловского государственного научного центра. Россия, 196158, Санкт-Петербург, Московское шоссе, 44
e-mail: 9673031@gmail.com

A.P. Belyakov

SPIRITUALITY, MORALITY, SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION IN THE LIGHT OF THE PATRISTIC TRADITION

The article is devoted to understanding the concepts of spirituality, morality, spiritual and moral education. Pointing to their versatility, the author proves the presence of both secular and religious component. Spirituality in the present work is considered in the context of religious and Orthodox tradition is understood as a condition of the person, which manifests itself in the pursuit of the ideal, the highest value, connection with God. Morality is a manifestation of spirituality in human behavior, in its relations with the outside world. The rules of morality are formed by traditional religion. The process of moral education is considered from the perspective of the main signs of spirituality and morality: the human desire for the ideal orientation to the higher basic values and the nature of relationships between people.

SPIRITUALITY; MORALITY; SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION; TRADITION; RELIGION.

REFERENCES

1. [President's Message to the Federal Assembly of the Russian Federation]. Available at: <http://www.regnum.ru/news/polit/1603695.html#ixzz2NAPIZryp> (accessed 18.12.2014).
2. Ivashko M.I. *Russkaya armiya i tserkov' (XVIII – nachalo XX v.)*. Dokt. dis. [Russian army and the church (XVIII – beginning of XX centuries). Doct. Diss]. Moscow, 2007. 507 p. (In Russ.)
3. Zverev S.E. *Voennaya ritorika Novogo vremeni* [The military rhetoric of the New Age]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2012. 400 p. (In Russ.)
4. Sushanskiy A.S. *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie v voenno-uchebnykh zavedeniyakh Rossii XVIII – nachala XX v.* Avtoref. kand. dis. [Spiritual and moral education in military educational institutions of Russia XVIII – early XX centuries. Abstr. cand. diss.]. Moscow, 2002. 25 p. (In Russ.)
5. Fedorov L.M. *Voенно-nравstvennye besedy s nizhnimi chinami* [Military and moral conversations with the lower ranks]. Odessa, Publishing bookstore clergy of the Odessa Military District, 1908. 89 p. (In Russ.)
6. Zakharchenko M.V. [Spiritual and moral development and education as key categories in the methodology of designing educational programs]. *Materialy I Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sistemno-deyatel'nostnyy podhod v vospitanii. Dukhovno-nravstvennoe razvitiye i vospitanie – glavnyye priority obrazovaniya"* ["System-activity approach in education. Spiritual and moral development and education – the main priorities of education". Proc. of the I Int. Scientific and

Practical Conference]. St. Petersburg, 2010. Pp. 6–15. (In Russ.)

7. Zakharchenko M.V. *Dukhovno-nravstvennoe razvitiye i vospitanie shkol'nikov* [Spiritual and moral development and education school children's]. St. Petersburg, Academy of Postgraduate Teacher Education Publ., 2011. 138 p. (In Russ.)

8. Kiselev A.I. [Spirituality as fundamental human nature] *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 2 (196), pp. 83–91. (In Russ.)

9. Bacon F. Works. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 572 p. (In Russ.)

10. Zaharchenko M.V. [Category spirituality in contemporary discourse on education]. *Education, economy, society*, 2014, no. 1–2 (41–42), pp. 32–36. (In Russ.)

11. Zakharchenko M.V. [Spiritual and moral education – the perspective of the Russian school]. *Materialy XII Mezhhregional'nykh Znamenskikh chteniy "Dukhovno-nravstvennoe vospitanie v novoy shkole Rossii"* ["Spiritual and moral education in the new school of Russia"]. Proc. of the XII Inter-regional Znamensky readings]. St. Petersburg, 2009. Pp. 7–15. (In Russ.)

12. Azarov V.M., Burda S.M. [Evaluation of the moral and psychological state of military personnel]. *Military Thought*, 2001, no. 3, pp. 32–41. (In Russ.)

13. Shvechikov A.N. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy sovremennogo rossiyskogo religiovedeniya*. Dokt. dis. [Theoretical and methodological foundations of modern Russian religious studies. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2009. 393 p. (In Russ.)

14. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow, 1961. 900 p. (In Russ.)

15. Berdyayev N.A. *O cheloveke, ego svobode i dukhovnosti. Izbrannye trudy*. [About the man, his freedom and spirituality: Selected Works]. Moscow, 1999. 312 p. (In Russ.)

16. Shestun E.V. [Orthodox tradition of spiritual and moral formation of the person]. Available at: <http://www.pokrov-forum.ru/library/disertacii/shestun/> (accessed 02.12.2015).

17. Mamardashvili M. *Psikhologicheskaya topologiya puti* [Psychological topology path]. St. Petersburg, Publisher Russian Christian Humanitarian Institute, 1997. 568 p. (In Russ.)

18. Il'in I.A. [The path of spiritual renewal]. *Collected Works*. In 10 vol. Of vol. 1. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993. Pp. 39–282. (In Russ.)

19. Berdyayev N.A. *O naznachanii cheloveka* [On the appointment of a person]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 383 p. (In Russ.)

20. *Svyataya Rus'. Enciklopedicheskiy slovar' russkoy civilizatsii* [Holy Russia. Encyclopedic Dictionary of Russian civilization]. Moscow, Ehnciklopediya russkoy civilizatsii Publ., 2000. 1040 p. (In Russ.)

21. Shekhovskaya N.L. *Dukhovnost' npravstvennogo vospitaniya v russkoy filosofsko-pedagogicheskoy mysli (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX v.)*. Avtoref. dokt. dis. [Spiritual and moral education in the Russian philosophical and pedagogical thought (the second half of XIX – first half XX centuries). Abstr. doct. diss.]. Belgorod, 2006. 42 p. (In Russ.)

22. Prepodobnyy Serafim Sarovskiy. *Styazhanie Dukha Svyatogo* [The acquisition of the Holy Spirit]. Moscow, Institut russkoy civilizatsii Publ., 2014. 480 p. (In Russ.)

23. Yazynina T.Yu. *Pravoslavnye traditsii ofiterskogo sostava rossiyskoy Armii: kul'turologicheskiy analiz*. Dokt. dis. [Orthodox traditions officers of the Russian Army: cultural analysis. Doct. Diss.]. Krasnodar, 2010. 194 p. (In Russ.)

24. Sementsov V.V. [About the temper]. Available at: http://ruskline.ru/media/play.php?mp3=/media/Slovo_i_obraz/10.O_nrave.MP3&name=Interview10. About the temper (accessed 18.12.2014).

25. Shestun E.V. [The Orthodox tradition of spiritual and moral formation of man]. Available at: http://azbyka.ru/nravstvennost_i_dukhovnost/2g3-all.shtml (accessed 18.12.2014).

26. Zaharchenko M.V. [The category of “spiritual and moral culture” in the future methodological development of categorical apparatus of pedagogy]. *Akademiya pedagogicheskogo poiska: uchitel' – uchenik* [“Academy of Pedagogical search: teacher – student”. Collection of scientific articles]. St. Petersburg, Academy of Postgraduate Pedagogical Education Publ., 2011. Pp. 30–37. (In Russ.)

27. Kidaylova M.A. [Thoughts Bishop Irineya (Horde) about religious education in the family]. *Bulletin of Saint Tikhon's Orthodox University*. Ser. IV: Pedagogy. Psychology, 2007, no. 4 (7), pp. 64–79. (In Russ.)

28. [The concept of spiritual and moral development and education of the individual citizen of Russia]. Available at: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/inklyuzivnoe-obrazovanie/fgos/kontseptsiya-dukhovno-nravstvennogo-razvitiya-i-vospitaniya-lichnosti-grazhdanina-rossii.html> (accessed 01.12.2014).

29. Zaharchenko M.V. [Problems of education in the book igumen George (Shestun) “Orthodox pedagogy”]. *Bulletin of Saint Tikhon's Orthodox University*. Ser. IV: Pedagogy. Psychology, 2009, no. 1 (12), pp. 111–126. (In Russ.)

30. Zaharchenko M.V. [The notion of civilizational tradition and its significance for the simulation of the educational process in the school Russian]. *Pravoslavnyy uchenyy v sovremennom mire*. Materialy II mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Orthodox scholars in the world today: a collection of materials of the second international scientific-practical conference]. In 3 vol. Of vol. 3. Voronezh, 2013. Pp. 77–85. (In Russ.)

31. Zakharchenko M.V. *Teoriya i praktika dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya shkol'nikov* [Theory and practice of the spiritual and moral development and education of students]. St. Petersburg, Academy of Postgraduate Pedagogical Education Publ., 2014. 184 p. (In Russ.)

32. Kuznetsov A.M. *Pravoslavnoe dukhovenstvo morskogo vedomstva Rossii i ego rol' v ukreplenii flotskikh traditsiy (XVIII – nachalo XX v.)*. Avtoref. kand. dis. [Orthodox clergy Russian Navy Department and its role in strengthening the naval traditions (XVIII – beginning of XX century). Abstr. cand. diss.]. Moscow, 2000. 24 p. (In Russ.)

33. Kotkov V.M. *Religiozno-nravstvennoe vospitanie i dosug voennosluzhashchikh v russkoy armii* [Religious and moral education and leisure servicemen in the Russian army]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Culture and Arts Publ., 1999. 344 p. (In Russ.)

34. Plekhanov A.A. [“Remember that the soldier – Christ and the Emperor Warrior ...”]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 2003, no. 2, pp. 35–38. (In Russ.)

35. Il'in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu [On the resistance to evil by force]. *Collected Works*. In 10 vol. Of vol. 5. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1995. Pp. 31–222. (In Russ.)

BELYAKOV Aleksandr P. – *Krylov State Research Centre.*

Moskovskoe shosse, 44, St. Petersburg, 196158, Russia

e-mail: 9673031@gmail.com

DOI 10.5862/JHSS.239.20
УДК 164.3

О.Ю. Гончарко

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВРЕМЕННОГО АСПЕКТА ВИЗАНТИЙСКИХ И ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ГРЕЧЕСКИХ ШУТОК*

В статье приведены примеры греческих византийских и позднеантичных шуток, основанных на языковой игре с темпоральным аспектом реальности, дан их анализ средствами неклассических модально-временных логических систем. Предложенные логические модели не являются исчерпывающим объяснением всей полноты смешного в конкретной шутке, но представляют собой формальный аналог комических ситуаций и смеховых приемов, задействующих наши представления о времени. Цель данной работы – построение модально-временной модели шуток, понимание которых зависит от нашей способности соотносить различные модально-временные аксиоматики. В связи с этим наряду с модальными шутками (modal jokes), «шутками Рассела» (Russell jokes) можно было бы говорить и о «временных» шутках.

МОДАЛЬНАЯ ЛОГИКА; ВРЕМЕННАЯ ЛОГИКА; ЛОГИКА ЮМОРА; АНТИЧНАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА.

Степень применимости логического анализа к феномену смешного – это вопрос дискуссионный. Не стоит постулировать логические средства как основную методологию исследования содержания юмористических жанров. Однако тезис, который вдохновляет заниматься логикой юмора, прост: логика и юмор принципиальным образом связаны. По крайней мере, среди причин смеха можно выделить логические – пресловутый «интеллектуальный триумф от нахождения логической ошибки», словесная игра, предполагающая смещение семантических значений (двусмысленность, несоответствие означающего и означаемого, нарушение семантических запретов), вплоть до логических форм комического (игра противоречий, ирония) и т. п.

Логика и юмор. Общие положения. Исследуя приемы и структуры, общие для юмора и математики, J.A. Paulos выделяет следующие четыре момента:

1) математика, логика и юмор – это формы интеллектуальной игры с упором на интеллек-

туальную составляющую в математике и логике и с упором на игру в юморе;

2) они все создаются ради самих себя;

3) образцы, правила, структуры принадлежат всем этим трем интеллектуальным инициативам;

4) все три используют сведение к абсурду как важный прием построения рассуждений [1].

Итак, что может дать аксиоматический метод для изучения юмора в целом, так же как и модально-временные аксиоматики в частности? Аксиоматический метод, вероятно, знаком всем из общего курса школьной геометрии. Однако стоит дополнить (поскольку этого может не быть в школьном курсе), что любая система аксиом может сопоставляться с различными интерпретациями, что возможно, во-первых, потому что аксиомы содержат неопределимые понятия, и во-вторых, правила вывода не могут зависеть от той или иной предметной области. Интерпретация, которая устанавливает значения для абстрактных элементов теории и отношений между ними и относительно которой аксиомы оказываются истинными, называется моделью данной системы аксиом. J.A. Paulos приводит удачный пример того, насколько широко и на интуитивном уровне мы всюду используем аксиоматический метод: аксиомы

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00138 «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции»).

могут быть, например, уликами в расследовании преступления, а различные его сценарии – моделями данного множества аксиом [1].

Если некоторая теорема следует из множества аксиом посредством применения только лишь правил вывода, то значит, что эта теорема должна выполняться во всех моделях данного множества аксиом. Благодаря этому устанавливается так называемая разрешающая процедура для любого относящегося к данной теории суждения, которая позволяет определить, доказуемо ли оно из множества аксиом или нет: если суждение истинно в одних моделях и ложно в других, то оно не может быть доказано или опровергнуто из данного множества аксиом, т. е. является независимым от него. В этом устройстве аксиоматического метода нет ничего сложного – это просто более точная формулировка обычной логической идеи о том, что суждение не может быть доказано, если имеется контр-пример [Там же].

Суждения объектного языка – это суждения, которые могут быть сформулированы в рамках самой системы. Суждения мета-языка – это суждения о свойствах системы аксиом или о суждениях объектного языка. Некоторые виды шуток (будь то шутки в форме суждения или в форме истории или рассказа) предполагают различные несовместимые интерпретации. J.A. Paulos предлагает выразить формальную структуру таких шуток или историй следующим образом:

Рассказчик: *В какой модели аксиомы № 1, 2 и 3 истинны?*

Слушатель: *В модели M.*

Рассказчик: *Нет, в модели N.*

Другими словами, для «аксиоматических» шуток необходимы три составляющие:

1) аксиомы, которые выражены в начале шутки;

2) наличие «естественной» интерпретации аксиом (наиболее распространенной и знакомой слушателям);

3) некоторая неожиданная, возможно, нелепая и обязательно несовместимая с первой интерпретация, т. е. неожиданная модель, которая тоже удовлетворяет данному набору аксиом, следствием обнаружения которой и является смех [Там же].

Способность с помощью одного суждения выражать различные смыслы можно охарактер-

изовать в терминах трансформационной грамматики Наома Хомского: если можно указать более чем одну глубинную структуру суждения, то данное суждение с его поверхностной структурой как минимум двусмысленно. Это пример другого лингвистического средства для быстрого напоминания о том, что существуют две различные интерпретации одного суждения:

– *Когда же ты уже наконец-то бросишь курить ради меня?*

– *Но, дорогая, я никогда и не курил ради тебя.*

Способность произвольно рассуждать на мета-уровне или переключаться между различными интерпретациями, или какими-то иными путями преодолевать объектный язык – это необходимая составляющая того, что в естественном языке принято называть чувством юмора.

Временной аспект юмора. До сих пор среди работ по логике и математике юмора мы не встречали работ, в которых был бы представлен анализ структуры шуток средствами временных или модально-временных логик. Однако одновременно несколько аспектов комического являются «удобными» объектами для такого анализа:

1) внезапность (неожиданность) как формальную составляющую большинства шуток вполне можно моделировать с помощью темпоральных операторов различных временных систем; логический механизм нарушения ожиданий в юморе вполне может быть представлен средствами временных логик;

2) «излишняя логичность» в рассуждениях о времени как один из юмористических приемов;

3) различные временные парадоксы, которые обыгрываются в шутках, – это всё, создаваясь зачастую благодаря врожденной временной интуиции, некоторому естественному умению работать с темпоральными представлениями и бессознательно распознавать различные временные системы и схемы, может быть эксплицитно выявлено с помощью средств современной логики, осознано и представлено наглядно с помощью конкретных моделей различных шуток. Стоит сразу оговориться, что такой анализ – это попытка представить лишь некоторый небезынтересный формальный аналог определенного типа комических ситуаций и шуток, задействующих наши представления о времени, не претендуя на их исчерпывающее разъяснение.

Д.Н. Монго выделяет такую нашу психологическую особенность, связанную с успешным восприятием юмора, как восхищение чем-то новым и нестандартным и желание избежать скуки и монотонности [2]. Используя язык временной логики, можно эти психологические предпочтения выразить как склонность к определенной темпоральной структуре со свойствами дискретности и ветвления времени, с помощью которой можно построить модель внезапности смехового решения в шутках и нелинейности юмора в целом. Однако в юмористическом процессе такие модели строятся подспудно, содержатся имплицитно и распознаются с помощью врожденных временных интуиций и темпоральных представлений, а также с помощью произвольной способности работать с разными временными системами, которые могут быть эксплицитно выражены средствами модально-временных логик.

Связь временной логики и анекдотов, затрагивающих наши интуитивные представления о времени, хорошо иллюстрируется на анекдотах такого типа: *Некто окончил курсы быстрого чтения и написал об этом матери в письме. Мать в середине своего письма ответила: «Сейчас, поскольку ты прошел курс быстрого чтения, ты уже, наверно, закончил читать мое письмо».* Данный пример хорошо иллюстрирует, каким образом темпоральная «ошибка» в рассуждении матери, наложившись на содержание (информацию о пройденном курсе быстрого чтения), которое также содержит временную ссылку, дает неожиданный юмористический эффект.

А. Коестлер объясняет этот эффект следующим образом: дело в том, что логическая структура творческого процесса в науке, поэзии и юморе одинакова — это поиск и обнаружение скрытых соответствий (hidden similarities). Поэтому юмор удается в том случае, если есть бисоциация¹ двух несовместимых точек зрения, а также возможность (способность) переключения на другой тип логики [3]. J.A. Paulos также ставит перед собой задачу сопоставления операций и структур, общих для юмора и науки (логики, математики, лингвистики), и демонстрации различных понятий из этих

¹ Бисоциация — это комбинация из двух идей, взятых из разных контекстов, ранее казавшихся несовместимыми.

наук, которые можно использовать в качестве формальных аналогов для различных шуток и их образцов [1, с. 8]. Наша задача несколько уже — представить средства модально-временных логик в качестве формальной составляющей шуток о времени и построить темпоральные модели некоторым из них.

Модально-временной анализ юмора. Свести конкретные шутки к формулам и уравнениям не является самоцелью. Интересна сама попытка показать, как средства модально-временных логик (а именно аксиоматика и семантика модально-временных систем) могут работать при построении определенного типа шуток, многие из которых требуют, как уже было сказано выше, некоторого имплицитного понимания аксиоматического метода. Приведенные далее примеры шуток зависят (ради порождения смешного) от нашей способности соотносить именно модально-временные аксиоматики. В этом смысле юмор может интерпретироваться как способность работать на мета-уровне.

Для целей данной работы важно выделить ряд шуток, предполагающих нашу способность аксиоматически мыслить. К этой категории можно отнести самопротиворечивые шутки (или шутки с автореферентностью), которые называются в типологии шуток из «Математики и юмора» модальными шутками: «Модальные шутки образуются, когда содержание суждения несовместимо с его формой или способом выражения (статус суждения опровергает/разоблачает/противоречит его содержанию). Любой способ представления может быть смешным лишь по причине несоответствия содержанию: рок-версия „Мадам Баттерфляй” или мультипликационная версия „Унесенных ветром”» [Там же. С. 52]. В каком-то смысле модальные шутки — это вид так называемых «шутки Рассела», логическим фундаментом которых является какая-нибудь из версий расселовского парадокса или его решения: как правило, такие шутки вовлекают автореференцию (self-reference) или повторение (iteration). Например, невротик, переживающий о том, чтобы никогда не переживать. Или суждение о том, что множество суждений, упомянутых на этой странице, само упомянуто на этой странице и поэтому содержит само себя [1].

По аналогии с определением модальных шуток можно сформулировать и определение

темпоральных шуток как шуток, содержание которых противоречит той модели времени, которую предполагает. В уже упомянутом примере анекдота про курсы быстрого чтения статус предложения из письма матери («Сейчас, поскольку ты прошел курс быстрого чтения, ты уже, наверное, закончил читать мое письмо») противоречит нашей «обыденной» общепринятой модели времени, которая, как правило, не циклична, и поэтому на ней не может выполняться данное суждение.

Проиллюстрируем, как могла бы работать модально-временная логика, на примере нескольких позднеантичных и ранневизантийских анекдотов из сборника «Φιλόγελως» («Любитель смеха») [4], самого древнего из дошедших до нас сборников шуток и смешных историй; текст его представлен в нескольких рукописях XI–XV вв., относящихся, по всей видимости, к одному архетипу, вероятно, IV в. [5].

Желая поплавать, схоластик чуть не утонул. И вот теперь клянется, что не ступит в воду, пока не научится плавать [4, с. 2]. (здесь и далее перевод наш. — О. Г.) Модально-временная модель данного анекдота проста: невозможно научиться плавать, не ступив в воду. Противоречие в последовательности действий. Клятва невозможной последовательности придает статус необходимости. Необходимость некоторой последовательности действий в логике не совпадает с ее невозможностью, но как раз наоборот, с невозможностью ее отрицания. На подсознательном уровне мы мгновенно прокручиваем данные модально-временные сопоставления. Эффект комического возникает от наслаения двух противоречий: модального (приравнение невозможности к необходимости) и временного (предъявление обратного порядка действий).

Та же самая схема работает и в следующем анекдоте: *Придя к врачу, схоластик говорит: «Когда я просыпаюсь, то чувствую головокружение, но через полчаса всё в порядке». Доктор: «Через полчаса тогда и просыпайтесь»* [Там же. С. 3]. Доктор предписывает невозможный обратный порядок действий в качестве лечения постгипнотического головокружения: невозможно сначала подождать полчаса, а потом проснуться.

Почти такая же модель действует и в следующем анекдоте: *Схоластик, желая научить свою лошадь меньше есть, перестал ее кормить. Когда же лошадь умерла от голода, посетовал: «О, я*

несчастный! Она умерла в тот самый момент, когда научилась обходиться совсем без еды!» [Там же. С. 9], с тем только уточнением, что здесь к временным связям добавляются причинно-следственные без осознания схоластиком того, что они таковы. Он полагает, что его несчастье в том, что погибает лошадь, которая научилась совсем не есть, а не в том, что отсутствие еды погубило его, возможно, единственную, хоть и прожорливую лошадь.

— *Раб, которого ты мне продал, умер!*

— *Клянусь богами! Когда он служил у меня, он никогда себе такого не позволял!* [Там же. С. 18].

На примере этого анекдота можно проиллюстрировать, как одновременно действуют сразу же несколько приемов комического, один из которых — сопоставление временных аксиоматик (циклической и линейной моделей времени): с одной стороны, глаголу «умирать» присваивается неожиданное семантическое свойство повторяемости (что было бы истинным и одновременно несмешным на циклической модели времени), с другой стороны, эта семантическая «ошибка» влетает в предельно правильное (логичное до абсурда) информирование собеседника о том, что умерший до этого никогда не умирал.

Далее: *Два схоластика отправились путешествовать. И когда один из них отлучился по нужде и, вернувшись к дороге, обнаружил на верстовом столбе надпись «Догоняй!», то написал рядом «Нет, это ты подожди!»* [Там же. С. 42]. Этот анекдот также представляет модель со смещением темпоральных ссылок.

Схоластик судовладельцу дал денег в долг под процент. И повелел вернуть этот долг ему и его восьмилетним сыновьям в виде большого гроба и двух небольших гробов на вырост [Там же. С. 50]. С точки зрения математики, совершенно правомерная формула выплаты долга: размеры гробов пропорциональны росту сыновей, чем больше времени уйдет на выплату долга, тем больше вырастут и долг, и сыновья, и размеры гробов. Идеальный расчет как в случае одновременной выплаты долга и смерти обоих сыновей, так и в случае, когда сыновья не умирают, а долг не возвращается до момента, после которого они уже перестают расти. После этого момента при живущих далее сыновьях и невыплаченном долге условия сделки становятся невыгодными схоластику.

Схоластик, работая школьным учителем, как-то раз на уроке, внезапно посмотрев в угол, воскликнул: «Дионисий в углу плохо себя ведет!» А когда некто из учеников ответил: «Но Дионисий еще не пришел!», схоластик добавил: «Дионисий в углу плохо себя ведет всякий раз, когда приходит!» [4, с. 61]. Учитель не может быть неправ (это аксиома почти каждого начинающего учителя!), но, оказавшись в ситуации ошибочного суждения о Дионисии, схоластик срочно делает добавление к суждению, чтобы оно стало истинным, и делает достаточно изящно с точки зрения греческой грамматики: суждение из ложного превращается в истинное добавлением придаточного предложения, образованного с помощью *conjunctivus iterativus*. Ситуация при этом остается неизменной. Вместо того чтобы исправить суждение иным образом, по-человечески, т. е. указать на другого ученика в углу, который шумит вместо Дионисия, учитель блестяще превращает ложное суждение в истинное совершенно неожиданным образом: его грамматической перестройкой.

Схоластик, которого часто просили писать умершим эпитафии, как-то раз написал ее всё

еще живущему человеку. И когда тот обиделся, схоластик возмутился: «Вы никогда не предупреждаете заранее, когда собираетесь умирать, что вынуждает меня писать плохо, почти без подготовки!» [Там же. С. 90]. Комично также и возмущение относительно неисполнения обратного порядка действий: сначала узнать о непредвиденном событии (в данном случае о событии собственной смерти) и оповестить о нем схоластика, а потом уже осуществить его (т. е. умереть).

Конечно, соблазнительно говорить о предложенных моделях как о модально-временных «каркасах» шуток. Однако еще многое предстоит сделать, чтобы анализ с помощью средств модально-временной логики мог стать чем-то большим, чем просто метафорой. В общем и целом юмор и не может быть полностью редуцирован к формулам и уравнениям, несмотря на то что часто подспудно в шутках используются различные логические приемы. Тем не менее по большей части смешное всё равно зависит от содержания и не может быть полностью сведено к форме подачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Paulos J.A. Mathematics and Humor. The University of Chicago Press, 1980.
2. Monro D.H. Argument of Laughter. 1951.
3. Koestler A. The Act of Creation. 1964.
4. Φιλόγελος ἐκ τῶν Ἱεροκλέους καὶ Φιλαργίου ὑραγματικῶν. Philogelos sive Facetiae sub auctoribus Hierocle et Philargio. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/> (дата обращения: 30.05.2015).

5. Berg W. Philogelos: The Laugh Addict. The World's Oldest Joke Book. Translated and introduced by Professor William Berg. URL: <http://publishing.yudu.com/Library/Au7bv/PhilogelosTheLaughAd/resources/index.htm> (дата обращения: 30.05.2015).

ГОНЧАРКО Оксана Юрьевна — кандидат философских наук, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета.

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
e-mail: goncharko_oksana@mail.ru

O.Yu. Goncharko

TEMPORAL ASPECT ANALYSIS OF ANCIENT AND BYZANTINE JOKES

The article is devoted to the semantic analysis of Greek and Byzantine jokes, based on the language game with the temporal aspect of reality. Non-classical means of modal and temporal logic systems are applied in the article to the analysis of humor. The proposed logical models are not an exhaustive explanation of the fullness of funny aspects in a particular joke, but they represent the formal analogue of comic situations and comic techniques involving our understanding of time. The purpose of the article is to construct the tempo-modal joke models of the comic situations that assume our ability to relate the different modal and temporal axiomatic systems. In this regard, it would be possible to speak about “modal jokes”, “Russell jokes” and a “temporal jokes”.

MODAL LOGICS; TEMPORAL LOGICS; HUMOR LOGICS; ANCIENT AND BYZANTINE HUMOR.

REFERENCES

1. Paulos J.A. Mathematics and Humor. The University of Chicago Press, 1980.
2. Monro D.H. Argument of Laughter. 1951.
3. Koestler A. The Act of Creation. 1964.
4. Φιλόγελος ἐκ τῶν Ἱεροκλέους καὶ Φιλαγρίου γραμματικοῦ. Philogelos sive Facetiae sub auctoribus Hierocle et Philagrio. Available at: <http://stephanus.tlg.uci.edu/> (accessed 30.05.2015).
5. Berg W. Philogelos: The Laugh Addict. The World's Oldest Joke Book. Translated and introduced by Professor William Berg. Available at: <http://publishing.yudu.com/Library/Au7bv/PhilogelosTheLaughAd/resources/index.htm> (accessed 30.05.2015).

GONCHARKO Oksana Yu. — *St. Petersburg State University.*

Universitetskaya nab., 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

e-mail: goncharko_oksana@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ФИЛЬТРЫ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассмотрены вопросы оптимизации информационных потоков в образовательной практике на основе междисциплинарного анализа технологии управления вниманием индивида в информационном поле. Выделена актуальность исследования когнитивных ресурсов формирования интеллектуальных фильтров, обусловленная усложнением ориентации личности в семантических и социальных средах сетевого общества. Поиск эффективного ресурса противодействия информационному шуму и сетевой манипуляции индивидуальным сознанием ведется в рамках информационной парадигмы, согласно которой информация является ключевым системообразующим фактором социального и индивидуального развития. В качестве когнитивных ресурсов формирования интеллектуальных фильтров рассматривается методологический инструментарий, способствующий формированию ценностно-мировоззренческой матрицы в ментальной картине мира. Показаны возможности алгоритма преобразования сведений по методу объектно-документального анализа, который выступает в роли достаточно универсального способа фильтрации субъектом информационных потоков. Акцентируется возрастающая потребность в формировании интеллектуальных фильтров на базе критического мышления, создающего когнитивный потенциал саморегуляции в оценке систем суждений и действий индивида.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОЛЕ; ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА; ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ФИЛЬТРЫ; ОБЪЕКТНО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ; КРИТИЧЕСКИЕ МЫШЛЕНИЕ.

Образование призвано формировать необходимый для социальной адаптации и успешной самореализации уровень осведомленности индивида. В общих чертах такой уровень осведомленности соотносится с интеллектуальным капиталом, проявляющимся в способности индивида поддерживать собственную социальную и профессиональную компетентность на уровне, задаваемом обществом. Согласование динамики информационного поля социума и ментальной активности человека (ее структура включает рассуждение, понимание и оценивание) связано с формированием интеллектуальных фильтров, функция которых состоит в

определенном отборе, ограничении, структурировании информационных потоков.

Тренды современного образования диктуются расширением информационно-технологических сред, формирующих особый род виртуальной реальности и особый менталитет, в существенной мере корректирующий развитие личности. Интерактивная и гиперактивная коммуникативная сеть, способная трансформировать информационное поле и смыслы сообщений, создает риск деструкции базисных ментальных структур понимания на уровне коллективного бессознательного, практического и дискурсивного сознания. Острота проблемы

формирования интеллектуального потенциала личности в условиях динамичного нарастания информационных сред и социальных сетей сопряжена с новыми когнитивными барьерами в образовании, обусловленными современным типом клипового мышления [1].

Наша цель – выявить когнитивные ресурсы формирования интеллектуальных фильтров в условиях информационного общества, определить возможности теоретико-методологического инструментария, способствующего повышению эффективности образовательной и интеллектуальной деятельности индивида, с учетом информационного влияния сети. Сложность поставленной задачи требует обращения к работам самого широкого круга исследователей.

Проблема формирования информационного общества, оценки его различных компонентов является одной из самых обсуждаемых тем в современной гуманитарной науке. В конце XX в. специфику и закономерности новой информационной эпохи в развитии общества констатировали в своих трудах Маклюэн [2], Тоффлер [3], Белл [4, 5], Бжезинский [6]. Научное основание для анализа эволюции информационного общества было заложено работами Винера [7], Урсула [8], Ланкастера [9], Коштоева [10], в которых раскрывается мировоззренческий и общенаучный смысл феномена информации. Вопросы исторической эволюции средств обработки и хранения информации исследовали Карр [11], Питерс [12, 13], Гейтс [14]. В последнее время актуализируются вопросы управленческой и футурологической проблематики [15–17].

Информационная революция во втором десятилетии XXI в. продолжает стремительно менять мир, предоставляя человечеству принципиально новые решения и возможности во многих сферах. В то же время революционное влияние информационно-коммуникативных технологий на все стороны жизни общества провоцирует опасность фундаментального сдвига в представлениях о пространстве, времени и социальном порядке, создает угрозу когнитивным ресурсам индивидуального действия. Трансформирующая роль информационных потоков в формировании социальной реальности особенно подчеркнута в работах Бека [18], Кастельса [19].

Вместе с тем следует отметить недостаток работ междисциплинарного плана, органично

объединяющих достижения различных научных отраслей и предлагающих инвариантную по отношению к виду деятельности человека методологию работы с современными информационными потоками. Исследований, нацеленных на разработку теоретико-методологического инструментария, способствующего эффективности интеллектуальной деятельности индивида в информационном обществе и выявление возможностей данного инструментария в образовательной сфере, пока нет. Этим обусловлена актуальность исследования образовательно-информационной практики индивида, в основании которой лежит когнитивная деятельность, связанная с поиском, сбором и анализом информации, приведением ее к оптимальной форме представления. При этом в фокус задач индивидуального развития и обучения попадает тот уровень ментальной активности, который исследователи связывают с неформальной логикой и критическим мышлением [20].

В согласованном заявлении Американской философской ассоциации и группы экспертов критическое мышление трактуется как целенаправленная, саморегулирующаяся система суждений, используемых для интерпретации, анализа, оценки и формулирования выводов, а также для объяснения доказательных, концептуальных, методологических, критериологических или контекстуальных рассуждений, на которых основана сама система суждений [21, 22].

В данной работе используется метод междисциплинарного синтеза, истоки которого обнаруживаются еще в греческой философии, в ее стремлении построить единую науку как универсальное знание. В синтезе знания современная философия выделяет три типа междисциплинарных взаимодействий. Первый тип отношения – онтологическое соподчинение, которое характеризуется предметной редукцией. В этом случае знания из более развитой научной дисциплины используются в другой дисциплине, выполняя методологическую функцию. Второй тип отношений – методологическая зависимость. В таком случае в рамках одной науки воспроизводятся схемы и нормы научного познания, принятые в другой. Третий тип отношений – научно-практическое взаимообоснование. В этом случае знания разных областей науки, дополняя друг друга, практически и аксиологически обосновывают

предметную специфику каждой из взаимодействующих наук. Мы будем опираться на третий тип междисциплинарного взаимодействия, который предполагает научно-практическое взаимообоснование философии, психологии, социологии, информатики.

Междисциплинарная методология нашего исследования обозначена информационной парадигмой. Мы исходим из того, что информация является ключевым системообразующим фактором социального и индивидуального развития, о чем убедительно свидетельствует современная практика общественной жизни, будь то наука, экономика или культура. В анализе формирования интеллектуальных фильтров ведущую методологическую роль играет когнитивная парадигма, подчеркивающая базовую роль формализации систем знания в образовательном процессе в аспекте трансляции знания, его восприятия и прочтения.

Объективные основания формирования интеллектуальных фильтров в истории общества. В образовательном процессе системообразующая роль информации прослеживается на всем протяжении истории. Более того, стремление передать последующим поколениям знания, дополненные, выверенные, преумноженные, порождает технологии сохранения, переработки и трансляции информации.

Первые информационные технологии были выработаны на довербальной стадии развития общества. Наиболее надежной технологией хранения кодированного знания стало использование прочных носителей – скал и массивных твердых объектов. Однако, обеспечивая надежную трансляцию по времени, они сделали практически невозможной передачу информации на расстояние, поэтому появляются «мобильные» носители информации (таблички, пергамент, а затем книга).

Развитие науки, в которой формируется устойчивая технология кодировки накопленных знаний о мире, приводит к универсализации системы кодировки и, следовательно, к возможности обучения этим системам. Чтобы обучение проходило проще, его процедуры были формализованы.

Формализация, а затем систематизация накопленной человечеством информации свидетельствуют о том, что на определенном этапе

развития общества суммарный объем знаний превышает индивидуальные возможности человека по восприятию / обработке / трансляции информации. Дальнейшее усовершенствование процессов формализации и систематизации информации приводит к тому, что процедуры кодировки / декодировки информации устраняются из поля внимания пользователя, которому нет необходимости знать, как работает счетная машина и компьютер, достаточно обучиться лишь процедуре обращения с устройством. Это облегчает информационную деятельность человека. Но коллективный доступ к компьютерным сетям становится одной из причин динамичного увеличения объема доступной информации.

Оперирование постоянно возрастающими информационными фондами становится сложнейшей задачей. Появляется тенденция к упрощению доступа к информационным ресурсам. В публикациях также обозначается сдвиг к упрощению контента, переход от строгих научных документов к популярным статьям, дневникам, форумам. На этом фоне ценность информации становится относительной, что перерастает в серьезную проблему коммуникативных семантических барьеров и возникающего в сети информационного шума.

На первый взгляд упрощенный доступ к информационным ресурсам разгружает человека психофизиологически, поскольку требует меньших напряжений, умственных и физических. Теперь доступ к сетевым ресурсам требует лишь наличия вполне доступных технических средств. Но давление информационного шума усиливается, создавая новые проблемы в трансляции и восприятии знания.

Проблема информационного шума в сетевом обществе. Классическое (техническое) определение информационного шума как помех в канале, которые делают сигнал нерелевантным, было дано К. Шенноном [23]. В социально-гуманитарных науках это явление получает вариативную трактовку. В культурологии информационный шум определяется как условно-индифферентная для индивида информация [24], в социологии – как случайная низкокачественная информация [25]. Коммуникативисты определяют данное явление как избыточность информации в коммуникативной среде, кото-

рая вызывает функциональное расстройство ее систем [26]. Несмотря на отсутствие терминологической определенности, можно отметить, что все трактовки информационного шума отражают одну общую черту, определяя информационный шум как помехи, имеющие источником внешние факторы, искажающие сообщение, нарушающие его целостность, уменьшающие его полезность и возможность восприятия реципиентом. Нерелевантная информация затрудняет получение социально значимых для человека сообщений, усложняет его ориентацию в информационном пространстве. Это, в свою очередь, приводит к затруднению ориентации человека в окружающем его мире, нарушаются социальные связи, повышается уровень манипуляции сознанием.

Можно выделить два вида информационного шума: преднамеренный и непреднамеренный. Помехи, которые влияют на восприятие реципиентом информации без целенаправленного вмешательства со стороны, создают непреднамеренный информационный шум. В случае преднамеренного информационного шума вокруг события создается столько информации, что реципиенту трудно определить, что есть вымысел, а что есть ложь. Таким образом, феномен информационного шума способствует формированию новых каналов сетевой манипуляции индивидуальным сознанием.

Так, шведские мыслители Я. Бард и Ж. Содерквист, совершив своеобразный экскурс из феодального прошлого в информационное будущее, показали, что главная ценность информационного влияния состоит не столько в самой информации, сколько в доступе к ее сортировке и манипулированию. Управление в обществе осуществляется через навязывание стереотипов поведения и потребления продуктов. В качестве основной характеристики сетевого общества они выделили тенденцию к новой классовой дифференциации по признаку доступа к информации и формированию власти нетократии [15].

Иерархия нетократии опирается на членство в той или иной сети. Нижняя ступень системы объединена в сеть неограниченного потребления, членом которой может стать любой желающий. На вершине иерархии нетократы, владеющие знанием и сетью связей, которые могут быть полезны для создания определенно-

го информационного поля в данной конкретной сети и манипулирования сознанием.

Спорность предположений и вместе с ними определенная претензия на пророчество присутствуют в размышлениях этих авторов, однако представленный ими богатый фактологический материал позволяет признать их предположения вполне уместными для характеристики отношений в современных социальных сетях.

Мы констатируем обострение проблемы когнитивных ресурсов ментальной активности в связи с нарастанием информационного шума в сетевом и социальном пространстве, что, в свою очередь, ставит вопрос о формировании эффективных интеллектуальных фильтров в образовательной практике. Создание мнимого многообразия информационных каналов, сознательное зашумление информационных потоков, переключение внимания на надуманные информационные поводы и множество других мер – суть технологии управления общественным вниманием. В итоге массовый потребитель получает или недостаток ценной информации, на основании которой мог бы строить эффективную деятельность, или избыточно зашумленный информационный поток, вычленив из которого ценную информацию представляется очень сложной задачей. При невозможности самостоятельно менять содержание информационных потоков потребителю информации приходится вырабатывать средства противостояния информационным манипуляциям, используя тот или иной набор принципов или правил отбора из потока ценной для субъекта информации.

Проблема формирования интеллектуального фильтра. Структурирование, ограничение, сжатие, кодирование информации соотносится с функциями интеллектуального фильтра. Термин не новый. Им пользовался А. Бергсон [27], утверждая, что мы практически не способны выдержать свои мысли, не пропуская их сквозь интеллектуальный фильтр. Бергсон фактически приравнял к интеллектуальному фильтру интеллект как таковой, поскольку, с его точки зрения, интеллектуальная деятельность исчерпывается процессом кодирования/декодирования мысли. В современной литературе термином *интеллектуальный фильтр* обозначают специальный инструментальный рациональной

деятельности, который сводится к набору процедур по анализу сообщений, вычленению из них квантов информации на основании заданных критериев и правил.

Специализация инструментария рациональной деятельности по отбору сообщений свидетельствует о накоплении в процессе исторического развития социума огромного массива данных, превышающего психофизиологические ресурсы восприятия индивида. С момента разделение массива накопленного в социуме знания на отраслевые знания человек в силу своей ограниченности в восприятии знания вынужден заниматься поиском нужной информации, просеивать информационные потоки и массивы на предмет соответствия черпаемых знаний определенным запросам. По ходу развития технологий накопления и хранения данных процедуры отбора совершенствовались, повышая качество рациональной деятельности человека, подготавливая почву для роста знаний и когнитивной эволюции человека.

Разделение труда привело к возникновению специализации и появлению ремесел, накопление сведений о мире стало причиной появления научного знания, а потребность транслировать его во времени привела к необходимости развития практики образования, с помощью которой стала формироваться комплексная система фильтрации информационных потоков. В процессе образования у индивидуума создается невидимый «интеллектуальный скафандр» через отсеечение не представляющих ценности информационных сообщений или блокирование нежелательных вторжений в его информационное пространство. Отметим, что гибкость и плотность такого «скафандра» зависят от вида и строгости критериев, составляющих суть интеллектуального фильтра, функции которого реализуются через активизацию критического мышления. Чтобы дать подрастающему человеку механизм регулирования интенсивности и качества информационного обмена с окружающими информационными системами, цели образования должны быть адекватными социокультурной и технологической модели информационной сети.

Эффективность интеллектуального фильтра в процессе познания особенно важна в системе науки и образования. Научные сообщества давно осознали необходимость интеллектуального

фильтра, реализуя стремление стандартизировать процедуры интеллектуальной фильтрации информационного поля, например сформировать методологический комплекс, независимый от особенностей индивидуального сознания, но ограничивающий информационное поле научной дисциплины. Примером можно считать требования М.В. Ломоносова к процессу реферирования, изложенные в статье «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» [28].

Подчеркнем, что и в сети, и в образовательной практике человек получает информацию о фактах и объектах в переработанном виде, как результат применения третьими лицами интеллектуальных фильтров. Делегирование функций интеллектуального фильтра, которое часто осуществляется с привлечением независимых профессионалов для выполнения информационной аналитики, можно обозначить как аутсорсинг функций интеллектуального фильтра. Например, политик, зачитывающий с листа текст речи, составленный специалистом, может не обладать должными знаниями, чтобы создать документ и понимать смысл озвучиваемого. В условиях информационного общества услуги такого аутсорсинга становятся абстрактными, неопределенными, но весьма востребованными из-за программной сложности сети. При этом у информационных заказчиков отсутствуют возможности проверить качество выполненных услуг.

С внедрением в повседневную жизнь и деловую практику технических средств возросла агрессивность информационных вторжений в индивидуальное информационное пространство в виде прямой рекламы, спама, внедрения рекламы в бесплатные продукты. Одновременно повысились и технические возможности противостояния несанкционированным вторжениям в индивидуальное и коллективное информационное пространство с помощью авторизации, установки фильтров и антиспама на почтовых серверах.

В контексте проблем образовательной практики в сетевом обществе информационная экспансия подспудно стимулировала обращение к когнитивным ресурсам социума и индивидуального сознания в вопросе формирования интеллектуальных фильтров.

Когнитивные ресурсы формирования интеллектуального фильтра составляют не простую задачу. Выделим два ее аспекта: феноменологический и символический. Им соответствуют два уровня когнитивных структур, носителей значений и смыслов. Необходимое для трансляции знания соединение культурных и феноменальных смыслов происходит только в индивидуальном сознании. Внеперсональные структуры знания и принципы его организации не могут выполнять функций интеллектуального фильтра помимо ментальной активности в виде рассуждения и понимания.

Уровень понимания характеризуется как оценивающее наделение смыслом [29] и соотносится с деятельностью критического мышления, сочетающей аффективные (эмоциональные) качества и когнитивные навыки, в частности такие, как интерпретация, анализ, оценка, формулирование выводов, объяснение, саморегулирование. Главный акцент в критическом мышлении ставится на предшествовании оценочному суждению интенсивной интеллектуальной работы, которая неявно предполагает логику анализа и логику понимания [20].

Таким образом, можно утверждать, что интеллектуальный потенциал личности в полной мере определяется не суммой знаний и набором компетенций, а способностью критического мышления.

В отношении внеперсональных когнитивных структур возникает вопрос: возможен ли универсальный комплекс рациональных процедур, который обеспечит наибольшую эффективность интеллектуальной фильтрации информационных потоков и будет инвариантен по отношению к культурной, дисциплинарной, профессиональной специфике? Основанием для такого универсального интеллектуального фильтра могут выступать характерные особенности мышления человека, фиксированные в формальной логике, а также его психофизические и биометрические параметры: объем оперативной и долговременной памяти, пропускные возможности органов чувств (информационных каналов), физические и физиологические возможности, определяющие границы способности человека генерировать, хранить, перерабатывать и транслировать информацию. Поставщиком сведений о таких особенностях может служить когнитивная психология, кото-

рая в 1965 г. положила начало целому научному направлению – инженерной психологии [30].

Внеперсональные когнитивные структуры составляют смысловые ориентиры интеллектуальной фильтрации. Рассмотрим возможности объектного реферирования в познавательной и образовательной практиках. В этом случае индивидуальные когнитивные действия направляются алгоритмом преобразования сведений в соответствии с методом объектно-документального анализа [31]. Рациональные процедуры фильтрации представляют собой структурирование информационного потока в определенной последовательности, расчленение его на информационные кванты и перегруппировку выделенных квантов по четырем категориям (надобъекты, объекты, подобъекты и связанные объекты). Надобъекты определяются по степени их значимости в качестве ответов на соответствующие вопросы, задаваемые исследователем при изучении сообщения в целом, – «что?» (сделано, проанализировано, разработано). Объекты определяются вопросом «для чего?», подобъекты – «благодаря чему?», связанные объекты – «что еще известно на данную тему?». Подобная оптимизация и последующее представление отфильтрованной на ее основе информации наиболее приближены к естественным принципам действия интеллекта человека. Структура, оптимизирующая процесс познания и понимания, фиксируется последовательностью вопросов: «что? / для чего? / благодаря чему? / что еще известно?». В системе науки действует схожая структура подачи информации: «предмет / объект / задачи / разработанность темы».

Алгоритм объектного реферирования, активизирующий естественную для человека оптимизацию восприятия информации, можно рассматривать в качестве универсального метода формирования интеллектуального фильтра в образовательной практике. Формат алгоритма «надобъекты, объекты, подобъекты, связанные объекты» предполагает универсальные логические процедуры, характерные для форм абстрактного мышления, а также допускает учет параметров, находящихся за пределами формальной логики, но влияющих на логический вывод. Полагаем, что алгоритм объектно-документального анализа может выступать основанием для формирования личностного интел-

лектуального фильтра любым представителем информационного сообщества. Различие будет заключаться только в уровне постижения алгоритма действия и его применения на практике.

Итак, в технологии преобразования сведений по методу объектно-документального анализа единицы информации (объекты разного вида) соответствуют типовому набору вопросов (для чего? – что? – благодаря чему? – что еще известно?), которые всегда присутствуют в сознании любого человека в проблемной ситуации. Таким образом, формат «надобъекты, объекты, подобъекты, связанные объекты» воспроизводит структуру естественного интеллекта человека. Результатом интеллектуальной фильтрации становится комплексный набор инфоквантов [32], объединенный в составленный по особым правилам документ – объектный реферат. Универсальность формата «надобъекты, объекты, подобъекты, связанные объекты», дополненная развитыми гипертекстовыми связями, создает своего рода повышенную интеллектуальную «проводимость». Это способствует большей технологичности создаваемой базы сведений, более четкой фиксации новизны в исходном тексте и помогает оптимизировать мыслительные навыки современного специалиста.

В отношении образовательной практики можно рассматривать формат оптимизации сведений «надобъекты, объекты, подобъекты, связанные объекты» в качестве теоретико-методологического инструментария, который способен повысить эффективность образовательной и интеллектуальной деятельности индивида в информационном обществе. Чтобы убедиться в практической обоснованности этого допущения, технология преобразования сведений по методу объектно-документального анализа была применена в процессе преподавания на семинарских занятиях по философии и культурологии. На одном из первых семинаров студентам объяснялся теоретический базис технология преобразования сведений по методу объектно-документального анализа, затем каждому выдавался фрагмент специализированного текста объемом от 0,5 до 2-3 страниц и предлагалось трансформировать линейную текстовую структуру в формат с развитыми гипертекстовыми связями. На первом этапе практического освоения задание выполнялось

параллельно всеми студентами вместе с преподавателем. Впоследствии на занятиях предлагался дополнительный текстовый материал, семантически связанный с изучаемыми темами, для предварительной домашней и последующей совместной проработки. Этим обеспечивались, во-первых, более серьезная подготовка к семинарскому занятию, во-вторых, отработка практических приемов технологии преобразования сведений по методу объектно-документального анализа. В качестве итоговой семестровой работы по читаемому курсу предлагался вариант задания, включающий в себя анализ любого достаточно объемного специализированного текста (15–20 страниц) и построенную по нему объектно-документальную схему. Таким образом, студент был вынужден прочитать и проработать текстовый источник, а не просто предоставить его в распечатанном виде.

Следует добавить, что введение представленного метода в образовательную практику активизирует формирование способности критического мышления. Специфика критического мышления определяется понимающей позицией, в которой наиболее существенное значение имеют вопросы анализа аргументов и их составляющих, вопросы интерпретации и понимания. По определению критическому мышлению соответствуют три уровня сложной интеллектуальной деятельности: исследование, интерпретация, заключение. Стратегия критического мышления определяется стремлением к содержательной логике с обязательной коррекцией неформальных логических ошибок в процессе интерпретации и оценке суждений и событий.

Наращение информационного шума в сетевом и социальном пространстве обостряет проблему формирования эффективных интеллектуальных фильтров, оптимизирующих информационные потоки в образовательной практике. Исследование когнитивных ресурсов формирования интеллектуальных фильтров позволяет сделать вывод, что способность критического мышления, создающего интеллектуальный потенциал саморегуляции в оценке систем суждений, является важнейшим условием согласования динамики информационного поля и ментальной активности человека в условиях сетевого общества.

Анализ применения технологии преобразования сведений по методу объектно-доку-

ментального анализа в процессе преподавания гуманитарных дисциплин (философии и культурологии) показал, что алгоритм объектного реферирования вынуждает студентов работать с текстовой информацией, осуществляя ее интеллектуальную фильтрацию. В результате освоения алгоритма развивается способность критического мышления, что позволяет говорить об универсальности данного метода, поскольку у

будущих специалистов формируется прочный навык анализа любой текстовой информации.

Рост значимости критического мышления как универсального и высокоэффективного инструментария интеллектуальной фильтрации информационных семантических потоков ставит вопрос о пересмотре идеала образования, который определен как сумма профессиональных компетенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Березовская И., Шипунова О.** Обратная сторона мультимедиа педагогики: клиповое мышление // *Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome-Italy*. 2015. Vol. 6, no. 6. Pp. 277–280.
2. **Маклюэн М.** Пресса: правительство News-leak // *Otechestvennyye zapiski*. 2003. № 32.
3. **Тоффлер А.** Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
4. **Белл Д.** Социальные рамки информационного общества // *Новая технократическая волна на Западе*. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
5. **Белл Д., Иноземцев В.Л.** Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М.: Изд-во Центра исследований постиндустриального общества : Свободная мысль, 2007. 303 с.
6. **Бжезинский З.** Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2013. 703 с.
7. **Винер Н.** Творец и будущее. М.: АСТ, 2003. 732 с.
8. **Урсул А.Д.** Информационный шум // *Социальная информатика*. М.: Академ. проект : Фонд «Мир», 2009. 281 с.
9. **Ланкастер Ф.У.** Информационно-поисковые системы. Характеристики, испытание и оценка. М.: Мир, 1972. 308 с.
10. **Кошгоев В.В.** Информационные системы и феномен жизни. Тбилиси, 1998. 150 с.
11. **Карр Н.** Блеск и нищета информационных технологий. Почему ИТ не являются конкурентным преимуществом. Секрет фирмы, 2005. 176 с.
12. **Питерс Т., Барлетта М.** Тренды. СПб.: Изд-во Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге, 2006. 160 с.
13. **Питерс Т., Уотерман Р.** В поисках совершенства: уроки самых успешных компаний Америки. Альпина Диджитал, 2011.
14. **Гейтс Б.** Дорога в будущее. М.: Русская редакция, 1996. 312 с.
15. **Бард Я., Содерквист Ж.** Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Изд-во Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
16. **Клейн Н.** NO LOGO: Люди против брендов. М.: Добрая книга, 2003. 624 с.
17. **Нордстрем К., Риддерстрале.** Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества. СПб.: Изд-во Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 226 с.
18. **Бек У.** Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
19. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
20. **Пауль Р.** Критическое мышление как проблема современного образования. М.: Наука, 1992. 78 с.
21. **Фачоне П.** Критическое мышление: отчет об экспертном консенсусе в отношении образовательного оценивания и обучения. Результаты исследований и рекомендации. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED315423.pdf>.
22. **Фачоне П., Фачоне Н.** Критическое мышление на всю жизнь. URL: <http://www.evolkov.net/critic.think/basics/delphi.report.html>.
23. **Шеннон К.Э.** Математическая теория коммуникации // *Работы по теории информации и кибернетике*. М.: Изд-во иностранной лит., 1963. 829 с.
24. **Галкин В.П., Попов Ю.А.** Ноосфера: информационный шум и человеческие качества // *Философия культуры в начале третьего тысячелетия: сб. трудов респ. науч.-практ. конф.* Чебоксары, 2001. С. 21–27.
25. **Опенков М.Ю.** Медиафилософия о «журналистике 2.0» // *Журналистика Русского Севера: история, современность, перспективы: сб. трудов Междунар. науч.-практ. конф.* Архангельск, 2008. С. 37–49.
26. **Ейгер В.Г.** Информационный аспект речевых актов: на пути к качественной теории информации. Харьков; Хамельн, 2007. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubEiger.html>.
27. **Бергсон А.** Творческая эволюция. М.: Академ. проект, 2015. 319 с.
28. **Ломоносов М.В.** Труды. Т. 5. М.: Наука, 1957. 382 с.

29. **Бетти Э.** Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон + : Реабилитация, 2011. 144 с.

30. **Миллер Д.** Магическое число семь плюс или минус два: некоторые пределы на нашей способности к обработке информации. Секрет фирмы, 2005. 176 с.

31. **Гузев Ю.С.** Разработка и внедрение метода и технологии информационной поддержки процесса и подготовки принятия решений: автореф. дис. ... канд. техн. наук. М.: Изд-во ВИМИ, 1990. 29 с.

32. **Коноплев Е.С.** Про INFO. Разложить всё по полочкам. Альпина Диджитал, 2010. 173 с.

БЕРЕЗОВСКАЯ Ирина Петровна – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: ipberezovskaya@mail.ru

ШИПУНОВА Ольга Дмитриевна – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: o_shipunova@mail.ru

I.P. Berezovskaya, O.D. Shipunova

INTELLECTUAL FILTERS AS A PROBLEM OF MODERN EDUCATION

This paper deals with information flow optimization in educational practice through the interdisciplinary analysis of the technology of individual attention management and focusing in the information field. The relevance of researching those cognitive resources responsible for intellectual filters formation, is determined by the growing complexity of individual's orientation in semantic and social environments of network society. The search for an effective resource giving ability to counter information noise and network manipulating individual consciousness is held within the framework of the informational paradigm, according to which information acts as the key strategic factor of social and individual development. Cognitive resources for intellectual filters formation are considered to be the range of methodological tools that contribute to values and ideological matrix formation in the mental world-view. Among others, the algorithm of information conversion by means of object-documentary analysis offers certain opportunities, acting as a fairly universal way for subject to filter information flows. In conclusion, the author emphasizes the increasing need for intellectual filters development on the basis of critical thinking, which would create cognitive capacity of self-regulation in evaluating systems of individual thought and action.

INFORMATION FIELD; EDUCATIONAL PRACTICE; INTELLECTUAL FILTERS; OBJECT-DOCUMENTARY ANALYSIS; CRITICAL THINKING ANALYSIS; CRITICAL THINKING.

REFERENCES

1. Berezovskaya I., Shipunova O. Obratnaya storona multimedia pedagogiki: klipovoye myshleniye. *Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing*, Rome-Italy, 2015, vol. 6, no. 6, pp. 277–280.

2. Maklyuen M. Pressa: pravitel'stvo Newsleak. *Otechestvennyye zapiski*, 2003, no. 32. (In Russ.)

3. Toffler A. Tretya volna. Moscow, AST Publ., 2010. 784 p. (In Russ.)

4. Bell D. Sotsial'nyye ramki informatsionnogo obshchestva. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade*. Moscow, Progress Publ., 1986. Pp. 330–342. (In Russ.)
5. Bell D., Inozemtsev V.L. Epokha razobshchenosti: razmyshleniya o mire XXI veka. Moscow, Tsentr issledovaniy postindustrialnogo obshchestva, Svobodnaya mysl Publ., 2007. 303 p. (In Russ.)
6. Bzhezinskiy Z. Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskiye imperativy. Moscow, AST Publ., 2013. 703 p. (In Russ.)
7. Viner N. Tvorets i budushcheye. Moscow, AST Publ., 2003. 732 p. (In Russ.)
8. Ursul A.D. Informatsionnyy shum. *Sotsial'naya informatika*. Moscow, Akademicheskiiy projekt, Fond "Mir" Publ., 2009. 281 p. (In Russ.)
9. Lankaster F.U. Informatsionno-poiskovyeye sistemy. Kharakteristiki, ispytaniye i otsenka. Moscow, Mir Publ., 1972. 308 p. (In Russ.)
10. Koshtoyev V.V. Informatsionnyye sistemy i fenomen zhizni. Tbilisi, 1998. 150 p. (In Russ.)
11. Karr N. Blesk i nishcheta informatsionnykh tekhnologiy. Pochemu IT ne yavlyayutsya konkurentnym premushchestvom. Sekret firmy Publ., 2005. 176 p. (In Russ.)
12. Piters T., Barletta M. Trendy. St. Petersburg, Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge Publ., 2006. 160 p. (In Russ.)
13. Piters T., Uoterman R. V poiskakh sovershenstva: uroki samykh uspeshnykh kompaniy Ameriki. Alpina Didzhital Publ., 2011. (In Russ.)
14. Geys B. Doroga v budushcheye. Moscow, Russkaya Redaktsiya Publ., 1996. 312 p. (In Russ.)
15. Bard Ya., Soderkvist Zh. Netokratiya. Novaya pravayashchaya elita i zhizn posle kapitalizma. St. Petersburg, Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v St. Peterburge Publ., 2004. 252 p. (In Russ.)
16. Kleyn N. NO LOGO: Lyudi protiv brendov. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2003. 624 p. (In Russ.)
17. Nordstrem K., Ridderstrale. Karaoke-kapitalizm. Menedzhment dlya chelovechestva. St. Petersburg, Stokgol'mskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge Publ., 2004. 226 p. (In Russ.)
18. Bek U. Chto takoye globalizatsiya? Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 304 p. (In Russ.)
19. Kastels M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. Moscow, GU VShE Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)
20. Paul R. Kriticheskoye myshleniye kak problema sovremennogo obrazovaniya. Moscow, Nauka Publ., 1992. 78 p. (In Russ.)
21. Fachone P. Kriticheskoye myshleniye: otchet ob ekspertnom konsensuse v otnoshenii obrazovatel'nogo otsenivaniya i obucheniya. Rezul'taty issledovaniy i rekomendatsii. Available at: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED315423.pdf>.
22. Fachone P., Fachone N. Kriticheskoye myshleniye na vsyu zhizn'. Available at: <http://www.evolkov.net/critic.think/basics/delphi.report.html>.
23. Shennon K.E. Matematicheskaya teoriya kommunikatsii. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1963. 829 p. (In Russ.)
24. Galkin V.P., Popov Yu.A. Noosfera: informatsionnyy shum i chelovecheskiye kachestva. *Filosofiya kul'tury v nachale tretyego tysyacheletiya: materials of the Republ. scientific practical konf.* Cheboksary, 2001. Pp. 21–27. (In Russ.)
25. Openkov M.Yu. Mediafilosofiya o "zhurnalistike 2.0". *Zhurnalistika Russkogo Severa: istoriya, sovremenost', perspektivy*. Materials of the Int. scientific practical konf. Arkhangelsk, 2008. Pp. 37–49. (In Russ.)
26. Yeyger V.G. Informatsionnyy aspekt rechevykh aktov: na puti k kachestvennoy teorii informatsii. Khar'kov, Khameln, 2007. Available at: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubEiger.html>.
27. Bergson A. Tvorcheskaya Evolyutsiya. Moscow, Akademicheskiiy projekt Publ., 2015. 319 p. (In Russ.)
28. Lomonosov M.V. Trudy. Of vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1957. 382 p. (In Russ.)
29. Betti E. Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe. Moscow, Kanon +, Reabilitatsiya Publ., 2011. 144 p. (In Russ.)
30. Miller D. Magicheskoye chislo sem' plyus ili minus dva: nekotoryye predely na nashey sposobnosti k obrabotke informatsii. Sekret firmy Publ., 2005. 176 p. (In Russ.)
31. Guzev Yu.S. Razrabotka i vnedreniye metoda i tekhnologii informatsionnoy podderzhki protsessa i podgotovki prinyatiya resheniy: avtoref. diss. Moscow, VIMI Publ., 1990. 29 p. (In Russ.)
32. Konoplev Ye.S. Pro INFO. Razlozhit vse po polochkam. Al'pina Didzhital Publ., 2010. 173 p. (In Russ.)

BEREZOVSKAYA Irina P. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: ipberezovskaya@mail.ru

SHIPUNOVA Olga D. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: o_shipunova@mail.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.239.22

УДК 378.1, 801:316

И.И. Баранова, В.В. Краснощёков

ПРОЕКТ «ПРОДВИЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОБРАЗОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ» КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье проанализированы цели и задачи проекта «Продвижение русского языка и образования на русском языке», реализуемого консорциумом вузов по инициативе правительства Российской Федерации. Приведены результаты выполнения мероприятий проекта, способствующие повышению качества образовательных программ, образовательного процесса и выпускников. *Повышение качества образовательных программ* достигнуто за счет разработки и внедрения программ дистанционного обучения в формате массовых открытых онлайн-курсов (МООК). МООК «Линейная алгебра и аналитическая геометрия», «Кинематика», «Неорганическая химия и экология» являются новаторскими, связывают школьные и вузовские дисциплины. *Повышение качества образовательного процесса* достигнуто путем совершенствования воспитательного процесса, проведения олимпиад по русскому языку, конкурсов и экскурсий по русской литературе, реализации программ повышения квалификации зарубежных преподавателей-русистов во Вьетнаме и Германии. *Повышению качества выпускников* способствовали привлечение лучших иностранных абитуриентов к участию в выставочной деятельности и внедрение дистанционных технологий подготовки абитуриентов.

РУССКИЙ ЯЗЫК; ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ; ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ; МАССОВЫЕ ОТКРЫТЫЕ ОНЛАЙН-КУРСЫ; ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ; КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ; КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА; КАЧЕСТВО ВЫПУСКНИКА.

Распространение русского языка в мире является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Современные подходы к управлению международным образованием предполагают адресную поддержку программ и проектов. Одна из таких программ – Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2011–2015 годы (утв. Постановлением Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 492. URL: <http://gos-rus.ru/upload/11.06.20-fcpr.pdf>). Сохранение тенденции приоритетности русского языка в направлениях государственной политики подтверждается разработкой Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы (утв. Постановлением Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481. URL: <http://government.ru/media/files/UdArRuNmg2Hdm3MwRUwmdE9N3ohepzpQ.pdf>).

В 2013 году был воссоздан Совет по русскому языку при Правительстве РФ (Положение о

Совете по русскому языку при Правительстве РФ утв. Постановлением Правительства РФ от 5 ноября 2013 г. № 992. URL: <http://government.ru/media/files/41d49e446a37a844e7e2.pdf>), который является совещательным органом, образованным в целях рассмотрения ключевых вопросов в области государственной поддержки и развития русского языка, а также выработки предложений по совершенствованию государственной политики в указанной сфере.

В 2014 году также был воссоздан Совет при Президенте РФ по русскому языку (Положение о Совете при Президенте РФ по русскому языку утв. Указом Президента РФ от 9 июня 2014 г. № 409. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;3636512>), наделенный широкими консультационно-рекомендательными функциями. Направлениями деятельности Совета являются: государственная политика в сфере защиты и поддержки русского языка; русский язык как государственный язык Российской

Федерации, язык межнационального общения в Российской Федерации; русский язык как язык международного общения.

Целям и задачам Федеральных целевых программ «Русский язык» созвучны цели и задачи Программы продвижения русского языка и образования на русском языке (далее – Программа), решение о реализации которой было принято Правительством РФ в конце 2013 года (Программа продвижения русского языка и образования на русском языке. URL: http://www1.pushkin.edu.ru/publ/programma/info/programma_info/86-1-0-579).

Инициаторами Программы выступили Совет по русскому языку при Правительстве РФ и Министерство образования и науки РФ.

Цели программы:

- распространение и укрепление позиций русского языка в мире и повышение уровня владения русским языком;
- конкурентоспособное позиционирование открытого образования на русском языке и обучение русскому языку в глобальном образовательном пространстве.

Первая цель носит общий характер и задает вектор Программы. Достижению данной цели посвящена и деятельность обоих вышеназванных Советов по русскому языку, и фонда «Русский мир» (<http://russkiymir.ru/fund/>), и множества других организаций. Вторая из декларируемых целей связана преимущественно с развитием дистанционных форм изучения русского языка и образования на русском языке.

Основным исполнителем Программы Минобрнауки РФ был назначен Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (ГИРЯП), в котором образован научно-методический и информационно-аналитический центр Программы. Партнерами ГИРЯП являются Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество); фонд «Русский мир»; Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ); Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ). Соисполнители Программы – вузы девяти регионов России (Алтайский край, Карелия, Поволжье, Северный Кавказ, Сибирь, Урал, Центральный регион, Моск-

ва, Санкт-Петербург), которые совместно с ГИРЯП образуют проектный консорциум. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ) является участником консорциума вузов.

Определены следующие направления реализации программы:

1. Открытое дистанционное образование – изучение русского языка и обучение на русском языке:

- курсы русского языка как иностранного с тьюторским сопровождением, в том числе в формате электронного подготовительного курса для иностранных граждан, планирующих поступление в вузы РФ;
- онлайн-тестирование на определение уровня владения русским языком;
- обучение на русском языке по программам ФГОС основного общего образования;
- подготовка к ЕГЭ в формате массовых открытых онлайн-курсов с тьюторским сопровождением;
- дополнительное образование по естественно-научным, гуманитарным и художественно-эстетическим программам.

2. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка преподавателей:

- повышение квалификации зарубежных преподавателей русского языка как иностранного;
- повышение квалификации преподавателей, ведущих обучение на русском языке по программам общего и высшего образования;
- подготовка научно-методических пособий по русскому языку как иностранному;
- творческие и профессиональные конкурсы педагогов, ведущих обучение на русском языке;
- международные научно-практические конференции, семинары, форумы по вопросам обучения русскому языку как иностранному.

3. Научно-исследовательские проекты и методические разработки.

4. Общественно значимые и просветительские мероприятия в России и за рубежом.

5. Образовательный туризм, выездные языковые школы:

- знакомство с этнографическими, культурными, географическими особенностями и историческими памятниками России;
- программы профессионального развития;
- региональные образовательные бренды;

- общение с носителями языка;
- услуги по сопровождению, гиды-волонтеры, доступное жилье.

В соответствии с техническим заданием СПбПУ участвует в реализации всех направлений Программы [1]. Очевидно, что выполнение Программы способствует повышению качества обучения иностранных студентов в СПбПУ. Действительно, обращаясь к триаде управления качеством А.И. Субетто [2], можно выделить три компонента: качество образовательной программы, качество образовательного процесса и качество выпускника.

Реализация направления Программы, связанного с внедрением дистанционных форм обучения, способствует и повышению качества образовательных программ, и повышению качества выпускников, которое напрямую зависит от качества абитуриентов. В СПбПУ разработаны три мультимедийных курса в формате массовых открытых онлайн-курсов (МООК).

МООК — это система дистанционного (онлайн) обучения, которая отличается от предшествующих, во-первых, открытым доступом — любой человек может бесплатно стать участником онлайн-курса, во-вторых, массовостью — в курсе может участвовать практически бесконечное количество людей [3]. Декларируемой целью развития МООК является повышение степени доступности и открытости образования, что совпадает с приоритетами ЮНЕСКО в сфере образования XXI века [4]. Открытость подразумевает снижение географических, валеологических и финансовых барьеров для получения образования / самообразования. Другая цель развития МООК — выявление наиболее талантливой молодежи с целью привлечения ее к участию в научных разработках ведущих университетов мира. В любом случае МООК называют прорывной инновационной образовательной технологией [5].

В СПбПУ разработаны курсы: «Математика. Аналитическая геометрия и линейная алгебра», «Физика. Кинематика», «Химия. Неорганическая химия и экология». Каждый курс ориентирован на абитуриентов из стран СНГ и ближнего зарубежья, владеющих русским языком. Уровень курса — вузовский, адаптированный для восприятия школьниками. Каждый курс рассчитан на освоение в течение шести недель, состоит из шести блоков (по пять модулей

в каждом). Все модули сопровождаются контрольными заданиями для абитуриентов, записавшихся на этот курс. Производством МООК занимался просветительский проект «Лекториум» (<https://www.lektorium.tv/>), имеющий соответствующий опыт, кадровый потенциал и техническую базу [6].

Модель повышения качества подготовки, реализуемая с помощью разработанных МООК, проста: для обучения в СПбПУ привлекаются лучшие зарубежные абитуриенты, которым не надо тратить лишний год на изучение русского языка. Таким образом, в данном случае повышение качества выпускника достигается за счет повышения качества абитуриента.

Повышение качества выпускников за счет повышения качества абитуриентов осуществляется также посредством обучения иностранных учащихся русскому языку в условиях неязыковой среды, которое требует особого внимания к вопросам повышения квалификации преподавателей-русистов зарубежных вузов. Кафедрой «Русский язык как иностранный» СПбПУ при поддержке Представительства Россотрудничества в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) была реализована программа повышения квалификации «Русский язык как иностранный и методика его преподавания» для преподавателей русского языка в Ханое. В программе приняли участие 89 преподавателей русского языка различных учебных заведений СРВ.

Программа повышения квалификации включала лекционные и практические занятия, а также дискуссии и «круглые столы» по следующим темам:

- программа продвижения русского языка и образования на русском языке, знакомство слушателей с курсами лекций по русскому языку, размещенными на платформе Универсариум;
- требования к уровню владения русским языком как иностранным;
- тестирование как форма контроля уровня владения русским языком как иностранным;
- обзор научно-методической литературы по методике преподавания русского языка как иностранного (аспект обучения устной речи);
- обзор учебных пособий по русскому языку как иностранному в аспекте обучения устной речи (общее владение);
- аспекты обучения устной речи на русском языке — общее владение (фонетический, лекси-

ческий, грамматический, культурологический; комплекс упражнений, направленных на обучение иностранных учащихся устной речи);

- реализация речевых умений в письменной речи;
- стилистический аспект обучения устной речи (требования к уровню владения русским языком как иностранным – профессиональный модуль, формирование у иностранных учащихся коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения в области говорения, обзор учебных пособий по русскому языку как иностранному – профессиональный модуль);
- современные технологии в обучении иностранных учащихся устной речи (общее владение);
- организация работы с иностранными студентами во внеаудиторное время с целью активизации речевого общения в условиях языковой среды и вне ее.

Многие учебные заведения СРВ готовят студентов к дальнейшему обучению в вузах Российской Федерации, поэтому в программе повышения квалификации особое внимание было уделено проблемам академической адаптации вьетнамских студентов к новым условиям обучения.

Многолетний опыт работы со студентами стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), изучение национально-психологических, этнокультурных особенностей учащихся данного региона, различий в структуре национальных образовательных систем позволяют выявить некоторые особенности в процессе адаптации представителей стран АТР в целом и студентов из Вьетнама в частности к условиям обучения в новой образовательной среде.

Так, студентов из СРВ отличает высокая мотивация к обучению и стремление достичь хороших результатов в учебе. Как отмечают сами студенты, они упорно занимаются, потому что хотят добиться успеха в жизни. Однако следует отметить тот факт, что вьетнамские студенты с трудом преодолевают психологический барьер в общении с представителями других стран на русском языке, что объясняется нежеланием демонстрировать недостаточный уровень владения русским языком.

Кроме того, традиции образовательной системы Вьетнама в изучении иностранных

языков также влияют на формирование коммуникативной компетенции у вьетнамских учащихся в процессе изучения русского языка.

Национально-педагогические традиции изучения иностранных языков во Вьетнаме позволяют говорить о некоммуникативном типе овладения иностранным языком, а следовательно, о неготовности вьетнамских студентов позиционировать себя как активных участников учебного процесса в условиях образовательной среды российского вуза [7].

Обсуждение проблем академической адаптации студентов СРВ к обучению в российском вузе вызвало интерес у вьетнамских преподавателей русского языка. Большой интерес слушателей вызвали также данные мониторинга мнения студентов СРВ, обучающихся в СПбПУ, о трудностях, связанных с формированием умений в области говорения на разных этапах обучения, а также анализ ошибок в устной и письменной речи у вьетнамских студентов [8].

Кроме того, в ходе программы большое внимание уделялось вопросам практики преподавания русского языка во вьетнамской аудитории в условиях неязыковой среды [9].

Специалисты кафедры «Русский язык как иностранный» СПбПУ приняли также участие в Неделе русского языка в Берлине, где выступили с докладами «Обучение устной речи на начальном этапе (фонетический, грамматический, лексический и культурологический аспекты)» и «Типичные ошибки студентов из Германии, изучающих русский язык на курсах элементарного и базового уровня», провели занятия в методических группах на тему «Стихи и игры на уроках русского языка». Кроме того, в рамках Недели русского языка ими были проведены занятия по русскому языку в университете им. Мартина Лютера в Галле, где на межфакультетской кафедре русского языка в настоящее время обучается около 200 студентов. Занятия по русскому языку в этом университете ведутся по учебным пособиям, созданным на кафедре «Русский язык как иностранный» СПбПУ [10, 11].

Большое значение для повышения качества выпускников за счет привлечения лучших абитуриентов имеет конгрессно-выставочная деятельность. Участие в международных выставках способствует расширению международного сотрудничества в сфере высшего образования и

продвижению образовательных продуктов высших учебных заведений Российской Федерации на рынке образовательных услуг.

Представители СПбПУ приняли участие в следующих выставках:

- Московский международный салон образования (7–9 октября 2014 г.);
- выставка China Education Expo (Пекин, 25–26 октября 2014 г.);
- выставка Exprolingua (Берлин, 21–22 ноября 2014 г.).

В работе Московского международного салона образования (далее – Салон) приняли участие более 300 образовательных учреждений и компаний, предлагающих услуги в сфере образования. В выставке приняли участие российские вузы – участники консорциума проекта «Образование на русском».

Были организованы большие интерактивная и деловая программы. В рамках деловой программы состоялся Первый международный форум по продвижению русского языка и образования на русском языке, организованный ГИРЯП. Участники Салона имели возможность выступить с докладами на форуме, а также принять участие в обсуждении важных вопросов обучения русскому языку на «круглых столах».

СПбПУ был представлен на объединенном стенде консорциума материалами по различным программам обучения в университете на русском и английском языках, учебниками и учебными пособиями по русскому языку. Представители СПбПУ выступили с докладами в деловой и интерактивной частях Салона.

Крупнейшая международная выставка China Education Expo, посвященная образованию за границей для граждан Китайской Народной Республики (КНР), состоялась в Пекине 25–26 октября 2014 года.

Согласно статистическим данным, количество китайских студентов, обучающихся за границей, стремительно растет, и молодые люди из КНР, планирующие продолжить образование в иностранном вузе, заинтересованы в непосредственном общении с поставщиками образовательных услуг. Это позволяет им оценить преимущества того или иного университета и принять решение о реализации дальнейшего образовательного маршрута.

Образовательные программы СПбПУ были представлены на стенде объединенной экспо-

зиции Минобрнауки РФ. Материалы на китайском и английском языках давали общее представление об университете. Желающие могли детально ознакомиться с международными программами университета: программой предвузовской подготовки, основными образовательными программами – бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, дополнительными образовательными программами, краткосрочными программами, летними и зимними школами и т. д.

Кроме того, представители СПбПУ приняли участие в Китайской ежегодной конференции по международному образованию, которая проходила в рамках выставки, а также в работе «круглого стола», посвященного использованию электронных образовательных ресурсов, направленных на поддержку изучения русского языка в зарубежных образовательных учреждениях. Были представлены учебно-методические комплексы, разработанные кафедрой «Русский язык как иностранный» и направленные на формирование у иностранных учащихся коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной сфере общения. Участие в «круглом столе» позволило расширить международные российско-китайские связи в области высшего образования, способствовало повышению интереса к русскому языку, дало возможность познакомиться участников с ресурсами, направленными на поддержку изучения русского языка за рубежом.

Выставка Exprolingua в Берлине была посвящена вопросам изучения иностранных языков и предлагала экспонентам платформу для представления продуктов и услуг, касающихся изучения иностранных языков и обучения иностранным языкам. СПбПУ был представлен на объединенном стенде консорциума под руководством ГИРЯП материалами по международным образовательным программам, реализуемым Политехническим университетом.

Одним из факторов, влияющих и на качество образовательного процесса и на качество выпускника посредством личностного развития, является организация учебно-воспитательной работы с иностранными студентами в целях академической и межкультурной адаптации [12]. Воспитательный процесс рассматривается в качестве одного из основных при процессном подходе к обеспечению качества высшего обра-

зования [13]. Особенно важна внеучебная работа при реализации образовательных программ для иностранных студентов [14].

По направлению Программы, включающему общественно значимые и просветительские мероприятия, в СПбПУ были проведены олимпиады по русскому языку и межвузовский студенческий конкурс поэзии «Венок Пушкину».

Олимпиада по русскому языку для иностранных студентов СПбПУ включала письменный и устный туры. В качестве задания для письменного тура студентам было предложено написать сочинение на одну из тем: «Человек, который сыграл большую роль в моей жизни», «Город моей мечты», «Легко ли быть молодым?», «Самый интересный день в моей жизни», «Мои встречи с прекрасным», «Мой первый год в России».

Устный тур включал чтение стихов, монологическое высказывание по теме (предлагалось на выбор несколько тем: «Как я представляю себе свое будущее», «Я люблю русский язык», «Будущее планеты в наших руках» и др.), задания по страноведению, что позволило иностранным студентам в условиях реальной коммуникации продемонстрировать знание русского языка.

В олимпиаде приняли участие студенты из Бразилии, Вьетнама, Гвинеи, Джибути, Замбии, Йемена, Камеруна, Кипра, КНР, Маврикия, Мозамбика, Монголии, Палестины, Таиланда, Туркменистана. Это свидетельствует об интересе к русскому языку и культуре России

Олимпиада по русскому языку для российских студентов технических вузов Санкт-Петербурга была проведена в июне 2014 года. Тема олимпиады: «Берегите чистоту языка, как святыню». Целями олимпиады были формирование интереса к изучению ортологических аспектов языка и - мониторинг уровня владения русским литературным языком студентами технических вузов Санкт-Петербурга. В ней приняли участие 780 студентов.

Конкурс поэзии «Венок Пушкину» состоялся 6 июня 2014 года. В нем приняли участие студенты из Азербайджана, Вьетнама Китая, Конго, Кот-д'Ивуара, Камбоджи, Палестины, Турции, Туркменистана, Узбекистана, Шри-Ланки, обучающиеся в вузах Санкт-Петербурга. Цель конкурса – повышение мотивации и интереса иностранных студентов к изучению

русского языка и культуры России, формирование у них культурологической компетенции.

Важной составляющей Программы, направленной на формирование межкультурной компетенции иностранных студентов, стала экскурсионно-образовательная программа для иностранных студентов СПбПУ по литературным местам Санкт-Петербурга и Ленинградской области по темам «Петербург Пушкина» и «Петербург Достоевского».

По теме «Петербург Пушкина» было проведено две экскурсии. Первая включала в себя обзорную экскурсию по пушкинским местам Санкт-Петербурга и посещение музея-квартиры А.С. Пушкина (наб. Мойки, 12), а вторая – посещение Лицея в городе Пушкине и музея «Дом станционного зрителя» в деревне Выра Гатчинского района Ленинградской области.

По теме «Петербург Достоевского» были проведены экскурсии по местам Санкт-Петербурга, связанным с именем великого русского писателя, и экскурсия в литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. В экскурсиях приняли участие 100 иностранных студентов СПбПУ.

Экскурсионно-образовательная программа, направленная на расширение межкультурной коммуникации, вызвала у иностранных студентов большой интерес и способствовала повышению мотивации к более глубокому знакомству с историей и культурой России.

Участие СПбПУ в Программе «Продвижение русского языка и образование на русском языке» позволило вузу расширить рамки международного сотрудничества в сфере образовательных услуг, содействовало распространению русского языка в мировом сообществе.

Реализация Программы способствовала повышению качества образовательных программ для иностранных студентов, а также образовательного процесса и выпускников. Повышение качества образовательных программ было достигнуто за счет разработки новых программ дистанционного обучения в формате MOOC, а образовательного процесса – в основном за счет совершенствования основного – воспитательного процесса иностранных студентов, расширения спектра внеучебных мероприятий и повышения качества их проведения. Повышению качества выпускников способствовали привлечение иностран-

ных абитуриентов к участию в выставочной деятельности и повышение качества подготовки абитуриентов путем повышения квали-

фикации зарубежных преподавателей и обучения абитуриентов с помощью дистанционных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова И.И., Краснощёков В.В. Реализация программы «Продвижение русского языка и образования на русском языке» в Политехническом университете // Россия в глобальном мире. 2014. № 5 (28). С. 117–130.
2. Субетто А.И. Государственная политика качества высшего образования: концепция, механизмы, перспективы // Академия Тринитаризма. Эл. № 77-6567, публ. 11620. 02.11.2004 г. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120200.htm#800> (дата обращения: 05.07.2015).
3. McAuli A., Stewart B., Siemens G., Cormier D. The MOOC Model for Digital Practice. University of Prince Edward Island, CC Attribution, 2010. 63 p. URL: http://www.elearnspace.org/Articles/MOOC_Final.pdf (дата обращения: 05.07.2015).
4. Всемирная декларация для высшего образования в XXI веке: подходы и практические меры. Париж, ЮНЕСКО, 9 октября 1998 г. 24 с. URL: <http://www.sde.ru/files/t/pdf/5.pdf#page=7> (дата обращения: 05.07.2015).
5. Ли Юань, Пауэлл С. MOOC и открытое образование: значение для высшего образования. JISC, CETIS, 2013. 23 с. URL: <http://publications.cetis.ac.uk/2013/667> (дата обращения: 05.07.2015).
6. Краснощёков В.В., Сомоя Я.М. Опыт разработки дистанционных курсов в формате MOOC с целью повышения качества подготовки выпускников // Современное образование: содержание, технологии, качество. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2015. С. 105–107.
7. Баранова И.И., Чуваева К.М. Стратегии оптимизации языковой подготовки студентов из стран АТР в технических вузах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 3 (131). С. 50–60.
8. Баранова И.И., Иванова Т.Ю. Основные трудности в формировании коммуникативной компетенции у студентов из Социалистической Республики Вьетнам // Актуальные вопросы обучения иностранных студентов: сб. науч.-метод. трудов. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 82–93.
9. Баранова И.И., Иванова Т.Ю. Проблемы формирования коммуникативной компетенции у студентов из Социалистической Республики Вьетнам // Россия в глобальном мире. 2014. № 5 (28). С. 22–28.
10. Мелех Н.Т., Баранова И.И. Русские падежи. Сборник упражнений: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. 264 с.
11. Мелех Н.Т., Баранова И.И., Русакова Н.Н. Русский глагол: учеб. пособие. СПб.: Нестор, 2003. 275 с.
12. Баранова И.И., Стародуб В.В. Педагогические условия академической адаптации иностранных студентов в техническом вузе // Актуальные вопросы образования, науки и инноваций в сфере решения социально-экономических проблем. Ч. 1. Новосибирск: СибАК, 2014. С. 72–88.
13. Трапицын С.Ю. Новые возможности управления качеством образовательных программ // Вестн. РГПУ им. А.И. Герцена. 2011. № 9 (95). С. 53–57.
14. Краснощёков В.В. Менеджмент качества международных краткосрочных образовательных программ. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 408 с.

БАРАНОВА Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: ira7799@mail.ru

КРАСНОЩЁКОВ Виктор Владимирович – кандидат технических наук, заместитель директора Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: victor@imop.spbstu.ru

I.I. Baranova, V.V. Krasnoshchekov

THE PROJECT "PROMOTION OF RUSSIAN LANGUAGE AND EDUCATION IN RUSSIAN" AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF TRAINING OF FOREIGN STUDENTS AT THE POLYTECHNIC UNIVERSITY

The article analyzes the goals and objectives of the project "Promotion of Russian language and education in Russian", implemented by a consortium of universities on the initiative of the Government of Russian Federation. The results of the project activities improve the quality of educational programs, the quality of the educational process and the quality of graduates. Improving of the quality of educational programs is achieved through the development and implementation of distance learning programs in the format of massive open online course – MOOC. MOOC "Linear Algebra and Analytic Geometry", "Kinematics", "Inorganic chemistry and ecology" are innovative and connect school and university disciplines. Improving the quality of the educational process is achieved by improving the extracurricular process, and by conducting the competition for Russian language together with contests and tours of Russian literature, and by the implementation of training programs for foreign teachers of Russian language in Vietnam and Germany. Improve the quality of graduates was done through attracting the best foreign enrollees by participating in exhibitions and by introduction of distance learning training of enrollees.

RUSSIAN LANGUAGE; EDUCATION IN RUSSIAN LANGUAGE; DISTANCE LEARNING; MASSIVE OPEN ONLINE COURSES; TRAINING; QUALITY OF EDUCATIONAL PROGRAMS; QUALITY OF EDUCATIONAL PROCESS; QUALITY OF GRADUATES.

REFERENCES

1. Baranova I.I., Krasnoshchekov V.V. [Implementation of the project "Promotion of Russian language and education in Russian language" at the Polytechnic University]. *Rossiya v global'nom mire* [Russia in Global World], 2014, no. 5 (28), pp. 117–130. (In Russ.)
2. Subetto A.I. [State politics of higher education quality: concepts, tools, perspectives]. *Akademiya Trinitarizma*. El. no. 77-6567, publ. 11620. 02.11.2004 g. Available at: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120200.htm#800> (accessed 05.07.2015).
3. McAuli A., Stewart B., Siemens G., Cormier D. The MOOC Model for Digital Practice. University of Prince Edward Island, CC Attribution, 2010. 63 p. Available at: http://www.elearnspace.org/Articles/MOOC_Final.pdf (accessed 05.07.2015).
4. [World declaration for higher education in 21 century; approaches and practice]. Paris, UNESCO. Oct. 9, 1998 g. 24 p. Available at: <http://www.sde.ru/files/t/pdf/5.pdf#page=7> (accessed 05.07.2015).
5. Li Yuan, Pauell S. [MOOC and open education. Meaning for higher education]. JISC, CETIS, 2013. 23 p. Available at: <http://publications.cetis.ac.uk/2013/667> (accessed 05.07.2015).
6. Krasnoshchekov V.V., Somoya Ya.M. [Implementation experience of MOOC distance courses with the aim of graduates quality improvement]. *Sovremennoye obrazovaniye: sodержaniye, tekhnologii, kachestvo* [Modern Education; contents, technologies, quality]. Of vol. 2. St. Petersburg, 2015. Pp. 105–107. (In Russ.)
7. Baranova I.I., Chuvayeva K.M. [Strategies of language training optimization for technic university students from Asian and Pacific Ocean Region]. *St. Petersburg State Polytechnical University J.: Humanities and Social Sciences*, 2011, no. 3 (131), pp. 50–60. (In Russ.)
8. Baranova I.I., Ivanova T.Yu. [Main difficulties in forming of the communicative competence of students from Socialist Republic of Vietnam]. *Aktual'nye voprosy obucheniya inostrannykh studentov* [Actual problems of foreign students training]. St. Petersburg, Politechnical Univ. Publishing House, 2014. Pp. 82–93. (In Russ.)
9. Baranova I.I., Ivanova T.Yu. [Problems in forming of the communicative competence of students from Socialist Republic of Vietnam]. *Rossiya v global'nom mire* [Russia in Global World], 2014, no. 5 (28), pp. 22–28. (In Russ.)
10. Melekh N.T., Baranova I.I. *Russkiye padezhi. Sbornik uprazhneniy* [Russian cases. Collection of exercises]. Manual. St. Petersburg, Politechnical Univ. Publishing House, 2006. 264 p. (In Russ.)
11. Melekh N.T., Baranova I.I., Rusakova N.N. *Russkiy glagol* [Russian verbs]. Manual. St. Petersburg, Nestor Publ. 2003. 275 p. (In Russ.)
12. Baranova I.I., Starodub V.V. [Pedagogical conditions of academic adaptation of foreign students of tech-

nical university]. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya, nauki i innovatsiy v sfere resheniya sotsial'no-ekonomicheskikh problem* [Actual problems of education, science and innovations social and economic decisions]. Of vol. 1. Novosibirsk, SibAK Publ. 2014. Pp. 72–88. (In Russ.)

13. Trapitsyn S.Yu. [Novel possibilities for quality management of educational programs]. *J. of Russian State*

Pedagogical Univ. named after Herzen, 2011, no. 9 (95), pp. 53–57. (In Russ.)

14. Krasnoshchekov V.V. *Menedzhment kachestva mezhdunarodnykh kratkosrochnykh obrazovatel'nykh programm* [Short-time international educational programs quality management]. St. Petersburg, Politechnical Univ. Publishing House, 2012. 408 p. (In Russ.)

BARANOVA Irina I. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: ira7799@mail.ru

KRASNOSHCHIEKOV Viktor V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: victor@imop.spbstu.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.23
УДК 37.013.2, 37.022, 37.026

Н.В. Богданова

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В РАБОТЕ НАД СЛОВАРНЫМ ЗАПАСОМ В ТАНДЕМ-ГРУППАХ

Статья посвящена одному из методов обучения иностранному языку – тандему, который позволяет не только интенсифицировать процесс профессионально-языкового образования, но и расширить возможности самостоятельной работы в освоении иностранного языка. Рассмотрена методика обучения в работе над словарным запасом в тандем-группах в условиях современной информационно-образовательной среды в неязыковом вузе.

БИНАЦИОНАЛЬНЫЙ УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН; ПРОДУКТИВНЫЙ СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС; ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИНОЯЗЫЧНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ; СТРАТЕГИЯ И ТЕХНИКИ ОБУЧЕНИЯ.

Главной целью изучения иностранного языка как учебной дисциплины неязыкового вуза следует считать формирование иноязычной коммуникативной компетенции, т. е. способности и готовности участвовать в иноязычной устной и письменной коммуникативной деятельности. В современной ситуации интенсивного межнационального профессионального общения формирование данной компетенции – важное направление подготовки будущего специалиста [1].

Методисты и преподаватели иностранного языка сегодня всё чаще стали обращаться к методам, позволяющим быстрее и качественнее овладеть тем или иным иностранным языком. Одним из таких методов является приобретающий всё большую популярность в мире *тандем-метод* (от *англ.* tandem – велосипед для двоих или троих), который подразумевает непосредственное общение с носителем изучаемого языка. Это способ самостоятельного изучения иностранного языка двумя партнерами с разными родными языками, работающими в паре [2]. В методической и педагогической литературе тандем-метод относят к интенсивным методам изучения иностранного языка, поскольку он подразумевает непосредственное погружение в язык в процессе общения с его носителем. Цель тандема – овладение родным языком своего партнера в ситуации реального или виртуального общения, знакомство с его

личностью, культурой страны изучаемого языка, а также получение информации по интересующим областям знания. В качестве вспомогательного метода при изучении иностранного языка в вузе тандем также оказывает огромное влияние на процесс обучения, поскольку с его помощью восполняются пробелы в составляющих коммуникативной компетенции.

Важными преимуществами тандем-метода являются его гибкость, быстрота и эффективность изучения иностранных языков. Он может применяться самостоятельно или быть интегрированным в языковой курс в течение короткого или продолжительного времени. Этот метод может также осуществляться с помощью электронных средств коммуникации (e-mail, Skype, Facebook, видеоконференция и т. п.) между группами студентов, находящихся в разных странах. Партнеры могут выбрать удобный для себя график. Участники сами решают, как будет проходить тандем, особенно в индивидуальных тандемах. Во время такого общения на практике применяются усвоенные знания. Постоянная речевая практика с носителем языка способствует овладению живой разговорной речью в короткие сроки [3]. На любом этапе изучения иностранного языка тандем-метод является эффективным способом формирования социокультурной компетенции – знания культурных особенностей носителя языка, его привычек и традиций, норм поведения и этике-

та и умения их понимать и использовать в процессе коммуникации, а также социолингвистической компетенции – способности выбирать и использовать подходящие языковые средства в зависимости от ситуации и цели общения [4].

На данный момент существует множество тандем-центров в различных вузах, а также сайтов в сети Интернет, где организуются все необходимые условия для создания тандем-пар для изучения иностранных языков. Тандем-метод требует от участников двойного интеллектуального вклада. С одной стороны, следует «учить» иностранный язык, с другой – «преподавать» собственный родной язык. Межкультурная компетенция, в свою очередь, позволяет субъекту ориентироваться в самоценных культурах разных этносов для решения его собственных нравственных проблем в мировой многополюсной цивилизации. Участники индивидуального тандема подбираются тандем-центрами разных стран на основе специально разработанных опросников, учитывающих индивидуальные особенности и запросы личности (возраст, мотивация изучения языка, место работы или учебы, пол, уровень имеющихся знаний, увлечения, предпочтения). Партнеры по изучению языка совместно определяют цели, содержание и средства взаимобучения. Одни участники тандема предпочитают овладение языком только в ходе неформального общения при посещении экскурсий, совместного просмотра телепередач и т. д. Другие считают необходимым посещать дополнительно языковые курсы. Если овладение языком в индивидуальном тандеме представляет собой автономный, естественный и во многом спонтанный процесс, то коллективная форма тандема имеет дидактически управляемый и осознанный характер. Межличностное общение дополняется одно- или двуязычным курсом обучения языку или включается в него. В зависимости от того, кто является участником тандем-курса (школьники, работающая молодежь, студенты, учителя), определяются его содержание и стратегия работы. От традиционного процесса обучения тандем-курс отличается тем, что он протекает в условиях естественной, реальной, а не искусственно созданной коммуникации [5].

Тандем-партнер выступает как в роли преподавателя, т. е. эксперта, так и в роли учени-

ка. Эта двойная роль важна для успеха работы в тандеме.

Во время тандем-курса происходят:

- обогащение словарного запаса,
- улучшение понимания на слух,
- формирование свободной и раскованной речи,
- открытие культурных особенностей страны тандем-партнера,
- интенсификация учебного процесса.

Обратимся к опыту тандем-проектов кафедры «Международные отношения» гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Языкового центра Университета Штутгарта и Центра современных языков Технического университета Берлина. Целью тандем-сети является организация виртуального общения, направленного на овладение родным языком тандем-партнера в процессе взаимобучения с помощью новых информационных коммуникационных технологий. Тандем-проект реализуется с 2013 года и проводится под руководством преподавателей данных подразделений.

Попробуем описать основные обучающие техники в работе над словарным запасом в тандем-группах, активно применяемые в ходе тандем-проекта.

Расширение словарного запаса как обучающая стратегия в бинациональном контексте. Участники тандем-проекта должны научиться понимать, находить, использовать и передавать соответствующие слова и лексические конструкции (речевые конструкции, идиоматические выражения, языковые средства) в аутентичных ситуациях и аутентичных текстах. Важно понимать, какую смысловую нагрузку несет в себе каждое *слово*. Оно обладает фонетической и орфографической формой, имеет грамматические (синтаксические, фонетические) свойства, а также специфические черты, присущие его использованию, и передает определенное значение [6].

В ходе бинационального языкового занятия *слово с его употребительными характеристиками* и в первую очередь как носитель значения занимает центральное место. Это особенно важно, так как в межкультурном контексте постоянно проявляется многообразие значений. Основываясь на определении слова, **словарный**

запас следует понимать как лексическое знание, которое закреплено в ментальном лексиконе [7, с. 32]. *Ментальный лексикон* является частью долговременной памяти. В нем сохраняются слова на одном языке и ментально воспроизводятся, что означает, что они сохранены и могут быть востребованы. В долговременной памяти хранится всё, что представляет то, что должен знать человек, пользующийся языком, чтобы иметь возможность понимать и применять слова в коммуникативном контексте. Таким образом, ментальный лексикон состоит из смысловых компонентов, а также содержит фонологическую, морфологическую и синтаксическую информацию.

Учебный словарный запас является частью общего словарного запаса и объектом работы над словарным запасом. Он всегда обладает такими характерными признаками, как заполняемость пробелов, вариативность, нестабильность и динамика развития. Объем и тип учебного словарного запаса сориентированы на *конкретные потребности участников и содержание курса*. С точки зрения обучающихся и обучаемых имеет смысл разделить его на *рецептивный* (словарный запас понимания), *продуктивный* (словарный запас сообщения) и *потенциальный* (словарный запас освоения) (см. рисунок).

Важное место в бинациональной работе над словарным запасом занимает *объяснение значения*, выступающее связующим звеном между увеличением словарного запаса и межкультурной коммуникацией, ориентированной и обучением. Объяснение значения должно пониматься как процесс, который может быть налажен путем «обсуждения слов». В ходе данного процесса постепенно налаживается представление о словах. Процесс является завершенным, когда в ментальном лексиконе за-

Структура учебного словарного запаса

вершится построение понятий. Работа над словарным запасом имеет особую ценность в ходе бинационального языкового курса, поскольку он подразумевает обучение двум языкам. Таким образом, собственный язык и иностранный язык используются одновременно. Следствием этого являются активизация и расширение ментального лексикона не только иностранного языка, но и собственного. Как правило, участники очень быстро расширяют свой словарный запас, поскольку они постоянно в регулируемой и произвольной формах учат сами и обучают других новым элементам словарного запаса. По причине обилия аутентичных коммуникативных ситуаций доля случайного обучения является достаточно значительной. В процессе межкультурной работы над словарным запасом, объяснения значения данный аспект нуждается в особом внимании. Для проведения целесообразной работы над словарным запасом в процессе бинационального обучения необходимо отобрать соответствующую часть общего словарного запаса, которая будет представлять собой учебный словарный запас.

Критерии отбора лексического материала.

Для отбора лексического материала не существует жестких предписаний, имеются лишь руководящие критерии. Отбор словарного запаса ориентирован в основном на цели учебного процесса, содержание и темы курса. Словарный запас, подлежащий передаче, должен включать в себя в первую очередь сегменты, необходимые участникам для того, чтобы справляться с возникающими в процессе коммуникации ситуациями. При этом необходимо обращать внимание на такие критерии, как частота и многообразие возможностей применения. Дополнительные размышления, ориентированные на выбор сегментов словарного запаса и их распределение, могут относиться к следующим сферам:

- доли обычной и специальной лексики;
- обучение рецептивному, продуктивному и потенциальному словарному запасу;
- различия словарного запаса немецкого и русского языков;
- метаязыковые речевые средства;
- эпизодический словарный запас.

Доли обычной и специальной лексики. Распределение или значимость долей общепри-

нятых языковых оборотов и специальной лексики могут варьироваться в зависимости от поставленной цели и программы курса. Важен тот факт, что в данном случае речь идет не о двух абсолютно независимых друг от друга областях. Многие слова, речевые конструкции и фигуры речи из общеупотребимого словарного запаса могут быть перенесены в профессиональный язык.

Рецептивный словарный запас всегда более полный, чем продуктивный, как в родном языке, так и в иностранном. Рецептивный словарный запас состоит из лексических единиц, которые обучающиеся уже знают и могут (вновь) узнать в рецептивном процессе (восприятие текста на слух или чтение).

Продуктивный словарный запас — это словарный запас, который необходим для устного и письменного языкового общения и базируется на рецептивном словарном запасе как надстройка. Оба этих словарных запаса создают базу для потенциального словарного запаса, который представляет собой возможность осваивать незнакомые слова или создавать новые.

Потенциальный словарный запас — это скорее языковая и ментальная возможность, поскольку в данном случае большую роль играют такие компоненты, как кругозор, владение родным языком, метазнания о языке, способность к логическому мышлению, а также способность выявлять аналогии и классифицировать роли [8].

Контекст бинационального учебного процесса позволяет перманентно пользоваться всеми тремя типами словарного запаса. Участники могут в процессе работы в группе-тандеме применять свой продуктивный словарный запас, таким образом увеличивая его, и расширять рецептивный словарный запас. Преимуществом работы в группе-тандеме является наличие немедленной реакции как на правильное, так и на неверное использование слов, что позволяет гарантировать качество речи и производить быстрый контроль результатов обучения. Для потенциального словарного запаса все формы работы предоставляют оптимальное пространство для экспериментов, поскольку всегда есть возможность подтверждения или исправления.

Для целевой работы над словарным запасом преподаватели, проводящие курс, должны выбирать определенные формы заданий и упражнений. Нельзя считать само собой разуме-

ющимся тот факт, что рецептивно полученный словарный запас может быть использован в качестве продуктивного и наоборот. Причина этого лежит в различии условий запоминания информации и механизма ее затребования.

Словарный запас в немецком и русском языках. Общеизвестно, что в русском языке слов в два-три раза больше, чем в немецком. По этой причине часто считают, что русский язык богаче, чем немецкий, и поэтому его сложнее выучить. Это ложное заключение, поскольку одно немецкое слово часто имеет больше значений, чем одно русское, что не всегда упрощает задачу при изучении языка. В качестве примера можно привести многообразие значений слова *kommen*: 1) быть родом откуда-то; 2) прибывать, приезжать, приходиться (в зависимости от способа передвижения). Для преподавателя это означает, что различные способы выражения чего-либо на обоих языках могут быть включены в рабочие задания и формы упражнений.

Не каждое слово, существующее в одном языке, имеет эквивалент в другом. Из-за различия культурных концептов многие слова не имеют дословного перевода (например: *der Termin* — деловая встреча, прием у врача, встреча с другом; *die Bewerbung* — заявление на трудоустройство, процесс прохождения конкурса на должность), а также специального термина. В профессиональном и общеупотребимом языках существуют слова, которые легко перевести дословно, однако реальные их значения и понятия, скрывающиеся за ними, различны. Например, ряд заимствований из немецкого языка в русский (*бутерброд, шлагбаум, парикмахерская* и др.). Плодотворной темой в области объяснения значения являются так называемые «ложные друзья переводчика», т. е. слова, которые на первый взгляд кажутся идентичными, но имеют разные значения (например, *die Produktion* — производство). Участники тандема в процессе объяснения значения слов могут на наглядном примере убедиться в том, какие различия существуют в языках и культуре.

Применение тандем-метода возможно на любом этапе изучения иностранного языка. На начальном этапе он может сыграть ведущую роль в формировании фонетических навыков, в постановке произношения и восприятия иностранного языка на слух. На более продвинутом этапе метод помогает скорректировать

возможные ошибки в изучении иностранного языка, сформировать дискурсивную компетенцию – способность построения целостных, связанных и логичных высказываний разных функциональных стилей в устной и письменной речи [9, с. 5–6].

Метаязыковые фигуры речи. Здесь имеются в виду языковые средства, которые должны быть предоставлены участникам для того, чтобы они могли лучше справляться и создавать для себя определенные вспомогательные средства для общения. Таким образом, обеспечивается также непрерывность коммуникации. Подобными языковыми средствами являются, например, вспомогательные средства для объяснения (см. табл. 1).

Обсудить такие языковые средства имеет смысл в подобающее время в течение курса, например когда диалог из-за отсутствия коммуникативных стратегий заходит в тупик.

Техники обучения для работы над словарным запасом. Техники обучения – это методы и техники, которые позволяют участникам осознанно воспринимать процесс обучения и самостоятельно его организовывать. Обучающие техники (их называют еще тактиками обучения или процессом обучения) применяются для того, чтобы подготовить к изучению иностранного языка, а также контролировать и управлять процессом. Можно вести речь о стратегии обучения, если для достижения цели используются различные техники обучения. Необходимо ознакомить обучающихся с максимально возможным количеством техник обучения, ориентированных на различные органы чувств, поскольку информация, которая сохраняется через разные органы чувств, может также отдельно вспоминаться через них.

В ходе бинационального курса важно, особенно в связи с «изучением слов», обсуждать обучающие техники, поскольку участники имеют собственный, абсолютно разный опыт. На них повлиял процесс обучения в школе, вузе и в профессиональной сфере, они привыкли брать на себя ответственность или принимать решения. Эти качества должны быть направлены в правильное русло. При выборе обучающих техник руководители курса должны иметь в виду, что эти техники должны соответствовать персональным потребностям и типу

обучения. Для работы над словарным запасом предлагается рассмотреть некоторые примеры применяемых на практике обучающих техник. С помощью этих техник как преподавателями, так и участниками курса могут быть составлены комплексы заданий и упражнений, соответствующие технике бинационального языкового курса. Примеры не подразумевают разделение на рецепцию и продукцию [8].

Техника «меньше – больше». При проработке определенной области словарного запаса необходимо вначале использовать только наиболее важные и основополагающие слова и лексические конструкции, которые необходимы для преодоления определенных коммуникативных ситуаций (см. табл. 2).

Техника «от простого к сложному». Участники сначала должны научиться справляться с коммуникативной ситуацией с помощью нескольких основных слов. Как только они достигнут свободного уровня общения в предложенной ситуации, можно применять более сложные структуры (см. табл. 3).

Техника «словарный запас вместо отдельных слов». Слова разбиваются на смысловые группы и изучаются. Порядок и структуризация подчинены определенным принципам и закономерностям, таким как, например, внедрение отдельных слов:

- прочные конструкции, часто встречающийся словарный контекст, выражения, цитаты, шутки, граффити;
- в типичных каждодневных разговорных ситуациях, в тематических группах и словарных полях;
- логической, иерархической или ассоциативной связи (схема, логические структуры, рисунки);
- ассоциативных цепях и повседневных алгоритмах действия (табл. 4).

Техника «ориентирование участников». При работе над словарным запасом необходимо учитывать личные интересы и ожидания участников. Это способствует повышению мотивации. Так, например, в группах-тандемах могут разрабатываться различные сферы словарного запаса как внутреннее разделение. Результаты могут быть доступны на пленарном заседании другим группам-тандемам. Таким образом, работа над словарным запасом должна охватывать очень большое количество областей и образо-

Таблица 1

Deutsch / немецкий	Russisch / русский
Ich verstehe nicht. Bitte, sprechen Sie langsamer! Bitte, wiederholen / buchstabieren Sie!	Я не понимаю. Говорите, пожалуйста, помедленнее! Повторите, пожалуйста / произнесите, пожалуйста, по буквам!
Kann ich eine Frage stellen? Was bedeutet das? Wie heißt das? Gibt es das auf Russisch?	Можно задать вопрос? Что это означает? Как это называется? Есть ли такое понятие на русском языке? и т. д.

Таблица 2

Deutsch / немецкий	Russisch / русский
Ich studiere. Ich studiere Medizin. Ich studiere Medizin in Berlin. Ich studiere schon 3 Jahre Medizin in Berlin.	Я учусь. Я изучаю медицину. Я учусь в Берлине в медицинском. Я учусь в Берлине в медицинском уже 3 года.

Таблица 3

Deutsch / немецкий	Russisch / русский
Was machst du gern? Ich lese gern. Ich lese gern Klassik.	Что ты любишь делать? Я люблю читать. Я люблю читать классику.

Таблица 4

Deutsch / немецкий	Russisch / русский
Redewendungen beim Würfelspiel Du bist dran. / Ich bin an der Reihe. / Würfle! / Mach mal! / Nicht fuschen! / Nicht schummeln! / Du fuscht. / Das gilt nicht! / Glück gehabt! / Ich habe eine Zwei gewürfelt, ich brauche eine Vier.	Выражения для игры в кубик Твоя очередь. / Моя очередь. / Бросай кубик! Давай! / Не обманывать! Не хитрить! / Ты обманываешь. / Это не считается. / Повезло! Я выбросил 2, а нужно 4.

вывать для каждой сферы основополагающий словарный запас.

Техника «аутентичность». В ходе бинационального языкового курса работа над словарным запасом проходит, как правило, в аутентичных коммуникативных ситуациях и, таким образом, в межкультурном контексте. Для практики это означает, что освоение словарного запаса и его применение происходят одновременно, а не последовательно. Для понимания значения это является значительным преимуществом, поскольку смысловые компоненты и употребительные характеристики слов и лексических

выражений (и в меньшей степени их грамматическая информация) находятся в центре внимания (табл. 5).

Значение слов и выражений, выделенных курсивом, необходимо объяснить и показать, когда они употребляются.

Техника «от текста к словарному запасу». Для того чтобы обогатить словарный запас, имеет смысл выбрать аутентичный текст по теме, который соответствует языковому уровню участников. Это предпочтительнее, чем раздать или составить список слов. В текстах слова употребляются в контексте, и, таким образом, их зна-

чение может быть проще установлено. Списки никогда не являются полными и не подходят для освоения слов для словарного запаса, что в основном касается продуктивного и потенциального словарных запасов. В тексте выделены слова для продуктивного словарного запаса по теме «Экопродукты» и их эквиваленты (табл. 6).

Техника «объяснение вместо перевода». Так как нельзя «перепрыгивать» с одного языка на другой, участники должны пояснять незнакомые слова и выражения. Прежде чем их тут же перевести, стоит сначала попробовать их описать, назвать примеры, использовать мимику, изображения и т. д. Партнеры получают, таким образом, возможность подтверждения правильности своих знаний, освежения и актуализации своих пассивных знаний, уточнения своего словарного запаса, его страховки и т. д. Эта техника часто используется продвинутыми участниками спонтанно. Начинающих необхо-

димо сначала с ней ознакомить. Это, разумеется, намного более утомительно, но доказано, что такие пояснения гораздо лучше запоминаются. Прежде всего, не следует торопиться, так как можно затратить на это столько времени, сколько необходимо. Надо избегать перевода непонятых слов и стараться использовать:

- *синонимы*, например: sehen, anschauen, gucken (видеть, смотреть, взглянуть);
- *антонимы*, например bitter – süß (горький – сладкий);
- *примеры из тех же самых категорий*, например: die Mandarine, die Apfelsine, die Zitrone (мандарин, апельсин, лимон и т. д.);
- *производные слова*, например fliegen – der Flug (летать – полет);
- *ассоциации*, например das Meer und die Ferien (море и каникулы);
- *словосочетания*, например das Handtuch (полотенце для рук);

Таблица 5

Deutsch / немецкий	Russisch / русский
– <i>Lass uns ein Stündchen in die Stadt gehen! Wir können an der Alster spazieren gehen.</i> – Bei dem Wetter? <i>Es regnet in Strömen.</i> – <i>Dann lass uns in ein Cafe am Hafen gehen und die Schiffe beobachten.</i> – Schiffe kann ich zu Hause jeden Tag sehen. – <i>Fernsehen auch! Warum hast du die Reise nach Hamburg bezahlt, wenn du die ganze Zeit im Hotelzimmer sitzt?</i> – Das weißt du doch genau... <i>Um dir eine Freude zu machen!</i>	– Пойдем хоть на часок в город! Мы можем погулять <i>вдоль Альстера.</i> – В такую погоду? <i>Дождь проливной.</i> – <i>Тогда пойдем в какое-нибудь кафе в гавани и посмотрим на корабли!</i> – Корабли я могу и дома видеть каждый день. – <i>Телевизор тоже.</i> Зачем же ты платил за путевку в Гамбург, если ты целый день сидишь в номере гостиницы? – Это ты и сама (точно) знаешь: чтобы тебя порадовать! [10].

Таблица 6

Deutsch / немецкий	Russisch / русский
Öko-Lebensmittel. <i>Ökologische Landwirtschaft findet unter deutschen Landwirten immer mehr Anhänger. Von 1996 bis 2008 stieg die Zahl der landwirtschaftlichen Betriebe, die nach Öko-Kriterien arbeiten, von rund 7400 auf 19800. In deutschen Supermärkten und Reformhäusern tragen mehr als 56 000 Produkte das staatliche Bio-Siegel für Waren aus ökologischem Landbau. Die Kriterien für die Bio-Klassifizierung sind streng: Die Lebensmittel dürfen nicht mit chemischen Pflanzenschutzmitteln behandelt oder gentechnisch verändert sein und dürfen nur aus artgerechter Tierhaltung stammen.</i>	Экопродукты. <i>Экологически чистое сельское хозяйство находит всё больше сторонников среди германских фермеров. С 1996 по 2008 г. число аграрных предприятий, работающих по экокритериям, выросло с 7400 до 19800. В супермаркетах и биомагазинах более 56 000 продуктов снабжены государственным клеймом «Био». Критерии для отбора экологически чистой продукции строги: растения не должны обрабатываться химикатами или быть генетически модифицированными, а животные должны выращиваться только на естественных кормах и в естественных условиях.</i>

• *сравнения или личные замечания*, например *Du hast blaue Augen, wie der Himmel* (У тебя голубые, как небо, глаза).

К переводам (например, на английский язык) или словарям следует обращаться, если затраты времени для объяснения значения слишком большие. Но это должно быть исключением. На пленарном заседании возникают дискуссии о значении слова, которые не стоит слишком быстро прекращать. Эти дискуссии зачастую полны смысла и обогащают языковое и метаязыковое содержание.

Техника «коммуникативный процесс». Из-за отсутствия слов часто существует угроза прерывания коммуникации, когда партнеры по общению не имеют соответствующей стратегии коммуникации. К таким техникам могут, например, относиться:

- замена недостающего слова на иностранном языке словом на родном языке;
- использование новых словарных конструкций или прямого перевода, например *das läuft rund* = *бежит вокруг*;
- перефразирование, описание понятия, например *фильм идет* – *der Film läuft*;
- применение жестов, мимики, рисования (это особенно важно для начинающих), например светофор / *die Ampel* можно легко нарисовать;
- использование общего понятия вместо специфического слова (например, *Rindbraten* > *Fleisch* / *ростбиф* > *мясо*) или привлечение слов, которые «занимают место» (например, *Ding*, *Sache* / штука, вещь) и т. д.

Техника ключевых слов. С помощью ассоциации с созвучным словом на родном языке (ключевым словом) находится вспомогательная точка для запоминания (например, *das Café, der Kaffee* / кафе, кофе).

На основании стратегии и техник обучения можно составить формы заданий и упражнений в соответствии с четырьмя основными навыками: слуховое восприятие, чтение, письмо и разговорные навыки, которые способствуют изучению рецептивного, продуктивного и потенциального словарного запаса. Перед началом работы в тандеме участники получают рабочие листы [11]. Каждый рабочий лист включает в себя:

а) коммуникативные задания (*Aufgaben*), например: *Познакомься со своим партнером. Тебе нужно узнать о нем как можно больше. Для этого*

задай ему следующие вопросы и коротко запиши его ответы. Не забудь, что ты должен/должна будешь представить его всей группе и рассказать о нем, его увлечениях и пристрастиях;

б) вопросы по теме (*Fragebogen*): *Ты учишься/работаешь? Что ты изучаешь/кем ты работаешь? Сколько времени/как долго? Нравится тебе учеба/работа? ...;*

в) комментарий: *В этом мы не очень похожи друг на друга. Мы совсем разные. Это я могу понять, так как... Этого я не могу понять. У нас совершенно разные/одинаковые вкусы ...;*

г) тему презентации: *«Увлечения (семья, интересы, родной город) моего тандем-партнера»* [Там же].

Пример задания 1: Известные писатели страны изучаемого языка.

Фаза 1. Работа в тандеме. Каждый тандем получает книгу известного русского или немецкого писателя и задание – дать предельно точное описание этой книги. Участники ищут понятия в обоих языках и дают дополнительно объяснение понятий:

русское понятие (слово) =
объяснение по-русски,
немецкое понятие (слово) =
объяснение по-немецки.

Фаза 2. На пленарном заседании. Эта фаза заключается в том, чтобы свести воедино результаты работы в тандемах. При этом результаты сравнивают, обсуждают и ищут наиболее «полное» описание.

Пример задания 2: Коллаж на тему из прессы. Как и в примере, приведенном выше, в этом упражнении работа сначала ведется в тандеме, а затем – на пленарном заседании всей группы.

Фаза 1. Работа в тандеме. Участники либо получают одну тему/разные темы, либо сами выбирают себе тему. По этой теме они находят в журналах картинки, тексты, вырезают их и наклеивают на лист бумаги. Возможные темы: «Выставки в музеях», «Предложения турагентств» и т. д.

Фаза 2. На пленарном заседании. Коллажи вывешиваются, и каждый тандем проводит презентацию своего коллажа перед другими участниками. Другие участники задают вопросы, комментируют, соглашаются или приводят аргументы против и т. д.

Техники и типы заданий для работы над словарным запасом можно дополнить еще мно-

жеством примеров. Многие упражнения из мононационального процесса обучения можно адаптировать к бинациональному процессу.

Бинациональный контекст – это идеальная обстановка для интенсивной работы над расширением словарного запаса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кондрашова Н.В.** Иноязычная коммуникативная компетенция как составляющая общей профессиональной компетенции выпускника неязыкового вуза // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 43–45.
2. **Балыхина Т.М.** Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учеб. пособие для преподавателей и студентов. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2007.
3. **Кудрявцева Е.Л.** Использование тандема (индивидуального и группового) для сохранения родного языка у естественных билингвов // III науч.-метод. чтения: сб. науч. ст. Вып. 3. М.: Изд-во МГПИ, 2012.
4. **Ковальчук С.С.** Формирование иноязычной коммуникативной компетенции с помощью тандем-метода // Молодой ученый. 2015. № 15.2. С. 32–33.
5. **Подгорбунских А.А.** Методы формирования лингвокультурной компетентности студентов // Концепт. 2014. № 3 (спецвыпуск). ART 14528. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14528.htm>.
6. **Scherfer P.** Wortschatzübungen // Bausch K.-R. et al. (Hrsg.). Handbuch Fremdsprachenunterricht. Tübingen; Basel, 1995. S. 229–232.
7. **Bausch K.-R.** et al. (Hrsg.). Erwerb und Vermittlung von Wortschatz im Fremdsprachenunterricht. Tübingen, 1995.
8. **Löschmann M.** Wortschatzarbeit: Kommunikativ-integrativ, interkulturell, kognitiv // Jung Udo O.H. (Hrsg.). Praktische Handreichung für Fremdsprachenlehrer. Frankfurt am Main, 1992. S. 311–319.
9. **Измайлова Ю.М., Пискарева Е.М.** Формирование коммуникативной языковой компетенции и ее компоненты. URL: <http://rgu-penza.ru/mni/content/files/10Izmajlova,Piskareva.pdf>.
10. **Немецкий без труда.** Каждодневный метод. Хильде Шнайдер. Франция. Изд-во Assimil, 1994. 423 с.
11. **Бердичевский А.Л.** Обучение межкультурному общению с использованием метода тандема // Русский язык за рубежом. 2008. № 1.

БОГДАНОВА Надежда Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru

N. V. Bogdanova

METHOD OF TRAINING IN THE FOREIGN LANGUAGE IN WORK ON THE LEXICON IN TANDEM-GROUPS

This article is devoted to one of methods of training in a foreign language – a tandem which not only allows to intensify process of modern professional and language education, but also allows to expand possibilities of independent work in development of a foreign language. In article are considered method of training in work on a lexicon in a tandem groups in the conditions of the modern information and education environment in not language higher education institution.

BINATIONAL EDUCATIONAL PROCESS; MENTAL LEXICON; PRODUCTIVE LEXICON; PROFESSIONAL FOREIGN-LANGUAGE COMPETENCE; STRATEGY AND TECHNOLOGY OF TRAINING.

REFERENCES

1. Kondrashova N.V. [Foreign language communicative competence as a component of general professional language competence of high school graduate]. *Mir nauki, kul'turi, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2015, no. 4 (53), pp. 43–45. (In Russ.)
2. Balykhina T.M. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo (novogo)* [Methods of Teaching Russian as a Foreign Language: a Manual for Teachers and Students]. Moscow, The Publishing house of the Peoples' Friendship University of Russia, 2007. (In Russ.)
3. Kudryavtseva E.L. [Using Tandem (Individual and Group) to Preserve the Native Language of Natural Bilingual Speakers]. *III scientific and methodical reading*. Collection of scientific articles. Iss. 3. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute Publ., 2012. (In Russ.)
4. Kovalchuk S.S. [The formation of foreign language communicative competence using the tandem method]. *Molodoy uchyonyy*, 2015, no. 15.2, pp. 32–33. (In Russ.)
5. Podgorbunskikh A.A. [Methods of formation of linguistic-cultural competence of students]. *Concept*, 2014, no. 3 (Special issue). ART 14528. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14528.htm>.
6. Scherfer P. Wortschatzübungen. *Bausch K.-R. et al. (Hrsg.): Handbuch Fremdsprachenunterricht*. Tübingen, Basel, 1995. Pp. 229–232.
7. Bausch K.-R. et al. (Hrsg.). *Erwerb und Vermittlung von Wortschatz im Fremdsprachenunterricht*. Tübingen, 1995.
8. Löschmann M. Wortschatzarbeit: Kommunikativ-integrativ, interkulturell, kognitiv. *Jung Udo O.H. (Hrsg.). Praktische Handreichung für Fremdsprachenlehrer*. Frankfurt am Main, 1992. Pp. 311–319.
9. Izmaylova Yu.M., Piskareva E.M. *Formirovanie kommunikativnoy yazykovoy kompetentsyi u eye komponenty* [Formation of communicative competence and its components]. Available at: <http://rgupenza.ru/mni/content/files/10Izmajlova,Piskareva.pdf>.
10. *Deutsch ohne Mühe heute*. Hilde Schnaider. B.P.25 F-94431 CHENNEVIERES/MARNE Cedex, France, Assimil, 1994. 423 p.
11. Berdichevskiy A.L. [Teaching Intercultural Communication Using the Method of Tandem]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2008, no. 1. (In Russ.)

BOGDANOVA Nadezhda V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*.

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: nvbogdanova.imop@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.239.24
УДК [94(47)+327+332.1](985)(08)

С.В. Кулик, А.А. Михайлов, Е.А. Самыловская

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИЗУЧЕНИЮ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА, В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 2015 ГОДУ

В статье представлен обзор докладов участников Международного семинара «Арктическая политика в XXI веке» (24 апреля 2015 г., Санкт-Петербургский государственный университет), III Ежегодного заседания Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике (24 сентября 2015 г., конгрессно-выставочный центр «ЭКСПОФОРУМ») и IX Международной конференции по географии и картографированию океана «Арктика: геополитические и политико-экономические проблемы освоения» (29–30 сентября 2015 г., Санкт-Петербургское городское отделение Русского географического общества).

АРКТИКА; КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШЕЛЬФ; БЕЗОПАСНОСТЬ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА; АРКТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ; НЕАРКТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ.

В настоящее время к числу приоритетных направлений в исследованиях широкого круга наук, включая социально-общественные науки, в России и за рубежом относят проблемы развития Арктического региона с его богатейшими ресурсами и экономическим потенциалом. Рост интереса к Арктике вполне закономерен и понятен. Регион обладает поистине колоссальным запасом природных ресурсов [1, с. 276]. По подсчетам экспертов Международного энергетического агентства к середине XXI в. запасы газа в Арктике смогут обеспечить 40–45 % его мирового потребления [2, с. 12]. Ресурсы Арктического региона России имеют определяющее значение для экономики страны. Здесь добывается и производится более 90 % никеля и кобальта, 96 % платиноидов, 60 % меди. Комплекс морского промышленного рыболовства, расположенный в данном регионе, производит около 15 % общих объемов рыбной продукции и других водных биологических ресурсов [3, с. 60]. В современных условиях стремительно повышается роль арктических морских комму-

никаций, и в первую очередь Северного морского пути.

К сожалению, в 1990-х гг. освоение Россией Арктического региона, в котором ценой многолетней напряженной работы были достигнуты несомненные успехи, значительно замедлилось, а в решении ряда политических, экономических, социальных вопросов страна оказалась отброшена назад.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась. В сентябре 2008 г. президентом РФ Д.А. Медведевым были утверждены Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу. Именно с мер по реализации положений этого документа, определившего приоритеты и задачи России в регионе, начался современный, более результативный этап в освоении и развитии Арктики.

20 февраля 2013 г. президент РФ В.В. Путин утвердил масштабный документ – Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопас-

ности на период до 2020 г. [4]. В апреле 2014 г. правительством РФ была утверждена государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 г.» [5].

В.В. Путин в своем выступлении на расширенном заседании Совета безопасности РФ «О реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности» в апреле 2014 г. отметил: «Десятилетиями шаг за шагом Россия укрепляла, наращивала свое присутствие, свои позиции в Арктике, и наша задача – не только их в полной мере восстановить, но и качественно усилить. И этот вектор в государственной политике в нашем стратегическом планировании нужно четко, последовательно выдерживать» [6, с. 3].

Важнейшим аспектом развития Арктического региона является, естественно, его многоплановое и комплексное изучение. Вполне закономерно, что в последние годы арктическая проблематика неоднократно рассматривалась на научных конференциях, семинарах, «круглых столах», как посвященных отдельным отраслям научного знания, так и междисциплинарных. Обзор некоторых научных мероприятий, прошедших в 2015 г. в Санкт-Петербурге, может представлять интерес для ученых различной специализации, преподавателей высших учебных заведений, студентов и для всех интересующихся перспективами развития Арктического региона, важность которого для России несомненна.

24 апреля 2015 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошел **Международный семинар «Арктическая политика в XXI веке»**, программа которого включала пленарное заседание и две параллельные секции по экономическому и политическому сотрудничеству в Арктике. При открытии семинара с вступительной речью выступила профессор И.Н. Новикова, декан факультета международных отношений СПбГУ.

В семинаре приняли участие ученые-экономисты, политологи, историки, специалисты в области международного права из Российской Федерации, Франции, Китая, Сингапура. Пленарное заседание открыл фундаментальный доклад доктора географических наук, директора Центра экономики Севера и Арктики Совета

производительных сил Минэкономразвития и РАН, эксперта РСМД, заместителя председателя экономической секции Экспертного совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации РФ А.Н. Пилясова «Международное экономическое сотрудничество в Арктике».

Тему международного экономического сотрудничества в Арктике раскрыла в своем докладе также кандидат исторических наук, доцент СПбГУ Н.К. Харлампьева.

Большой интерес вызвал у участников семинара доклад профессора Университета Экс-Марсель (Франция), члена Совета Франции по Арктике С. Гадаля «Политика Франции в Арктике». В последнее десятилетие резко возрос интерес к Арктике со стороны неарктических держав, политики, общественные деятели и ученые которых всё более определенно выдвигают следующий тезис: «Арктика, играющая огромную роль в климатических процессах планетарного масштаба, особенно экологических, должна рассматриваться как достояние не только приарктических государств, но и всего человечества» [7, с. 222]. Франция, с ее богатой традицией полярных исследований, естественно, не остается в стороне от процесса освоения Арктики и обсуждения связанных с ним политических вопросов. С. Гадаль познакомил слушателей с особенностями политики своей страны в отношении полярного региона.

На пленарном заседании выступил также доктор исторических наук, профессор Го Пэйцин из Института полярного права и политики Китайского университета океанологии (г. Циндао), который сделал доклад «Политические аспекты международного экономического сотрудничества между Россией и Китаем по арктическим проектам». Китай, надо отметить, чрезвычайно интенсивно ведет изучение Арктики, его научные центры активно сотрудничают с научными центрами России, Западной Европы, США. Не менее энергично осуществляется связанное с Арктикой сотрудничество в экономической, транспортной, финансовой сфере.

Тему международного сотрудничества в Арктике продолжил доклад заместителя директора научно-исследовательского центра по глобальному управлению Шанхайского института международных отношений Жао Лонга «Парадигма арктического управления и роль Китая».

Роль Китая в многостороннем управлении Арктикой была рассмотрена также в докладе кандидата политических наук, доцента Наньянского технологического университета (Сингапур).

С докладом «Анализ экспортно-импортной деятельности регионов Арктической зоны РФ» выступила на пленарном заседании кандидат экономических наук, доцент инженерно-экономического института СПбПУ Н.А. Конахина.

Завершил пленарное заседание доклад докладчика исторических наук, профессора кафедры истории гуманитарного института СПбПУ, научного сотрудника НИИ (Военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ А.А. Михайлова «Арктика в свете международного права: военный аспект». В нем были рассмотрены вопросы правового обеспечения военной безопасности российского Арктического региона. Доклад дал импульс интенсивному обмену мнениями в аудитории.

После краткого перерыва состоялись секционные заседания. По окончании работы секций участники семинара вновь собрались в одной аудитории, где с заключительным словом выступили организаторы мероприятия, были подведены итоги работы, обобщены важнейшие положения докладов, выступлений и сопровождавшей их дискуссии.

24 сентября 2015 г. в рамках 13-й Международной выставки и конференции по гражданскому судостроению, судоходству, деятельности портов и освоению океана и шельфа «НЕВА-2015» состоялось **III Ежегодное заседание Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике**. Его тема была определена как «Экономическое, технологическое и морское сотрудничество в Арктике».

В мероприятии приняли участие сотрудники дипломатических миссий стран-участниц и стран-наблюдателей Арктического совета (эта международная организация была создана в 1996 г. по инициативе Финляндии), представители российских и зарубежных государственных и предпринимательских структур, ведущих деятельность в Арктике, и ученые Дании, Канады, России, Норвегии, США, Нидерландов, Испании, Франции, ФРГ и др.

Заседание открыл доклад президента Транспортного союза Северо-Запада, советника губернатора Санкт-Петербурга В.Я. Ходырева. В нем среди прочего рассматривалось

приобретение Санкт-Петербургом особого статуса в рамках развития арктических проектов. Выступили с докладами и сообщениями, участвовали в анализе поднятых проблем: депутат Государственной думы РФ 6-го созыва, президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ Г.П. Ледков; генеральный директор Центра политической информации А.А. Мухин; заместитель директора по науке Российского центра освоения Арктики С.Л. Сергеева; председатель союза «Северные промышленники и предприниматели», член Государственной комиссии по вопросам развития Арктики А.В. Федотовских; директор Центра стратегических оценок и прогнозов С.Н. Гриняев; президент независимого исследовательского центра WSO («World Stability Observatory») Л. Фрага (Испания); советник посольства Франции в России А. Леваль; главный инженер компании «Технолог Сервис» (ФРГ) Х. Радеболт и др.

На заседании присутствовали авторы настоящей статьи преподаватели СПбПУ С.В. Кулик, А.А. Михайлов и Е.А. Самыловская.

Участники заседания обсудили стратегические вызовы, вопросы прогнозирования и развития геостратегической и геополитической ситуации в Арктике, проблемы технического обеспечения и финансово-экономические аспекты освоения Арктики, проблемы безопасного судоходства в полярных широтах, вопросы международного сотрудничества в области права, добычи полезных ископаемых, обеспечения экологической безопасности и др.

На заседании Совета был представлен первый номер печатного органа Международного экспертного совета по сотрудничеству в Арктике — журнал «Арктическое обозрение» на русском и английском языках. Многие его материалы тематически связаны с выступлениями участников заседания. Так, к числу центральных публикаций журнала можно отнести статью «Коридоры — будущее России. К вопросу о новом геополитическом раскладе сил будущей „газовой цивилизации“», подготовленную президентом Транспортного союза Северо-Запада В.Я. Ходыревым, вице-президентом союза Л.С. Красниковым, советником того же союза А.Г. Третьяковым и главным редактором журнала, генеральным директором АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов» С.Н. Гри-

нявым. В ней рассматривается значение для будущей России «транспортных потоков», протяженных водных и сухопутных магистралей, газопроводов, в том числе арктических. «Именно транспортные коридоры и богатые залежи природного газа обеспечат России реализацию целевой установки – построения вначале регионального, а затем и глобального финансового центра» [8, с. 30].

Кроме того, в журнале опубликованы статьи А.В. Федотовских в соавторстве с заместителем главы Союза руководителей Заполярья В.В. Потеряхиным «Создание единой условно-анклавной экономической политики на территориях Арктической зоны РФ» [9] и Д.А. Медведева «Интересы и цели неарктических государств в Арктике» [10], а также статьи Л. Фраги, С.Н. Гриняева и др.

29–30 сентября 2015 г. в Санкт-Петербургском городском отделении Русского географического общества состоялась **IX Международная конференция по географии и картографированию океана «Арктика: геополитические и политико-экономические проблемы освоения»**. Перед ее началом участникам были вручены заранее подготовленные и изданные сборники материалов [11].

Пленарное заседание открыл подготовленный группой авторов доклад «История возникновения геополитических проблем освоения Арктики. Правовые, политико-социальные и эколого-экономические аспекты», который представили Н.К. Харлампьева (СПбГУ, Арктический и Антарктический НИИ) и С.Ю. Иванов (СПбПУ).

Большой интерес аудитории и активную дискуссию вызвал доклад «Безопасность и устойчивое развитие Арктики». Его подготовил коллектив авторов, представляющих учебные и научно-исследовательские центры Санкт-Петербурга: доктор исторических наук П.В. Боярский (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва), доктор технических наук Ю.С. Великанов (Северо-Западный российский институт культурного и природного наследия), доктор геолого-минералогических наук А.Н. Павлов (РГГМУ), кандидат экономических наук М.Н. Крук (РГГМУ).

В вводной части доклада авторы отметили: «Анализ тенденций развития российской

государственности позволяет предвидеть, что в ближайшие десятилетия определяющую роль в поддержании самоидентификации России будут играть ее северные территории. При этом ключевая роль в иерархии приоритетов принадлежит Арктике, поскольку геополитический фокус страны уже сегодня смещается в направлении ее арктических пространств, освоение которых неоднократно предпринималось государством Российским» [Там же. С. 13]. Далее авторы подробно рассмотрели проблему внутренних и внешних границ в Арктическом регионе, задачи по его изучению и экономическому освоению, развитию ресурсной и информационной базы.

В качестве основной идеи доклада можно указать рекомендации создать особую структуру, объединяющую «ведущих действующих специалистов в области всего комплекса государственных проблем Арктического Севера», и силами этой структуры обеспечить «разработку и реализацию программы безопасного и устойчивого развития Арктики» [Там же]. «Концептуальная программа по безопасности и устойчивому развитию Арктики предполагает, что она должна быть не только долгосрочной и постоянно действующей, но и адаптируемой под новые задачи, а также корректируемой по мере ее выполнения. Реализация программы предполагает создание специальной научной структуры, которая бы могла обеспечить проведение всего комплекса обозначенных в ней теоретических, методологических и натуральных исследований» [Там же. С. 28].

На пленарном заседании прозвучали вызвавшие большой интерес у слушателей доклады: А.Н. Попова (ВМА им. Н.Г. Кузнецова) «Национальные интересы и военная безопасность России в Арктике»; А.В. Безгодова и В.Ю. Цветкова (Санкт-Петербургский институт природопользования, промышленной безопасности и охраны окружающей среды) «Арктический морехозяйственный комплекс России» и др.

29 и 30 сентября в ходе конференции работали также четыре секции, состоялось несколько «круглых столов». Секционные доклады, выступления на «круглых столах» охватывали широчайший круг вопросов изучения Арктики в прошлом и настоящем. Большинство докладов и сообщений отличались глубиной, значимостью и несомненной актуальностью. Например,

на секции «История исследований и освоения Арктики. Международные отношения» был представлен доклад А.О. Андреева и М.В. Дукальской (Российский государственный музей Арктики и Антарктики) «Международное сотрудничество в Арктике в 1924–1933 годах и вопросы геополитики». Авторы убедительно показали, насколько тесно могли переплетаться в Арктике политические интересы и научные задачи и каким эффективным может быть выверенное международное сотрудничество для стран-партнеров [11, с. 52–59].

Вполне закономерно, что целый ряд докладов о современном изучении и освоении Арктики был посвящен роли в них государств Азиатского региона. Прозвучали, например, доклады Н.Н. Филимоновой (РГГУ) «Арктическое направление внешней политики Китая и Индии», М.В. Ломаевой (Сибирский федеральный университет) «Интересы России и участие стран Северо-Восточной Азии в международном управлении в Арктике». Значительный рост интереса Индии и Китая к Арктике является одной из ведущих тенденций современности, что, разумеется, требует научного осмысления.

Активную дискуссию вызвал доклад Д.С. Тулупова (СПбГУ) «Перспективы делимитации центральной части Северного Ледовитого океана», посвященный крайне актуальному направлению в реализации арктической стратегии Российской Федерации. Автор доклада, проанализировав представления Дании (15 декабря 2014 г.) и России (3 августа 2015 г.) в Комиссию ООН по границам континентального шельфа, предположил, что рост территориальных претензий обеих сторон является тактикой завышенных требований в переговорах по делимитации Северного Ледовитого океана: расширенные территории могут быть объектом

компромисса. Кроме того, докладчик предложил возможные варианты поведения сторон в процессе переговоров по данному вопросу.

На заседании секции «История исследований и освоения Арктики и современный этап» был представлен доклад профессора кафедры истории СПбПУ А.А. Михайлова «Проблема создания Арктической военно-морской базы в отечественной публицистике конца XIX – начала XX в.». Многие из рассмотренных в нем материалов, касающихся принципов обеспечения безопасности российских арктических вод и страны в целом, не утратили своей актуальности.

Наряду с указанными выше научными мероприятиями в Санкт-Петербурге в 2015 г. прошел ряд конференций, семинаров, «круглых столов» по арктической тематике.

Бесспорны актуальность и значимость таких проблем, как размежевание интересов ведущих держав в Арктике, вопросы сложившегося секторального деления Арктики и защита Россией ее стратегических интересов в Северном регионе и непосредственно в Арктической зоне РФ, влияние иных государств на стратегические интересы России в Арктике, обеспечение экономической, экологической, военной безопасности Арктической зоны РФ, развитие арктических коммуникаций (в первую очередь морских), обеспечение благоприятных условий для социального развития региона и др. Несомненно, исследование проблем Арктики сохранит приоритетный характер в долгосрочной перспективе. В свою очередь, кафедра «История» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого 20–21 апреля 2016 г. организовала Международную конференцию «Арктика: история и современность», на которой были рассмотрены указанные выше проблемы в их исторической перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Сысуев Ю.Н.** Основы национальной политики России на арктическом региональном направлении в сфере военной деятельности // Труды науч.-исслед. отдела Ин-та военной истории. Т. 9, кн. 2. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 276–282.

2. **Пономарев В.** Саббету «распечатали» // Ямал-Арктика. 2013. № 2 (3). С. 11–16.

3. **Королёв В.И.** Военно-морская деятельность России в Арктике // Труды науч.-исслед. отдела Ин-та военной истории. Т. 9, кн. 2. Обеспечение национальных интересов России в Арктике. СПб.: Политехника-сервис, 2014.

4. **Стратегия** развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL: <http://>

archive.government.ru/docs/22846/ (дата обращения: 10.10.2015).

5. **Социально-экономическое** развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://government.ru/docs/11967/> (дата обращения: 10.10.2015).

6. **Заседание** Совета безопасности по вопросу реализации государственной политики в Арктике // Российские полярные исследования. 2014. № 2 (16).

7. **Рубинский Ю.И.** Стратегия Франции в Арктике // Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества: хрест. В 3 т. Т. 1. М.: Аспект-пресс, 2013. С. 217–230.

8. **Ходырев В.Я., Красников Л.С., Гриняев С.Н., Третьяков А.Г.** Транспортные коридоры – будущее

России. К вопросу о новом геополитическом раскладе сил будущей «газовой цивилизации» // Арктическое обозрение. 2015. № 1. С. 26–33.

9. **Федотовских А.В., Потеряхин В.В.** Создание единой условно-анклавной экономической политики на территориях Арктической зоны РФ // Арктическое обозрение. 2015. № 1. С. 82–88.

10. **Медведев Д.А.** Интересы и цели неарктических государств в Арктике // Арктическое обозрение. 2015. № 1. С. 56–63.

11. **Арктика:** геополитические и политико-экономические проблемы освоения: матер. IX Междунар. конф. по географии и картографированию океана (Санкт-Петербург, 29–30 сентября 2015 г.). СПб., 2015. 316 с.

КУЛИК Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: kulik54@mail.ru

МИХАЙЛОВ Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: dragun66@mail.ru

САМЫЛОВСКАЯ Екатерина Анатольевна – ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

S. V. Kulik, A. A. Mikhaylov, E. A. Samylovskaya

THE SCIENTIFIC EVENTS DEDICATED TO THE STUDY TO STUDYING OF THE ARCTIC REGION IN ST. PETERSBURG IN 2015

The article presents a review of the reports of the International Workshop “Arctic policy in the XXI century” (April 24, 2015) in the St. Petersburg State University, Third Annual Meeting of the International Expert Council on Cooperation in the Arctic (24 September 2015) in the exhibition and congress center “EXPOFORUM” and IX International Conference on geography and mapping the ocean: “The Arctic: Geopolitical, political and economic problems of development” (29–30 September 2015) in the St. Petersburg city branch of the Russian Geographical Society.

ARCTIC; CONTINENTAL SHELF; SECURITY OF THE ARCTIC REGION; ARCTIC STATES;
NON-ARCTIC STATES.

REFERENCES

1. Sychev Y.N. [Fundamentals of Russian national policy on the Arctic regional direction in the sphere of military activity]. *Trudy nauchno-issledovatel'skogo otdela Instituta voennoy istorii* [Proceedings of the Research Department of the Institute of Military History]. Of vol. 9, b. 2. [Provision of the national interests of Russia in the Arctic]. St. Petersburg, Politekhnik Servis Publ., 2014. Pp. 274–282. (In Russ.)
2. Ponomarev V. [Sabetta “unpacked”]. *Yamal-Arctic*, 2013, no. 2 (3), pp. 11–16. (In Russ.)
3. Korolev V.I. [Naval activity of Russia in the Arctic]. *Trudy nauchno-issledovatel'skogo otdela Instituta voennoy istorii* [Proceedings of the Research Department of the Institute of Military History]. Of vol. 9, b. 2. [Provision of the national interests of Russia in the Arctic]. St. Petersburg, Politekhnik Servis Publ., 2014. (In Russ.)
4. [The development strategy of the Arctic zone of the Russian Federation and the national security for the period until 2020]. Available at: <http://archive.government.ru/docs/22846/> (accessed 10.10.2015).
5. [Socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation for the period until 2020]. Available at: <http://government.ru/docs/11967/> (accessed 10.10.2015).
6. [The Security Council session on the implementation of the state policy in the Arctic]. *Russian polar research*, 2014, no. 2 (16). (In Russ.)
7. Rubinsky Y.I. [France's strategy in the Arctic]. *Arctic region. Problems of international cooperation*. In 3 vol. Of vol. 1. Moscow, Aspect Press Publ., 2013. Pp. 217–230. (In Russ.)
8. Hodyrev V.Ya., Krasnikov L.S., Grinyaev S.N., Tretyakov A.G. [Transport corridors – the future of Russia. On the issue of the new geopolitical balance of power of the future “gas civilization”]. *Arctic Review*, 2015, no. 1, pp. 26–33. (In Russ.)
9. Fedotovskikh A.V., Poteryakhin V.V. [Creation of a single semi-enclave of economic policy in the territories of the Arctic zone of the Russian Federation] *Arctic Review*, 2015, no. 1, pp. 82–88. (In Russ.)
10. Medvedev D.A. [The interests and objectives of non-Arctic states in the Arctic]. *Arctic Review*, 2015, no. 1, pp. 56–63. (In Russ.)
11. *Arktika: geopoliticheskie i politiko-ekonomicheskie problemy osvoeniya*. Materialy IX Mezhdunarodnoy konferentsii po geografii i kartografirovaniyu okeana [Arctic: the political and the political and economic problems of development. Materials of the IX Int. Conf. on geography and mapping the ocean (St. Petersburg, 2015, Sept. 29–30)]. St. Petersburg, 2015. 316 p. (In Russ.)

KULIK Sergey V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: kulik54@mail.ru

MIKHAYLOV Andrey A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: dragun66@mail.ru

SAMYLOVSKAYA Ekaterina A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 1 (239) 2016

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Директор Издательства Политехнического университета А.В. Иванов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Подписано в печать 06.05.2016. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,25. Уч.-изд. л. 25,25. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru